

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

S121 3225.3.1

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

5045
11
Кулишъ

П. А. КУЛИШЪ

МАТЕРІАЛЫ
ДЛЯ ИСТОРИИ
ВОЗСОЕДИНЕНІЯ РУСИ

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

1578—1630

ИЗДАНИЕ ТОВАРИЩЕСТВА „ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА“

МОСКВА

Типографія А. А. Гатцука, на Кузнеч. мосту, д. Торлецкаго
1877

1
20080

МАТЕРІЯЛЫ

ДЛЯ ИСТОРИИ

ВОЗСОЕДИНЕНІЯ РУСИ

I

КУЛИШЪ,

П. А. КУЛИШЪ

MATERIALY DLIA -ISTORII VOZSOED.

RUSI //

МАТЕРІЯЛЫ

ДЛЯ ИСТОРИИ

ВОЗСОЕДИНЕНІЯ РУСИ

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

1578—1630

ИЗДАНИЕ ТОВАРИЩЕСТВА „ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА“

МОСКВА

1877

Slav 3225.3.1

58.42

3277
—
29

ПРЕДУВЪДОМЛЕНІЕ.

Предметами, которые ранѣе всего, до наступленія позднѣйшаго періода цивилизаціи, подвергаются общественной критикѣ, могутъ быть только вопросы, касающіеся видимыхъ и настоятельныхъ интересовъ общества, т. е. политическіе вопросы высшей и неотлагательной важности. Если какая либо нація приобрѣла въ значительной степени привычку и обнаружила способность свободно относиться къ этимъ вопросамъ и рѣшать ихъ съ осмыслительностью, заниматься политическими дѣлами въ обширномъ размѣрѣ, но безъ всякихъ разрушительныхъ намѣреній, такой націи можно предсказать громадный прогрессъ во всѣхъ отрасляхъ цивилизаціи.

Вальтеръ Беджгофъ, *Естествознаніе и
Политика.*

Представляемый мною любителямъ исторіи сборникъ имѣеть двоякую цѣль:

а) сдѣлать общедоступными документальныя выписки, которыми я пополнялъ въ собственномъ умѣ общія историческія свѣдѣнія;

б) разъяснить при этомъ нѣкоторыя недоразумѣнія въ нашихъ понятіяхъ о быломъ, происходяція отъ незнанія однихъ источниковъ, отъ пренебреженія другими, отъ превратнаго истолкованія третьихъ.

Настоящее изданіе является, по этому, и сборникомъ матеріаловъ, и анализомъ такихъ предметовъ историческаго

изученія, которыми въ послѣдовательномъ повѣствованіи было бы неудобно заниматься специфически.

Ни одна часть исторіи русскаго міра не подверглась такимъ вымысламъ и извращеніямъ, какъ эпоха отпаденія южной Руси отъ Польши и присоединенія къ Московскому царству. Тѣ классы, которые въ эту эпоху представляли южнорусское общество или южнорусскій народъ, существовали сперва, какъ отрицаніе общества польскаго, и стремились къ соединенію съ Московскимъ царствомъ, въ силу древнихъ русскихъ преданій. Когда же соединеніе наконецъ совершилось, имъ стало жаль того строя жизни, который они выработали на республиканскій ладъ вмѣстѣ съ польскою шляхтою. Они были не въ состояніи переработать въ себѣ революціонный элементъ козачества, какъ это сдѣлала гражданственность великорусская, и, поддаваясь ему въ упадкѣ лучшихъ народныхъ силъ, пытались, подъ козацкими бунчуками, образовать въ южной Руси православную шляхетчину, то есть возсоздать формы полумонархической и полуреспубликанской жизни, ими же самими отвергнутыя.

Во время борьбы съ Польшею, въ извѣстной части южнорусской интеллигенціи произошли странныя на нынѣшній нашъ взглядъ предубѣжденія противъ гражданственности польской; а въ періодъ попытокъ вырваться изъ подъ опеки царскаго правительства, образовались въ ней еще болѣе странныя предубѣжденія противъ того, что составляло государственный и общественный строй русской монархіи. Въ эти двѣ противоположныя эпохи козацкихъ бунтовъ и общественныхъ переворотовъ, продолжавшихся болѣе полутораго лѣтъ, въ пылкихъ и мечтательныхъ малорусскихъ характерахъ зародилась умственная болѣзнь, которую можно назвать страстью къ перемѣнамъ, и которая выразилась въ народной пословицѣ:

хоть гирише, а бы и нише. Болѣзнь эта одолевала не только южнорусское престоное, но часто и тотъ классъ южнорусскаго общества, который заключалъ въ себѣ наиболѣе талантливыхъ и предприимчивыхъ людей,—классъ интеллигентный, или изображавшій собой интеллигенцію, за недостаткомъ въ южной Руси общества, въ самомъ дѣлѣ образованнаго. Она была причиною цѣлаго ряда измѣнъ и мятежей, ознаменовавшихъ политическую дѣятельность козачества отъ Виговскаго до Пугачова, котораго бунтъ состоялъ и въ нравственной, и въ фактической связи съ украинскимъ гайдамачествомъ. Она сдѣлалась у насъ въ Малороссіи, во множествѣ семействъ, наследственной немочью здраваго смысла и, переходя изъ поколѣнія въ поколѣніе, отразилась наконецъ, какъ въ беллетристикѣ, такъ и въ исторической литературѣ. Наши малорусскія повѣсти, драмы, поэмы, лирическія стихотворенія, относящіяся къ прошедшему, исполнены дѣтскаго лепета о той славѣ, которою гордились козаки, эти безразсудные и беспощадные опустошители сосѣднихъ странъ, не только иноплеменныхъ, но и родственныхъ имъ по племени и православной вѣрѣ. Владѣя общерусскимъ языкомъ и выработавъ, сверхъ того, такъ названный языкъ украинскій, мы придавали разгульнымъ добычникамъ обонхъ береговъ Днѣпра значеніе патріотовъ или защитниковъ гонимой вѣры, и, сохранивъ еще въ самихъ себѣ дикіе инстинкты родной старины, прославляли какъ нельзя усерднѣе подвиги, не имѣвшіе никакой гуманной цѣли. Въ пылу нашего козацкаго энтузіазма, мы опрокинули къ верху дномъ исторію Польши, сдѣлавъ изъ нея что то невѣроятное и невозможное. ¹⁾ Почти въ та-

¹⁾ Начало этой фантазмагоріи, болѣе вредоносной, нежели можетъ казаться на поверхностный взглядъ, положилъ, во первыхъ, неизвѣстный доселѣ авторъ такъ называемой Лѣтописи Конискаго („Исторія

комъ же видѣ являлось въ нашихъ писаніяхъ и прошедшее государства Московскаго. Увлечшись дѣтскою гуманностью на счетъ исторической дѣйствительности, мы помѣшали „нашъ народъ“ между непріязненныхъ ему націй, какъ мученика и героя среди чудовищъ. Новѣйшія социалистическія ученія, возникшія на Западѣ, соединились въ нашемъ умѣ съ наслѣдственными воззрѣніями на наше прошедшее, и заставили насъ идеалы настоящаго переносить въ былую жизнь, управляющую совсѣмъ иными нуждами, мнѣніями и стремленьями. Отъ этого въ нашихъ историческихъ и литературныхъ изображеніяхъ нѣкоторыя явленія былой жизни, такія на примѣръ, какъ землевладѣлецъ, крестьянинъ, козакъ, сошли съ принадлежащихъ имъ мѣсть, соотвѣтственность между такими историческими дѣятелями, какъ церковь, національность, наука, для насъ исчезла, и необходимая для умственного удовлетворенія послѣдовательность идей нами потеряна. Въ силу отрицательнаго гуманизма, низшіе классы, подъ именемъ народа, явились у насъ носителями благородныхъ стремленій человѣка, въ предосужденіе высшимъ, а высшіе стали намъ представляться самымъ зловреднымъ скопищемъ олицетворенныхъ эгоизмовъ, которое, по нашему на него воззрѣнію, давнымъ давно должно было разрушить гражданское общество, созданное среди политическаго хаоса не кѣмъ другимъ, какъ этимъ же зловреднымъ скопищемъ.

Къ такому анти-историческому взгляду на сѣверную Славянщину писатели украинской школы были приведены, болѣе нежели чѣмъ либо другимъ, превратно понятою эпохою Богдана Хмельницкаго. Въ эту бѣдственную не для одной Польши эпоху мужикъ и мѣщанинъ волею и неволею перестали быть

Руссовъ“), а во вторыхъ, основавшійся на немъ высокоталантливый авторъ „Тараса Бульбы“.

въ южной Руси тѣмъ, чѣмъ они были прежде; духовенство очутилось въ положеніи двусмысленномъ; землевладѣльцы прекратили свою хозяйственную и административную дѣятельность, а безземельный ¹⁾ дотошъ козаць явился насильственнымъ представителемъ низшихъ сословій, унижительнымъ для православія ²⁾ протекторомъ церквей и дикимъ владѣльцемъ вотчинныхъ имѣній.

Великимъ несчастьемъ южнорусской исторіографіи было то, что она, начиная съ Самуила Величка, увлеклась фабулою исторіи, и не заботилась ни мало объ исторической критикѣ. Вдохновляясь національнымъ, а иногда просто запорожскимъ антагонизмомъ относительно одной или другой гражданственности, она породила, съ 30-хъ годовъ настоящаго столѣтія, несогласную съ историческою дѣйствительностію беллетристику и, можно сказать, продолжила существованіе козачества— въ литературѣ. Этимъ она сдѣлала понятный шагъ въ томъ постепенномъ развитіи русскаго самосознанія, которое на Сѣверѣ выразилось трудами Карамзина, Пушкина и представителей созданной ими литературной школы. Этимъ она затруднила уясненіе не только польскорусскаго вопроса вообще, но и москвоукраинскаго въ частности. По милости литературныхъ проявленій нездороваго козакорусскаго ума, въ наше

¹⁾ Козаки, какъ козаки, владѣли де jure и де facto однимъ только Трахтомировомъ, съ его монастыремъ; прочими же грунтами, полями и угодьями владѣли они, или лучше сказать продолжали владѣть, въ качествѣ шляхтичей и мѣщанъ, вписавшихся въ козацкое войско. Даже Запорожская Сѣчь съ ея лугами, пастбищами, рѣчками и вѣтками, была юридическою собственностью Польской короны.

²⁾ Интеллигенція нашей церкви сознавала это во времена гетманщины весьма ясно. Иннокентій Гизель, въ своемъ „Синонисиѣ“ поминовалъ, въ слѣдъ за русскими великими князьями и царями, даже латинцевъ кievскихъ воеводъ, но прошелъ молчаніемъ всѣхъ безъ исключенія козацкихъ гетмановъ.

время сдѣлалось труднѣе прежняго видѣть реальность мѣстной исторіи, потому что южнорусская интеллигенція, вообще очень еще слабая, въ лицѣ многихъ представителей своихъ, впитала, какъ насущную пищу, ошибочныя представленія о существовавшемъ во времена оны порядкѣ вещей, начиная съ „Тараса Бульбы“ Гоголя, и даже мы сами, мы, занимающиеся исторіею при свѣтѣ столькихъ автентическихъ свидѣтельствъ о быломъ, неизвѣстныхъ нашимъ предшественникамъ, только съ большимъ трудомъ отчитываемся—я готовъ сказать отрещиваемся—отъ наводненій духа тьмы, обуявшаго южнорусскую историографію.

Признаваться въ этомъ передъ публикой не стыдно. Критицизма касательно исторіи русскаго Юга и его международныхъ и междусословныхъ отношеній въ нашей ученой литературѣ такъ еще мало, что даже Археологическая Коммиссія вымышленную прокламацію Богдана Хмельницкаго къ малорусскому народу, извращающую характеръ эпохи, включила въ историческіе документы Западнорусскаго края, изданные ею съ переводомъ на французскій языкъ, для того чтобы сдѣлать ихъ общедоступными во всемъ ученомъ мірѣ.¹⁾ Имѣя передъ собой столь поразительный примѣръ историческаго заблужденія, я сознаю откровенно, что въ первыхъ двухъ

¹⁾ Заглавіе этого роскошнаго quarto таково: „Документы, объясняющіе Исторію Западно-Русскаго Края и его Отношенія къ Россіи и Польшѣ“. С.-Петербургъ, 1865. Печатано по опредѣленію Археологической Коммиссіи. Апокрифическая прокламація Богдана Хмельницкаго занимаетъ въ немъ страницы 312—332 и озаглавлена такъ: „1648 г. мая 28. Универсалъ Гетмана Войска Запорожскаго Богдана Хмельницкаго Жителямъ Малороссійской Украйны и Козакамъ, въ которомъ, изображая жестокія угнетенія, претерѣнные ими отъ Поляковъ въ вѣрѣ, чести, имуществъ и самой жизни, убѣждаетъ всѣхъ соединиться съ нимъ для защиты правъ своихъ вооруженною рукою“.

томахъ „Исторіи Возсоединенія Руси“ не могъ еще быть свободенъ отъ ходячихъ у насъ понятій о польскорусской старинѣ. Только новыя, весьма прилежныя изученія дали мнѣ возможность видѣть яснѣе прежняго существовавшій во времена оны порядокъ вещей на польскорусской территоріи и опредѣлить взаимныя отношенія, въ какихъ находились между собою народности, сословія и корпораціи бывшей Рѣчи Посполитой. Для меня было бы истиннымъ благополучіемъ дожить до втораго изданія этихъ двухъ томовъ, чтобы многое въ нихъ передѣлать и тѣмъ пріостановить вредъ, который они, съ своею очередь, причиняютъ людямъ, мало свѣдущимъ въ предметѣ моихъ изученій.

Въ искупленіе моихъ недодуманныхъ изображеній былой жизни, я представляю, покажѣть, мыслящей публикѣ собраніе старательно проштудированныхъ документовъ, которые намъ, специалистамъ украинщины, давно слѣдовало бы извлечь изъ архивовъ и книгохранилищъ. Въ слѣдъ за этимъ I-мъ томомъ „Матеріаловъ“, появится III-й томъ „Исторіи Возсоединенія Руси“, изображающій религиозное, социальное и національное движеніе въ эпоху Юва Борецкаго (1620—1631 г.) За тѣмъ въ IV-мъ томѣ будетъ изображена мною мало у насъ извѣстная, но весьма важная эпоха 1630-хъ—1640-хъ годовъ. Одновременно съ IV-мъ томомъ Исторіи я надѣюсь издать II-й томъ Матеріаловъ и I-й томъ „Критикобибліографическихъ Работъ для Исторіи Возсоединенія Руси“. Когда же наконецъ этими изданіями будетъ приведена въ ясность государственная, общественная, культурная и номадная жизнь на пространствѣ между Царьградомъ, Варшавой и Москвою, когда мои изслѣдованія устранятъ съ моей дороги нагроможденный литературою громоздъ политическихъ, религиозныхъ, социальныхъ и национальныхъ предубѣждений,—тогда,

не опасаясь уже, что пишу на непонятномъ для моихъ читателей языкѣ, я займусь картиною безпримѣрнаго разбоя, который разрушилъ республиканскую Польшу, потрясалъ до основанія, монархическую Россію, поддержалъ мусульманскій міръ на счетъ христіанскаго, приостановилъ на цѣлое столѣтіе гражданственное развитіе Сѣверной Славянщины, и до настоящаго времени, чрезъ посредство литературы, оказываетъ вредное вліяніе на успѣхи русскаго самосознанія.

Говоря о „непонятномъ языкѣ“, я имѣю въ виду тѣ анти-историческія понятія о международныхъ и междусловныхъ отношеніяхъ, въ которыхъ воспитано, можно сказать, цѣлое поколѣніе прилежныхъ читателей малорусскихъ книгъ, писанныхъ по русски и по украински. Этими словами я хочу выразить, какъ глухо къ исторической дѣйствительности русское ухо, привыкшее, въ теченіе десятилѣтій, внимать разнообразнымъ повѣствованіямъ о небываломъ въ Польшѣ и южной Руси порядкѣ вещей. Одна только польская, католическая публика, по отношенію къ международнымъ и междусловнымъ столкновеніямъ въ сѣверной Славянщинѣ, превзошла извѣстную часть нашей русской публики своимъ равнодушіемъ къ исторической правдѣ и своимъ пристрастіемъ къ дѣланной исторіи польскорусскаго общества. Самыя безпристрастныя и точныя изслѣдованія наши о польскорусской старинѣ мы пишемъ, очевидно, на непонятномъ для польскихъ католиковъ языкѣ. На такомъ же языкѣ пишется и для извѣстной части русской публики все то, что разрушаетъ литературныя иллюзіи козачества, съ его патриотизмомъ, съ его либерально-народными идеями, съ его религіозностію.

Но, выражаясь объ этомъ предметѣ съ рѣзвостью протеста, я не отвергаю заслугъ той литературной школы, которая, по невѣжественному почину вдохновеннаго козацкими сказками

автора „Тараса Бульбы“, основалась у нас на изученіи лѣтописныхъ, мемуарныхъ и актовыхъ свидѣтельствъ, безъ исторической критики. Я самъ принадлежалъ къ этой школѣ и много лѣтъ усердствовалъ открытію бытописной истины виѣ научнаго изслѣдованія, виѣ безпристрастнаго изученія и строгаго сопоставленія историческихъ данныхъ. Не могу я сказать, чтобы мои собственные труды въ этой области литературы были не нужны и бесполезны для нынѣшнихъ моихъ работъ. Точно такъ не могу отрицать, чтобы писанное моими предшественниками и сверстниками даже и подѣ господствомъ псевдолиберальной фантазіи на счетъ критики—не пригодило для меня того пути изслѣдованій, который избранъ мною, какъ болѣе истинный. Множество открытыхъ ими источниковъ и сдѣланныхъ указаній, не выдерживая критики въ приспособленіи оныхъ къ общему ходу русской идеи или русской исторіи, тѣмъ не менѣе поставило меня въ возможность продолжать свободно путь, на которомъ я слишкомъ долго подчинялся ошибочнымъ умозрѣніямъ воспроизводителей польскорусскаго былого. Во многомъ, что не требовало отъ нихъ тенденціознаго соединенія несоединимаго, они оказали исторіи южно-русскаго края услуги незабвенныя. Если я настоящимъ трудомъ моимъ успѣлъ разъяснить предметъ, занимавшій у насъ вѣскольکو передовыхъ умовъ и затемненный ими въ слѣпомъ увлеченіи любовью къ такъ называемому своему народу, то всего больше обязанъ этимъ тому, что былъ прилежнымъ, хотя въ началѣ и черезъ чуръ довѣрчивымъ, читателемъ ихъ произведеній. Не имѣя передъ собой трудовъ этихъ заблуждавшихся, но тѣмъ не менѣе достопочтенныхъ людей, я долго, а можетъ быть и никогда, не задалъ бы себѣ тѣхъ вопросовъ, на которые отвѣчаю теперь моими книгами.

Пушкинъ справедливо говаривалъ, что только глупецъ не перемѣняетъ никогда своихъ убѣжденій. Мысль эту надобно дополнить замѣчаніемъ, что, при перемѣнѣ убѣжденій, неизбежно чувствуется сперва нѣкоторое раздраженіе противъ того, что мы признавали не подлежащимъ сомнѣнію; но, по мѣрѣ того, какъ мы дѣлаемъ больше и больше шаговъ на новой, обыкновенно трудной, дорогѣ, мы оглядываемся съ участіемъ на пионеровъ, проложившихъ временно полезный для самихъ насъ, но потомъ оставленный нами путь. Въ этомъ участіи таится сознаніе, что и прокладываемая нами дорога для національной идеи, со временемъ, окажется неудовлетворительною, а потомъ и совсѣмъ ненужною. Въ этомъ участіи таится и другое сознаніе: что, исправляя ошибки другихъ, мы неизбежно дѣлаемъ новыя ошибки, которыя могутъ быть, покажутся, незамѣтны, но рано или поздно будутъ обнаружены.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	<i>Стр.</i>
I. Универсалъ Стефана Ваторія , повелѣвающій прогнать съ Днѣпра запорожскихъ козаковъ. 1578, апрѣля 4. (Библиот. графовъ Красинскихъ въ Варшавѣ, автографы королей)	1
II. Универсалъ Стефана Ваторія „запорожскимъ молодцамъ“. 1578, іюля 27. (Тамъ же)	3
III. Универсалъ Стефана Ваторія объ устройствѣ пѣшаго войска. 1578. (Тамъ же)	5
IV. Универсалъ Стефана Ваторія „запорожскимъ молодцамъ“. 1579, іюля 6. (Тамъ же)	9
V. Универсалъ Стефана Ваторія пограничнымъ старостамъ. 1579, іюля.6. (Тамъ же)	13
VI. Универсалъ Стефана Ваторія черкасскому старостѣ. 1579, апрѣля 9. (Тамъ же)	15
VII. Грамота Іоанна IV о поддержаніи Киевопечерскаго монастыря. 1583. (Главный Архивъ Мннистерства Иностранныхъ Дѣлъ, дѣла малороссійскія, связка 1-я.	17
VIII. Универсалъ Сигизмунда III объ изловленіи Наливайка и его сообщниковъ. 1594, ноября 1. (Библи. гр. Крас. въ Варш., автогр. королей)	19
IX. Донесеніе украинскаго торговца царю Борису Годуну . 1604 февраля 2. (Гл. Арх. Мин. Ин. Д., дѣла малор., св. 1-я.)	21
X. Мнѣніе польскаго шляхтича , написанное для сеймиковъ и сеймовъ 1606 года. (Библи. гр. Крас. въ Варш. современная брошюра.)	33
XI. Ворулабовская хроника 1563—1608. (Московская Синодальная, бывшая Патріаршая библиот., рукоп. № 790.)	45
XII. Посольство Петра Сагайдачнаго къ царю Михаилу Ѳеодоровичу. 1620, въ февралѣ. (Гл. Арх. Мин. Ин. Д., дѣла малорос., св. 1-я.)	89

XIII. Письмо князя Христофора Збаражскаго къ королю о запорожскихъ козакахъ. Около 1623 года. (Библ. гр. Крас. въ Варш. fol. B. I, 405—410.)	100
XIV. Состояніе Турецкой имперіи. Записка, представленная княземъ Христофоромъ Збаражскимъ польскому правительству около 1623 года (Тамъ же, <i>silva regum</i>).	103
XV. Три челобитныя въ Москву отъ православныхъ архіереевъ, возбуждавшихъ вопросъ о присоединеніи Малороссіи къ Россіи. 1622—1624. (Гл. Арх. Мин. Ин. Д., малор. грамоты, т. е. автографы).	123
XVI. Донесеніе подолянъ о татарскихъ набѣгахъ. 1624, сентября 7. (Импер. Публ. Библ. л. F. рукоп. польск., отд. IV, № 138. стр. 25 и сл.)	137
XVII. Универсалъ Сигизмунда III. изображающій положеніе дѣлъ въ 1624 году. (Библ. гр. Крас. въ Варш., автогр. королей).	141
XVIII. Переписка объ Александрѣ Ахіѣ, претендентѣ на царградскій престолъ. 1625—1626. (Гл. Арх. Мин. Ин. Д., дѣла малор. св. 1-я). Введеніе	142
1. Отписка путивльскихъ воеводъ въ Москву о посольствѣ къ царю отъ запорожскихъ козаковъ и отъ Александра Ахіи съ присовокупленіемъ извѣстій о событіяхъ въ Малороссіи въ 1624 году.	157
2. Письмо Іова Борецкаго къ путивльскому воеводѣ Алексѣю Головину.	161
3. Записка Александра Ахіи о его происхожденіи и приключеніяхъ	163
4. Приемъ посланцовъ Александра Ахіи.	168
5. Отпускъ посланцовъ Александра Ахіи.	172
5. Отписка путивльскихъ воеводъ въ Москву о прибытіи Александра Ахіи въ Путивль съ кіевскимъ священникомъ Филиппомъ	174
7. Разказъ священника Филиппа о томъ, какъ усмирилъ козаковъ коронный гетманъ Конецпольскій.	177
8. Миѣніе царской думы о томъ какъ поступить съ Александромъ Ахіею	185
9. Перемѣщеніе Александра Ахіи изъ Путивля во Мценскъ, по царскому указу и донесеніе о томъ царю дворянина Лодыгина и дьяка Нечаева	187
10. Разказъ Алексѣя Ахіи о своихъ походахъ въ Турціи, Западной Европѣ и Малороссіи, записанный съ его словъ царскими слѣдователями	193

11. Вопросы царских слѣдователей и отвѣты Александра Ахіи о томъ, что въ его разсказѣ было загадочнаго	218
12. Разсказъ священника Филиппа объ Іовѣ Борецкомъ, Александрѣ Ахіѣ и о событіяхъ въ Малороссіи.	226
13. Письмо великаго герцога флорентинскаго къ Александру Ахіѣ	232
14. Письмо матери герцога флорентинскаго къ Александру Ахіѣ	233
15. Проѣзжіи листъ Запорожскаго Войска, данный Александру Ахіѣ.	234
16. Донесеніе царскихъ слѣдователей о дальнѣйшихъ бесѣдахъ съ Александромъ Ахіею.	234
17. Разспросы царскихъ слѣдователей у священника Филиппа о положеніи дѣлъ въ Польскомъ королевствѣ	243
18. Заботы московскихъ людей объ охраненіи православнаго храма отъ оскверненія польскимъ хохломъ	244
19. Бесѣды царскихъ слѣдователей съ Александромъ Ахіею о всеобщей и русской исторіи, и о величій русскаго царя	245
20. Разспросы царскихъ слѣдователей у священника Филиппа о подлинности разсказовъ Александра Ахіи	256
21. Донесеніе царскихъ слѣдователей о желаніи вернуться въ свои земли черезъ Донъ или черезъ Кіевъ .	262
22. Разсказъ священника Филиппа о татарахъ и ихъ вторженіяхъ въ королевскую землю.	268
23. Донесеніе царскихъ слѣдователей о языкѣ и обычаѣ Александра Ахіи	271
24. Вѣсти о союзѣ козаковъ съ татарами	274
25. Успокоительныя мѣры для удержанія Александра Ахіи отъ побѣга.	275
26. Отпускъ Александра Ахіи въ нѣмецкія земли черезъ Архангельскъ, а священника Филиппа—обратно въ Кіевъ	282
XIX. Разсказъ запорожскихъ козаковъ о совмѣстной жизни съ козакими донсками. 1626. (Тамъ же, св. 2-я.) . .	286
XX. Приготовленія къ войнѣ между козаками и шляхтою. 1830, мартъ, іюль. (Тамъ же)	295
XXI. Смысл Борецкаго на службѣ у царя. 1630 (Тамъ же).	299
XXII. Договоръ Конецпольскаго съ козаками въ іюнѣ 1630 года. (Тамъ же.)	301
XXIII. Вѣсти путивльца Гладкаго о козако-шляхетской войнѣ 1630 года. (Тамъ же.)	310

XXIV. Донесеніе козака Вута о турецко-татарскихъ силахъ.
 1630, августа 22. (Тамъ же.) 321

Примѣчаніе Слѣдовало бы указать, подъ какими литерами и нумерами надобно исвать въ библіотекѣ графовъ Красинскихъ тѣхъ рукописей, изъ которыхъ извлечены представленные здѣсь докумен-ты. Но во время пребыванія издателя въ Варшавѣ ему не представ-лялась еще необходимость изданія собираемыхъ имъ матеріаловъ для исторіи русскаго возсоединенія: иногда онъ дѣлалъ изъ докумен-товъ только извлеченія, собственно для своихъ текущихъ заня-тій. Впрочемъ собраніе рукописей этой библіотеки, обязанное своимъ существованіемъ помѣщику Кіевской губерніи Константину Свидинскому (Swidzinski), такъ не велико, что оплошность издателя представляетъ не очень важное неудобство для тѣхъ, кто бы пожелалъ свѣрить его изданіе съ подлинниками.

І.

УНИВЕРСАЛЪ СТЕФАНА ВАТОРІА,

ПОВЕЛѢВАЮЩІЙ ПРОГНАТЬ СЪ ДНѢПРА ЗАПОРОЖСКИХЪ КОЗАКОВЪ.

1578, апрѣля 4.

Украинные старосты, то есть хозяева королевскихъ имѣній, скрывали у себя низовыхъ козаковъ, которые, по мнѣнію короля, были единственною причиною татарскихъ набѣговъ на польскія владѣнія; не только скрывали, но давали имъ помощь и отправляли въ походы для опустошенія „царской земли“, какъ называются въ универсалѣ владѣнія царя переконскаго или крымскаго хана. Король былъ увѣренъ, что совершенно возможно было бы обезопасить эти владѣнія, еслибы старосты исполнили первый наказъ его: еслибы они не давали низовцамъ у себя убѣжища и не снабжали ихъ порохомъ, свинцомъ, живностію. Посолъ переконскаго царя указывалъ королю на козацкихъ предводителей Шаха и Арковскаго, изъ которыхъ одинъ зимовалъ въ Немировѣ, а другой—въ Кіевѣ. Какіе бы король ни посылалъ царю подарки (говорилъ посолъ), но если козаки будутъ вторгаться въ его землю, то онъ не можетъ удержать свой народъ отъ набѣговъ на Польшу. Въ слѣдствіе этого король повелѣлъ Константину Константиновичу князю Острожскому, чтобы онъ, согласно условію своему съ царемъ переконскимъ, шелъ на Днѣпръ и прогналъ отту а „низовыхъ разбойниковъ“, а кого изъ нихъ захватитъ, каралъ бы смертію. То же самое повелѣлъ онъ и старостамъ украиннымъ, съ тѣмъ чтобы они впредь не смѣли скрывать у себя низовцовъ и снабжать ихъ селитрою, порохомъ, свинцомъ, живностію.

Нельзя здѣсь не замѣтить параллели между богатыми турками, снаряжавшими татаръ для набѣговъ на христіанъ (Ист. Возс. Р.

I, 53), и пограничными панами, снаряжавшими козаковъ для набѣговъ на мусульманъ. Каковы бы ни были дальнѣйшія причины развитія козачества, но первою причиною былъ героизмъ экономическій. Сабля доставляла больше выгоды, нежели плугъ, на татарскомъ пограничьи. Сельское хозяйство встрѣчало множество затрудненій. Врожденная человѣку предприимчивость искала выхода. Правительство между тѣмъ стѣсняло ее для общихъ государственныхъ цѣлей. Украинныя поселенія, изъ коихъ бы они ни состояли, поставлены были въ автономическое противорѣчіе съ центральною властью. Въ Краковѣ и Варшавѣ чувствовалась настоятельная необходимость подчинить ихъ установившейся при наслѣдственныхъ короляхъ системѣ управленія; но попытки правительства дѣлались только источникомъ вражды полуномадныхъ жителей къ жителямъ осѣдымъ, промышленнымъ, культурнымъ. Эта вражда, начавшаяся изъ за куска хлѣба, для своего оправданія, пользовалась сословною, церковною, національною и политическою неурядицею въ Рѣчи Посполитой, наконецъ приняла характеръ безнаказаннаго разбоя, противъ котораго Польское, лишенное единовластія, государство оказалось бессильнымъ. Паденіе Польши было намѣчено уже въ самое славное для нея время, — въ эпоху Баторіевскихъ побѣдъ и широкихъ замысловъ.

UNIWERSAŁ KOŁO NIZOWCZOW.

Stephan etc. Wszem wobec y kazdemu z osobna z starost naszych ukrainnych, a zwłaszcza Chmieliczkemu, Barskiemu, Bratsławskiemu, Winniczkiemu, Białoczerkiewskiemu, Czerkaskiemu, Kaniowskiemu, y wszem ynnym wiernie nam myłym, łaskę naszą Krolewską.

Wiernie nam miły! Baczemy tho dobrze, ze nikt inszy nie iesth przyczyną thych skod, ktore thymi czassy wzięły państwa nasze od Tatar, yedno Nizowi Kozaczy a niektorzy z WW, czo ie po the czasy v siebie przechowywały, pomocz ym dawaly y one wyprawoway dla szkodzenia Ziemie Czarskiej: bo, iakosmy bily opatrzyły besciechenstwa krayow tamtych, gdyby WW, zapierwszem pisaniom naszymdo nich, nie przechowywały bily v siebie Nizowczow any ym dodawaly prochow, ołowu y zywnosczy, pewnieby tamte kraye nie byly

thak iako ssą wskodzone: czosmy thesz y s posła Czara Perekopskiego, który sam thymy czassy v nasz był, wyrozumiely, który nam mianował wodze Nizowczow Szacha y Arkowskiego, ze ieden s nych w Niemirowie, a drugi w Kyowie zimowały, y tho w głosz nam opowiedział: choćbysmy vpominky naywiętsze Czarowi postąpiły, a nie opatrzyły thego, zeby ziemia yego od Kozakow była w pokoyu, ze on trudno ma liud swoy zatrzymacz, kiedy liudzye z państwa naszego do ziemi yego wtargną.

A thak my chcącz themu zabiezec, aby czy Iotrowie yako nasz s Czarem Przekopskim wadzą, zeby przymierza z nim nie wzrussily, rozkazalychmy Jasnje Wielmożnemu Kostantemu Konstantinowiczowi, Xiążęciu Ostrogskiemu, Woiewodzie Kyowskiemu, aby, czyniącz dosicz postanowieniu, ktore s nim Czar Przekopsky vczynił, na Dniepr ciągnął, a stamtąd the Iotry Nizowcze zegnał, a których dostanie aby na gardle karał. Roskazujemy thesz tedy WW kazdemu s nych koniecznie to po WW miecz chcącz, aby WW Jasnje Wielmożnemu Woiewodzie Kyowskiemu, gdy the Iothry z Dniepra spędzacz będzie, pomocny byly, azeby zaden z WW od thego czasu niesmiał Nizowczow v siebie przechowiwacz any ych bronicz, ani saletry, prochow, ołowiu, zywnośczy ym dodawacz, y owszem zeby WW the Iotry, gdy z Dniepru vziekacz będą, gynały y one na gardlyech karaly, a ynaczey aby WW czynicz się niewazily, pod łaską y niełaską naszą y pod winą contra guerrarum motores w statucie opisana

Dath z Warszawy, dnia czwartego Kwietnia roku Panskiego MDLXXVIII, panowania naszego roku wtorego.

II.

УНИВЕРСАЛЬ СТЕФАНА ВАТОРІЯ

„ЗАПОРОЖСКИМЪ МОЛОДЦАМЪ“.

1578, іюля 27.

Король изумляея, что запорожцы уже въ третій разъ вторженіемъ въ Волощину нарушаютъ мирныя постановленія между Во-

лошскою землею, турецкимъ императоромъ и Польскою Короною. Имѣя въ виду московскую войну, король совѣтовалъ запорожскимъ молодцамъ искать въ ней чести и славы, и повелѣвалъ вернуться изъ похода, предпринятаго ими въ Волощину. Въ противномъ случаѣ, грозилъ карать ихъ „на горлѣ и имуществѣ“. Онъ увѣрялъ козаковъ, что Петръ Волошинъ, котораго они вели въ Волощину, вовсе не сынъ Александра, такъ какъ Петръ давно умеръ, и нѣкоторые изъ королевскихъ дворянъ собственными глазами видѣли тѣло его во время похоронъ.

Вотъ одно изъ указаній, какъ устроилась московская самозванщина. Названный Димитрій нуженъ былъ прежде всего людямъ, которымъ не оставалось другого способа жить, какъ грабежами, а потомъ уже за него схватились интриганы политическіе. Документъ IX показываетъ, что запорожскіе козаки всюду искали случая заработать кусокъ хлѣба посредствомъ самозванщины и, такъ сказать, пропагандировали ее въ спокойномъ, установившемся обществѣ. Лишь только прослышали они въ 1604 году про названнаго царевича Димитрія, тотчасъ послали къ нему своихъ уполномоченныхъ порядиться за доставку его въ Москву, какъ люди опытные въ подобнаго рода дѣлахъ. Исторія самозванщины весьма интересна *сверху*; но пока мы не проитудирруемъ ее по документамъ „второстепенной важности“ *снизу*, до тѣхъ поръ она будетъ лишена истинно философскаго смысла, который заключается во всякомъ экономическомъ соединеніи людей между собою.

N I Z O W C Z O M .

Stephan etc. Wszem wobecz y kozdemu zosobna Moloyczom Zaporożnym y ych Starszym.

Dzywuiemy się themu niepomalu, ze iusz tho po trzeci kroc chodzeniem do Wołoch wazycie się naruszacz poſthanowienia pokoyu między Ziemią Wołoską y Czesarzem J. M. Tureczkim a Coroną thą, kthore się sthało za zgodnym wszach ſthanow Koronnych zezwoleniem na Seymie. Przeczno nasz y Coronę thę do niebiespieczentwa przywodzycie.

Przedſięwzięcie tho nasze było, zeszmy wasz mieli na poſługę

naszę przeciw Moskiewskiemu, s ktkorym wojnę zaczynamy, wezwacz, gdzie kazdy z wasz mógłby miecz placz y serce męskie y dzielnoscz z vczciwszą sławą swą y s lepszem pozytkiem, anizly do Wołoch chodząc, pokazacz. A thak napominamy wiecz waszę, abyście themu do Wołoch chodzeniu pokoy dali y nazad się wroczyly. Czo gdy vczynicie, wdzięcznie y łaskawie tho od wasz przyimiemy. A gdziebyście więcz w przedsięwzięciu swym thak vporni byli, zebyscie go poniechacz niecheziely, musiałyby do thego nam przyscz, zebysmy wasz mieć za nieprzyacioly Corony they y do karania na pocziwosci, gardlech y maiętności swemi postąpicz musielibysmy.

A nie daycie nikomu thego sobie powiadacz, aby then Piotr Wołoszyn, kthorego do Wołoch prowadzycie, miał bicz sinem Alexandrowym, gdysz tho rzecz yesth pewna, ze Piotr dawno umarł, y yesth na Dworze naszym sługa nasz Dzierzek y innych nyemało, kthorzy pothym yako umarł cziało yego, gdy było chowano, oczywiście widzieli. Inaczey abyście nieczynily dla łaski naszey, pod srogim karaniem.

Dath ze Lwowa, dnia XXVII miesiącza lipcza roku Panskiego MDLXXVIII, a panowania naszego roku trzeciego.

III.

УНИВЕРСАЛЬ СТЕФАНА БАТОРИЯ

ОБЪ УСТРОЙСТВЪ ПЪШАГО ВОЙСКА.

1578.

Документъ этотъ замѣчателенъ въ томъ отношеніи, что развиваетъ въ подробностяхъ законъ о выбранцахъ, изложенный въ Volumina Legum весьма кратко. Организация пѣшаго войска выбранцевъ напоминаетъ организацию войска козацкаго. Король, находясь во Львовѣ для урегулированія козацкихъ военныхъ заработковъ то жалованьемъ, то угрозами, расслалъ изъ этого погра-

ничнаго города настоящей универсалъ известнымъ лицамъ, въ смыслѣ „приповѣдныхъ листовъ“. Выбранцы являются въ его распоряженіяхъ, такъ сказать, ручными козаками, въ противовѣсъ козакамъ дикимъ. Они составляли родъ запасной милиціи, которая вознаграждалась за свою службу освобожденіемъ служащаго и семьи его отъ податей и повинностей, а за границей государства получала жалованье наравнѣ съ прочимъ войскомъ. Секретарь Стефана Баторія, Гейденштейнъ, пишетъ въ своей исторіи, что, послѣ Московскаго похода, значительная часть Баторіева войска, не получивъ жалованья, пошла въ козаки и увеличила ихъ силу. Если онъ разумѣлъ здѣсь и выбранцевъ, то эта милиція должна была внести въ козачество и данную ей Баторіемъ регуляцію, черты которой сохранились у украинскихъ городовыхъ или гетманскихъ козаковъ до послѣдняго времени. Инымъ способомъ Стефанъ Баторій не могъ дать правильного устройства козацкой корпораціи, находившейся внѣ реальныхъ предѣловъ королевской власти, о чемъ будетъ рѣчь ниже.

Изъ этого документа видно, что на сеймѣ было опредѣлено набирать привилегированную пѣхоту не только въ королевскихъ селахъ, но также въ городахъ и мѣстечкахъ. Однакожъ королевскій универсалъ наборъ ея въ городахъ и мѣстечкахъ почему то отлагивается до другого времени. Постановленіе Баторія о выбранцахъ было возобновлено черезъ 12 лѣтъ и вошло въ *Voluntaria Legum* подъ его именемъ, но тамъ уже вовсе не упоминается о городахъ и мѣстечкахъ: тамъ дѣло идетъ лишь о кметяхъ да о пахолкахъ. Шляхта, очевидно, стала уже раскаиваться, что, увлекшись воинственностью Баторія, „отпоясывала (по выраженію современнаго историка) отъ своего бока мечъ и ввѣряла его другому“. *Voluntaria Legum*, подъ 1590 годомъ, говорятъ положительно, что вооруженные пахолки, приобрѣвъ боевую опытность, при всякомъ удобномъ случаѣ переходили въ козацкія купы. Такимъ образомъ обнаруживается связь между двумя различными явленіями польской гражданственности. Она подтверждается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что русская шляхта, для подавленія козаковъ, составляла хоругви выбранцевъ у себя въ селахъ, и случалось не разъ, что такіе выбранцы принимали сторону козаковъ. Это не были рекру-

ты, на вербованные противъ ихъ желанія. Самъ Баторій въ универсалѣ о выбранцахъ указываетъ на охотниковъ до военной службы, на болѣе смѣлыхъ и зажиточныхъ между поселянами, которые бы вполне удовлетворяли потребностямъ военной службы. Дѣло, стало быть, состояло въ позволеніи, а не въ принужденіи. Старинное польское и русское выраженіе „крикнуть на охотника“ показываетъ, какъ тогдашнія неблагопріятныя для мирныхъ занятій обстоятельства предрасполагали множество людей къ боевой жизни. Лишь только шляхтичъ отпоясывалъ саблю, къ ней протягивалось множество нешляхетскихъ рукъ. Въ этомъ заключалась и сила панской республики, и опасность управленія массою, приученною владѣть оружіемъ, но лишенною равноправности.

UNIERSAŁ OKOŁO PIESSYCH.

Stephan etc. Wssem wobec y kazdemu z osobna Stharosthom nassym y Dzierżawczom wssy nassych Kroliewskych yakichkolwiek w thych tho nassych wsiach mieszkajczym poddanim nassym y ynnym wssythkym kthorymbi tho wiedziecz naliezało, Uprzeymie y wiernie nam miłym, Laskę naszą Krolewską.

Uprzeymie y wiernie nam miły! Isz na przessłym Warszawskiem Seymie vchwalona yesth Constitucia, wedlie kthorey, opathruicz tho, abyśmy w Coronie y w państhwach nassych dosthatek piessych liudzy dla potrzeb woiennych miely, Uchwałą Seymu thego Piesse thak z Miasth, z Miasteczek, yako y wssy nassych Krolewskych, yakychkolwiek wedlie słussey lidzby łanow, zeby tho było bez ciężkośczi wielkiey wyprawiaz rosказacieśmy miely. Thedy iuss therass in vim executionis they tho Constituciei Posiłamy Vrodzonego (пробѣлъ) Mroczka do Woiewodztwa Sędomierskiego ad delectum faciendum thakowych piessych.

A tho thym sposobem: ze we wsiach nassych iakychkolwiek ma obrać y posthanowicz s kazdych dwudziesthu łanow yednego człowieka, kthory by się sam do thego miał dobrowolnie, między ynssemy smielssego y dostatecznieyssego y do pothrzeby woienneiy podobnieyssego. A thakowy kazdy na piessego obrany y postanowiony od thego czassu ma bicz y będye wolien od wsseliakych powinności nassych, yako Czyssu, poboru łanowęgo, powozow, Podwod y ynnych Onera, Angary

i praeangary, azeby przetho vima yaka w pozythkach nassych y Rzeczypospolitey niebyła, tedy za thego iednego, ze dwudziesthu na piessego obranego, Drudzy dziewięthnaście onera zastępowacz y odprawowacz będą powinny. Powinność zasz thakowego piessego każdego będzie tha: w każdą czwierz rōku do Rothmistrza swego albo Porucznyka iego na to miesze, kthore mu przezeń będzie oznaymione, sthawicz się do monstrowania z Rvsnyczą sswą dobrze narzodzoną, sabla a siekierka, v sukny swey barwy, thakiey iaką mu Rothmistrz albo porucznyk yego naznaczy z ynssemi piessemy podobney. Proch tesz swoy y Ołow ma miecz, a kiedybykolwiek się trafiło wtargnąć nieprzyaczieliowi Coronnemu w Ziemię, thedy zawsse kozdy s nych powynien będzie stawicz się do Rothmistrza swego, tedy kiedy go obwieści, i na tho miesze, kthore mu naznaczy, odpor dać nieprzyaczieliowi w Ziemy nakładem swym. A kiedy nam pothrzeba będzie wiewiesz piesse te do woýska nassego, thedy my zołd płaczicz będyem powinny s drugiemy piessemy rowno.

A tho therasz postanowienie pyessych thylko we wsiach nassych czynimy. A czo się thyczę Miast y Miasteczek nassych, w thych thesz pothym około thego Ordinaty Vczinimy, którą exeguowacz y Publico-wać kazemy.

Roskazujemy thedy Starosthom y dzierzawczom nassym: Aby then Vniuersal nasz do wsseliakych poddanych nassych, we wsiach nassych Kroliewskych w Sędomierskim Woiewodztwie mieszkających, wiadomości przywiedli. Azeby we wsiach nassych Kroliewskych wsseliakych Vrodzonemu (пробѣръ) Mroczkowi Woiewodztwie przerzeczonym piessych obierać postanowiacz nie bronily, ale raczey then Uniuersal nasz s powinności swey do executiei skuteczney przywiedli y wedlie niego się zachowali, i exequować y wedlie niego się zachowacz tym, kthorym tho nalezy, nakazali, pod łaską nassą y pod wyną na nie-dbałe y Stharosty nieposłussne w Statucie opisaną.

Dan we Lwowie, dnia (пробѣръ) Roku Pańskiego MDLXXVIII, A Panowania nassego roku Trzeciego.

IV.

УНИВЕРСАЛЬ СТЕФАНА БАТОРІЯ

„ЗАПОРОЖСКИМЪ МОЛОДЦАМЪ“.

1579, іюля 6.

Козаки имѣли въ Польшѣ въ разныя времена различныя наименованія, и чѣмъ раньше мы встрѣчаемъ которое нибудь изъ нихъ, тѣмъ больше имѣеть оно въ себѣ историческаго колорита. До сихъ поръ слово *козакъ* еще ни разу не употреблено въ правительственныхъ актахъ. Volumina Legum знаютъ покамѣсть лишь украинскую вольницу (*swawola ukraïna*) да низовцовъ. Для насъ интересно, что король Стефанъ, вотъ уже во второй разъ, официально называетъ козаковъ запорожскими молодцами. Слово *козакъ* заключало въ себѣ (выразимся по польски) ссѣ *tubasznego*, то есть неприличнаго для высшаго тона рѣчи. Можетъ быть, потому и наши духовныя лица, въ своихъ книгахъ и писмахъ, избѣгали этого слова. Напримѣръ Кальнофойскій, въ сочиненіи о чудесахъ Киевопечерской Лавры, охотнѣе называетъ запорожцевъ *дерзкими ребеллянтами*, нежели просто козаками. О Маркѣ Лунчовскомъ, запорожскомъ козакѣ изъ Корсуня, рассказываетъ онъ, что этотъ *жолдакъ* (то есть наемный воинъ, солдатъ), обремененный множествомъ преступленій своихъ, свалилъ съ себя грѣховное бремя при посредствѣ исповѣди, и т. д. Потомъ онъ говоритъ о „неугомонныхъ запорожскихъ *молодцахъ*“, и называетъ козаковъ *жолдатами*, какъ бы исключая изъ нихъ волонтеровъ, не получавшихъ жолду, т. е. жалованья. Такъ точно Іовъ Борецкій, въ одномъ изъ писемъ къ московскому царю, говоритъ, что онъ укрылся отъ смерти „подъ крылѣ христоролюбиваго воинства черкасскихъ *молодцовъ*“ (см. документъ XIII), а въ письмѣ къ кн. Христофору Радзивилу (Археогр. Сб. VII, 88): что посылаетъ къ нему „шляхетнаго человека, войска запорожскаго *молодца*“. Сами козаки, обращаясь къ своей громадѣ, зывали: „панове *молодцы*!“ и въ ихъ пѣсняхъ это слово обозначаетъ отличительное свойство козака. Соціальное происхожденіе его указано въ универсалѣ Сигизмунда III отъ 12

декабря 1604 года, въ которомъ онъ, не обозначая сословія, повелѣваетъ отцамъ семействъ не пускать сыновей своихъ въ казаки и удерживать ихъ отъ соединенія съ запорожцами. (См. документъ IX). Пылкая молодежь, томившаяся подъ режимомъ стараго поколѣнія, или общества, уходила, какъ видимъ, въ козацкія купы и давала козакамъ характеръ людей, не связанныхъ семейными узами (женатый человекъ, и въ нынѣшнемъ возрастѣ украинскаго просто-народья, перестаетъ быть *молодикомъ*, хотя это названіе дается и сѣдоусому холостяку). Отсюда можно вывести заключеніе о томъ, какъ вся шляхта и всѣ осѣдлые горожане въ Украинѣ были проникнуты, въ силу своихъ насущныхъ нуждъ, молодецкимъ, юнацкимъ, иначе—козацкимъ элементомъ. Военный нервъ, аргонавтическаго свойства, существовалъ въ каждомъ пограничномъ домѣ, и, можетъ быть, рѣдкій отецъ семейства не козаковалъ когда нибудь въ молодости посредствомъ гонимы за татарами или заграничнаго добычничанья. Объ этомъ говоритъ Мартинъ Бѣльскій, рассказывая о своемъ дядѣ Орышовскомъ, который, среди мирной жизни въ далекой провинціи, сохранялъ давнишнія знакомства съ запорожцами. На это намекаетъ судебный обвинитель князя Василія, дѣлая его, равно какъ и князя Дмитрія Сангушка, давнишними козацкими сотоварищами. Въ названіи козаковъ молодцами есть что то примирительное съ ихъ юначествомъ; потому, можетъ быть, король Стефанъ и употребилъ это имя въ своемъ увѣщательномъ универсалѣ. Ему надобно было разлучить козаковъ съ волохами, и привлечь на службу къ себѣ.

Волохи, нынѣшніе румыны, отличались въ то время непостоянствомъ характера, которое усваиваютъ себѣ народы, долго находившіеся между молотомъ и наковальнею. Служить въ королевскихъ дворянахъ было у нихъ за обычай, такъ какъ они не были чужды боевого мужества, унаслѣдованнаго ими отъ древнихъ даковъ и развитого борьбою съ мусульманами. Но въ то же самое время они готовы были на все, что прельщало ихъ пылкое воображеніе. Сношенія съ запорожцами (окончившіяся такъ бѣдственно для нихъ въ Хмельницину) поддерживались у нихъ и войною, и торговлею, и частою необходимостью искать убѣжища тамъ, гдѣ каждаго принимали и гдѣ никого не задерживали, то есть на дѣлѣ-

ровскомъ Низу. Волошинъ Лакуста, о которомъ идетъ рѣчь въ этомъ универсалѣ, бѣжалъ отъ короля по какому то фантастическому побужденію, свойственному тогдашнимъ военнымъ промышленникамъ, и, создавъ къ себѣ низовыхъ добычниковъ, опустошалъ свою родину войною, не извѣстно чѣмъ мотивированною. Въ то время Стефанъ Баторій склонилъ часть запорожскихъ козаковъ къ службѣ подъ начальствомъ черкаскаго старосты. Въ этомъ козакамъ онъ и обращается съ повелѣніемъ преслѣдовать Константина Лакусту.

Настоящій универсалъ важенъ въ томъ отношеніи, что уничтожаетъ принятую многими выдумку, будтобы король Стефанъ регулировалъ запорожское войско и далъ ему то устройство, въ какомъ оно является намъ во времена позднѣйшія. Какъ и когда устроило свои войсковые и полковые порядки запорожское войско, намъ не извѣстно, потому что козаки не любили письменности. Предположивъ, что этому войску далъ извѣстное намъ устройство Стефанъ Баторій, надобно было бы внутренней строй самой Польши его времени поднять повыше; надобно было бы колонизацію украинскихъ пустынь считать совершившеюся, дикія поля, въ которыхъ Зборовскій умиралъ съ голоду, вообразить удобно проходимыми, а сообщенія между центромъ государства и такою окраиною, какъ запорожскій Низъ, считать легкими. Ничего этого не было во времена Стефана Баторія; а земледѣліе въ сосѣдствѣ съ дикими полями еще и при Сигизмундѣ III было въ такомъ состояніи, что среди нивъ стояли деревянные зрубы, въ которые пахари и жнецы сбѣгались отсиживаться съ пищалями и луками отъ татаръ, которые охотились на людей, какъ на звѣря. (Tagebuch des Erich Lassota von Steblau). При такомъ положеніи края, регулировать козаковъ было Стефану Баторію столько же трудно, какъ Ярославу Мудрому—торковъ и берендѣевъ.

DO NIZOWCZOW O CONSTANTEGO.

Stephan etc. Wssem wobecz y kazdemu z osobna. Moloyczom Zaporożnym y ych stharssym Łaską nassę Kroliewską.

Kiedyŝsmu przeszłego liatha miesskali we Lwowie, Constantin La-

kusta Wołossin s Dworu naszego, tamże ze Lwowa nieopowiednie bess woliei y wiadomości nassei, poczichu uciekł, Przysiągssy nam przedthym, ze tego wczynicz niemał, y zebrałssy Iotrostwa y ludzy sswowolnych niemało s sobą, weszbrał się beł zarazem do Wołoch skodę y rozruch wczynicz, ale pogromioni przez ludzye Wołoskie musiał tam stąnd wstąmpicz, y jakośmy sprawę miely, s państhw nassych miał się ku Moskwie obroczyć.

Therasz nam wiadomość przysła, ze się przecie w Ziemi nassey na vkraginie bawi, mającz przy sobie Iotrostwa niemało, s kthorem y zasz znowu wtargnącz pomislia do Wołoch, a przymierze y pokoi, kthore Ziemią Wołoską y Panstwi Czessarza IE^o M. Tureczkiego wtwierdzone mamy, wzrussacz. Czemu dla pokoiu Rzeczipos. zabiegaiącz, Posiłami tam s Dworu naszego [Slachetnego Andrzeia Łozowiczkiego, Comornika naszego], ktori wam then listh nasz odda, do Stharosth nassych vkraginnych, aby, s nimy pospolu, o Constantim, zebi go pomać, staranie czynił. Przetho y wam wssithkim roskazuimi, zebiście Constantemu Thowarzystwa thakych rozruchow czynicz w Wołossech nie pomagali, ale tak jakoście się na słussbę naszą udali s powinności wassych, nicz innego niebiorącz przed się, pilnowali tego, zebiście nam y Rzeczipos. słuźeli wiernie, a Staroście nassemu Czerkasskiemu pod ktoregoście zwiezrchnością we wsem posłusny beli. A gdzie thesz Stharostha nasz Czekkasky, thak jakośmi mu pisali, pospolu [s Comornikiem nassem Łozowiczkim] potrzebowacz będzie pomoczi wassei, naprzeciwko Constantemu, chcemy, abyście mu ją dali, y tho czynili, czo wam iedno thenze Stharostha nasz [y Comornik Łozowiczky] imieniem nassem roskazą; geslyze bi thesz między wamy beli thaczy, czoby nam słuźiez s drugiemy pospolu niechcieli, a swołonie Constantemu pomocznikami bicz chcieli, albo beli, Roskazuiemi gim, aby zaniechali vmislu sswego: bo niech thaczy wssysczy pewnie wiedzą, ze za tho na gardlie karany będą, jako gwałthowniczy przymierza y pospolithego pokoyu. Inaczey, s powinności wassych y pod thakiem karaniem, abyście nie czynily ynaczey.

Dath w Wilnie, Dnia VI° Miesącza Kwiethnia Roku Pańskiego MDLXXIX, a Panowania naszego roku Trzeciego.

V.

УНИВЕРСАЛЪ СТЕФАНА БАТОРІЯ

ПОГРАНИЧНЫМЪ СТАРОСТАМЪ.

1579, іюля 6.

Упоминаемый въ предыдущемъ универсалѣ Константинъ Лакуста общалъ Баторію оставаться при его дворѣ, но ушелъ тайно и, собравъ купу своевольныхъ людей, вторгнулся въ Волощину. Потерпѣвши тамъ поражение, онъ бѣжалъ въ Украину, гдѣ вновь составилъ значительное ополченіе изъ людей, которые, въ глазахъ правительства, были разбойнишкою сволочью, съ намѣреніемъ повторить походъ свой въ Волощину. Король послалъ своего коморника Андрея Лозовицкаго къ пограничнымъ старостамъ съ повелѣніемъ изловить Лакусту, а соучастниковъ его преслѣдовать, разбивать и сажать въ тюрьму. вмѣстѣ съ тѣмъ писалъ король къ низовымъ козакамъ, чтобъ они не помогали Лакустѣ, и были бы вѣрны службѣ, которую на себя приняли Пограничные старосты должны были, именемъ короля, отвлечь отъ Лакусты, подъ опасеніемъ смертной казни, и тѣхъ козаковъ, которые не брали жолду.

Итакъ вотъ въ чемъ состояла регуляція козаковъ, приписываемая Стефану Баторію. Одни козаки получали отъ него жалованье и, слѣдовательно, становились въ такое къ нему положеніе, въ какомъ былъ Наливайко съ своей дружиною относительно князя Острожскаго. Другіе не связаны были даже и рыцарскимъ долгомъ, о которомъ имѣли своеобразное понятіе, по отношенію къ польскому потентату. Тѣмъ не менѣе король грозилъ каждому изъ нихъ за ослушаніе смертною казнью. Но для исполненія своей угрозы, ему надобно было сперва изловить въ городѣ или настичь въ полѣ ослушника, что было трудно при существовавшемъ на Украинѣ положеніи дѣлъ. За всѣ лишенія свои, козаки вознаграждались въ этой странѣ самовластною равноправностію и фактическою независимостію, которую признавалъ за ними не разъ и самъ Баторій. Назначеніе козакамъ *старшаго*, котораго они назы-

важн гетманомъ, было естественно со стороны того, кто платилъ жалованье; но отъ указанія, кто будетъ отвѣтственнымъ лицомъ передъ признанною козаками въ извѣстный моментъ властью, до регуляціи войсковыхъ порядковъ и раздѣленія на полки и сотни— большое разстояніе.

DO STAROSTH.

Stephan etc. Vrodzoni wiernie nam mili. Wiesz dobrze W. T. iako przeslego liatha, gdissmi we Lwowie miesskali, Constantin Łakusta Woloszcin, nad przirzecenie, ktore nam bel ucziniel, nieopowiednie. bez woli y wiadomośczi naszej, s Dworu naszego ziachał, o kthorym pothim, iako od ludzi Woloszkich pogromion bel, the s nim sprawę miely, ze od Pansthw naszych ku Moskwi obrocicz sie miał.

Theras mami zasz the wiadomośczi, ze przecię w ziemi naszej na Ukraginie sie bawi y lotroszthwa zebrał niemało, miszliącz o thim, jakoby znou utargnął do Woloch rozruch wczinicz y wzruszacz przimierze, kthore (z) ziemią Woloszką y Panstwi Czeszarza Tureczkiego mamy; possilami tham dla thego z Dworu nasego Andrzeia Lozowiczkiego, Comornika naszego, z Liszthi do Pogranicznich Starosth naszych, aby pilnosz z wszeliaką czinieli z Lozowiczkim, zeby Constantin pogiman bicz mógł. Drugie. Takze Lothroszthwa pomoczniki iego aby szukali, byli, gromili y wiązali. Do Kozakow thesz Nizowish pizemi, aby mu Thowarzystwa thego nie pomagali, alie sluszbei naszej, na ktorą szie vdali, wedlie powinoszci ych, pilnowali wiernie. Przetho napominiesz ich tesz w thim W. T. y imieniem naszym prikazesz, aby sie nie wazeli thego. Thakze y s tich, kthorzi zoldu nie braly, iezliby kthore Constantemu przedsię wzięcia chciał pomagacz, zakazesz imieniem naszym, aby pod gardlem zaniechaly thego, a porozumiewaiącz ssie z Lozowiczkim y s pograniecznymi Starostami, będziesz się W. T. przicziniał do thego y Nizowcze prziwodziel, aby pokoy w ukragini wczalie z ichowan bel: gdisz wiesz dobrze, iako Rzeczipos. wielie naliezi na thim. Z thym W. T. dobrze zdrową bicz ziczemy.

Dath w Wilnie, dnia VI Miessancza Kwietnia Roku MDLXXIX, Panowania roku Trzeciego.

VI.

УНИВЕРСАЛЬ СТЕФАНА БАТОРІА

ЧЕРКАССКОМУ СТАРОСТЬ.

1579 апрѣля 9.

Король Стефанъ приглашалъ бѣлгородскихъ татаръ въ помощь противъ московскаго царя. Предполагалось, что ихъ можетъ набраться тысячи двѣ конныхъ. Жалованья на полныя двѣ тысячи конныхъ опредѣлялось 2.000 талеровъ на два мѣсяца. По обычаю, добыча, которую татары получаютъ на войнѣ, принадлежала имъ въ собственность. Черкасскій староста, какъ непосредственный сосѣдь ордынцевъ по пастбищамъ, звѣринымъ и рыбнымъ входамъ, по соприкосновенію областей военнаго и торговаго промысла, зналъ бѣлгородцевъ хорошо, такъ что король пишетъ ему: „Присматривайся, будетъ ли ихъ двѣ тысячи“. Отношенія Стефана Баторія къ наемнымъ татарамъ объясняютъ его отношенія къ наемнымъ казакамъ, которые состояли не изъ однихъ русскихъ людей, хотя русскій элементъ и преобладалъ между ними. Невозможность обнять политической системой громадныя пустыни между Днѣпромъ, Днѣстромъ и Чернымъ моремъ устанавливала антигосударственное начало козачества, которое должно было или погубить государство, или исчезнуть въ немъ само, уступая непреодолимой силѣ гражданственности. Три смежныя политическія системы: татарская, польская и московская, представляютъ три соответственныя арены козачества. На первой казаки были у себя дома, имѣя даже своего козацкаго царя—хана. На другой—съ ними боролись болѣе благородные элементы жизни, но безуспѣшно. На третьей—эти элементы, сплоченные единовластіемъ, переработали номадное козачество въ культурныя классы. Указанныя здѣсь общія черты козацкаго рода жизни, или козацкаго промысла, или, если угодно, козацкой идеи, не исключаютъ менѣ крупныхъ, отличительныхъ чертъ каждаго изъ трехъ сосѣднихъ козачествъ. Народъ, въ которомъ гнѣздились чужаждники, естественно болѣе или ме-

нѣе ассимилировалъ ихъ съ собою, какъ въ сѣверной Руси, или самъ принималъ ихъ дикую фізіономію, какъ это случилось въ южной Руси, по выдѣленіи изъ нея полонизованнаго дворянства, или, наконецъ, перерождаясь въ козаковъ до остатка, какъ это было въ Татарщинѣ.

Этой мысли не противорѣчить нисколько фактъ существованія донскихъ и другихъ козаковъ нашего времени. Ихъ устройство, ихъ общественный и гражданскій бытъ, ихъ измѣнившіеся къ лучшему нравы и обычаи, все это — результаты дѣятельности центральной власти, которая у поляковъ оказалась безсиленѣе дикой энергіи козачества. Отъ временъ оныхъ въ Россіи осталось только имя козаковъ; по существу своему, они не заключаютъ въ себѣ ничего антигражданственнаго, какъ это было въ Польшѣ и въ Московскомъ государствѣ XVI и XVII столѣтія.

DO STNAROSTI CZERKASKIEGO.

Stephan etc.

Vrodzony wiernie nam myly! Roskazuiemy W. W. iakoszmi y przed thim iusz pizaly o thim, abisz, iako nawiętsze staranie czynyli, zeby Tatarowie Białogrocczi na thę potrzebę Moszkiewską iachali sz namy. Przypatrzysz sie W. W. iezli ich będzie mogło bicz dwa Thisziącza kony spelna; thedi gim obiecuy od nasz y postanoff s nimi dacz dwa Thisziącza Taleroff y wedlie zwiczayu korzisz, kthora po Niepzyacieliu dostanę, zeby thego liatha przesz dwa miesiāczna na potrzebie naszey beli w Moszkwi a posługę nam zaczną vczynily. O czasie, kiedyby szie tham ruszicz mieli, oznaymiemy W. W. pewnie; iedno nam richlo y bez omieszkania znac daway, czom tam postanowisz sz nimy. S tym WW. zdrową bicz od Pana Boga ziczemy.

Dath w Wilnie IX Aprilis Anno Domini MDLXXIX, Panowania naszego Roku Trzeciego.

VII.

ГРАМОТА ІОАННА ІV

О ПОДДЕРЖАНІИ КІЕВОПЕЧЕРСКАГО МОНАСТЫРЯ.

1583.

Московскій великій князь Іоаннъ III заставилъ польскаго короля и великаго князя литовскаго Александра, по перемирію 1503 года, „поступиться“ Москвѣ находившейся въ литовскомъ владѣніи „русской земли“, которую Іоаннъ III называлъ своею отчиною, именно заставилъ поступиться 19-ю городами, 70 ю волостями, 22-мя городищами и 13-ю селами, подвинувъ такимъ образомъ Московскую границу до Путивля, Рыльска, Моравска. Въ числѣ городовъ, уступленныхъ Литвою Москвѣ, были Стародубъ и Новгородъ Сѣверскій. Въ эти города кіевскіе монахи, по старой памяти, продолжали ходить за сборомъ дани, и такимъ образомъ Кіевъ не разлучался экономически съ древними своими „прибѣжанами“. Сохранилось разрѣшеніе кіевского воеводы, данное въ 1540 году, кіевопечерскимъ монахамъ для сбора „за границею“, то есть въ Сѣверіи, дани, которая „съ давнихъ часовъ хожувала къ тому монастырю Печерскому“. (А. З. Р. т. II, № 204). Въ настоящемъ документѣ печерскіе монахи возстановляютъ преданіе о милостынѣ, которая издавна давалась московскими государями на Печерскій монастырь, пока не возгорѣлась у нихъ война съ польскими королями. Война прекратилась въ 1583 году, и вслѣдъ за тѣмъ явились въ Москву послы Печерскаго монастыря съ напоминаніемъ о „прежнемъ преданіи и обычаяхъ“. Въ тяжкихъ тогдашнихъ обстоятельствахъ, происшедшихъ отъ подозрительности Ивана Грознаго, Москва сослалась на пожаръ, истребившій старыя книги, въ которыхъ было записано, какая именно милостыня давалась для поддержанія кіевскихъ святыхъ. Печерскій монастырь указывалъ именно на постоянныя дающія московскихъ государей, а она свела дѣло на сѣверскіе города, съ которыхъ шла „милостыня“ въ Кі-

евъ къ Пречистой Богородицѣ; но царь все таки не отказался отъ помощи Печерскому монастырю. Грамота 1583 года, признавая за нимъ право на испрошеніе у царя милостыни, служить объясненіемъ многочисленныхъ монашескихъ хожденій въ Москву за милостынею по минованіи новой невзгоды, постигшей московскія владѣнія при Борисѣ Годуновѣ и потомъ въ безгосударное время. Если съ одной стороны Кіевъ считался отчиною московскаго государя, то съ другой на Москву смотрѣли, какъ на прибѣжище въ церковныхъ нуждахъ. Слова *давнїе часы, прежнїе преданїе и обычай* были для печерскихъ монаховъ какъ бы нитью, которая не давала имъ потерять слѣдъ къ русскому политическому единству. Въ послѣдствіи, заявленная Іоанномъ III мысль обрѣла въ южной Руси громкій отголосокъ, и тогда старина, преданіе, обычай возымѣли все свое значеніе въ исторической жизни этого края.

Божію милостію отъ великаго государя царя і великаго князя Іоанна Васильевича всеа Русїи (титулъ) въ Кіевѣ въ пречестную обитель пречистыя Богородицы и преподобныхъ отецъ Онтонїи и Феодосїа Печерскаго монастыря архимандриту Мелентію еже о Христѣ съ братью.

Присылалъ еси къ намъ изъ монастыря пана Якова да старцовъ Михаила да Иосифа съ грамотою, а въ грамоте своей писалъ еси къ намъ: которая наша милостыня отъ блаженные памяти пра-родителей предковъ нашихъ дана была на церковь Божию Пречистыя Богородицы Печерскаго монастыря, и за все года та милостыня отъ давныхъ часовъ на монастырь давана была, и по тѣ годы, въ которыхъ межъ насъ съ литовскими короли вѣлка начала быти, и съ тѣхъ мѣсть на монастырь вашъ та милостыня не даывана, и намъ бы та милостыня по прежнему преданью и обычаю давати велѣти, да и вьсередъ бы намъ о томъ расказати велѣти. И мы грамоту вашу выслушали і вразумѣли, и то дѣло давное: старыя книги въ пожарѣ погорѣли, и на Москвѣ сыскать того не могли; и мы о томъ приказали ближние думы діаку своему Ондрѣю Щелкалову про то послать сыскать въ тѣ города сѣверскіе,

исъ которыхъ городовъ въ Биевъ къ Пречистой Богородицы въ Печерской монастырь наша милостыня давана; и ты бѣ для того на зимѣ прислалъ къ намъ челоуѣка своего, и мы вамъ тольды о той милостине указъ свой учинимъ; а старцовъ вашихъ и слугъ пожаловавъ отпустили есмь къ вамъ; а для монастырския нужи велѣли имъ дати сорокъ рублевъ денегъ а велѣли вамъ отвести.

Писана въ государствія нашего дворе града Москве гѣта 7092 сентября мѣсяца.

Сверху надпись: Списовъ съ государевы грамоты слово въ слово. 136 г февраля въ 12 день подалъ въ восольскомъ приказе діакомъ путивлецъ Денисъ Олешковъ, а послали де съ нимъ тѣ списки изъ Путивля воеводы.

Относительно выставленнаго здѣсь 7092 года. надобно имѣть въ виду мартовское, а не сентябрьское счисленіе.

УІІІ.

УНИВЕРСАЛЪ СИГИЗМУНДА ІІІ

ОБЪ ИЗЛОВЛЕНІИ НАЛИВАЙКА И ЕГО СООБЩНИКОВЪ.

1594, ноября 1.

Мѣщане города Брацлава, этихъ Черкасъ подольской украинны, были, въ первыя времена козачества, гнѣздомъ и расадникомъ пограничной вольницы. При Стефанѣ Баторіи не разъ постигали ихъ смертныя приговоры. Съ воцареніемъ Сигизмунда ІІІ, издавались подобныя же декреты. Но, не взирая на грозу королевскаго гнѣва, брацлавляне находили довольно для себя безопаснымъ—оспаривать у королевскаго старосты Юрія Струся принадлежавшія ему права, „производя великіе бунты и заговоры“. Въ 1594 году особенно усилилось ихъ своеволие. То было время дикой славы Наливайка, которому брацлавляне помогали до тѣхъ поръ, пока за этимъ талантливымъ витяземъ анархіи не погнался еще болѣе талантливый витязь порядка, Станиславъ Жовковскій.

Въ настоящемъ универсалѣ король жалуется, что своевольные люди набѣзжаютъ на шляхетскіе дома, разоряютъ и опустошаютъ имѣнія шляхты, отнимаютъ у нихъ документы и самихъ берутъ и убиваютъ; даже королевскіе замки и города занимаютъ своими гарнизонами и выламываются изъ послушанія у короля. Все это дѣлалось отъ имени Наливайка, который въ 1594 году уже оставилъ службу у князя Острожскаго и заключилъ мирный договоръ съ его противниками, запорожцами.

Zygmunt th trzeci etc. Wielmożnym vrodzonym Łaske naszą krolewską. Wielmożni vrodzeni nam mili! Acz nie raz przedtym, iako mamy wiadomosc, poddani swowolni z miastha Braczlawia, woith z mieszczany, przeciw vrodzonemu Jerzemu Struszowi s Komorowa, bracławskiemu i winniczkiemu staroscie naszemu, wielkie bunty i seditiae czynic zwykli, o czo i na gardła od niebosczyka Krola Stephana, przedka naszego, potym i od comisarzow, takze i naszemi decretami skazowani byli; alie teraz pogotowiu, kiedy tha swawola ich thym wietszą mocz bierze, iako iusz i wziała, o czym skarga nam iesth przelozona od riczerstwa obywatelow woiewodztwa tamtego i wsztykich ziem Ruskich, ze oni, przyłączwszy do siebie ieszcze inszych swowolnych liudzi, domy slacheczkie naiezdzaią, plondruią, maietnosci ich pustoszą, prawa i szamych zabieraią i zabiiaią, zamki naweth nasze i miastha osiadaiając i s posluszentstwa naszego sie, wylamywaiancz, czemu my nieraz zabiegaiancz i obawiaiancz sie, aby tho zle pozarem dali by nie slo, dogadzaiancz tesz prozbie obywateliow tamecznych, dla odszukania i wethowania praw, skod i maietnosci, takze pobicia i rozliania krwi ich, uprz. i wier. w. tho zalecamy, ktorych sumnienia, rozsądku i biegłosci dobrze swiadomi iesteszmy abyscie im przed sobą stanąc i thego Nalewaika y inszych swowolnikow stawic kazali i kogokolwiek z nich dostawszy pilną inquisitią o herstach i iesliby iakąkolwiek otuchę i pomocz od kogo mieli, iako nasz tho zachodzi wczynili, a takowych buntownikow swowolnikow wedlug zasług ich karali i karac kazali, czalą mocz maiancz w niebytnosci inszych wyssze ymianowanych, ktorzyby przybye niemogli prawo i spawiedliwosc swientą przed oczyma maiancz i takze czo-

byscie rozumieli godnego i potrzebnego nam do odniesienia, zebyscie oznaimiali, a inaczej zebyscie nieczynili pod laską naszą.

Dan w Crakowie, dnia pierwszego miesiacza listopada roku Panskiego MDXC czwartego, panowania krolewstw naszich Polskiego siodmego, swedzkiego pierwszego.

IX.

ДОНЕСЕНІЕ УКРАИНСКАГО ТОРГОВЦА

ЦАРЮ БОРИСУ ГОДУНОВУ.

1604, февраля 2.

Московскіе цари, желая знать, что происходитъ въ сосѣднихъ государствахъ, не ограничивались разсылкою собственныхъ вѣстощиковъ по чужимъ украинамъ, но содержали на жалованьи для той же цѣли и туземцевъ. Такимъ агентомъ былъ у царя Бориса именовавшій себя литовскимъ торговымъ человѣкомъ Семень Волковскій-Овсяный. Его донесеніе виѣщаетъ въ себѣ копію одного изъ тѣхъ универсаловъ, которые Сигизмундъ III не переставалъ, и послѣ свиданія съ названнымъ царевичемъ Димитріемъ, разсылать въ королевскія и панскія украинныя владѣнія для удаленія отъ него польскорусской вольницы. Въ универсалѣ, списанномъ Волковскимъ-Овсянымъ для московскаго царя, обращаютъ на себя вниманіе слова: „повелѣваемъ, чтобы отцы не пускали своихъ сыновей для козачества къ своевольнымъ людямъ, но удерживали бы и обуздывали“. По донесенію Волковскаго-Овсянаго, запорожскіе козаки, свѣдавъ о появленіи въ Украинѣ такого человѣка, какими были у нихъ претенденты на волошское господарство, прислали къ нему своихъ уполномоченныхъ сторговаться въ цѣнѣ, за которую они вызывались доставить его въ назначенные города Московска-

го царства. Охотниковъ до козацкаго промысла было въ Украинѣ такъ много, что королю надобно было грозить отцамъ семействъ за ихъ сыновей. Не указывая на сословіе, изъ котораго набирались казаки, королевскій универсалъ даетъ намъ понять (и это согласно съ другими историческими свидѣтельствами), что казаки находились всюду, гдѣ молодой человѣкъ могъ сѣсть на коня, или запасться огнестрѣльнымъ снарядомъ, о которомъ также упоминается въ универсалѣ. За подобныя дѣла король грозилъ отобрани-емъ имуществъ и смертною казнью. Эта то строгость и показы-ваетъ, въ какой степени развился уже въ Украинѣ анархическій элементъ въ видѣ козачества. Потокъ ничѣмъ не сдержаннаго сво-евольства увлекъ въ Московщину и тѣхъ, которые въ началѣ не хотѣли знать объ ополченіи въ пользу самозванца. (Параллель этому явленію, по Лѣтописи Самовидца, представляетъ Хмельни-щина). Беззаконное дѣло сдѣлалось законнымъ, когда у общества не хватило средствъ для обузданія и наказанія преступниковъ. Анархическій наплывъ вольницы, опустошивъ сосѣднее царство, от-хлынулъ въ Польшу и продолжалъ бушевать подъ тремя видами: одни своевольники составили грозную для Рѣчи Посполитой московскую конфедерацію; другіе, подъ предводительствомъ Лисовскаго, спущены были благодушно для опустошительной работы въ Германію; третьи, по выраженію Жовковскаго, овладѣли Кіевскимъ краемъ и дѣлали въ немъ чтó хотѣли. Это были товарищи завоевателей или разорителей Московскаго царства, наши украинскіе казаки. Имя имъ легионъ; не возможно разложить ихъ на составные элементы; но такіа указанія, какія заключаются въ универсалѣ, списанномъ для Бориса Годунова, показываютъ, что это не были собственно хлопы, которые, какъ мы недавно думали, будучи тѣсными рабо-владѣльцами-панами, отстаивали личную свою независимость подъ видомъ козачества, а просто — сборъ дружины изъ людей воль-ныхъ, преимущественно мѣщанскаго званія. Еслибъ это были бѣг-лые крестьяне, тогда бы королевскіе комиссары не могли говорить о козакахъ у Кременчугана Медвѣжьихъ Лозахъ: „lubo więkasz aich zęść ludźmi nie będąc stanu szlacheckiego, nie tylką wolnością życia i używaniem majątności swoich z tym nayprzedniejszym Rzptej stanem porównani byli; wszystek świat na to patrzył i dziwował się, iako

się im w zawzięciach ich długo folgowało". (Niemc. Zbiór Pamiętn. VI, 177).

Донесеніе царскаго вѣстовщика показываетъ, между прочимъ, состояніе торговли въ украинныхъ московскихъ и литовскихъ городахъ. Она ограничивалась немногими предметами, на которые съ одной стороны былъ спросъ, а съ другой—предложеніе, именно: прѣснымъ медомъ, воскомъ, коноплянымъ масломъ и шкурами дикихъ звѣрей. По такому состоянію торговли надобно составлять себѣ понятіе и о людяхъ, ограничивавшихся предметами первой необходимости. Они естественно были бѣдны и жаждали прикрыть свои грубыя одежды тканями, для ихъ быта недоступными, а пищу свою усладить иноземными приправами и питьемъ. Самъ вѣстовщикъ, судя по тому, что владѣлъ землею и подданными, былъ шляхтичъ, но онъ испещрилъ длинную челобитную свою царю безконечными жалобами на свою нужду, на свое убожество, на то, что служить московскому царю, рискуя головою изъ за куска хлѣба. Это типъ Котошлинскій. Если онъ и преувеличиваетъ въ своемъ конюченнѣ невыгоды своего промысла, то самая грубость его назойливости показываетъ, что изображаемое имъ положеніе было общественнымъ и вопіющимъ явленіемъ. Подобный человѣкъ, въ козацкомъ промыслѣ, никакъ не можетъ являться рыцаремъ чести и патріотизма, а развѣ орудіемъ политической идеи для него непонятной. Реальность историческихъ явленій много теряетъ отъ того, что вокругъ ярко озаренныхъ личностей, каковъ, на примѣръ, былъ Борисъ Годуновъ, отъ насъ исчезаютъ въ потемкахъ люди, подобные краснорѣчивому въ своемъ родѣ автору посланной къ нему реляціи и вмѣстѣ челобитной. Я, по крайней мѣрѣ, читалъ ее съ большимъ для себя изумленіемъ, нежели многія дипломатическія дѣла посольскаго приказа или королевской канцеляріи.

Относительно языка этотъ документъ представляетъ ту особенность, что показываетъ современную рѣчь съ весьма малою примѣсью книжнаго или иноплеменнаго языка. Семенъ Волковскій-Овсяннѣй зналъ, какъ видно, только азбуку, не читалъ дѣловыхъ бумагъ и церковныхъ книгъ, вращался вдали отъ высшей шляхты и тогдашней духовной интеллигенціи. Поэтому его донесеніе даетъ намъ возможность представить себѣ, какъ говорили тогда люди на

кіевських, на примѣръ, базарахъ, чего мы никакъ бы не узнали ни изъ „Апокрисиса“, ни изъ „Шкрипта собора Берестейскаго“, ни изъ „Перестороги зѣло потребной на потомные часы“. Я старался сохранить, сколько это удобно для печати, всѣ особенности его домашняго правописанія, въ которомъ буква *з* превозблудуетъ безъ всякой надобности и пишеть одно и то же начертаніе съ буквою *ь*, но за то почти всѣ слова, оканчивающіяся согласною, писаны безъ *з*, такъ какъ послѣднюю букву Овсяный гѣпчикъ сверху слова, дорожа мѣстомъ. Донесеніе занимаетъ три съ половиною полулиста бумаги, писано безъ полей, полууставомъ различными чернилами и, какъ видно, стоило писавшему продолжительнаго труда. Въ концѣ приписана еще челобитная на стародубца Мозолева за неуплату шести рублей, и все это адресовано на оборотѣ четвертаго полулиста такъ: Въ посолскіи приказъ нильно отдат наложит.

Лѣта семь тысячъ ста второгонадесятъ году мѣсяца февраля второго числа.

Прииѣжалъ чоловикъ мой Осташко Никоновъ съ Кіева подмонастиревскіи на заставу, которого я холопъ твой государевъ посылаа для твоего государева дѣла въ Кіев, и я холопъ твой государевъ издѣлъ щернигова къ Монастыревскому, да распрошу... его про вѣсти, што ся дѣетъ у землі королевскоі. И той чоловикъ мой Осташко мнѣ сказалъ ты вѣсти: штоі (што той) воръ, который прозываетъ Дмитриемъ, былъ уже въ короля, и король, кажетъ, его тои часъ отъ себя отослалъ и далъ, кажетъ, ему тамъ гдѣсь у Полци помистыищко на прожитокъ, такъ якъ рядовому чоловику, а не велика, кажетъ, король ни паномъ прилучаться, ни шляхти, ни жолниромъ, тулко, кажетъ, зъ нимъ тамъ у томъ помистыску тыи твои цѣрьскіи изминики, што съ твоего государева царства въ Литву поперебигали.

Да казалъ мнѣ холопу твоему мой же той чоловикъ, што были козаки запорозьскіи изапопорожа послали своихъ посыланцовъ къ тому вору, што ся прозываетъ Дмитриемъ, подымуячися его провадитъ до Москвы, а онъ имъ ималъ ся у Путивльи за ихъ службы ихъ жаловатъ. Какъ, кажетъ, мене на Путивль насадите. И король,

о томъ довидавшися, заразом тыхъ посланцьовъ козацкихъ поиматъ казал да у турму посажатъ. Тое штобъ с тобою, государемъ, мирьного постановенья не нарушили. Да того ж чоловика своего Осташка спрешувалъ про мор, и вонъ минн казал, што, кажеть, у Литви и слухомъ про мор нигде не слыхатъ: усюды в земля королевской здорово, кажеть; ни жолнировъ нигде никакого зобранья у земля Литовской нить; зо всьихъ сторонъ дажь Богъ тихо. То слово моего чоловика Осташка Никонова, што вонъ минн казал.

А панъ Гаврило Братович, подьписокъ киевскій, писалъ ко мни же холопу твоему государеву тыи висти; который слова с того листу я холопъ твои слово у слово списалъ и списъ листу королевского, который писанъ до украинныхъ городовъ, такъ же слово у слово списалъ да къ тоби государю отсылалъ. А въ подьписьковомъ листи пишеть такъ:

Изъ стороны новинъ тутъ на Вкраини оныи вашьности озьнаимую... теж и мы за нихъ шкюдень не былъ, тыи суть, ижь, за писанемъ и посланьемъ тутъ на Украину до козаковъ, абы свои воли тутъ на Украини не чинили и премирья изъ зуграничными паньствы не зрушали, але козаки изъ Запорожья посылали до того нецноты господарьчика, абы имъ нагороду далъ, а они его на Москву вести подымовалися, который имъ то обещаю, же, поведатъ, гды мене до Путивля принесете, заразъ нагороду каждому дамъ, и с тымъ ихъ отправилъ. Которыи ихъ послаици шли за Пороги. Королъ его милость, не хотячи при томъ нецноты господарьчику бытъ и за негъ ся братъ, снатъ ся того довидавши, теперь днѣ вчорашнегъ, у понедилокъ передъ всенднюю недилею, февраля втораго числа по новому каландарю, того жъ коморьника своего, пана Метелского, з листомъ своимъ прислалъ, гамуючи имъ своволю; которого копию Остапъ вашьности отдасть, с которого снадѣне вашьность зрѣзумиешъ, что господарьчику чортъ якии мысль о немъ маеть не коро.... аткомъ.

Я холопъ твои государевъ с того листу королевского зрозумилъ, што за тое королъ его милость на козаки отпалився, што к тому вору посылали своихъ посланцьовъ. А писалъ тыи висти ко мни холопу твоему государеву с Киева панъ Гаврило Братович, под-

писок городскіи киевскіи, мѣсяца фѣвралѣя третѣго числа по новому каландару, у волторокъ передъ всеидною недѣлею.

Списокъ с копїи листу королевскаго, слово у слово списанъ, в которомъ пишется:

Жигимонт третїи з Божеи ласки корол полскїи, великии князь Литовскїи, руськїи, мазовецкїи, жомотскїи, полянтскїи, шведскїи, вандалскїи дедичнии корол.

Всѣмъ вобецъ людемъ украиннымъ в местечкахъ и мастностяхъ, таи нашихъ, яко подданихъ, ознамуемы. В первьшихъ уневерсагахъ нашихъ, презъ коморъника нашего, шляхетного Якуба Метелскаго, посланныхъ, способы загамованья своленства козаковъ украинныхъ ознамили, давши тежъ и о тымъ листы наши особыи до старостъ и урядовъ вшелякихъ, аби таковей свеиволи зачасу забезели, то ся намъ за речъ потребную придать еще здало и сурове вамъ всимъ росказать, яко листомъ нынешнимъ росказуемы, абы отцове сыновъ своихъ на козацтво до тамьтыхъ людемъ своолныхъ не выпущали, але е затрїмавали и гамовали о злученю се съ тымъ козацтвомъ, которыи покои посполитни и премирье с паньстви суседьскими взрушають; до того, бы не важили се заденъ салетри, пороховъ, олову и иныхъ речи до стрелбы арьматы военныи належачихъ предавать и якимъ колвекъ форьтелемъ до таковыхъ сво(вол)никовъ выносить под утраченьемъ маестности и караньемъ на горьли.

Данъ с Бракова, дня дванадцатого мѣсяца грудья, панованья крулестъ нашихъ полскаго шестнадцатого, шведскаго десятого року.

Да еще я холопъ твой государевъ послалъ того жъ чоловика своего Осташка Никонова у Киевъ для твоего государева дїла к тому жъ Братовичу, и приказалъ я холопъ твой государевъ тому чоловику, штобъ той чоловикъ мой, провидавши, што ся дїеть в королевской земьли, да приказалъ я ему, штобъ о зборьномъ воскресеньи коньче сталъ подъ Манастыревскїи з вїстїями.

Але уже я холопъ твой государевъ досталъ у черьнци постригся от тыхъ посылокъ, а подакованья за тое не чюю, не такъ нагороды. Да умилосердися, государь, вели того моего чоловика пропуститъ з Манастыревскаго и(зъ) своимъ государевимъ дїломъ у Черь-

ниговъ, да вели его, государю, зо мною уместит отпустит щерьнигова у Киевъ: атомъ уже, государю, вичне загинулъ. Штомъ у доброго чоловика въ Литви хлибъ бравъ на кабалу, томъ тут у твоём государеви царьстви увесь за посмих безъ потреби не лежачи поивъ, што мене щерьнигова ко двору не велиш ты, государь, отпустит, и я, государю, што коло себе мил, то позакладывавъ да поивъ; да уже государю, и у твоих государевых воевод твоих государевых денегъ чотири рубльи денегъ занялъ; а колибъ не по жаловали, не дали у за(й)мы, з голоду было умерет; и иржи, государю, тулко уже у мене zostało сто четвертьте(й), по чотири гривъни. Колибъ ты долъги оплатит, што теперь понаидал, а уперед ничого истъ. Тут я сидячи у Черънигови голодною смертъю умру, а тамъ у Киеви жонишко да ре(бя)тишка цо кабели за тоі хлибъ, што я тут поивъ, в туръми сидячи у Киеви, з голоду помрутъ. Умилосердися, государь, вели мене щерьнигова ко двору отпуститъ, не вели мене в Черънигови напрасно голодною смертъю уморит, штобых я холопъ твои государевъ у конецъ не погибъ и упередъ твои царской службы не остал. Милостивы царь государь и великий князь Борисъ Федорович всея Руси самодер)жець, смилу(й)ся пожагу(й) холопа.

А ты висти и чолобитную писал я холопъ твои государевъ Сенька Андрѣевъ сынъ Волковскій Овсяныи своею (рукою) и запечатал своею печатью мисаца Феврала сед(мого чи)сла.

И коли мене, государю, торъгом стречают, как побью чолом о коръму, то Бигд(астъ). И теперь я тут, государю, в Черънигови не за торъгомъ, ани за своимъ дипломъ лежу, да и чоловикъ мой не с торгомъ да не з моим дипломъ ко мѣни с Киева к Манастыревскому издит: усе съ твоимъ государевым дипломъ приежжаеть; а одначе чоловику моему ковриги хлиба не дадут, а коню моему охашки сина николи не дадут. А я бь, государю, за своим хлибишкоомъ, хотя тут в Черънигови хлибъ не платит, абых и трех дней тут не лежавъ тутъ; я бых с ним на шоньбудъ хлибишко свое зменил, да блудуся: какъ хлибъ замену, а тут долго седити-му, такъ з голоду самъ и чоловик мой умре зо мною, сидячи на гостином двори у Черънигови. Умилосердися, государь, не вели

мене за посмих невинного чоловіка голодною смертю уморит; вели, государь, мене черьнигова ко двору отпустит. Бо обо мѣни помъянуть увызъби тоби государю никому. Какъ самъ не пожалуешь, не велиши отписат у Черьниговъ, штобъ мене отпустили ко двору, то тут и умру сидячи, и ни хто обо мѣни тоби государю не помъянет.... государю от происти, а чимъ и уперед твоеи царьской службы остал.... Милостивыи царь государь и великий князь Борисъ Федорович всея Руси самодер)жець, смилу(и) пожалу(и) холопа.

Царю государю и великому князю Борису Федоровичу всея Руси самодер)зьцу. Беть челом и плачется побидный холопъ твой государевъ, который с Киева тоби царю служит, Сенка Андрѣев сын Волковъскій Овсяный.

Пожаловал ты, государь, мене холопа своего своимъ царьскимъ жалованьемъ за мої службы, велил мене пропустит з моимъ хлѣбшикомъ з Монастыревского у Чернигов, и я, государю, теперь продаюся от 8 окт(о)бра мѣсяца от четвертого числа, с тих мѣсть по ся мѣста продаюся, твоего царьского указу ждучи в Черьнигов к твоимъ государевымъ воеводамъ князю Ивану Андрѣевичу Татеву да князю Петру Миха(и)ловичу Шаховъскому, к твоему государеву дяку к Василю Федоровичу по своихъ чолобитныхъ, што я холопъ твой государевъ был чоломъ тоби государю о своей нужи о жалованьи и о корьму, и не видаю гораздъ, што мене холопа твоего государева тымъ стречали у прошломъ сто десятомъ году, какъ я был на Москви, какъ побью бывало чоломъ о жаловани и о корьму, такъ мѣни отказуют в посолскомъ прикази: идъ, кажетъ, ты, добрый члвкъ, с торьгомъ издиши; на що, кажет, намъ тоби царьскіи кормъ за посмихъ дават?

Умилосердися, государь, вели же имъ то рсудит у посолскомъ прикази, повинен ли и торьговый литовскій чоловікъ тоби государю даромъ служит, да прихавши съ твоимъ государевымъ дипломомъ у твое государево царство, да нит и исти свое, а силко носит на своей шиі день и ноч, и що часу кола или виселици ждат на себе в Литви за твою царьскую службу? То Богъ может знат, какъ царемъ служит. Я, государю, чоловікъ убоги, потомумъ и

нялся такъ великого и тяжкого (дила), тоби государю служит, хотячи
 ся твоимъ царьскимъ жалованемъ запомоти, (да) умисто запоможена, и
 нечести у земли королевской набыл, и помисти двоухъ у выизди
 Бремьянецкомъ збыл для твоеи царьской службы. Какъ новьго-
 родца сына боярьскаго Чубарова холоп перебиг з Манастыревского,
 в Литву Васко, так я в ту пору помистья потерял от того Васька,
 посулачися приказнымъ людемъ да свою голову окупи от непоче-
 сной смерти. А теперь, государю, от тых поперебигали которы
 на мене холопа твоего государева в Литви кажутъ, што я тоби
 государю служу, якожь так розумию, што и за тыми тыи ж бы
 висти были, што на мене казать, што я тоби государю служу,
 которых вони за собою щерьнигова в Литву ждали. И я бых,
 государю, теперь для торьгу у твое государево царство не ихал,
 але наболше я, государю, от тых твоих царьскихъ изминиковъ
 изъихал ис Києва да от того вора, которы несвое имъя на себе
 волочет; и я, государю, се голову свою хоропячи изъихал з дому,
 покул обойдутся мыслю у Литви на ричи тых твоих царьскихъ
 изминиковъ, которы щерьнигова и Любечу поперебигали к тому
 плуту; и я, государю, боячися того плута и тых твоих царьскихъ
 изминиковъ, суды приихал и хотячи мит твои царьскіи указъ со-
 би, будут ли мои послуги пригодяться тоби государю уперед, што
 бых могъ твое царьское жалованное слово слышит, по чому бы
 мѣл на всяккіи год от тебе государя сподиватьса соби жалованья
 за свої службы. А то, государю, день и ноч и на каждыи часъ
 смло на своен шиі нощу и не въ чести передъ людми у земли
 королевской хожу, и самъ не видаю, за що умираю от тебе,
 государя от вулку год жалованя не видал. Есьли, государю, тул
 ко одно, што сеі осени сорочок соболца(въ) да сорок куніць безъ
 двоухъ куніць мене холопа твоего государя твоего царьского жа-
 лованья дошло, и то Богъ лучши свидокъ на мене, штом и сво-
 его к тому прибавивши да на твое государево дило все выдал.
 Десятъ разъ, государю, посылал я холопъ твои государевъ у Ки-
 евъ у в Остръ людеі своихъ для твоего государева дила, хотячи
 тоби государю прислужитса; а всякая посылка мини холопу тво-
 ему государеву в денгах ставилася: которая рубле(ѣ) пять, иная
 рубле(ѣ) чотири, а и послідня рубле(ѣ) три стала; а не мог я

холопъ твои государевъ и того дождался к Чернигову з Москви к твоим государевымъ воеводамъ да к даку(sic) в Черниговъ твоего царьского указу обо мѣни холопи твоемъ государевомъ, велишь ли ты государь уперед мѣни холопу своему соби служит. Бо коли, государю, в прошломъ сти шестомъ году мене холопа твоего государева по твоему царьскому указу твои государеви воеводы черниговскіи Ѳеодоръ Ивановичъ Шереметевъ да Андрѣ Яковълевичъ Изъмаиловъ приводили мене холопа твоего государева к твоему царьскому крестьному цѣлованью, и я холопъ твои государевъ на томъ тоби государю крестъ цѣловал, што мѣни с Києва тоби государю служит, а безъ твоего царьского вида мѣни с Києва никуда жит ити не велили, а сказали мѣни именемъ твоимъ царьскимъ, што.... Семенешью писал к намъ царь государь и великнй князь Борисъ Ѳеодоровичъ всея Руси самоде(р)жець, вели теж намъ сказатъ тоби свое царьское жалованное слово, што, кажет, тулко служи государю впрою, а царь государь и великнй князь Борисъ Ѳеодоровичъ всея Руси самоде(р)жець хочетъ тебе удвое передъ прежнимъ и годовымъ своимъ царьскимъ жалованьемъ жаловать, а какнй, кажетъ, убытки тоби въ Литви станутъ для царьской службы, и тоби, кажетъ, ты убытки царь государь и, великнй князь Борисъ Ѳеодоровичъ всея Руси исполнит.

И я, государю, холопъ твои государевъ, хотя чоловикъ убоги, а видиш, государю, какъ на своемъ слове стою и какъ души своеи стерегу, штобыхъ ей не погубил. Вижу я уже и самъ, што долгол коротко мѣни холопу твоему государеву придется тѣло свое гришъно дать на муку в Литви за твою службу, а на слова твоихъ государевыхъ воеводъ черниговскихъ Ѳеодора Ивановича Шереметева да Андрѣя Яковълевича Изъмалова, што вони обещали именемъ твоимъ царьскимъ, то на ихъ слова ничего за свои службы отъ тебе государя ничего не вижу,—яково то, государю? и о грамоти такой, какъ была мѣни дана во сто пятого году, што было мѣни холопу твоему государеву повелено за всякимъ моимъ приездомъ з Литвы къ Чернигову поволено мѣни было в сивирьскихъ городехъ по сороку пудовъ меду присного да по десяти пудовъ воску, да з мене же холопа твоего государева не велено было имать у сивирьскихъ городехъ зо ста рубле(И) тамъги за всякимъ

моимъ приездомъ з Литвы у твою государеву отчину, и то, государю, за велико поставивъши, тую твою царьскую грамоту во сти шестомъ году взяли къ Москвѣ. И я, государю, хоть убогій человекъ, а мнѣ своя голова видится не дешева; а одначеі ей не жалую, што часъ и година сило на своей шиі ношу и кола на свою голову в Литви надюся за тое, што тоби государю служу; а одначе я головы своей не жалую, тулко души своей стерегу, штобых ей не погубил. Да видиш, государю и самъ, какъ я холопъ твоі пилю и вирьно тоби государю служу; а какъ приду у твое государево царство или ксамоі Москви, хоть теж и чернигова пишу чолобитныі в посолскі приказъ о своей нужи, то на мое чолобите усе отмовчуются.

Болшее мои службы тоби государю не надобны, што я, государю, от октября четвертого числа по сямиста проидавъся; а одъначе, не дождавъши твоего царьского указу по своих чолобитных, заплакавъши сило на свою шию зложивъши, ко двору поххавъ, што ничимъ в Литви прихавши приказнымъ людемъ чоломъ ударит, коли кая худоба на мене будетъ за тое, што я тоби государю служу. И такъ то я, государю, завъжды погибаю! Што у добра человека в Литъ(ви) на кабалу возьму товарьцу да пойду к Москвѣ, или у Черниговъ прихавъши, да пишу чолобитныі к Москви у посолскі приказъ, то я холопъ твои государевъ дождаючися по тых своих чолобитных твоего царьского указу и начакючися по своих чолобитных за свои службы твои царьской милости, то, государю, все свое товаришъко поим да заплакавъши завъжды ни щимъ ко двору пойду. И такъ то мене холопа твоего тоби государю не слугою доспиваютъ!

А у Литву приду, первая: тому ничимъ отдать, у кого товаръ брал, да тут напрасно живучи поеси; другая: скоро к Остру приду и пану старости подаръки давай, и самои пани, и слугамъ, и въсякому человеку добришься, штобъ то никто на мене худого слова не мовилъ про тое, што я тоби государю служу. И к Киеву прихавъши та же беда: усякъ видаеть, што я тоби государю служу; тожъ всяк приказнымъ самъ и слуги ко мѣни деруться: вони розумиют, што я у тебе государя безщотно казну беру за свои службы. Уже жъ, государю, на пятнадцатъ годъ минулъ,

какъ я бидный, тоби государю служащй, тягънулся, што куница (на) лисичее пяло. Уже жъ, государю, сила не възяла. Богу да тоби вещаю, што по(иду) с Киева до якого пана служить: бо минн у Киеви безъ твоего царьского жалованья ничимъ прожить.

Я чоловнъ не торговы, а я бых для то(р)гу у твое государево царство и на вики не поихал, колибъ не для твоеи царьской службы, какъ я писал у то(и) чолобитной, с каких причинъ я почал у твое государево царство изъидит и тоби государю служит. В той чолобитной о въсемъ о томъ писано, што я подавъ тоби государю мисяца октябрьа двадцать третего числа. Да шлуся, государю, на всихъ твоихъ государевыхъ воеводъ черъниговскихъ, при которыхъ я тоби государю служил и теперъ служу, а именно шлуся, государю, на князи Петра Ивановича Буносова да на Федора Ивановича Шереметева, какъ я холопъ твой государевъ тоби государю вирно и пильно служу.

Милостивы царь государь и великнй князь Борисъ Федоровичъ всея Руси самодер(р)жець, смилу(й)ся, покажи мсть, пожалу(й) холопа своимъ царьскимъ жалованьемъ, вели государь, мои службы сыскать да вели, государь, попрежнему мене холопа своего своимъ жалованьемъ пожаловать за мои службы, вели государь минн дать свою царскую жаловальную грамоту дать такую, какъ была минн дана сто пятого году, которой грамоты списовъ есть много у посольскомъ приказы, штобъ я холопъ твой государевъ по той твоеи царьской жаловальной грамоти у сиверскихъ городахъ торговал, а твоеи царьской службы уперед не оставал. А то, государю, какъ теперъ минн почали грамоты дават ик твоимъ государевымъ воеводамъ у Черъниговъ, то минн по тихъ никакой корысти нить. Во сто десятомъ году дана минн грамота, велено на тридцать рублей меду купить, и я одно на шесть рубле(й) купил. Тепер, государю, ты государь, мене пожаловал, позволил минн на сто рублей купить меду и воску и масла конопляного; и теперъ того ничего у Черънигови нтъ. И тамъги ты государь не велил з моего товару зо ста рублей брат; а тепер, государю, у мене товару такого нтъ, штобы тамъгу братъ: с хлеба, государю, з нашихъ з литовскихъ людей не бирували тамъги и з отвозу с того товару, што за хлебный денъги купит товару, и с того товару

твоих государевых пошльин не бирували. А как я, государю, прииду у други разъ з Литвы к Чернигову да буду мит товаръ, щого тамгу берутъ, такъ мни по той грамоти не дадутъ безътаможню торговать; да хоть о ту пору и мед и воскъ и масло конопьланое будет, такъ мни по той грамоти ничего упредь не дадутъ купить.

Милостивы государь царь и велики князь Борис Федорович всея Руси самодер(р)жець, смилу(ш)ся, покъжи мльть, пожалу(ш) холопа своимъ царьскимъ жалованьемъ, вели, государь, дать мни такую грамоту у Черъниговъ к твоимъ государевымъ воеводамъ черъниговьскимъ к князю Ивану Андръевичу Татеву да князю Петру Миха(ш)ловичу Шаховьскому, да к твоему государеву даку к Василу Федоровичу, штобъ з мене холопа твоего государева за всякимъ моимъ приездомъ з Литвы у сиверьскихъ городех не велили тамъги имать зо ста рубле(ш), и велили бы мни покупать по сороку пудовъ меду да по десяти пудовъ воску да масло конопьланое, и щобъ, государю, той твоеи царьской жаловальной грамоты не зъвозили щерънигова упредь для твоихъ государевыхъ воеводъ и для приказныхъ людей и для моего приизду. А коли, государю, буду я холопъ твой мит такую твою царьскую грамоту, я тебе государя николи... сти с королевьской земльи деръжать не иму... Милостивыи государь царь и велики князь Борисъ Федорович всея Руси самсдер(р)жець, смилу(ш)ся, пожалу(ш) холопа.

Х.

МНѢНІЕ ПОЛЬСКАГО ПЛѢХТИЧА,

НАПИСАННОЕ ДЛЯ СЕЙМИКОВЪ И СЕЙМА

1606 года.

Записка подъ этимъ заглавіемъ была роздана сеймующимъ панамъ въ печатныхъ экземплярахъ, изъ которыхъ одинъ сохранился въ варшавской библиотекѣ графовъ Красинскихъ. Въ Император-

Мат. для И. В. Р. т. I.

3

ской Публичной библиотекѣ находимъ ее въ рукописи (разнояз. л. Q. отд. 4, № 8). Она, очевидно, сдѣлалась рѣдкостью вскорѣ по напечатаніи, и ее стали тогда же списывать.

Безыменный польскій публицистъ разсматриваетъ оборону государства отъ сосѣднихъ народовъ и справедливость, на которой утверждается общественное спокойствіе. Какъ будто зная, что наступаетъ эпоха рѣшительной борьбы Польскаго государства съ Московскимъ, онъ даетъ своему обществу понять непрочное положеніе своего отечества. Это наилучшій комментарий смутнаго времени Московскаго государства и его торжества надъ напастниками. Дерзкое въ предпріятіяхъ, задорное въ бояхъ, выносивое въ осадномъ сидѣньѣ, польское общество не имѣло подъ собой обезпеченной почвы, и правильная борьба съ такимъ соперникомъ, какъ общество московское, для него была не возможна.

У Рѣчи Посполитой отъ внѣшнихъ враговъ не было никакой обороны. Чтобъ это доказать, авторъ записки перечисляетъ одну за другою тѣ силы, съ которыми Польшѣ приходилось бороться. Татары, по его словамъ, разорили Украину такъ часто, какъ это имъ было угодно, и пріѣзжали въ нее, какъ въ собственныя жилища. Въ 1606 году лѣтомъ продано ими христіанъ въ турецкую неволю безчисленное множество. Одной десятины съ полона заплачено ими на заставахъ до 14.000 душъ. Въ Константинополь, по разсказу очевидца, „нагнали ясыру, какъ скота, и едали въ Содомѣ и Гоморѣ совершались болѣе гнусныя грѣхи, какъ то, что дѣлалось тогда у жестокосердыхъ язычниковъ, *sine omni sexus discretione*“.

Хотя въ Лифляндіи и побѣжденъ князь судерманскій, но это польскій публицистъ приписываетъ не человѣческой силѣ, а высшему промыслу: такъ ненадежны были польскія ополченія; такъ невѣрны были у поляковъ денежныя орудія для энергическаго поддержанія войны.

Со стороны Венгріи Польша не была безопасна. Тамъ (говоритъ брошюра) турки и татары живутъ какъ дома. Съ венграми они уже побратались и посватались, и неужели полякамъ дожидаться ихъ посѣщенія?

Прусскую землю безыменный публицистъ проходитъ молчаніемъ,

но говорить, что если въ нее глубже всмотрѣться, то найдется тамъ что грызть.

Миръ съ Московскимъ царствомъ, по его мнѣнію, есть не что иное, какъ чудо Божіе. „Но надобно, однакожь, помнить (замѣть часть онъ), что человѣческія желанія перемѣнчивы, et tempora mutantur, et nos mutamur in illis“.

Нѣмцы (пишеть онъ далѣе) изнурены войнами. Съ ихъ стороны мы покойны. Надлежало бы имъ какъ нибудь помочь, да мы и сами не въ силахъ справиться съ этими вшивыми татарами Кожуховскими (т. е. тулупниками).

Нѣтъ у поляковъ обороны границамъ ихъ, потому что нѣтъ внутренняго порядка. Съѣхавшись на сеймики, они только здороваются, а нѣкоторые ссорятся, потомъ пишутъ артикулы, посылаютъ съ ними пословъ на сеймъ и возвращаются домой. Послы, въ свою очередь, дѣлаютъ то же самое на сеймѣ. Съѣхавшись изъ разныхъ воеводствъ, одни строятъ, другіе разрушаютъ. Послѣ разглагольствованія и дракъ, пишутъ постановленія, ни къ чему негодныя, и возвращаются къ своимъ землякамъ съ разсказами о сеймовыхъ ссорахъ. Вся дѣятельность земскихъ пословъ направлена къ тому, чтобы заставить короля одного наградить, а другого пострадать; между тѣмъ суммы, издерживаемыя на сеймованье, такъ велики, что еслибъ ихъ обратить на оборону границъ, то это было бы бессмертнымъ подвигомъ. О польскихъ сеймахъ сложилось у сосѣднихъ народовъ мнѣніе, что нѣтъ на свѣтѣ другой земли, въ которой было бы больше словъ и меньше дѣла, какъ въ Польшѣ.

Такъ разсуждали (замѣтимъ кстати) сами поляки о сеймовыхъ транзакціяхъ своихъ. Но мы нерѣдко относимся къ нимъ серьезно, особенно по поводу религиозныхъ споровъ, и красивыя слова русскихъ православныхъ пановъ на бумагѣ принимаемъ за дѣла, совершавшіяся въ дѣйствительности.

По мнѣнію автора сеймовой брошюры, особенное вниманіе слѣдовало обратить на оборону Украины и ея колонизаціи отъ татаръ. Этого можно было достигнуть усиленіемъ пограничнаго войска и запорожскихъ козаковъ. Здѣсь у него явилась мысль объ изгнаніи татаръ за море. Мысль эту возымѣлъ Язловецкій одинъ-

надцатью годами раньше. Одиннадцатью годами позже высказалъ ее весьма конкретно посоль Рѣчи Посполитой, Ожга, въ переговорахъ съ Искандеръ-башею за Днѣстромъ, а черезъ семь лѣтъ послѣ него горячо взялся за ея осуществленіе сынъ знаменитаго Жовковскаго (Ист. Возс. Р. т. III, гл. XXVIII). Но чтобы прогнать за море татаръ, надобно было сперва обезсилить турокъ, которыми татары служили постояннымъ авангардомъ въ войнахъ съ Польшею. Авторъ брошюры, путемъ Баторіи, обращаетъ взоры къ Московщинѣ, рассчитывая на царя, который, можетъ быть, во время печатанія брошюры, уже былъ уничтоженъ заговоромъ Василія Шуйскаго. Рано или поздно, но оттуда должно было прійти спасеніе христіянъ отъ повторенія очень, описанныхъ въ началѣ брошюры.

Всгдѣ за тѣмъ авторъ вспомнилъ о печальномъ положеніи подгорцевъ или подгорянъ. Ни посполитымъ рушеніемъ, ни поборами защитить ихъ отъ вѣчной опасности со стороны татаръ не было надежды. Первая мѣра уничтожилась обычною у поляковъ медленностію, которая дала бы татарамъ возожность разорить шляхту прежде, чѣмъ она выступитъ въ поле. Турки успѣли бы прислать татарамъ подмогу, и тогда Корона Польская какъ разъ очутилась бы у нихъ въ рукахъ. Размысливъ о посполитомъ рушеніи противъ мусульманъ, авторъ сеймовой брошюры рассчиталъ по пальцамъ, что механизмъ польской государственной жизни не соотвѣтствуетъ такому предпріятію. Здѣсь онъ рисуеъ вѣрную картину нестройности этого механизма, и она даетъ понятъ возможность развитія козачества въ Рѣчи Посполитой до варварскаго могущества. Она объясняетъ, какимъ образомъ устояли наши мѣщане противъ политики окатоличенія, а слѣдовательно и ополяченія, которая въ теченіе 45-лѣтняго царствованія Сигизмунда III была въ постоянномъ дѣйствіи. Она, наконецъ, вразумляетъ насъ и въ познаніе церковной нашей борьбы съ иновѣрцами, подъ предводительствомъ малочисленной и убогой русской интеллигенціи.

Польское общество состояло, въ громадномъ большинствѣ, изъ домохдодовъ, которымъ не было дѣла ни до какихъ государственныхъ интересовъ. Шляхетская конституція дѣлала каждаго пана въ миниатюрѣ королемъ. Короли шляхтичи жили разбросанно, от-

дѣльными усадьбами; въ города навѣдывались рѣдко; о томъ, что дѣлается за предѣлами оволицы, знали весьма мало, или вовсе ничего не знали. Такихъ обскурантовъ и вообразить въ наше газетное и многодорожное время трудно, какими были тогда поляки; а ихъ лѣнь и пьянство, такъ рельефно описанные поэтомъ XVI вѣка, Реемъ, едвали имѣли себѣ гдѣ либо въ Европѣ что нибудь подобное. Польша XVI и XVII вѣка была захолаустьемъ, исполненнымъ мѣстами рѣдкаго добродушія, мѣстами рѣдкаго безчеловѣчія, мѣстами рѣдкой цивилизаціи, мѣстами рѣдкой грубости нравовъ. Она могла бы просуществовать въ полугрязномъ раю безпечности своей тысячу лѣтъ, не заботясь о томъ, что дѣлается у другихъ народовъ, что дѣлается въ ея собственныхъ городахъ и селахъ, что дѣлается при королевскомъ дворѣ и что дѣлается на пограничьяхъ. Но ей не давала покоя римская курія, которой нужно было, во что бы то ни стало, выдѣлать изъ поляковъ орудіе пропаганды своей. Съ другой стороны и въ другомъ смыслѣ, не давали ей покою сосѣди, и всего больше—татары и турки. Заграничная роскошь разбудила въ польскихъ панахъ страсть къ обогащенію, а хвастливая расточительность повергала множество шляхетскаго народа въ крайнюю нужду. Надобно было такъ или иначе спекулировать. Спекуляціею были для шляхты—и война, и колонизація пустынь, и сеймовые съѣзды, и религиозное движеніе. То противъ господствующей церкви, то противъ еретиковъ, то противъ насъ, „схизматиковъ“. Но въ то время, когда безпокойные характеры вдавались въ предприимчивость, большинство шляхты оставалось вѣрнымъ своему общему типу добродушной лѣни и эгоистическаго отособленія отъ социальнихъ движеній. Въ этой то средѣ людей, или занятыхъ преслѣдованіемъ личныхъ интересовъ, или совершенно апатичныхъ къ общественнымъ явленіямъ, возникла унія, долженствовавшая претворить русскій элементъ въ польскій съ низшихъ слоевъ и до верхнихъ. Мы обязаны нашимъ спасеніемъ отъ полонизаціи не столько мужеству своему, которое насъ не спасло бы, сколько беспорядочности, эгоизму и добродушной лѣни поляковъ, смотрѣвшихъ всегда врозь.

Одна неурядица при собираніи въ Польшѣ поборовъ свидѣтельствуеъ о певѣроятной неподвижности общества, о непостижимой

пассивности членовъ его. Въ росписи такъ называемаго поглавнаго 1590 года, сохраненной отъ забвенія гѣтописцемъ Іоахимомъ Бѣльскимъ, коронный гетманъ поставленъ наравнѣ съ коронными сборщиками пошлинъ (selnicy). Такимъ образомъ безчестность была узаконена, по невозможности справиться съ нею. Авторъ сеймовой брошюры безуспѣшность защиты границъ посредствомъ поборовъ обусловливаетъ невозможностію сохранить денежные сборы отъ утайки сборщиками, и распространяется объ этомъ въ такихъ словахъ, которые, въ устахъ иностранца, показались бы выраженіемъ вражды къ польской націи.

Главною причиною развитія въ ней казнокрадства и вообще хищничества была усилившаяся со временъ королевы Боны роскошь. Она заразила даже польскихъ мѣщанъ и ремесленниковъ, которые начали въ одеждѣ подражать шляхтѣ. Авторъ видѣлъ кузнеца, ковавшего лошадей въ куртки изъ краснаго бархату. „О польскій безпорядокъ! (восклицаетъ онъ болѣе какъ шляхтичъ, нежели какъ экономистъ) въ другихъ краяхъ съ такого ремесленника содрали бы въ публичномъ мѣстѣ одежду, неприличную его состоянію, и не позволили бы ему носить сафьянныхъ сапоговъ“.

Рядомъ съ этимъ вспоминаетъ онъ объ убожествѣ сельскихъ мужиковъ, на которыхъ пала вся тяжесть поборовъ. „У бѣднаго мужичка (говоритъ онъ) нечего ѣсть съ женой и дѣтками, шкура присохла у него къ костямъ, жену и дѣтей вѣтеръ шатаетъ; нечѣмъ покрыть ему наготы своей, но, не взирая на то, или ксензь, или панъ беретъ съ него десятину, а Рѣчь Посполитая—поборы, Не достааетъ одного: чтобы мы велѣли мужикамъ еще до разсвѣта сидѣть въ костелѣ и молиться за насъ Господу Богу“.

Кстати указать здѣсь и на другое свидѣтельство о польскихъ мужикахъ, которыхъ движеніе въ Украину объясняется бѣдственнымъ положеніемъ внутри государства. Папскій нунцій Гоноратъ Висконти, въ своей реляціи 1636 года, говоритъ, что ни въ какой странѣ нѣтъ ужаснѣе польскихъ мужицкихъ хатъ, все равно какъ во всемъ свѣтѣ нѣтъ людей бѣднѣе польскихъ хлопцовъ“.

Но та же расточительность, которая была причиною угнетенія крестьянъ, повергала и множество шляхты въ крайнее убожество, такъ что, по выраженію Рая, у много шляхтича не было чѣмъ

выманить кошку изъ за печи. Эти то люди дѣлались воинами и были жестокосерды не меньше козаковъ. Нужда гнала ихъ на службу даже въ Турцію, гдѣ они, по словамъ автора брошюры, становились бродягами и нерѣдко принимали мусульманскую вѣру. Незадолго передъ сеймомъ 1606 года, нѣсколько шляхтичей отъправились къ татарамъ, и они то, должно быть, (говорить онъ) указывали ордѣ дорогу въ Русь и Подолію. Паны не принимали къ себѣ въ дворскую службу оборвишей. Можно бы помочь шляхетному пролетариату (по мнѣнію автора) основаніемъ рыцарской школы въ пустынѣ, для отраженія татаръ, о чемъ мечталъ еще епископъ Верещинскій; но польскому обществу (замѣтимъ отъ себя) было не свойственно что либо регулировать, кромѣ развѣ собственныхъ домовъ, изъ которыхъ нѣкоторые представляли высокую степень цивилизаціи. Впрочемъ это были оазисы въ безпутной и безпріютной пустынѣ польской гражданственности.

VOTUM SLACHCICA POLSKIEGO, PISANE NA SEYMIKI Y SEYM ROKU PAŃSKIEGO 1606.

Trzemi rzeczami wszystkie B. P. stoią: Łaską Bożą y providencią jego ś. primarie modo; obroną od nieprzyjaciół postronnych, á sprawiedliwością. O pierwszej milczę: taką mamy, ná iáką kto robi. Obrońcy nic niemasz: Tátarowie vkráinę plundrują kiedy chcą; iáda iáko do domow swych. O iáko wiele ludzi chrześciańskich tego lątá do Turek zágnáli y przedáli! okrom [iáko powiadáją] że Czesárzowi Turckiemn dzieśięćiny do czterestu tysięcy człeká oddáli.

Slyszalem od iednego Ormiániná, że byl ná ten czas w Konstán-tyopolu, kiedy wielki gwałt więźniow z vkráiny iáko bydlá przyrędzono; Jáki pláč y nárzekanie tám było, iákie do Páná Bogá o pomstę wołanie strapionych ludzi, tak narodu slácheckiego, iáko y pospolitego! Kámienne serce, kogo to nie ruszy; mnie lzy pisac nie dopuszczą. Nie wierzę, áby w Sodomie y Gomorze wszeteczniejszye y plugawsze grzechy znajdownac się onego czásu miály, iákie teraz v tych okrutnych pogánow, sine omni sexus discretione, znáyduią sie. Coż z tego? Nic!

A w Inflanciach co: y tam obrony niepytay. Jesli to, że Książę Sudermánskie porażone, nie chwalmy sie: łaska niebieskiego Pána tam to zwycięstwo dáła, szczęście y sprawiedliwość Krolá Je^o Mości A pobożność, czułość, vmiejętność y liberalitas Je^o Mści Pána Stárosty Zmudzkiego. Nie ludzkiej to moci spráwá byłą.

A od Węgier będziemy bezpieczni, gdiż tam Turcy, Tátárowie mieszkaią iáko domá: iuż sie z Węgrámi pobrátáli, bá y poswátáli. Nie, Mściwi Pánowie, dla Bogá, Czy ich tu w domách naszych czekać będziemy?

Milczę o Ziemi pruskiej, w którą gdy proiundus weyrzeć będziecie raczyli, naydziecie w niey co gryść.

Z Moskwą pokoy, á! to mirabilia fecit Dominus in diebus nostris. Pomnieć iednak potrzebá, że volunlates ludzkie odmienne są, et tempora mutantur, et nos mutamur in illis.

Sąsiedzi Niemcy woynámi długiemi vtrapieni, od nich pokoy. Pomocby im by iáko, ale sámi się wszarzom Tátárom Kożuchowskim odiać nie możemy. Sprawiedliwości tu wspominać niechce; acz y tá iáka iest, sam Pan Bog wie: Co bowiem iedeu Trybunał nápráwi, to drugi skázi. Wspominać, mowię, niechcę, bo gdiż obrony y pokoiu pewnego niebędzie, sprawiedliwość stánąc muśi. Do czegoż tedy prowadzę tę mowę moję do W. M.? Do náмовienia obrony. Ale podobno czekaćie zdánia mego; Więć powiem co rozumiem.

Mściwi Pánowie y Bráćia, w brod mowiać, Zadney obrony W. M. nie macie granicom Koronnym. Do obrony trzebá, przy łasce Bozey, rady zdrowey, ludzi Ryczerskich, pienedzy á Hetmáná, w spráwách woennych biegłego. Rady W. M. posádzáć niechce y nie godzi sie, ale wždy z baczenia swego rozsádzić możecie, iákie consilia wásze. Na Seymik ziaehawszy przywitawszy, a niektorzy paswarzywwszy sie, Artykny popisawszy, Posły z niemi ná Seym wyprawiwszy, do domow wászych wracacie sie. Coż za koniec tego? Nic. Panowie Posłowie bowiem z rózných Wojewodztw, iedni buduią drudzy rozwaliaią, iedni wołaią tak! drudzi nie tak! A bywa y to, że sie do szabel porywiaią, y z stąd na wielu Seymiech conclusio nulla, iedno R. P. grauis et periculosissima perturbatio et confysio. Artykny piszą przez sześć niedziel; kiedy ku końcowi Seymu przydzie, alić sie ona wszystka praca w drobne robaczky obrociła. Propter apparentiam przecie, iż Seym był, Constitucie wydadzą, w których pobor postano-

wiony, a Constitucia o Nieświeżkiem iarmarku na iednym, o zbiegłego sługę, iż może do urzędu Grodzkego pozywać, na drugim. A bywają y takie, co na nich nic nie postanowiwszy, dla mizernih praktyk y szkodliwych w R. P. factiy, roziedzają sie. O piękne y znamienite Seymy! Wracają sie potym PP. Posłowie do powiatow swych, na Seymiky electiy PP. Deputatow nowych, liczbę czyniąc z Poselstw swoyeh. Coż powiadaią? słow bez miary, excuss dosyć, więc o swarach Seymowych. Item, kto Sejm rozerwał. A tenże iest pożytek artykułow, ktorych tak wiele napisawszy, in cassum W. M. na Sejm z niemi posyłaćie. Napisał ieden, in nullum agere finem, desipientis est.

O uieszczęśliwasz to priuata, dla ktorey R. P. tak ciężko chorować musi! Coż komu będzie po iego wielkich zbiorach, kiedy mu ie nieprzyaciel, nie tylko majątność, ale y samego Pana za gardło, y żonę, y dzieci weźmie? Słyszałem iednego dosyć bacznego slachcica, mowiącego to, że rady wasze—abo są po Krolu Je^o Mści, aby temu który prosi, y o co prosi, dać raczył, abo przeciwnie, aby wymierzył y wyswarzył. Sama R. P. abo mało, abo nie sług nie ma. Porachuyćie W. M. co Seymy kosztują; Patrzćie na niewczasy wasze, ktore tam miewaćie; Uważćiesz conclusie ich. Piorko daley niechce. Ach, rzecz niewypowiedzianego żalu pełna! Byćie W. M. to dać raczyli na obronę, co W. M. Seymy kosztują, nieśmiertelną sławę zostawilibyćie potomstwu waszemu, sami wczasow swoich y gospodarstwa doma zażylibyćie w miłym pokoju. Nie będę tu wspominal, iaki pośmiech y vraganie odnosi od postronnych ludzi ta zacna Korona nasza. Ktorzy gdy discursi czynią o narodzie naszym—Bacźni, widząc co Turek z chrześciauy czyni, żałują barzo, że consilia nasze do żadnego skutku nie bywają przywodzone; frantowscy zaśię ludzie śmieją, mowią y drudzy, że niemasz takiej żadney ziemie pod niebem, ktora by więcej słow miała, a skutku nic, iako Polska. Naydują sie y tacy, ktorzy, per opprobrium, o naszych Seymach comedie sobie czynią.

Jabym beśpiecznie śmiał perswadować W. M. pro mea conscientia, abyćie W. M. w tym samym artykule obrony dać raczyli absolutam potestatem PP. Posłom po wszystkich Woicwodztwach. Bo iesli iedni cum absoluta, a drudzy cum limitata potestate przyiadą, vpewniam W. M. że nic nie postanowicie: Swarow a protestatyi będzie dość.

A ziachawszy sie cum absoluta potestate, wysadzić potrzeba PP. Deputati do tego samego artykułu namowienia obrony Koronney, tak z gornego koła Senatorskiego, iako y dolnego Poselskiego, Ktorzy taką obronę zaras postanowić mają, żeby vkraina zawždy w pokoju siedzieć, pola osadzać y szerzyć się mogła. Trzeba Tatarom omerzić te incursie ich; Czym? Zołnierzem a Zaporowskiem Kozakiem. Nie źleby ich też nawiedzić. Podobnoć ia tu lada co powiem. Mnie sie zda, że nie przednie wielkiem sumptem, nie tylko odiać się tym pohañczom ludziom marnym, ale wygnać ie za morze mogła by Korona Polska. By iedno consultores Regni gorąco o tym pomowić y do skutku mowę swą przywieść chcieli. Do ktorey rzeczy wielkie Książę y Car Moskiewski, będąc w takiey przyiaźni z wami, w iakiey iest, chętnieby pomoc od swych Państw przyległych nie zaniechał. W wielu rzeczach iako ia consideruję, mógł by nam ten Pan być potrzebny y użyteczny, modo nolimus abuti eius facilitate, et in nos animo propenso. Pomoc iego, iż na Tatary potrzebna do wykorzenia ich, także y do vspokoienia ziemie Inflanckiey, y vkrocenia Książęcia Sudermańskiego.

Na szparze siedzą niebożęta Podgorzanie. Ale iakosz wždy temu zabieżeć mamy? Dwoy sposob iest obrony w tey Koronie: Jeden popolitem ruszeniem, Drugi poborami. Oba mi się nie podobają. Pierwszy tardum et infinitum chaos: Czemu? Niśliby bowiem do popolitego ruszenia przyszło, rzecz tak iasna iako Słońce, że Tatarowie, wzięwszy auxilia Tureckie, splundrowali by Koronę, że gorzey nie rzekę, boday y nie wzięli. Bo któż by iey bronil? Trzeba by bowiem pierwey Seymiki złożyć, potym Seym, y tam ie concludować. Na prętką potrzebę, Woiewodztwa przyległe nie ruszą się, bo przeciwko prawu generalnego ruszenia. Czekaiąc, nie rychło: Po obiedzie Iyszka. Straćwszy quod absit Koronę, dopiero radzić o obronie, nie roznm. Praeterea, nie wszyscy poiadą: Bo iedni starzy, drudzy chory, drudzy imbelles. Naydzie y takie, ktorzy nie mogą na kura, gdy go rzeżą, patrzeć, a wy mu się bić każećie. Są y tacy, ktorzy bez broniey chodzą; A siła ich iest, mając to sobie za grzech. Nadto co za proportio y aequalitas? Ten co kilka wsi ma, a vtratny iest, sstawi tak wiele koni, iako ow co ich ma do sta, będąc skromny a raczej skąpy.

Pomiary: nie wspominać cruciidge clamitant. Ba, moi Mściwi PP.

wszystek świat y rzeczy, ktore na niem są, constant numero, pondere et mensura. Pobory zaśię, nišli ie zspraktykują, siła od Krola Jego Mści naobiecować głowom Seymikowym potrzeba, a niektorzy twierdzą, że directoribus tychże Seymikow nie mało się go doztawa. Strach y mówić y pisać, paena to jest peculatus, kto w namnieyszey rzeczy R. P. oszukawa y szkodzi. Nie trzebać bonos cives in B. P. prosić, aby sie składali na obronę: sami mają, z wielką chęcią, y radzić, y dawać, y pomagać, y do zatrzymania Koronnego bezpieczeństwa młodszym et minus ingeniosis bydź dobrym przykładem. Przydam y to, iż z wielkiem kłopotem te pobory przychodzą y ciężko sie rodzą, a przecie wielka część ich nie tam sie obraca, na co złożone są; ale to większa, iż kiedy do ręku PP. Poborców przydą, nie wszystkich wydadzą. Na restach bowiem siła pokazują, na delatach, może y to bydź, że sobie niemi pożytek czynią. Coż z tego? Pozowie Pan Instigator ex delatione fisci, czasem się co dostanie ex iuris rigore do skarbu, częścięcy nic, wyprzysięga sie, wimodli, szkody przekłada, a R. P. piskorz. Drudzy zaśię lubo zasłużeni, lubo nie zasłużeni, o takie resti Krola iego Mści proszą, y często otrzymywają. Takci tę vtrapioną R. P. co żywo skubie. Ominąwszy tedy te dwa sposoby, czegoż sie wdy trzymać? Trzeba namowić aerarium publicum. Każde Woiewodztwo niech ma swoje, chować ie w nayprzednieyszym Zamku swegosz Woiewodztwa.

Aby ten co kupie Pszenicę, Zyto, Jęczmień, dał po pułgroszku od korca, od Tatarski, Owsa, Grochu, y inszych zboż po szelągu. Co rozumiecie, iako by ta rzecz wielką summę wyniosła, choć sie tak mała widzi? [korce by wprawdzie po wszystkich Państwach trzeba mieć iednakie]. Takze od każdego achtela piwa na szynk po groszu, od beczki Małmazey y Wina wszelakiego po złotych dwa [seruata proportionone naczyńia], od skor szaflanowych, od każdej po groszy sześci, od iedwabnych towarow, ktorych już co żywo, nie tylko ludzie narodu szacheckiego, nie tylko mieszczanie vzywają, ale y na slugi, a co gorsza y na woznice Panowie iuz barwy iedwabne dawaia. Nie wspominam tu rzemieśnikow, ktorzy, iako ślachta chodzą, szaty Adamaszkami [iuz to podli ktorzy kitayką] podszywają, w kurtach y żupanach iedwabnych szerzą sie. Wedziałem onegdy kowala w czerwony Aksamitney kurcie konie kując. Zaczym iako wszystko drogo

płaciemy, et lippis et tonsoribus ista constant. O nierządzie Polski! w inszych krajach odarto by cie rzemieśniku in loco publico, z takiej odzieży twemu stanowi nieprzystoyney y z baczmak szafianowych.

Byłoby pole inuektive wczynić na lux polski, a zatym et legem sumptuariam namowić; ale pierwey obrony, moi Mościwi PP. trzeba. Także y od łokcia sukna, y od innych rzeczy wielu, od wołów, od skor, łoiow, woskow, towarow leśnych, które się wymacać mogą, gdy deputowani Panowie na tym siedzieć będą. Nuż ruszmy się też sami, przyłożmy się do tego, czynimy też co dla R. P. nie wszystko po biesiadach iędzić, które y Pana Boga obrazaią, y zdrowie, y mieszek psują, czas tracą, vitia mnożą. Daymy tesz co hoyną ręką; nie wszystkich też ciężarow na vbogie a vtrapione poddane nasze kładźmy. Vbogi chłopek nie ma sam co iesć, z żoną z dziećkami; skora do kości na nim przyschła, żonę dzieci wiatr powiewa, a nagości swey czym okryć nie ma; a przecie dzieięćcinę abo Książ, abo Pan od niego bierze, R. P. pobor. Tylko tego nie dostawa, abysmy ieszcze za dzień kazali im w hościele siedzieć a Pana Boga za nas prosić. Starać owo co mówią: Tu sacerdos ora, Tu Rex et nobilis defende; Tu rustice labora. Mościwi PP. boymy sie Pana Boga: oppressia vbogich ludzi po wsiach wielka, kłora, peccatum vnum est ex quatuor clamantibus ad Deum. Nie obciążaymy nędze więtszą nędzą, Ne vindicta Domini veniat super nos et filios nostros.

Mając tedy neruum belli, ludzi dość iest w Polsce, y tak wiele, że nie bez żalu wielkiego przypomnieć sie to ma, iż do Turek słachecka krew nasza wyieżdzać musi, służby szukając, y tam się poniewierają, a drudzy Turczą. Y ci co do Tatar wyiachali [iako to twierdzą] snąc im przewodnikami byli na vkrainę y do ziem Ruskich y Podolskich temi czasy, po smesći Hetmana koronnego nawiedli ich y naprowadzili. Zła nędza, kłora ex luxu roście. Narodziło się w domach słacheckich synow niepospolitych, kłorzy [iż curta supellex domi] pożywić się nie mogą, służyć nie masz na co, chyba by z strawy a z krotkiej sukniey, co ją kurtą zową. Panowie przyjmować ich niechęć; A iesli przyjmie ktory, wprosić y wmodlić go potrzeba. Niemasz inszego remedium na syny słacheckie, iedno szkoła Bycerska, która tak potrzebna iest R. P., iako chleb powszedni ludziom. Czytałem Książke Biskupa pogranicznego Książa

Wereczeenskigo, iako by ią postanowie bez wielkiego sumptu. Zaprawdę znajdzie tam iako w saydaku wiele rzeczy dobrych y R. P. użytecznych do postanowienia tey to szkoły Rycerskiej. Ktora stanąć nie może, ażby pierwey aerarium bogate namowilo y postanowilo się.

XI.

БОРКУЛАВОВСКАЯ ХРОНИКА

1563—1608.

Это заглавіе дано мною домашнимъ запискамъ, извлеченнымъ изъ рукописнаго сборника московской Синодальной, бывшей Патриаршей, библиотеки (№ 790 in 4°), съ печатнымъ заглавіемъ на корешкѣ: „Лѣтописецъ вкратцѣ“. Сборникъ писанъ почеркомъ XVII столѣтія одной и той же руки, съ весьма немногими мѣстами, писанными другой рукою. На оборотѣ 14 листка начинается, безъ всякаго заглавія, современное описаніе снода въ городѣ Берестѣѣ 1590 года, занимающее два съ половиною листка. Слѣдуютъ потомъ разнообразныя выписки изъ хронографовъ. Съ листка 112 до листка 237 идетъ непрерывно „Лѣтописецъ вѣры законные житія поганьства и побоженьства князей великихъ рускихъ“. Наконецъ составитель сборника перестаетъ списывать чужое и начинаетъ записывать известное ему, какъ очевидцу или современнику; при чемъ онъ включаетъ въ свою хронику и записки другихъ очевидцевъ или ходившіе въ то время по рукамъ универсалы, письма и т. п.

Это, впрочемъ, не оригиналь, а копія, списанная съ оригинальной хроники, вѣроятно, по смерти автора. Въ нѣкоторыхъ вставкахъ находимъ анахронизмы, которыхъ никакъ не могъ сдѣлать первоначальный составитель сборника и авторъ Хроники.

Переписчикъ не включилъ въ Хронику упомянутого мною описанія синода 1590 года, но онъ имѣлъ его въ виду, какъ это можно заключить изъ того, что, упомянувъ объ этомъ синодѣ, онъ остановился и оставилъ страницу недописанною. Я воспользовался его намекомъ и вставилъ въ „Боркулабовскую Хронику“ этотъ весьма важный для исторіи церковной уніи разсказъ очевидца о соборѣ, извѣстномъ намъ по однимъ упоминаніямъ. (Вставка моя начинается словами: „На день Святого Іоанна“, а оканчивается словами: „Вельми хвалили пастылю, которую почали перекладати на рускій языкъ“.)

Кто былъ авторъ Хроники, неизвѣстно. Видно только, что онъ былъ житель бѣлорусскаго городка Боркулабова и принадлежалъ къ православному духовенству. Его записки принадлежатъ къ историческимъ источникамъ первостепенной важности. Онъ изображаетъ церковныя братства съ точки зрѣнія русскаго шляхтича, разобщеннаго съ мѣщанскою муниципіею. Онъ видѣлъ собственными глазами пораженіе войска Іоанна Грознаго подъ Могилевомъ и сохранилъ для насъ черты войны Баторія съ московскимъ царемъ, ни откуда до сихъ поръ не извѣстныя. Сообщаемыя имъ свѣдѣнія о колонизаторской и хозяйственной роли польскорусскихъ пановъ очень полезны для установленія правильнаго взгляда на землевладѣльцевъ XVI столѣтія. Замѣтки его о главныхъ дѣйствующихъ лицахъ церковной уніи по истинѣ драгоцѣнны. Не менѣе важны и его извѣстія о московской самозванщинѣ, поддержанной польскорусскою шляхтою. Но всего интереснѣе въ „Боркулабовской Хроникѣ“ изображеніе днѣпровскаго козачества, каковымъ оно являлось въ глазахъ людей благочестивыхъ и порядочныхъ.

Различныя сословія, состоянія и народности Рѣчи Посполитой забывали свой антагонизмъ, когда дѣло шло о домашней, ордѣ, расторгавшей семейныя и общественныя связи, чуждой установленнымъ вѣками правилъ нравственности, не подчинявшейся ни королевскимъ чиновникамъ, ни сеймовымъ постановленіямъ, ни владычному праву дѣдичей, ни республиканскому суду муниципій, равнодушной къ положенію панскаго подданнаго и тѣснимаго за вѣру мѣщанина, устранявшейся отъ земледѣлія и мирныхъ промысловъ, жившей только военною добычею и добывавшей свой

„козацкій хлѣбъ“ грабежемъ тѣхъ самыхъ людей, изъ которыхъ набирались ея разбойничьи купы. Заниски боркулабовскаго жителя начинаются съ 1563 года и оканчиваются 1608 годомъ. Потомъ идетъ пробѣлъ до 1633 года, который обозначенъ лишь нѣсколькими словами, составляющими постороннюю замѣтку. Первый періодъ составляетъ 45 лѣтъ, второй 25. Если авторъ Хроникъ началъ записывать видѣнное и слышанное на 20-мъ году жизни, то въ 1608 году ему было 65 лѣтъ отъ роду. Въ 1633-мъ (предполагая, что и этотъ годъ обозначенъ въ запискахъ его же рукою) ему было 90 лѣтъ. Во всякомъ случаѣ, для насъ важенъ отъѣвъ о козакахъ человѣка, очевидно преданнаго православнои вѣрѣ и русской народности, но не знавшаго ни Хмельницыны, которая закрыла передъ нами исторію предшествовавшихъ мѣнѣй польскорусскаго общества, ни войнъ Павлюка, Острияницы, Гуни, изъ которыхъ мы, по почину козацкихъ лѣтописцевъ, создали небывалый міръ польскорусской общественности.

Оканчиваю этимъ замѣчанія мои о „Боркулабовской Хроникѣ“ не потому, чтобы нечего было больше о ней сказать, но потому, что она сама говоритъ о себѣ выразительно, и что мнѣ, при дальнѣйшихъ обличеніяхъ различныхъ документовъ, придется много разъ обращаться къ ней.

Этотъ историческій памятникъ открыть, однакожъ, не мною. Въ изданномъ 1858 года Указателѣ рукописей Синодальной бібліотеки онъ опредѣленъ бібліографически довольно обстоятельно, а X-й томъ „Исторіи Россіи“ С. М. Соловьева (стр. 84 по 2-му изд.) показываетъ, что записки неизвѣстнаго бѣлорусса были у него въ рукахъ. Страницы 101 и 102 во II томѣ „Смутнаго Времени“ Н. И. Костомарова, очевидно, также написаны по этимъ запискамъ; но онѣ тамъ ошибочно названы рукописью, принадлежащею Археографической Коммиссіи.

М О Г И Л Е В Ъ.

За господаря кроля Жикгимонта, за митрополита Иону, за владыку полоцкаго пана Хребтовича, за держаньемъ пана Стафия Воловича, за старосту его пана Баркулаба Корсака, а панъ Иванъ Черный былъ городничимъ. А место Могилевъ засели люди прихожие, на Леткове и Печерску идучи, то Вожчичи, Сухочъ, Бутагъ, Андросовичъ около места прихожие люди селяне съ Княжичъ, зъ Головчина, зъ селъ многихъ, которые села за Дубровкою, то бучничане и голынчане селяне, также и зъ Радивонковичъ. Бо первой было село Радивонковичи, а потомъ Буйничи, старые села давние. А которые села на слободе на Гривце на берегу окого (около) Коцаваго, коло Десятинны, продви ихъ зъ Смоленска пришлые смоляне, то есть Гаврило Дристунъ, Иванъ Белякъ, Максимъ и иныхъ много, такъ же и Овтушко Богатый, тые вси зъ Смоленска пришли. Лет(а) 1526 большой замокъ заробенъ и принято много горы Могилы, на которой теперя замокъ Могилевъ стоитъ, по горце Могиле названъ. Почавши отъ Днепра, идучи подле Дубровны, ажъ и за Печерское, на гетой стороне кгрунты, то все Буйницкого было; а Буйничи село княжене-можное держало: князь Крошинский, князь Мосальскій, панъ Баркулабъ, панъ Салтанъ, панъ Филонъ и иныхъ пановъ.

П О Л Т Е С К Ъ.

На запусты великие мясные князь Иванъ Васильевичъ московский, царь восточный, градъ славный великий Полоцко взялъ подъ кромель Августомъ року 1563.

Б А Р К У Л А Б О В Ъ.

По взятии полоцкомъ за господаря короля Августа, за митрополита Девочку, за владыку полоцкаго Варсанофия Валоха, за ласкою господаря кроля, за великие и почтивые послуги, за сильное гордованье, за нелютованіе здоровья и нежалованье маестности у справе рыцѣрской военной его милости пана Баркулаба Ивановича Корсака, ротмистра и старосту дисенского, на лесе глухомъ,

на кгрунте лесномъ, на врочищу, прозываеомомъ Брусь, закликавши на волю и давши слободы годъ дванадцать людемъ прихожимъ, за волю Божию и за благословенствомъ людей духовныхъ, заложилъ замокъ, именемъ своимъ Баркулабовъ, року 1564.

Такъ же сооружилъ храмъ Святаго Духа, а другой престолъ Рождества Господа нашего Исусъ Христа, и посветилъ его року 1668.

За владыку Варсанофия, за митрополита Иону, року 1568, за кроля Августа, за пана Баркулаба и за врядника его Равского, села Вендорожъ, Кубы Ловечы, Будища людьми прихожими засадили, а потомъ въ томъ же Вендорожѣ, року 1568, во великий постъ церковь Святаго Покрова сооружена и попу вендорожскому его милость князь Богданъ Соломерецкій туу церковь отдалъ: бо тамъ была первой парафeya баркулабовская, парафeya отца Алексея Гавриловича Мстиславца, отца Феодора Филиповича Могилевца.

Року 1570, владыка полоцкий Варсанофій Валахъ переставился у мѣсте Могилеве; похввано альбо погребено его черезъ пана Филона у Святаго Спаса въ Могилеве.

Того жъ року 1570 священника куренского совѣршено на владычество полоцкое, именемъ Теофана.

Року 1576, наехалъ альбо взято Стефана Батуру княжã семигородское на королевство Польское. Тотъ господаръ Стефанъ Батура, княжа семигородское, праве былъ человекъ побожный, рыцѣрскій, военный, щасливый, правдивый, правый. Того жъ року корону принялъ, а Гендрыхъ король съ крольства Польского утекъ до своее земли.

На початку отъ него (Баторія) новый календаръ украдоватися почалъ; прето немного летъ и на свете мешкалъ.

Панъ Баркулабъ Ивановичъ Корсакъ, староста дисенский и ротмистръ крелевский, войтъ дисенский, рыцѣрь и военникъ добрый, славный, замокъ Дисну, замокъ Вороници, замокъ Леплю, замокъ Чашники, тые вси замки по взятію полоцкомъ, весполъ съ паномъ Романомъ Ходкевичомъ, сами изъ своимъ людомъ позакладали и места пассажали людьми добрыми. А потомъ року 1576 месеца августа 20 дня, въ понеделокъ увечере, дву годинъ въ ночи, панъ Баркулабъ переттавился на старостве дисенскомъ въ замку Дисене,

а погребено честно тело его у месте Виленскомъ, у церкви Святыя Пречистыя Богородицы.

Року 1578, месеца генваря 2, на Стретеніе Господне, князь Янушъ Чорторійскій панну Евву Баркулабовну, дочку пана Барлабову, въ станъ малженскій за себе взялъ.

Того жъ року 1578, на Святой недели у восторокъ о полудни, матка пана Баркулабова у Баркулабове переставилася, пани Марья Бгитовтовна, городничая полоцкая, а поховано альбо погребено тело ее милости у Могилеве Святаго Спаса у притворе.

Року 1579, господарь король Стефанъ Батура, кроль польскій, княжа седмигородское, подъ княземъ великимъ, московскимъ княземъ Иваномъ Василевичемъ, Полтескъ замокъ взялъ съ поляци и литвою.

МОСКВА МОГИЛЕВЪ ВЫЖЛА ВЪ ПЕТРОВЪ ПОСТЪ.

Року 1580, господарь король Стефанъ былъ подъ Псковомъ и взялъ городъ Псковъ; а Москва, то есть Серебряный зъ немалымъ войскомъ, место славное Могилевъ выжогъ. Тамъ же у край Шкловъ, Копысу села вельми выпустопили, такъ же и около Могилева. На Орши и до Радомли, Мстиславля, тыжъ замковъ не подходила, ани рушила. А въ Боркулабове князь Чарторійскій Иванъ съ войскомъ своимъ на тотъ часъ былъ, такъ тежъ и Темрюкъ со тристами войска татарского при немъ былъ у Боркулабове на тотъ часъ, и сторожу у Новоселкахъ московскую поймали; а потомъ Темрюкъ и князь Чарторійскій, князь Иванъ, взявши ведомость певную отъ сторожи московское, которую поймали у Новоселкахъ, то есть на имя Ивана (пробълъ), и князь Иванъ Чарторійскій заехалъ отъ Шупень дорогою великою Шкловскою, до Могилева тягнулъ, а москва подъ местомъ Могилевомъ места жгутъ, а Темрюкъ зъ Боркулабова дорогою Могилевскою на Задубровенья до замку Могилева зъ войскомъ пригягнулъ; а войско литовское у Шклове стояло. Теперь же отъ Могилева почали отпирати съ трехъ сторонъ: Чарторійскій отъ Шупень, Темрюкъ зъ Баркулабова, войско литовское зъ Копыси и зъ Шклова москву отъ Могилева отперли, побили, отогнали. Страшно было труну московского гледѣти. Реку

Днепръ сильнымъ трупомъ, язовища загородили, ижъ кольцо не-
дель днепровое рыбы не ядали и воды не пивали для великого
гниусу трупу московского.

Року 1579, панъ Андрей Гудовский, урядникъ баркулабовский,
собравши войско немалое, пешого и конного люду триста, съ па-
номъ Филипомъ и зъ его милостью княземъ Богданомъ Соломе-
рецкимъ, старостою кричевскимъ, а надо всеми тыми войсками
люду учтивого, яко шесть тысячей, панъ Андрей Гудовский гетма-
номъ былъ, подъ Смоленскомъ и Рославлемъ тажъ места выжгли,
волости, села попустошили; подъ замкомъ Смоленскимъ мощно и
охотне штурмъ мели, только не далъ имъ Господь Богъ его до-
стати, альбо вынати; зъ ласки Божое, зъ добычею великою до до-
мовъ своихъ здоровы зъ доброю славою приехали.

ЛИСТЪ ОТЪ ПОСЛОВЪ КНЯЗЯ ВЕЛИКОГО МОСКОВСКОГО.

Божею милостью царя и великого князя Ивана Васильевича всея
Руси, володимерского, московского, новгородского, казанского, и царя
витариханского, государя псковского и великого князя смоленского,
твердского, югорского, тримского, вядского, болгарского и иныхъ
многихъ, Стефану Божию милостью королю польскому и великому
князю литовскому, рускому, прускому, жомойтскому, мазовецкому,
князяти семигородскому.

Што прежде сего, по взятию Полоцка, зсылались наши бояре съ
твоими паны понеоднокротъ, и ты о томъ намъ явно знати не
далъ, и писалъ еси во своихъ листехъ и паны твои заводнеми
и мудрыми речами писали, и того было явно зрозумети нельзя,
што по прожнемъ обычаю пословъ своихъ слати не хотели есте.
И мы къ тебе послали пословъ своихъ, а ты приказалъ къ намъ
нашимъ дворяниномъ Григорьемъ Афанасовичомъ Нащокинымъ
рокъ, а къ тому року нашимъ посломъ не возможно было. И мы
къ тебе пословъ своихъ отпустили, а напередъ пословъ своихъ
послали есмо къ тебе гонца Федора Шимшарова зъ листомъ, жебы
ты а нашихъ пословъ зъ войскомъ почекать. И ты къ намъ гонца
своего отпустилъ еси, а самъ еси не вернулся, идешъ на конецъ
землю зъ войскомъ, а посломъ нашимъ рассказалъ еси къ себе

ити на снехъ, прагнучи кровъ христіянскую и хотячи, видячи кровъ розлиняни во христіянстве, и написалъ еси у своихъ листехъ, штобы намъ своими послы приказати вси слова, и намъ почому позгинути, што тебе мило альбо любо. А отъ тебе не слышавши альбо которое оставишь новое дело, чему ся стать нельзе. И мы, передъ Богомъ и передъ тобою змирячися, посломъ своимъ къ тебе ити розказали и на которой мере.

Року 1583, месеца септеврия 8 дня, его милость князь Богданъ Соломерецкій, староста кричевскій и луцкій, прехавши зъ войска зъ службы зъ двору его кр. милости зподъ Пскова, по взатию, панну Евву Баркулабовну, старостянку дисенскую, у станъ малженскій за себе взялъ; а веселье было у месте Виленскомъ.

Того жъ року 1583, у постъ Филиповъ, у пуци Сидоровской, его милость князь Богданъ Соломерецкій побилъ лосей десеть великихъ, а вепровъ дикихъ великихъ осмъ, где теперъ село Сутоки и Махова.

Того жъ року Василей Сесковичъ зъ уряду зъехалъ, а панъ Романъ Ревуть на врьдъ баркулабовскій наехалъ.

Того жъ року 83, праве о Светомъ Петре альбо на самый день Петра и Павла Святаго у Головачине робили, прудъ сыпали. Якобы о полудни, у месте Головачине, у брояхъ отъ Строговой, смльный и великий громъ забылъ 12 человекъ, а трехъ человекъ не знашли, неведеть где ся подеди, если вода снесла, альбо песокъ засыпалъ.

Того жъ року многа множества страшныхъ и великихъ чудесъ Господь Богъ оказати рачилъ, перуны и грады великія, сужость, морозы малъ не черезъ все гѣто были у Литве. Отъ великого морозу на поли у колосья жито посхло; многіе дома пановъ зацныхъ отъ перуновъ великихъ погорели; а зиме зъ морозовъ и метелицы по дорогамъ многое множество людей убогихъ, такъ же и купецкихъ померло; а лете великий жаръ былъ, жито, яри, трава, такъ же ярины огородныя, все погорело. У Литве, извлаца около Менска, около Вильни, люди убогия зъ хлеба на Русь давалися, молодцы, жонки, девки, много на Русь и на Украину понаходило.

Року Божого нарож. 1584, великий князь Иванъ Васильевичъ первой сына своего Федора (Іоанна) посохомъ пробилъ, а потомъ самъ и сынъ его старшій умерли.

Року 1599, Стефанъ Васильевичъ (Борисъ Федоровичъ) Годуновъ на царство Московское коронованъ. На весне великая вода была, у Смоленску у замку швырень зрыла. Ставовъ, прудовъ много поповало.

Року 1585, о семой суботе, Хомутовский, вряднигъ пана любельского, села Гарбовичи, Хотетовъ, Следноки и Струпищи, Заболотья, Батуныя и иныхъ много сель побралъ за пана любельского держанья, а первой была волость замку могилевского.

Року 1586, веснѣ у великий постъ, панъ Михайло Гарабурда посломъ на Москву ходилъ; отголъ вывезъ примирье на годъ двадцать; а мешкалъ на Москве ажъ до семои суботы; а приехавши у Литве умеръ.

Того жъ року на Святаго Юрья морозъ и снегъ у колена. Тогда на Ом. недели люди овсы, ячмени, сеяли; а предсе былъ урожай добрый. Того жъ року панъ любельский и панъ троцкий умеръ, а пану Льву Сапезе волость пана любельского досталася.

РОКУ 1583 КАЛЕНДАРЬ НОВЫЙ ВЫДАНЪ.

За вроя Стефана, за митрополита Девочку, за владыку полоцкого Терлецкого ляха: бо передъ тымъ былъ ротмистромъ и векъ свой зжилъ; на тотъ же часъ было великое замешанье промежъ панами и промежъ людьми духовными, такъ же и людьми простыми, было плачу великого, нареканья сильного, похвалки, пошварки, забуйство, грабежи, заклинания, выдачи, яко новыи свята установляи, празники отменяи, купцомъ торги альбо ярмарки поотменяи; праве было начало пристѣя Антихристова у такомъ великомъ замешанью. Того жъ часу почали у во Львове, у месте Виленскомъ, у Берестью школы науку выдавати, братѣрство якоое установляти и тымъ законъ и веру утвержати. За патриархи не кажутъ Бога просити, ани его упоминати, только за папежа. Теперь же почали сеймы, соборы чинити и до нихъ изъезжати.

Року 1586, месеца юля, на Святаго Борнса и Глоба, въ месте Могилевскомъ церковь Святыи Богородицы сооружена и черезъ владыку посвячена.

Того жъ року 86 было посту Петрова 5 недель. Того року

ячмени, овесъ сѣяли на десятой недели; предсе былъ урожай великий, добрый. Жита мера была грошей по 14, а четверть жита по грошей полчварта.

Того жь року 86, о Святомъ Духу, на Москву ехалъ и на Орши былъ Еремея, патриарха антиохийский. Зъ своее земли до Москвы ехалъ рокъ. Тогда на дорозе въ него вси слуги отмерли. А мовилъ языкомъ антиохийскимъ.

Рокъ 1586, месеца декабря 4 дня, часа 9 о полудни, великий король польский Стефанъ Батура и княжа семигородское переставилса, а поховано у Кракове.

Рокъ Божого нарощ. 1588 взято на королевство польское крелемъ крелевича швецкаго.

Рокъ 1587 зима была вельми снежная, морозы сильныя, метелицы великие. Такъ же и весна вельми неуставична была: редкий день минутъ безъ снѣгу, ажъ до Святаго Юрья, а Юрей Святый 2 недели по святе; а потомъ на четвертой недели по святе вночи были немилостивые страхи: великие дожди квалтовные дома подрывали, верхи позносили, яко черезъ всю тую ночь не засыпали люде. По полямъ у пастуховъ статки градомъ побилло, а въ лесе деревьемъ. У князя Головчинского много стиртъ зъ житомъ перунъ пожогъ. По селамъ статки мало не вси побивъ градъ по полямъ.

Того жь року 87 на весне пшеницы переводни на 5 неделе, ярицы на 7, овсы, ячмени на 8 и на девятой, але не увошли отъ великихъ морозовъ. Еще съ первое Святыя Пречистыя почалися. Гречихи не косили, а хотя кто и косивъ; не много пожитку мелъ. Того року житѣ жали на Покрову Святыя Богородицы; овсы и ячмени жали на 3 недели по Покрове. Тотъ рокъ 87 вельми былъ на все згола неврожайный и голодный.

Рокъ Божего нарощения 1587, месеца июня 7 дня, послы шли московские до Варшава (sic) кроля обирати на королевство Польское по смерти кроля Стефана: бояринъ и намѣстникъ коломенский Стефанъ Василевичъ Годуновъ; бояринъ и намѣстникъ коломенский Федоръ Михайловичъ Троекуровъ ярославский; печатникъ и ближний дьякъ господарский Василей Яковлевичъ Щолбановъ; думный дьякъ Дружина Панътелеевъ Петелинъ.

На томъ же сейму варшавскомъ ничего добраго не усеймовали: бо межн панами была великая незгода. Полякъ вотовали на Максимилиана, цесаря христьянскаго; Литва вотовала на князя московскаго; королевая вотовала на королевича шведскаго, и за тымъ розъехалися, не постановивши ничего добраго. На томъ же зезде были немилостивые псвары и забойства. Вылчили на томъ сейме невинные забитыхъ семь сотъ головъ.

Были тежъ на томъ сейму зъ многихъ и далекихъ земель, то есть отъ царя турецкаго, отъ князя московскаго Ивана Васильевича, отъ Максимилиана, цесаря христьянскаго, отъ кроля шведскаго. Всихъ тыхъ было зъ разныхъ украинъ пословъ двадцать.

Конвокация сентября 20 дня. Пана Бишку послали послы по королевича шведскаго Жикгимонта Третего. Съ которымъ королевая сама послала двору своего выбраного люду коней пятсотъ.

Рокъ Божого нарож. 1588, взято на королевство Польское королевича шведскаго Жикгимонта Третего; а короновано у Кракове на Вознесение Христова. Того жъ часу и тело кроля Стефана поховано.

Прето, што ся почнетъ не зъ благословенства Божого и старшихъ пановъ господарей нашихъ, а за призволеньемъ белыхъ головъ, не много Господь Богъ помагаеть и грады множить альбо покой даруетъ. Теперь же, за держанья кроля пана нашего Жикгимонта Третего, явилася промежъ панами великая немилость; показалося отщепенство и великое гонение у святой вере на церкви Христовы, а наболее на веру католическую, на веру христьянскую. Оставивши голову, Христа Спасителя нашего, показываютъ и становятъ на то местце старшимъ головою Петра и наветшатаго папежа. Были войны розные великие зыкгимилемъ (зъ Моггалеми) волоскимъ, зъ кролемъ шведскимъ, съ козакими запорожскими. Праве згола якобы не пуста земля была. Такъ же у збожью неурожай, голоды великие, дорожъ сильная, поветрие, моры, лета непогодные, неврожайные; праве на все не добро и не споро было стало.

Рокъ 1587, месеца октября 1 дня, за Жикгимонта Третего, за владыку полоцкаго Теофана, за митрополита Девочку, на Вендо рожн посвящено храмъ Покровъ Святыя Богородицы черезъ Фе-

дора Филиповича, священника баркулабовского, за благословениемъ Теофана, владыки полоцкого.

Леть две тысячи безъ закону предъ потопомъ. Леть две тысячи зъ закономъ со обрезаниемъ. Леть две тысячи зъ Евангелиемъ, то есть христіанство.

Року 1588, после Петра Святаго, былъ на Орши патрiарха, цариградскій именовъ. Тотъ на Москву ехалъ до князя Федора Ивановича, а зъ нимъ три владыки. Всихъ было при немъ коней 50. Тотъ бо на соборъ до места Виленского листы писалъ до митрополита и до всихъ епископовъ.

Того жъ року 88, у месте Виленскомъ, тамъ у тыхъ краяхъ, такъ же у Києве и на многихъ странахъ великий моръ былъ.

Того жъ року 88, отъ семое суботы ажъ до Рождества Христова вельми великая была непогода и неуставичность. Въ лете дождю не было, а у восень снегу не было, только ветры а дожди. У восень, о Святомъ Покрове, вельми поводомъ великий былъ, ажъ по лугомъ пошла (вода); праве яко на веснѣ, велика была; а до Рождества Христова у Днѣпре вода прибывала и зъ береговъ выливалась.

Року того жъ, месеца генваря 18, после Святаго Аѳанасія на третій день; дожди великие были, ажъ снег согнало. Праве было, яко на веснѣ. Пастухи на боръ съ статками погналися на паству. А потомъ за недель три знову зима великая.

Того жъ року архиепископъ Теофанъ, владыка полоцкiй, господинъ благоверный, у Полоцку преставился. Тамъ же погребено тело его честно.

Того жъ року 88, совѣршено на владычество полоцкое Аѳанасія Терлецкого, за кроля Жигимонта Третьего, за митрополита Михаила Рагозу.

Року того жъ, отъ господара кроли выслано напервей до Орши енералы, то есть надъ дванадцатьми возными одинъ енералъ местце старшее маеть, Богданъ Бираленокъ, якожъ предъ тымъ у тыхъ краяхъ не бывало.

Року 1589, месеца мая 30 дня, по запустахъ Святаго Петра и Павла, у пятницу, ее милость княжна Богдановая Соломерецкая, княгиня Евдокия Баркулабовая Корсаковна, у замку Кричевскомъ.

за старобства князя малжонка своего, породила сына, именовъ Исакня Долматского, по прозвищу князь Богданъ, а крестилъ его старецъ убогий.

Того жь року 89, панъ Кршигоръ Вилянтъ у закупе Боркулабовъ держалъ годъ три. Онъ увологи мескине раздавалъ.

Тотъ рокъ 1590, яко въ лете сухость, такъ зиме морозы сильныя, великия: было такъ, вжъ ляда у восень палили.

Року 1590, были козакы запорожские: Матюша съ полкомъ, Голый съ полкомъ. У Могилеве ажъ до Минска приставство по волостяхъ брали, а кривды, шкнды не чинили (sic); только жонѡкъ охочихъ, тыхъ намовляли и закликали, абы зъ ними на Низъ ишли, и взяли зъ собою жонѡкъ и девоѡкъ яко двесте поголовъ.

Року 1592, о мясопустахъ, его милость князь Богданъ Соломерецкий, староста кричовский и олущицкий, Буйничи, Тайки откупилъ и увологи поволочивъ (sic). А предъ тымъ было (то) многихъ розныхъ пановъ: князей Соколенскихъ, князей Мосальскихъ, князей Крашинскихъ, пана Филона и далей.

Того жь року 92, его милость князь Богданъ Соломерецкий, староста кричевский и олущицкий, слободы осадилъ: село Махова и Сутоки.

Того жь року 92, сталося великое и немилостивое замешанье у вере отъ римлянъ на святую веру восточную и греческую. Почали соборы помесные чинити, то есть у месте Виленскомъ братство навчоныхъ людей до себе на порятунокъ прибавили зъ места Львовского Григория Рогатинца, Стефана Зазания. Тыя сильную и великую войну зъ римляны мевали, не только на ратушахъ и при рынку, по дорогахъ, но и посредку церкви святое войну, потарчку великую мевали; якожъ имъ Господь Богъ противу ихъ упоровъ великихъ и змышленыхъ уставовъ и законовъ николи не помогъ и не поможетъ. Теперь же почали отъ господаря кроля до архиепископовъ съ прозьбами и грозьбами листы фалшивые писати и посылати по всехъ градахъ.

Року 1590, месеца июня 29, у Берестью Литовскомъ, на Рожество Юаанна Предтечи былъ соборъ, за митрополита Рагозу, а за владыку полоцкого Терлецкого; нишли на томъ съезде ничѡго доброго не чинили. На который соборъ и его милость князь Бог-

данъ, староста крмчевскій і олучицкій, посылаѣ попа своего боркулабовского Федора Филиповича.

На день Святаго Іоанна Рожества въ понедѣлокъ.

Въехалъ отецъ нитрополитъ (sic) въ место Берестко. Службы тогда при немъ было архимандритовъ, то есть именовъ зъ намостыра Супресля, на ими отецъ Исаия, великая борода, зъ Битенино (sic) монастыра пана Тризны игумень Паисей, дияконъ Игнатей, архидияконъ Калистъ, архимандритъ лаврешовскій Гедрионъ Бролинницкій, архимандритъ Городенскій, архидияконъ Осифъ, господина нитрополита дворникъ Григорей Ивановичъ, протопопа Нестерь зъ Городна, иныхъ много множество архимандритовъ, игуменовъ, протопопъ (sic), поповъ. Того жъ дня была читана (sic) козанье отъ владыки володимерского Патея о рожествѣ Иоанове душе полезно. По казанью зошлися того дня. Митрополитъ былъ на обеде въ отца Патея. Во второкъ службы Божие не было, только поведалъ казанье той же владыки володимерскій Патея о пастыряхъ: Азъ есмь пастырь добрый, душу свою полагаю(й) за овца. Владыко Луцкый видить вола грядуще и прочие. Того жъ дня владыко Луцкый приехалъ со братве(ю) своею.

Того жъ дня, на томъ же козанью, коли пыталъ владыка володимерскій тутъ всехъ стоящихъ во церкви, мовячи: если добре есть читано, альбо зле? весь соборъ рекъ: Добре.

Тутъ же стоячи то жъ слово рекъ владыце володимерскому наочо некто Валериянъ Палиоевъ, ижъ дей, отче владыко, ты читаешъ зле, то есть противу себе читаешъ.

Въ тотъ часъ и того жъ дня было во церкви великое забуренье и замешанье ажъ полисева тако (Полиоова того) вонъ съ церкви вывести (вывели). Того жъ дня по обеде козали Валерияна поставити средь номостыра предъ собою весь соборъ и пытали его тыми словы: Што ты за потребу мель мовити до мене во церкви? Мовъ ты со мною теперь. Тогда Валериянъ, принявши благословенство отъ всего збору, рекъ:

Ото, чесый светый архиепископе, и твоя светыне насъ добре учишь, а самъ зле чинишь. Малыхъ робятъ неразумныхъ у поны ставишь, а отъ нихъ по осми копъ берешъ.

Въ тотъ часъ был(о) посредь монастыря великое замешанье и

посварка, ажъ Валеріана, бывши и мардовавши, во богадельню въ ланцугъ козали посадити. Во среду, скоро по завтрени козали звонити на зборъ, собравшимсе святымъ отцемъ во церковь, на-первей отчинили царские врата, заполнили свечи, поставили на-лой на оубоне, положили Евангеліе разгорненное.

Митрополитъ селъ на особливомъ месте, владыки наособне, архимандриты на особливомъ месте, также архидіаконы, протопоны, игумены, священницы братства на особливомъ месте. Такъ же панове: бо ихъ мало было; слышали, ихъ римляне будутъ.

Напервей рекли аминь; потомъ рекъ архидіаконъ велегласно: Встанте, встанте, встанте! Падши ниць, молитву, молитву мовити о пришествію Святого Духа на соборъ сей и на люди сия! По семъ питали владыки всехъ, мовячи: На што ся тутъ собрали альбо зъехалися? Тутъ еслибы были иноверцы, тутъ же бы почали о вере годатися.

По опыте о немъ, ихъ се не было съ кимъ годатися, ту показывали кривды свои, кому отъ кого дестся, потомъ подавали листы и жалобы братства на владыку львовского Болобана. Потомъ, тутъ же во церкви стоячи, далъ жалобу владыка володимерский Ипатей на владыку львовского Болобана, ихъ дей позвовъ отъ нитрополита посланныхъ не принявъ и пона посланнаго до него козалъ збивши втопнети. По семъ львовяне и виленско братство право свое братское тужъ покладали, яко они братство моцне мають и где школы братские мають мети. Потомъ листы отъ многихъ пановъ до нитрополита и до всехъ владыкъ писанныхъ подавали такъ жалобныхъ. Потомъ былъ вечеръ; хлеба ести розошлися. Во четвертокъ тую справу справовали. Которые листы на кого показывали, на который бы мели вырокъ отдати и ихъ проклятію поручити.

Въ пятокъ вырокъ выдалъ (выданъ), ихъ маемъ волю проклятію владыку львовского, также архимандрита и поповъ его. Того жъ дня поданъ былъ листъ отъ арцыбискупа Станислава з (Г)незна, абы мы сами, такожь и вы соборовъ жадныхъ не чинили безъ бытности его кор. мл. Въ тотъ часъ было забуренья и плачь всемъ великий.

Въ суботу постановленье творили, церковное правило, яко се

мають справовати во церквахъ, и со крестами за Муховець реку до монастыря вси отцы ходили. Тамъ же было дивно зрети. Въ недѣлю по службе Божой было выволанье и проклинанье владыки львовского, тамъ же и архимандрита его, што страшно слышати и жалосно вельми тоє поведати, яко се тамъ деяло. Тутъ же седячи, отецъ Михайла митрополитъ показывалъ листь, писанный отъ вельможного княжати Соломерецкого черезъ посланца его.

Въ понеделокъ духовное право было зъ великимъ жалемъ, ижъ мають ехати весь соборъ до его кор. м.л. о всехъ справахъ.

Второкъ рокъ, розъехалися зъ Берестья. Митрополитъ ехалъ до монастыря Супресля.

На переносе кланятисе до земли.

Тутъ падати, коли поють святъ, святъ, святъ Господь, Апокали. гл. 7.

Также победную песнь—падати до земля (sic).

Суцую Богородицу—великий поклонъ.

Служба Божия—отъ прославления.

Прикладъ, коли Авраамъ сына своего Исаака на сл(ж)бу привелъ, тогда все готово было: огонь, дрова, веревки, то есть агнецъ Божий коли священникъ заложить.

Патриарха повеле только въ субботу и въ недѣлю службу Божию служити, а тые дни часы пети и слово Божие проповедати. Тако мовилъ, ижъ де хочу одинъ (одно) козанье мети и проповедати, нижли пять обеденъ пети.

Три чины про(ро)чески и апостольски проповедникъ.

Три чины противу того: патриарси, митрополиты, архимандриты, попы.

Запелы (sic) Пресвятая Богородице, спаси насъ. Отверзу уста моя.

Владыко премышьский отцу нитрополиту далъ на себе листь на томъ, ижъ скоро на владычество воступивши, тогда жону оставити мелъ, у черницы постричи, а такъ нынѣ зъ нею живеть; далъ на себе обликъгъ подъ виною и проклятьемъ.

Въ Новгородку речка Братинга, где ся новокрещенцы понурають. Тамъ же пани Жабиная понурила съ челядью своею.

Вельми хвалили пастылю, которую почали прекладати на руский языкъ.

Рокѣ 1592. Жигимонтъ Третій (титулъ).

Ознаймуеть тымъ нашимъ листомъ всемъ посполите, каждому зособна, кому бы новинъ (нынѣ) ведати належало и напотомъ будущимъ.

Ижъ мы господарь, видячи быти прихильныхъ ку поровнанью у вере светой архиепископовъ реліи греческое Ипатія, луцкаго епископа, львовского и холмского, которые до насъ господаря съ тымъ прислали, хотячи подъ зверхность и благословенство одного пастыря светейшаго отца нашего папежа римского быти, ему старшенство и зверхность признати, заховавши въ себе вцале вси sprawy и церемонии въ целости во церквахъ Божиихъ; што мы господарь видячи предсавзятъе ихъ потребно до речей збавенныхъ, то отъ нихъ зъ вдячностью приймаемъ. А ижъ бы за таковую хуть свою ласки наше господарские были вдячны и певны, тогда то имъ тымъ листомъ нашимъ привилеємъ, имъ самимъ и ихъ потомкомъ, по нихъ всихъ епископомъ, и всему епископству церкви восточные римские варуемъ и упевняемъ, и словомъ нашимъ господарскимъ прирекаемъ и обещуемъ сами за себе изъ яснейшими потомствы нашими кролевства Польского. И хотя бы на тыхъ речныхъ епископовъ подати і листу привилія отъ патриарховъ и митрополитовъ якихъ же кольвекъ причинку неблагословенства были на нихъ вынайдованья, клятвы выглошены и выдаваны, ижъ то имъ епископомъ самымъ и всему духовенству ихъ намней никомъ ни въ чомъ щкодити не маеть, обещуемъ и словомъ нашимъ кролевскимъ для вшеякаго оскарженья и клятвы и оглошенья, бы и добре противу станомъ ихъ водлугъ справъ духовныхъ и светскихъ было для всихъ причинъ каковыхъ духовенствовъ, владычествъ, на которыхъ оны мешгають зъ данины продковъ ихъ и отъ насъ, того отъ нихъ не отоймовати и при ихъ животахъ и нашимъ (иншимъ) особомъ не давати, але ихъ заховуемъ вцале, съ примноженьемъ ласки нашея и вывышеньемъ учтивости во упокою на тыхъ владычествахъ, яко верныхъ подданныхъ и богомольцевъ нашихъ, поки остатнего живота ихъ ставати будетъ; и еще на тое имъ каждому, хто бы ся до таковое едности порядку прихилили, свободы, вольности по тому жъ, яко ихъ милость духовные римские мають, такъ же и они мають и будутъ мети.

Што мы обещуемъ еще иными привилеями нашими имъ надавати съ приноженьемъ ласки нашея господарския. А то все обещуемъ мы господарь за насъ и за потомки наши тымъ помененымъ епископомъ Кириле Терлецкому, владыце луцкому, Геджону Болобану, владыце львовскому, Леонтию Пелчицкому, владыце пинскому, Збарашьскому, владыце холмскому, Гермогену, владыце полоцкому, вцале держати до ихъ животовъ. И на твердость тое речи дали есмо имъ сесь нашъ листь привилея, подписавшиися рукою нашею королевскою, до которого печать нашу коронную притиснути есмо велели.

Писанъ въ Бракове, месеца марта 11 дня року 1592.

Року 1592 июня по старому 11 дня въ неделю.

Была брань великая, вельми страшная. Почавши отъ западныхъ краевъ, замковъ украинскихъ, Черниговъ, Гомель, Любечъ, Белая Церковь, Переяславъ, Стрешинъ, Речица, Рогачовъ, Кричовъ и иныхъ многихъ местъ и замковъ, съ тыхъ всихъ по селахъ и местахъ и местечкахъ немало збожа попсовала градъ и буря великая; а на бору на лесе и по лугомъ со пчолами дерева бортное на воде углады (?) згола шлось троха зостала буря великая поламала, якожь на тотъ часъ давали справу и жалосно поведили, ижь дей увъ одного мужа северскаго бортного дерева сто поломило, у другого двесте, у третьего триста, ижь странно о томъ слышати было. А дороги каждый отъ села до села волостью прочищали. Наветь и теперь на местехъ на бору и по болотахъ поламатые выдети много.

Якожь тотъ рокъ 92 былъ урожайный; жита, овса, гречихи, хотяжь не рѣсла, але дѣбра; пшеницу иржа побила. Цена житу была таней: четверть по грошей пяти; мера жита по грошей двадцать.

Того жъ року по Теофане владыце совершено на владычество полоцкое Навананга Терлецкого, начальника новому календару без(з)акон(н)ому сто(?)даному и безыменному. Какъ того зовуть, кто то подазь? ни Моисей, ни Христось. И то было вельми скрыто, по тайнѣ межи собою хдвано ажъ до року 96.

Того жъ року 92 далъ Господь Богъ видимый знакъ, ижь уво-

сень о Покрове на дереве листь не опалъ и былъ зеленъ у во-
сень, такъ якъ на весне; а на другихъ деревьяхъ такъ и зимовалъ.

Року 1594, на весне, заложена церковь у Могилеве Святого
Спаса у монастыри была, вельми иконами украшена. Потомъ на-
стало якоесь братство отъ Святого Спаса; по месту ходили, новые
церемоние чинили не ведлугъ уставу святыхъ отецъ; на ослати
по кольку рокъ ездили. Згорѣла церковь Святого Спаса; жеребя
волкъ заевъ; дитя, которое седело вместо Христа, ослепло. Того
жъ року, весне, у Могилеве заложень костелъ Святого (пробѣлъ)
на селищу Овтушка небожтика богатого: бо передъ тымъ у Моги-
леве польскихъ костеловъ не бывало.

Року 1594, за кроля Жикгимонта Третьего, за митрополита (про-
бѣлъ), за владыку полоцкого Аванасия Терлецкого, за старань-
емъ и великою пильностью его м. пана хрестиянского, его ми-
лости князя Богдана Соломерецкого, старосты кричевского и олу-
чицкого и за христороливию женою его м. княгинею Евдокиєю
Баркулабовною, а за урядниками ихъ милости, паномъ Федоромъ
Глетивскимъ, сооружень и посвященъ бысть храмъ Святого Вели-
комученика Георгия черезъ священника боркулабовского Федора
Филиповича, и бысть поручена или подана во служение действова-
ния службы божественныя везати и решити детей духовныхъ отцу
Тимофею Алексеевичу.

Заметъ заметано около церкви, и келия постановлена, и мона-
стырь заложень, черныцы. Отца Аванасия его милость князь Бг-
данъ благоверный упросилъ, абы братия при немъ была.

Быль у Берестю соборъ року 1594.

Того жъ року панъ Островинский умеръ. Тогъ рокъ вельми
быль мочливъ, бурливъ, студевъ; на збожь мерный былъ урожай.

Того жъ року 94, месеца декабря 17 дня, во второкъ, по ран-
ней службе, у Буйничяхъ, принявши тѣло Христова отъ рукъ сво-
его духовника у светлицы буйницкой, ее милость пани Боркола-
бовая Паланея (sic) Крошинская, того жъ часу по приятию святыхъ
духовныхъ тайнъ побожне, богобойне, зъ великимъ набоженствомъ
принявши святые тайны, душу свою Господу Богу предала. Якобы
съ полгодини на рукахъ духовника своего была и преставися.

И похована того жъ року, мѣсяца мая, въ неделю середопустную, въ церкви баркулабовской; вышей крыласа левого гробъ ей бысть.

Того жъ року 94, по святе велебномъ, Нафтанаилъ Терлецкий, владыка полоцкий, съ того света переставилсѣ. Жылъ на свете своего живота летъ шесть (sic). Тотъ помаленьку увѣдиль новый календарь: бо былъ родомъ полякъ и мовилъ по польску.

Лета Божого нароженья 1595, мѣсяца ноября 30 дня, въ понедело(къ) за тыдень передъ святымъ Николюю, Северина Наливайко. При немъ было козаковъ 2.000, дѣлъ 14, гаковницъ (пробѣлъ). Мѣсто славное Могилевъ, мѣсто побожное, домы, крамы, острогъ выжгли; домовъ всехъ яко 500, а крамовъ зъ великими скарбами 400. Мещанъ, боярѣ, людей учтивыхъ, такъ мужей, яко и жонъ, детей малыхъ побили, порубали, попоганили; скарбовъ тежъ незличонныхъ побрали съ крамовъ и зъ домовъ.

Тутъ же войско литовское пана Радивила троцкого, гетмана литовского, до Могилева у погоню за козаками притегнули, люду рыцерского конного збройного татаръ 4.000, литвы 14.000. Надъ тымъ людомъ былъ гетманомъ на имя Миколай Буйвидъ. Въ той часъ Наливайко лежалъ у Могилеве две недели. Услышалъ о томъ Наливайко, ижъ гетманъ зъ великимъ людомъ и зъ делами до Могилева тягнеть, тогда Наливайко зъ могилевского замку на гору Илинскую, где теперъ церковь Святаго Георгия стоять, бо на тотъ часъ не было, выехалъ. А такъ войско литовское на поли буйницкомъ, именемъ вельможного его м. князя Богдана Соломерецкого, старосты кричевского и олучицкого, на войско Наливайково вдарили и кругомъ оступили. Тамъ же зъ ранку ажъ до вечера, якобы вже къ вечерни звонити часъ, межи собою битву мели; якожъ литва зъ войскомъ великимъ натискали на войско Наливайкино. Предсе одинъ другому войску мало шкоды учинили: бо армату, такъ дѣлъ и гаковницъ, пулгаковъ, вельми при себе множество мелъ; такъ же людь свой отаборивъ коньми, возами, людомъ шолъ мощно. Якожъ зъ дела съ табору Наливайкины козаки пана зацкого, пана Григория Анюховского, забили. Первей коня подъ нимъ застрѣлили, а потомъ, выпавши съ табору, козаки его самого розсекали. Теперъ же литва, отъ козаковъ отступивши, до

Могилева на большой луть поехали; а козаки на всю ночь ехали до Быхова ажъ на Нязь. Литва за козаками гналася ажъ до Рогачева, да ничего згола не вчинили козакомъ; а литва и татары рушилися до Менска, до Новгорода и до Вильны, набравшия тутешнего краю лупу.

По выѣханью козаковъ и Литвы было зиме, ни зима, ни лѣто, ни осень, ни весна. Ажъ до месеца мая, до Святаго Аванасия снегу не было.

А ижъ козаки Наливайкиного войска почали творити шкоду великую замкомъ и паномъ украиного замку, того жъ року 95 зъ войскомъ литовскимъ погонивши, въ селе Лубны, на реце Суле козаковъ побили. Первей Савуду стяли, Панчоху четверовали. А Наливайка Северина поймавши, по семой суботе до кроля послали. Тамъ же его замуравовши, держали ажъ до осени Святого Покрова. Тамъ же его четверовано.

Рокъ 1596. После Духа Святого поставленъ на владычество полоцкое Григорей протопопниъ виленский. Названъ бысть на владычестве Гермогеномъ.

Того жъ року 96, за митрополита Рагозу, за Жикгимонта Третьего, за канцлера Льва Сапегу, у Берестью правдиво на соборе владыка луцкій, владыка володимерский, владыка полоцкий (и) иныхъ мало не вси приступили и подписалися до нового календару. Того часу почали Бога просити за патриарху Гавриида константинопольского 1596.

Лета Божого нарож. 1596 было благовещеніе въ пя(то)жъ великий. Тотъ годъ вельми былъ недобрый: были хоробы, болести розматые многие великие; зима была люта, снежна; на санехъ ездили по святе велебномъ недели две; почали орать пашню по святе на пятой недели, и то вельми было грязно и вода вельми велика была, шкоду великую низкимъ-местомъ и дворомъ, прудомъ починила, плоты, такъ же и струбовъ много порозносила. Жита четверть купили по гр. 12; овса четверть по гр. 5. Ярицу, овесь того року починали сеяти на девятой недели; досевали овесь и ячмень на 13 недели. Того року было Петрова посту недель 5. Тогда позная ярица высыпавалася за недѣлю предъ Святымъ Ільєю, а предсе увошла; умолотъ былъ средній, ни лихъ, ни добръ.

Слѣдующій документъ въ подлинной Хроникѣ вписанъ не на своемъ мѣстѣ, съ ошибочною цифрой года. Онъ напечатанъ въ IV-мъ томѣ „Актовъ, относящихся къ Западной Россіи“ по ветхому, прерывистому и невѣрному списку, въ которомъ не доставало почти цѣлой второй половины.

Быль сенодъ у Берестью року 1593 (1596) месеца
октоврия 16.

Такъ же дѣяло на день зъезду зложоно октобра (проб.) по старому, а 10 по новому. Сходилися духовенства и рыцарства послы и панове засестъ и духовенства до господы княжати его милости воеводы киевского, до каменницы пана Раского, отколы посылали до митрополита двоухъ особъ отъ духовныхъ, а двоухъ съ кола рыцарского, ознаймуючи, ижъ се зъехали на сенодъ, абы ознаймили мѣстце, на которое бы ся сходили съ ними для намовъ, тому часови належащихъ. Онъ отказалъ, ижъ еще не намовилися о мѣстцу, ае до заутрашнего дня четверга 7 октобра отложилъ, и прибита была карта отъ него въ церкви соборной мурованой, тамъ мѣстце схоженью ознаймуючи. Въ томъ часе мѣлъ быти ему данъ позовъ духовный отъ отца Никифора, ексарха, посланого на то отъ Гаврилия, патршархи константинопольского, абы передъ нимъ становился на заутрее для усправедливелья въ таковыхъ выступкахъ. Въ чомъ будучи отъ когось перестерѣженный, митрополитъ и владыка крылися у госпode всендза бискупа луцкого. Того дня нерано у среду прибылъ до Берестья его милость панъ воевода троцкий, и заразъ быль у его милости княжати воеводы киевского, который повѣдилъ, ижъ естъ послове отъ его крол. м. на тотъ сенодъ зъ его милостью паномъ канцлеромъ и паномъ подскарбимъ, которыхъ же немашь, абы се тымъ его м. не ображалъ. Тую обмову его милость, кгда княжа въ коле поведилъ, тымъ вси были ображени людскимъ повоженьемъ, же ихъ милость знати не дають и не давали, и стерегли уплыненне ся часу сыноду. Сынодъ зачали того дня; на самымъ року маршалка обрали духовные, такъ же поселствъ съ кильку поветовъ. У четвергъ завстали княжа воевода киевский изъ сыномъ княжатемъ воеводою волынскимъ, вельми рано на свитанью до его м. пана воеводы троц-

кого; а были тамъ годинъ зекгарковыхъ большъ пяти подъ полудень. Втымъ прехалъ панъ канцлеръ съ подскарбьимъ и шли просто до воеводы троцкого, где и князя застали. И знову только часъ немалый стравили. Отъ себе слали пословъ до митрополита, шести особъ съ кола рыцёрского, 6 особъ духовныхъ, 6 пословъ зъ места, давши до него мовенье и на письме доложивши въ немъ, абы часу не зволочилъ, а зъ ними сышолся и намовилъ. Бгдыжъ тотъ зъездъ только народу рускому зложонъ, дознавши его быти и тыхъ владыковъ отщепенцами, оныхъ за пастыровъ не мети, а иныхъ обратъ, а ихъ зложить старатисе будутъ, если о собе справы певное не дадутъ публице, если при старой вере и благословенстве патриарха стоять.

Тыхъ пословъ поткало княжа; вжо ехали до митрополита. Тые паны митрополита застали вже въ пановъ сенаторовъ менованыхъ. Которому кгда такъ поселство веселое прочитали, просили о целуду тую; одно ей имъ не дано. Тыи вси прошли отъ митрополита безъ откazu, обещаючи своихъ послать, яко зразу и прислали пана Прецвица, кашталяна каменецкого, пана Шуйского, третего Каменецкого, инстингатора. Тые до княжати его милости широкими словы речъ учинили о томъ поселстве, ижъ то зъ господы восьмъ ровне, яко отповедъ або декретъ, якимъ былъ, пославъ до митрополита, ображаючисе тымъ о то, ижъ имъ того тамъ письма не zostавили: кгдажъ они по того зезде местце его кр. мглсти поведаяючисе быти конклюдзы оной одное справы безъ ихъ милости быти не могла. Княжâ учинилъ обмову, ижъ тамъ былъ у ихъ м.г., однагъ, держачи то отъ ихъ м.г. всихъ, же што кольвекъ чинили, то бачне чинимъ, и при нихъ стоять и стоять будетъ. Потомъ розвелися троха зъ речу до плачу, же се то они ничимъ ображають. Мы вси *маемъ ся тымъ ображати отъ тыхъ здрайцовъ нашихъ, которые то наварили, и отъ тыхъ, хто имъ того помогаетъ, вжды терпливе зносячи якую кривду, на Бога поместу и оборону положивъ. Потомъ поведилъ панъ Гулевичъ, человекъ досыть добре годный, маршалокъ обраный, ижъ княжа его м.г. есть яко одна персона. Если ихъ милость и оные послы поведели, жехмы не до васъ посланы, але до ихъ милостей княжати; до новокрещенцовъ и евангеликовъ не ме(е)мъ жадное справы. На

тотъ часъ где они будутъ, тамъ ничѣго слушнаго постановлено быти не можетъ. Онъ тебѣ ведедиль: Я тебѣ васъ не прошу, абысте який отказъ чинили отъ мене. Князя тебѣ, отповедаючи се вобецъ, же ничего безъ нихъ въ той справе чинити и мовити безъ ихъ милостей не хочеть. Потомъ по малой хвиле прислали ихъ милость, же сами хочуть быти у княжати; и приехалъ панъ воевода троцкий, панъ канцлеръ, панъ подканцлерий, и шли на унокой до княжати. По годинѣ мають быти у княжати, прислажъ до кола, ижъ хочуть ихъ милость быти у вмс. (вашмостей); а то вже было смерпшисе. Чекали на нихъ килька годинѣ. Втомъ образившисе тымъ вси, ижъ такъ долго на нихъ чекають, кдыжъ не вемъ о чомъ намовы сами зъ собою чинять. Зде идетъ о всихъ насъ и суменья нашего. Приревши у пятницу о 14 године збералисе и речи зачат(ыи) кончити, и розъехалисе, а гурмомъ, зъ нареканьемъ. И то могли сенаторове слышать добре: бо были окна на улицу; а гукъ немалый тыжъ бы(ль) людей. Назавтрее въ пятницу по мене приславъ панъ подскарбий и иныхъ собравъ до себе, тамъ напоминалъ. А што ведать, якую съ того потеху обещаючи на потомные часы, ведучи до згоды, чего анико́ли въ насъ не могъ зъеднати зъ отказу, же мы не хочемъ быть таковыми отщепенцы. Онъ мне отказалъ: вмс. — (вашмость) не смеешъ пана воеводу смоленского. И на томъ заплатилъ: жемъ не отъ его милости приехалъ, але самъ отъ себе. Потомъ зъехалисе мы до кола до братии. Тамъ же была инструкция посельствъ, читаныхъ зо всихъ зѣмель и поветовъ земли Волынское, съ Подоли, съ Подгорья, зъ Руси и зъ Литвы, зе Львова, съ Киева, съ Перемышля, съ Пинска, же много ихъ плачѣмъ были порушѣны. У пословъ самыхъ привилевъ браты ихъ; указовано колько постановеныхъ порядковъ патриархи костентинопольского, а по тымъ часе отъ вр. ихъ м.л. конфѣрмованыхъ доводовъ. Засе на письме што ведать, якъ много указалосе на митрополита, якъ писалъ до людей листовъ зашитыхъ и отвористыхъ, упевняючи ихъ, ижъ не ведаеть, ани мыслить о томъ отщепенстве. За тымъ реченье мовены были не быти имъ послушнымъ. Отъ духовныхъ тебѣ декретъ на письме былъ наготованъ, коли панъ каменецкий и зъ нимъ княжа воевода волынский отъ пановъ пословъ его крѣд. мсти, абы съ

когда рыцёрского было высажено депутатовъ чтыри, а зъ духовныхъ чтыри. Такъ же много они своихъ, не ведаючи, ижъ до добрыхъ речей хочуть, чога далися намовити, еднакъ не инде и на иншомъ месте, одно тамъ же, гдесмы заседали въ другой избе, варовавши себе тожъ, абы ихъ депутаты въ жадную се речъ, безъ ведомости всего кола не вдавалися, але поданные отъ нихъ слышавши до кола принесли. Тамъ панове сенаторове дали невинне нашимъ латине. А потомъ скоро казанье вчынилъ на две године княжа. Наши кильку посланцовъ слали, зовучи своихъ до себе. Што обачивши сенаторове, казали му кончить. И пришли наши; тожъ, штосмы розумели, принесли намъ: ижъ хочуть згоды, абы папежа головою признати, календаръ принять. На то себе не дали наши речъ ни слова; отказали до нихъ черезъ пана Древинского и пана писаря володимерского, ижъ на то зезволити не могутъ зъ многихъ причинъ на тотъ часъ, ажъ не всімъ порядкомъ тако верячы и неслупнымъ поступкомъ зачалися о направе въ речахъ духовныхъ, съ такъ малюю частью людей духовныхъ ничога становити не могутъ; але папежъ нехай съ патриархами о томъ намовитъ, або, поразуменье вчинившы, сенодъ зложать и о томъ становять, а мы безъ старшихъ своихъ духовныхъ о томъ и мыслити не хочемъ. Тыи принесли орацыи до нихъ, жалосно учинено, упорными зовучы; за тымъ декретъ отъ того наместника патриархового оферованъ. Втомъ ночь зашла. Въ субботу, скоросмысе зешли до кола, декретъ патриаршый и проклятво на митрополюта и владыки было по руску читано, переложено зъ игрецкого барзо словы пісанными и досыть жалосными. Втомъ панъ канцлеръ литовский приславъ до мещанъ виленскихъ, зовучи ихъ до себе. Которые пойти не хотѣли до ихъ згоды. Тотъ же имъ отповедалъ, ижъ того зъ жалемъ и со клопѣтомъ уживетѣ. Што они светчили въ кола, ижъ есте, панове литва, стратили. Тымъ преводимъ немало панства до Польски. Втомъ заразы отъ пана канлера и отъ пана подскарбего пришли до княжати воеводы киевского инъстигаторъ Каменский съ кильку слугъ ихъ, припоручаючы у тридесяти тысячей золотыхъ опого екзарха, посла патриаршеского, зовучи его шпегомъ збелъгор (зъ Белгорода) и до того Стефана и поповъ, зовучы ихъ выволанцами, На што княжѣ имъ отказалъ: ижъ не только

ве тридесети тысячъ золотыхъ, а ле и въ килку кротъ сто тысячъ прийму и на сейме ихъ становити буду, а тамъ се откажемъ (окажетъ), если то слущне заслужилъ, на того не выдаютъ. А коли колько былъ а вказувано на то и грека, тотъ отецъ Никифоръ Азаръ Протасый, сей якобы первоседальникъ по патриарсе, пыталъ, што то за кголкъ (zgiełk), повѣдалъ му погрещу, ижъ его припоручаютъ, и вставъ на лаве упросивши, поведилъ, ижъ тотъ самъ здрайца, хто мене здрайцою подоймоваеть для набытья маестности, але и свое отстрадалъ для имени Христова. Але тые сами суть здрайцами, ижъ крадутъ християнъ, подмовляютъ, розные причины найдуютъ. И вказалъ привилеи своихъ всехъ чтырехъ патриархъ, посланныя его въ тотъ край зо всякою мощью, якобы самъ патриархъ былъ, добровольного преханъя на сейме обещующисе ставити, яко и ставитъ. Такъ же княжѧ его милость, жалемъ будучи порушоный, вказалъ до пана канцлера и до пана подскарбего, ижъ нехай королеми его милостью не грозятъ: бо онъ вестъ, яко повинности и веру пану своему хова(ти), и его фамилия стародавня, не новотна; але нехай ихъ милость мовятъ: мне грозятъ сами собою. Если што мають до мене, ставлюся ихъ милости всюды, гдемъ кажутъ. Потомъ прислали князя Шуйского изъ другимъ якимсь лешкомъ, ижъ въ насъ згода доходитъ въ костеле, если воля вмс (вашмостямъ) быть тамъ зъ собою помочъ быти. Поведилъ, же заразы пошлемъ. Десять человекъ съ кдла рыцѣрского, десять зъ особъ духовныхъ, десять пословъ мещанъ выправлено, або (абы) протестацны освещенъе вчинили, (же) на то не зезволятъ. И возные были зъ княжатеми и енераловъ килба. Которые кгда приехали до костела, тамъ ихъ до фортки гайдукы пана подскарбего и пана воеводы троцкого и слуга не пустили. Они тежъ ехали назадъ зъ великою жалостью. А то было въ субботу вже нерано. Того дня княжѧ воевода волынскый, волынцовъ и подолянъ мело быть не мало у пана педскарбего на обеде, и не были тамъ, будучи тымъ барзо ображены. Протестацный не принято въ замку нѣякихъ нашихъ. Митрополита и владыковъ праве егвантомъ слыше примушано до присяги. Они просили для Бога на отложенъе до сейму; але арцыбискупъ львовскый бискупъ луцкий, панъ канцлеръ ихъ упевняли ласкою к. его

мл., обещуячи то имъ, привели ихъ до присяги. А тамъ же митрополитъ зъ четырма владыками присягнулъ на старшинство папѣжу, на календаръ и на артикулъ, ижъ Духъ Святыи отъ Отца и Сына походить, и на едноть костела. И заразъ въ неделю езуита въ соборной церкви служилъ шпму; а Скарга казанье поведаль; а Потей службу служилъ въ костеле въ рожейского олтара. Тамъ же у олтара руского, где служилъ римлянинъ, въ келиху вино у кровъ барзо шпетную, смродливую обернулося, же тотъ езуита не поживаль; а въ олтара римского у Потей вино обернулося у прѣстую горкую воду. Тамъ же у Берестью нашолся былъ челоувѣкъ якийсь прѣстыи, который великие речи мовилъ, же страхъ словъ его людей преникалъ: бо Письмо все на память знаетъ, штось дивного, певне не тотъ, што мелъ у голову заходити, и напоминалъ, абы люде своей веры мощно держали. Тыхъ лотровъ, митрополита и владыкъ, не видали: бо ихъ не пустили римляне. Того жъ дня въ субботу заразъ зъ костела панъ воевода троцкий приехалъ до княжати, пожѣгналъ, жалуючи незгоды, и ехалъ до Чернавчичъ. А мы въ неделю вси разѣхалися, заварши то и запечатававши, и подписавшисе; до того письмомъ альбо универсалу его кр. мл. послалисымы. Ужили пана Гулевича маршалка а пана Еламолинского и пана Броневского, людей годныхъ. Праве два евангелицы, а третыи (зъ) новокрещенцовъ.

Року 1596. Никифоръ великий протосингелъ и экзархъ патриаршего престола, отъ всихъ четырехъ посланныи престола константинопольского со всихъ соборомъ.

Понеже святая Божая апостольская католическая церковь, сиречь престолъ константинопольский, отверженю конечному предасте митрополита киевского Михайла Рагозу и нѣкоторыхъ еще съ нимъ епископовъ его, яко отступниковъ и разорителей церкви соборное, сего ради, силою и властью Святаго Духа, подаемъ всѣмъ благочестивымъ іереемъ, дякономъ, иже наше мудрствующимъ обычае и догматы на власти имети, іерейская совершати невозбранно во всехъ епархияхъ и где еще ключими будутъ, отцу Радону, протопопе менскому, со всеми двѣ влады его належащими, поминающе имя Гаврилія, донелъже ими вместо

отверженных поставлены будутъ епископовъ, примати приходящихъ къ соборной церкви нашей, иже хранить божественная истинная обычая и догматы, явѣ извѣстно исповѣдающихъ. Тако убо повелеваемъ устѣмъ. По семъ благодать Божая и неизреченная милость да будетъ со всеми вами, иже наше мудрствующими. Писанъ у Берестью на синоде, року Божого нароченъя 1596, месеца октября 10 дня.

Туть подпись по гречку: Никифоръ первоседальникъ престога великого константинопольского.

Гедионъ, епископъ львовский, власная рука.

Кирилъ, митрополитъ сербский, власная рука.

Епископъ премысский, власная рука.

Никифоръ Туръ, архимандритъ киевский монастыря Печерского, власная рука.

Року 97. Во великий постъ его м. князь Богданъ, именемъ Исакий, у месте Боркулабове почалъ учитисе по руску грамоте и по гречку; а былъ бакаларемъ панъ Лаврентий Зизаний, человекъ навченый, зъ места Виленского прибавленный. А родился его м. князь Богданъ въ року 88.

За господаря кроля Жякгимонта Третего, за канцлеромъ Льва Сапеги, за митрополита Михаиломъ Рагозою, за владыкою полоцкимъ Гермогеномъ, за новымъ календаромъ, за смиреннемъ и благословенствомъ преосвященнаго святейшаго вселенского патриарха киръ Рафаила, а за архиепископа его Гедеопа Болобана, владыку львовского, такъ же и за духовника своего отца Федора Филиповича, священника боркулабовского,—благоверный панъ его м. князь Богданъ Соломерецкий, староста кричевский и олучицкий, на власномъ кгрунте своемъ Панковскомъ и Новосельскомъ, на реце, прозываемой Дашковце, на селе пуци сыромъ корени, заклигавши и давши слободы альбо вольности людемъ приходимъ на годъ петнадцать седети, вольно медъ сытити, пива варити, горелку курити, заложити рачилъ именемъ своимъ мѣсто Богданово. На тотъ же часъ и церковь, то есть храмъ Святаго (пробѣлъ) заложити рачилъ на томъ же имению своемъ, именованомъ

Богданове, — такъ же именовъ и сына своего князя Богдана место Богданово.

Року 1598. Того року были хоробы, болести многие розмаитые. Зима была мала, снежная, а предсе рано стало, запоромъ зишла.

Того жъ року пану Сапезе Льву, канцлеру литовскому, досталося староство могилевское въ держанье; а отъ него урядникомъ былъ на Могилеве Голубицкий, хорунжий полоцкий.

Року 1599, у вилю Рожества Христова по старому, рачилъ быти на чести у Баркулабове, у его м. князя Богдана Соломерецкого его м. панъ Левъ Сапега зъ многими зацными паны вельможными у месте Боркулабове.

Того жъ року 99, месеца генваря 6 дня, у волторокъ, князь Петръ Жижемский, староста речицкий, рачилъ заручити панну Крестину у его м. князя Богдана Соломерецкого, старосты кричевского и олущицкого; а веселье было року тысяча 1600, по Светомъ Крещеніи въ неделю.

Року 1599. Тотъ рокъ былъ вельми меженский альбо голодный, жито куповали четверть по талеру, а мера жита по две копе безъ двадцати грошей; а предсе здоровый на люди; а куповати збоже было везде много, такъ у домахъ, якъ и въ торгу, только дорого.

Року 1599, месеца мая 27 дня, праве въ семью субботу съ полудня, у месте Баркулабове пришла до церкви Боркулабовское дочка жидовки Марьямки, арендарки боркулабовское, именовъ Стирка, и пыльне, слезне упадала и просила священника боркулабовского Федора Филипвича, для Бога, абы была прекрещена у веру христианскую. Якожь, порадившее съ паны постронными, зъ боярами, землянами, зъ шляхтою и зъ урядникомъ боркулабовскимъ, паномъ Федоромъ Плетинскимъ, наупоминаючи Лисьмомъ Святымъ и приводячи ее до памяти, если правдиве маешъ тотъ умыслъ христианкою быти, ни для малженства, абысь мела за которого человека христианского замужъ пойти, альбо для лакомства маетности; але правдиве она жидовка, именовъ Стирка, тыми словы отповедала, стоячи передъ церковью передъ всѣми зацными паны и предъ народомъ христианскимъ: ижъ дей я, панове мои, вже давно зъ молодости моее, а правдиве дей вже полтора рока, яко

сама ся на то позволила, просячи со слезами Господа Бога и кладучи честный святыи крестъ, ложачися и вставаючи, на лица своемъ, аби мне даль то видети, христьяною зостати. Съ хутью и зъ великою радостью того прагну, Христову веру мети. Якожь назавтрий, въ день Сошествия Святаго Духа зъ народомъ Божиимъ и много множество пановъ шляхты, людей учтивыхъ, такъ мужей, яко и жонъ и детей, яко ярмарочного часу прещена (крещена) была, у ваннѣ погруженна, и названо во святомъ крещеніи именемъ Елена. Того жъ дня matka ее Марьямка съ крикомъ и плачемъ для Бога просечи приходила тутъ же до крестильницы, падаючи просила, абы ее не крестивни пустили, обещуючи за то великий поклонъ и подарокъ дати. Якожь нѣкоторые мещане видели многое чарованье оное Марьямки, што она поганскими чарамы египетскими дочце своей чинила. Яко была везена до ихъ милостей князей до Буйничъ, оная Марьямка, уезвши у лазню студеную, голову открывши, волосы распустивши, печку розметала, чаровныя поганскыя слова говорила, проклинала, обема руками назадъ кидала, ноги свои везала, много много зла поганства творила, проклинала, абы жива не была.

Тотъ рокъ 99 былъ вельми урожайный, добрый, здоровый, годный, на всемъ добрый. Жито куповано у верхъ по грошей петнадцать, а мера по 40 гр.; овса четверть по 4 гроши; мера овса гр. 17. Жито, гречиха, овесъ, пшеница, на то на все былъ урожай добрый.

Року 1600. Того року была зима люта и снежная. Благовещеніе было на Святой недели въ (пято)гъ. Почали орати по святе на четвертой недели.

Того жъ року месеца апреля у поведлокъ на Святаго Мартина папы римського, взявши зъ науки отъ Лавреытня, заразъ дано до науки латинския, до пана Максима Гарасимовича Смотрицого.

ЛИСТЬ ОТЪ ПАНА НЕКОТОРОГО, ЗЪ РОКОШУ ВЫПИСАНЫЙ, О НОВИНАХЪ РОКОШОВЫХЪ.

Новины вм. ознаймую которые ми въ тую пришлую среду, праве вседаючому на рокошъ съ Подляша мене дошли. Препись

зъ листу словъ власныхъ, до мене писаного, вм. выпишу, не щасливые новины моему милостивому пану ознайму, же наши битву зъ рокошаны прогнали, што королевской милости пришло людей тридцать тысячей чужоземского на помочь; который надею великую маючи, а до того рады злое услыхавши, легце себе важачи пановъ рокошанъ, которыхъ не было большъ надъ пять тысячей, хотѣвъ ихъ стерти; але они плацъ отримали. Хотя зъ обую сторону немало пало, але еднакъ стороны нашей чужоземского люду немцовъ не мало пало. То уже битва была по выезде моемъ съ подѣ Вислицы. За чимъ тутъ наши мазурове и подляшане и иншихъ воеводствъ бегутъ зараземъ зъ ознайменьемъ отъ тамъ толь отъ пановъ депутатовъ, якъ на квалтъ, яко перепись универсалу тые повинны отъ понеделка 8 дня октября на выезде моимъ тые повинны принесены.

Слѣдуютъ: 1) „Универсалъ рокошовый року 1606 месеца сентября 5 дня“ и 2) „Року 1606, Ассекурація, то естъ вольность“. Эти документы извѣстны въ польскомъ оригиналѣ.

Року 1600. Панове волинские, панове литовские, такъже козаки запорожские, змовившиися и знявшиися вси вкупе волохи отгамовали, войска Могилево побжили, артиату отняли. Воевода мултянский втекъ изъ Мигалемъ. Трохи не поймали, и много за нимъ гонили, ажъ до границы мултянское. Трохи ся было успокоило. За то была дана козакомъ лежа у Кieve. Гетманомъ, былъ Самуель Кошка. Лежали у Гомли, въ Речицы, въ Рогачове, у Баркулабове на пристанство ажъ у ждали (sic).

Року 1600, месеца августа 8 дня, съ понеделка на второкъ, панъ Левъ Сапега, канцлеръ великого князства Литовского, староста могилевский, алъбо тежъ за росказаньемъ его м. слуга его м. панъ Голубницкій, вридникъ печерский, Янъ Рожновский, Требухи до замку могилевского привернули; а тое именье было отъ вековъ на монастырь Печерский Святыя Богородицы надано отъ княжатъ Буйницкихъ; по самую реку Дубровню, то все буйницкій вгрунтъ былъ

Року 1600. Того року было благовещеніе на Святой недели у во второкъ.

Року 1600, месеца септевріа 18 въ четвртокъ, панъ Янъ Варшавскій, такъ же его мл. панъ Левъ Сапега, канцлеръ литовскій, староста могилевскій, на Москву до царя восточного, князя Василя (Бориса) Годунова, послами ходили; изъ ними княжатъ пановъ зацныхъ множество; и мешкали на Москве недель 20. Тамо жъ приняли примирье на годъ 20.

Того жъ року 1600, октов. 7 дня, Гермогенъ, владыка полоцкий, если за грехъ свой, альбо зъ Божого допущенья, первой того хоревъ у Полоцку, потомъ у месте Виленскомъ лекарство поживалъ, тамъ едучи зъ Вильни, въ дорозе съ Моркгойнехъ, тамъ же смертью ганебною животь свой скончалъ, смерть претерпевъ. Яко былъ на пастырство дирюю влезъ, такъ же въ дири въ дорозе зле животь скончалъ.

Того жъ року у самую у осень, не по обычаю, месеца септемрия 17 дня, у волторокъ, отъ западу сильный великий громъ былъ въ насъ и по всемъ сторонамъ весьма сильно гримелъ; такъ же и блисканье молоньи было; а въ ноци морозъ и ветеръ былъ. А тое было прознаминование: на предѣ будешъ читати рокъ Христа 602, 603. Великие болести, хоробы, такъ же войны великіе, голодь, неврожай сильный; было поветрие альбо моръ на людей переходжихъ. Множество на Низъ идучихъ; около тысящъ 4 зъ голуду мужей и жонъ, детей пошло; такъ ижъ страшно было видети, ижъ на улицахъ, по дорогахъ, по гумнахъ, у ровехъ пси мертвыхъ многихъ тела ели.

Року 1601 великая война была у Вилянтехъ съ кромель шведскими за Жикгимонта Третего.

Того жъ року запорожские козаки у Швеции были, да ничего не помогли, только великую шкodu господарю вчинили: бо место славное, место богатое Витебскъ звоевали, мешанъ побили, скарбы побрали, многое множество людей порубали, незличные скарбы побрали.

Того жъ року 1601, по волости могилевской гайдуковъ до Вылянтъ избранцовъ выбирали.

Того жъ року 1601, за господаря кроля Жикгимонта Третего, за митрополита Потея отщепенца, за вселенского патриарха киръ

Рафаила, постановлено на владычество Гедмона; а первой звано его Николаемъ. И тотъ отщепенецъ.

Того жъ року 601, месеца августа пятого дня, преставился священникъ юрьевскій, отецъ Тимофей Алексеевичъ; а справовалъ ерейства своего годъ 4. Парафея его была полместа, село Билевичи, Ходутичи, Липовка, Панковичи, Новосели, Тризнаина слобода, село Лежнево, Богданова слобода.

Року 1601, Тотъ былъ неуставичный, то есть почали жито на хлебъ жати голодные люде предъ Усѣяновеннемъ Главы Святого Иоанна Предтечи, а въ копы почали жито жати на Святого Симеона Столпника; и то было зѣрня вельми мягко; а дождали жита передъ Покровомъ за 2 недели: бо дождь уставично шолъ недѣль 12. Ярѣ почала высыпаться о Святомъ Петрѣ, а по Святомъ Покрове за две недели почали ярѣ жати; и то было зелено. А потомъ, после Святого Симеона Столпника, ок. 4 дня, снегъ великий выпалъ. Прето, што было пашни, ярицы, овса, пшеницы, ечмень, горохъ, бобъ, то все снегомъ напало и великую яри шкodu учинило. Згола было всему недобръ, якъ збожью, такъ же и людемъ. А предсе цена збожью средняя была. Якожь и знакъ тому упадку збожью: въ року 600 было зле; громъ гримевъ у восень по Воздвиженю Честнаго Креста.

Того жъ року 601 были у Швецыи козаки запорожские, люду четьре тысени. Надъ ними былъ гетманомъ Самуель Бошка. Тамъ же того Самуила убито, а поховано у Киеве. Нижли тамъ у Швецыи козаки запорожские ничего добраго не вчинили, ани гетманови и пану королю жадного ратунку не дали, только зъ Швецыи утекли, а тутъ на Руси Полоцку великую шкodu чинили, и место славное и великое Витебскъ звоевали, злата, сребра множество побрали, мещанъ учтивыхъ порубали, и такъ шкodu содомию чинили горше злыхъ неприятелей альбо злыхъ татаръ.

Того жъ року 1601, месеца октября десятого дня, целую неделю снегъ, снегъ сильный и егвалтовный ишолъ; выпалъ до полголені; такъ же и буря сильная была. Тогда пшеницы ярицы, овесъ, гречиху, горохи и вси овощи, великое множество ярицы на поляхъ непожатые, такъ же и копы жатые снегомъ позаметала метелица, ижъ было жалосно и страшно гледѣти и выповедити

уздыханья и плачу людей убогихъ, пашниковъ немаетныхъ. А такъ лежалъ тотъ снегъ 2 недѣли ажъ до Дмитровы суботы. Якожь зъ великихъ морозовъ река Днепръ былъ замерзъ, и ездилъ по немъ яко середъ зимы. А потомъ, за ласкою всемилюстивого Господа Бога для плачу и великого уздыханья, снегъ растагъ, и река Днепръ расплынулася; а потомъ почали жати-горовати по снегу у стужу. Были тежъ морозы великие. Огнѣ владѣли, сами грелися, ижъ страшно и жалосно было гледѣти. Три-два человекъ на день ледво сноповъ 40 нажнутъ овса альбо ярицы: бо вельми къ земли (поприлягало). Люди убогие ярь на весне жали-горевали; але вже только для статку: а того много статками на весне сами господари свое збожье травили. Маки, горохи, бобы, проса, репа, то все згола погинуло. А которые молотили ярь, зѣрня только знакъ, а коли змелеть, спечеть, то у печи не печется, а зъ лопаты у печь не зложитъ, съ печи ажъ ополоникомъ выбираеть. Такъ же и жито вельми было неумолотно. А коли муку житную у хлебе спекутъ, то тесто печеное солодко, а за скорину хотя ложки кладѣ, а въ печи не печется. У восень роли (орали) и жито сеяли; которые старымъ житомъ, то прѣдсе ни во што; а которые житомъ новымъ сеяли, тые ни жали. Якожь две доле тыхъ людей было, которыхъ (нивы) ораны и несейны были. На лето куповали жито четверть по грошей 35, яры по гр. 40; пшеницу куповали четверть 40 грош., овесъ по гр. 40, конопель четверть 20 гр., горохъ четверть 20 гр. А тотъ гневъ Божий былъ и непогода почавши отъ Менска до Полоцка, къ Витебску до Орши, до Мстиславля, до Пронойска, до Рогачева, Могилева, Любошаны. Потомъ у Речицы, въ Лоеве, въ Кieve, ажъ на Волынь, добрый врожай былъ. А такъ потомъ много множество людей убогихъ зъ голоду на Низъ зъ жонами и детьми и зъ семьею, што ажъ страшно было не только видети, але трудно было и выписати,—то есть зъ Верху, зъ волости зъ шкловское, зъ Друцка, зъ Дубровны, зъ Круглы, зъ Бобря, зъ Витебска зъ подъ Полоцка, съ подъ Мянска и зъ ишихъ многихъ украинъ.

Того жъ року была зима злая, снеги великие, и сильные были морозы. Многимъ людемъ поморозило, кому ногу, кому пальцы, другому видъ, уши, носъ; а другие зъ морозу померли.

А коли вже была весна, въ року 1602, тотъ находъ людей множество почали мерти; по пятеру, по тридцати у яму хворыхъ голодныхъ, пухлыхъ многое множество. Страхъ видети гневу Божого. А такъ при великихъ местахъ человекъ по одному у яму ховали, священники проводили. Тамъ же которые шли на Низъ, тые вси такъ померли; мало се zostало. А такъ мерли одны при местахъ, на вулицахъ, по дорогахъ, по лесахъ, на пустыни, при роспутняхъ; по пустыхъ избахъ, по гумнахъ померли. Отець сына, сынъ отца, matka детки, детки матку, мужъ жену, жена мужа покинувши, детки свои, розно по местахъ, по селахъ розышлись; одинъ другого покидали; не ведаючи одинъ о другомъ, мало не вси померли. А коли тотъ находъ у воротъ альбо въ дому у кого стоячи хлеба просили, отецъ зъ сыномъ, сынъ зъ отцемъ, matka зъ дочкою, дочка зъ маткою, братъ зъ братомъ, сестра зъ сестрою, мужъ зъ жоною, тыми словы мовили, сильне слезне горко мовили такъ: Матухно, зезулюхно, утухно, панюшко, сподариня, солнце, месецъ, звездухно, дай крошку хлеба! Тутъ же подле воротъ будетъ стоячи зъ рана до обеда и до полудня, такъ то просячи, тамъ же другий и умереть.

Того жъ року куповали жита четверть 40 грош., пшеницы четверть 50 грош., овса четверть грош. 38, гречихи четверть грош. 40, гороху четверть грош. 40, конопель четверть 50 грош., капусты ведро кислое 3 грош., ушатикъ капусты кислое 24 гр., ячмень четверть грош. 70.

А коли варива просили, тые слова мовили: Сподариня, перепелочко, зорухно, зёрнетко, солнушко, дай ложечку дитятку варивца сырого!

Того жъ року 602, зъ ласки Божей, весна почалася, нишли до Святаго Юрья ледве штось жито посееное почало зъ земли являтися, а другое сусходити; и то потросе почали орати на Страстной недели, а нѣкоторые до Свята потросе маку, пшеницы посеяли.

Того жъ року на Страстной недели во среду громъ загримель вельми грозный зъ дождемъ и зъ бурекю немалою. А то былъ знакъ недобрый и праве злый: бо на десятой неделе того жъ року 602, въ четвертокъ Великий, страшный былъ морозъ. Што было

цветовъ, то все поморозилъ. Правда, початокъ былъ грозный, а остатокъ плачливый. Што было огородныхъ речей: капуста, ботвины, цыбуля, маки, горохи, ячмень, ярица, то все морозъ побилъ; чого зъ великимъ плачемъ было видети тихъ людей голодныхъ, которые только огороды были засеяли, а жита имъ починала. У восень цена всему збожью была такова, якъ въ року вышъ описан(омъ).

Того жъ року 602 увосень жито посеяное вельми было уродилось. Зъ ласки Божей, осень была погодлива, и вдячно глядѣти было, вельми зѣлено. Такъ же сейба позная добра была.

Того року 602, весиѣ и летѣ, на люди были, зъ Божого допущенья, хоробы великие, горючки, бегунки; по местахъ, по селахъ много малыхъ детокъ померло.

Того жъ року 602, за кроля Жикгимонта Третьего, за митрополита Патея отщепенца, за владыку полоцкого Гедсона, за святейшаго патриарха киръ Геднона, месеца сентебря 7 дня, зъ олторжа на среду о полночи, канонъ Рожества Святыя Богородицы, славный панъ христьянски(й), панъ побожный, церкви Божой милоникъ, князь Богданъ Соломерецкый, во святомъ крещении называемый Алимпей, его мл. староста кричовский и олущицкый, на старостве своемъ во граде Кричеве переставился, въ добромъ сумненью и памети; а погребено при славной памети пану Иване въ Соломеричахъ, въ церкви Святого Покрова. Того жъ року князь Иванъ Соломерецкый у Высоцку переставился.

Року Божего нароженья 1603. Были козаки запорозкие, некий гетманъ на имя Иванъ Куцковичъ. При немъ было люду козацкого яко 4.тысечи. Брали приставство зъ волости боркулабовской и шупенской, то есть грошей копъ 50, жита меръ пятьсотъ, яловиць полтораста, кобановъ 50, салъ свинныхъ 100, меду пресного пудовъ 60, масла пудовъ десять, куровъ пять сотъ, сена возъ триста.

Того жъ року 603, въ месте Могилеве Иванъ Куцка здалъ зъ себе гетманство козацкое, для того ижъ у войску великое своволенство: што хто хочеть, то и брѣить. На тотъ же часъ былъ выжедый отъ его крол. мести и отъ пановъ и радъ; напоминалъ, грозилъ козакомъ; ижъ бы они никоторого квалту въ месте (и) по

селахъ не чинили. Передъ того жъ вышедшого отъ его врод. власти приносилъ одинъ мещанинъ на рукахъ своихъ дѣвчину у шести летехъ змордованую, вигвадченую, ледвей живую; чого было горко плачливе страшно глѣдети. На тое вси люде плакали, Богу сотворителю молилися, абы таковыхъ своесвольниковъ вечно выгладити рачилъ.

По томъ по Иване Буцку былъ гетманомъ Иванъ Босый. Тые козаци брали приставства у Полоцку, у Витебску, на Орши, у Мстиславлю, у Крычова, у Могилеве, у Головчине, у Чечерску, у Гомли, у Любечу, у Речицы, у Быхове, у Рогачове и по всихъ местахъ.

А на Воляни, на Подолю, у Кieve, тамъ на тотъ часъ жолнери лежали, которые зъ Волохъ выехали, яко десять тысящъ. Въ тыхъ всихъ краехъ приставство брали. Такъ же у Менску и по всей Литве, тамъ жолнери-татарове, которые выехали зъ Швецией, по тыхъ местахъ приставство брали.

Якожь въ тыхъ рокахъ 600, 601, 602 великие сильные были незрожан, такъ же голоды, поветрее, хоробы: бо въ летехъ тыхъ бывали лѣтомъ великие морозы, сильные грады. У Могилеве жита четверть куповали по грошей 40, ячень грош. 50, пшеницу гр. 50. А около Головчина, Полоцка и Витебска куповали жита четверть по грош. 60, ечменю четверть по грошей 70. Такъ же гречихи конопель знаку не было: все морозъ побилъ. Тогда всего того насенья въ Кieve (и) на Воляню куповали, и то потросе. Ледве можный (человѣкъ) огородъ засеялъ, и на поли по ядахъ, по нагнояхъ никто не бывалъ, альбо редкий сеялъ: бо насенья ярнаго каждый мало мель.

А коли козаци запорозкне назадъ на Низъ отсоля вышедчали, теперь же великую, сильную шкodu по селахъ, по местахъ чинили; жонки, девки и хлопята зъ собою много брали; такъ же коней много зъ собою побрали; одинъ козакъ будетъ мети коней 8, 10, 12, а хлопята трое, четверо, жонки альбо девки две альбо три.

Того жъ року 603. Народъ Божий зъ Низу до домовъ своихъ назадъ попомъ, великое множество мужей, жонъ, детей. Но еще больши тыхъ было, которые на Низу померли.

Року 603. Весна вельми была студена, морозива ажъ до недели Ѳомины. Того року былъ Святый Юрей во Великую субботу. А предсе з ласки Божое, на весне и у восень жито на поли зелено было, якбжь съ тою зеленью и зацвило на 7 недели по Святе, а никакожъ поговяло. Почали ярь святя до Великодня, а досевали яри на 7 недели. Кто сеялъ на третей недели, тые загорели; а хто сеялъ на 7 недели, того ярь добра была. Житу добрый урожай и вымолотистый чисто. Жито почали люди голодныя (жати) до Ильи Святого, а дожинали въ копу за тиждень по Ильи. Тотъ ротъ 603 вельми былъ сухой, жаркий. Якъ былъ дождь о Дусе Святомъ, потомъ о Десятой пятницы, а потомъ на Святого Илью. Того року напалъ снегъ месеца ноябра 5 молодика, и отоле стала зима за две недели до запусъ Филиновыхъ, а потомъ морозъ, снегъ, метелица великая была отъ Юрья Святого ажъ до Брещения. По Брещению Святомъ кольцо недель великая неустанчивность. Такъ было: если настанетъ меецъ молодой, то снегъ, дождь, буря, метелица, морозы, гололедица, ковзота, студень, ижъ трудно было выповедати. Потомъ недели третей въ постъ Великий у восторокъ вночи былъ дождь сильный, ажъ снегъ согнало и весна стала.

Того жъ року 603. Въ месте Виленскимъ, въ Мэнску, у Радошковичахъ, на Орши, у Шклове и по иныхъ многихъ замкахъ было поветрее великое въ постъ Филиповъ. А въ которыхъ замкахъ поветрее не было, въ тыхъ местахъ по дорогахъ, по улицахъ стражъ великую день и ночь мевали ажъ до Рожества Христова; а предсе Господь Богъ тыхъ въ целости здравыхъ заховалъ. А потомъ зъ ласко (sic) Божое было по всемъ странамъ здорово.

Теперь же, зъ ласки Божое, урожай на все добрый былъ. Жита мера копа гр.; ярицы мера копа грош.; овса мера грошей 50; гречихи мера грошей 60. А за таковое милосердие и великую его ласку честь и хвалу Господу Богу воздавали, пили и ели; а которые померли, тыхъ упоминали, плакали, жаловали и паметку творили за тыхъ душъ, и за грехи ихъ Господа Бога просили, абы Господь Богъ не помернулъ греховъ ихъ.

Теперь же радость великая была, ижъ мужъ жену въ далекихъ странахъ знашолъ, отецъ сына, matka дети, дети matку, приятель

приятеля, ближний ближнего своего; а где который умеръ, о тыхъ одинъ одному поведаль, где похованъ.

Року 1604, на Васклия Святаго, то есть новаго лета, была зима вельми добра, погодлива до Великого посту; а потомъ, на пятой недели Великого посту, снеги, дожди великие были, ажъ Днепръ ростекся, а снегъ согнало. Прешде весна непогодная была. Тогда жито у цвету морозъ побилъ; такъ же огурки морозъ у цвету побилъ, якошъ на тотъ часъ у господарстве мало хто бы ся мель огурками похвалити, хотя жъ ихъ гораздо и добре кукобили. Ягодъ, яблокъ, иныхъ овощей мало ся zostало, для великихъ дождовъ, морозовъ, градовъ; только грибовъ а бабковъ въ лѣте вельми много было зродило, ижъ каждый человека по двакротъ у грибы на день ходилъ. Такъ же, за великими дождями, около Великихъ день травъ ни троха сена не косили. Вода великая стояла по Святомъ Петре тыждень. А коли почала вода вешная спадывать, якобы три дни было; потомъ большая вода дожтевая нашла. И такъ поведали, якобы середъ лѣта на Москве снегъ великий и морозъ былъ, колько недель на санехъ ездилъ. Въ насъ на низкихъ местахъ у вогородахъ капуста, цыбули, яри згола потопило, и стояла вода малъ не до Ильи Святаго. Зима была вельми суха, людемъ купецкимъ вельми шкодлива: бо снегъ малъ былъ. Жита, гречихи, пшеницы, овесъ, ечень, горохъ въ той цене былъ, яко въ року 603: бо тотъ рокъ вари мало было; только грибы, ледники, опенки ели; а рыбъ вялыхъ мало было, для великихъ поводковъ. На люди, зъ ласки Божое, было здорово.

Року 1605. Весна, зъ ласки Божей была добра. Снегъ заразомъ согнало. Жито, на зиму сееное, якъ было зелено у осень, такъ же было зелено и на веснѣ; съ тою зеленостью и зацвило. Прешде житу сухость была вельми зашкодила. Дожду мало бывало. У цвету, яко у жите, такъ и яръ морозъ, сухость зашкодила. Двои были у сходъ. Гречихи добрый урожай былъ, и пленна была. Того року куповали жита четверть 8 грош.; овса четверть грошей 4; пшеницы четверть 16; конопель четверть гр. 6. Маку не было ни троха, ни цыбули; чесноку, и того было вельми малый урожай.

Того жъ року 605. У Баркулабове за Ляхвою увологи перезано, черезъ урядника пана Федора Плетинского.

Того жъ року 605. Якийсь знашолъ у краю низовомъ, а звѣщаа у дворе князей Вишневецкихъ, якийсь Дмитръ Ивановичъ; якожь бывши при дворе ихъ милости пановъ радныхъ и, собравши войско немалое люду низовского и козаковъ запорожскихъ, такъ же люду руского множество, съ тымъ людомъ поехавши, Стародубъ, городъ московский, узялъ, лысты (sic) по всей Москве разослалъ, поведаячи себе быти царя Дмитра Ивановича московского, которого еще малого якобы мелъ Годунъ стратити, нижили страшно и до царя Годуна принесено, але не оного Дмитра Ивановича,—въ него место малое дитятко, а его давно было сохвано и на Украинну низовскую было вывезено. Якожь о того Дмитра Ивановича животе и мешканью и о бытности его, обычаехъ и поступкахъ и мешканью его дивне и ячливие и трудно было выписати. Якожь история о немъ есть написана по достатку у другихъ летописцахъ. Якожь не по маломъ часе оный Дмитръ Ивановичъ зъ людомъ, взявши градъ Стародубъ, и Москву оселъ, а Годуна съ царства своего Московского согналъ, и не ведати, где ся Годунъ поделъ. Якожь Дмитра Ивановича познавши его Москва по давныхъ знакахъ царскихъ, былъ коронованъ царемъ вместо отца своего Ивана, царя московского на Москве. А хотяжь и короновали его, предсе не мали со собою доброе и зуполное згоды. Одна москва приймавала его за царя, а другая не приймавала. Тутъ же промежи ними была сильная и великая незгода и посварокъ, и вельми о немъ шлось дивне радилли хитре, мудре, скрыте, молчкомъ радилли, о чомъ напередъ услышите.

Року Божого нарощ. 1606. Тотъ рокъ, зъ ласки Божей, былъ здоровъ, на всемъ добрый, нижили рокъ мокрый. Жито, яри плехи были, а предсе цѣна была, яко въ року 1605 описано. Предные поводи были частые; сеновъ мало было статку. Зъ ласки Божое, было здорово такъ же на люди.

Того жъ року 1606. Дмитръ Ивановичъ, будучи ему коронованому царемъ на Москве, не порадившися, ани пытавшися сыновъ боярскихъ, по своей ему воли, по своей мысли пославъ (пословъ) и змовивши панну зацную за себе у пана (пробѣлъ), воеводу сондомирского въ Польци, якожь иные послы, змовивши панну, привезли на Москву, и самого сондомирского воеводу, такъ же зъ ними много множество добрыхъ, зацныхъ пановъ и паней и па-

никакъ зацныхъ шляхетныхъ. Якожь того року 606 было веселье на Москве, и было при томъ веселью литвы, руся и поляковъ-волынцовъ, поведали, яко семь тысящей избранцовъ, коштомъ великимъ выбранныхъ, въ злате и серебре, въ жемчугу, въ каменью дорогомъ, ижъ того умъ человеческий сказати не возмощетъ. Якожь по томъ веселью, за колько дней альбо недель москва вся, зобравшися и змовившися межи собою, вночи безъ вѣсти, безпечне грозно вдарили на палацъ самого царя Ивановича и на весь почеть его, такъ литву, русь и поляки, и на пана сондомирского. Въ тотъ часъ побито отъ москвы много множество почту царя Дмитра Ивановича люду зацного, люду служалого, рыцерского, пановъ зацныхъ шляхетныхъ, такъ же зацныхъ паней, панянокъ. Тимъ всемъ великое насмѣство, посмеванье, што ихъ злый умыслъ мыслилъ, починили. Плачливѣ и страшно было слышати о таковой злой пригоде тыхъ людей учтивыхъ. А самого царя Дмитра не ведати, где ся онъ поделъ. Одни поведали убить, а другия поведали живъ, утекъ. О томъ никто на тотъ часъ певное ведомости не мелъ. А самого пана сондомирского не згубили и зъ дочкою его до вязенья посадили. А которыхъ на тотъ часъ пановъ не побии, тыхъ множество люду служалого, яко убогихъ, такъ и богатыхъ, полуцивши, шаты добрыя зъ нихъ содравши, брони по отнимавши, нагихъ, босыхъ за границу выгнавши, попускали. А те за великии прикрости литовские и насмѣванье польское сталося имъ. Ижъ былъ збудовалъ царь Дмитръ ну воли жоне своей на Москве востелъ польский, и мниши служили службу Божую, а зъ русскихъ церквей великое насмеванье чинили, поповъ московскихъ уруговали, зъ нихъ ся насмевали, мели то себе за великую кривду и великое зелживости своей, не хотячи у царстве своемъ, абы, была вера ляховитинская: бо въ нихъ того отъ вековъ не бывало, ани хотели того во царстве своемъ мети; прето ихъ побии, помордовали и съ царства своего Московского прочъ выгнали, а соби на царство царемъ помазали Шуйского (Шуйского).

Потомъ того жъ року 606 господарь вродь польский Жикгимонтъ третий послалъ гонца своего о томъ до Москвы, пана Яна Бгенсевского. И того тамъ же на Москве посадили, и седелъ тотъ гонецъ много.

Того жъ року 606, месеца июня 5. Почался починати яинийся рокошъ. Тамъ же на тотъ рокошъ зъездчались панове руские, пруские, жомонтские, мазовецкие, подляские, волыницы, литва, поляки, згола отъ всякихъ земель и поветовъ панове вельможныи, панове зацные всякихъ веръ, всякихъ языкояъ. И стоялъ тотъ рокошъ у Сондомиру месецей шесть. Якожь тамъ тотъ край выгубивши, выпаливши, спустошивши, отъ Покривницы две миле, и не учинивши и не постановивши ничго доброго, у восень о Святой Покрове розъехалисе прочь.

Тотъ рокъ 1606, зъ ласки Божей, добрый былъ; только на фребру было хворыхъ. А збожью была цена: жита мера по гр. 24; овса мера гр. 14; гречихи мера гр. 20; ечмена мера гр. 20.

Той же рокъ 606 вельми дивный былъ, а то въ томъ, ижъ вода все лето такъ была велика, яко праве весне; не только летомъ, но и о запустехъ Филиповыхъ. Разъ упадеть, потомъ прибудеть, и зъ береговъ выливалася. Прето сена вельми мало косали.

Рокъ 1607. Тотъ рокъ, зъ ласки Божей, былъ здоровъ на людя; такъ же и врожай збожу середний былъ. Такъ же и цена збожу была: жита четверть гр. 8; пшеница четверть грошей 6; овса четверть грош. 5; гречихи четверть гр. 4.

Нижли того року 607 великая была незгода и замешанье кролю съ панами, паномъ съ кролемъ, зъ рокошанами, великий бунтъ, забитье, кровопролитье, отъ господаря кроля на дома насыланье, шляхте шкоду великую починенье. Вельми страшно было слышати, альбо тымъ, где се то деяло, видети. Якожь и конституция были выдали релии греческой, а потомъ за великою (незгодою) и дивными сиравами резорвалося, на томъ такъ не постановилося; только великое забийство, мордерство, кровопролитство поделали рокошаномъ. Якожь о таковомъ постановенью рокошанскомъ тутъ же въ томъ року 1606. есть выней описано.

Въ томъ же року 607 было великое на християне и немилостивое жолнерство, лупежство. По мѣстахъ, по селахъ жолнеры берестейские, жолнеры кргоденские, тые по волости королевской кашпизну брали, а на панскихъ и княжескихъ приставство на подданныхъ вытегали. Бъ тому зась особливе жолнеры Лисовского, жолнеры Кргоденского, тые по подданныхъ королевскихъ и княжескихъ,

панскихъ, шляецкихъ великое и немилостивое приставство альбо
 стацию по водостяхъ брали, яко збожьемъ, такъ же и пенезьми.

Того жъ року 607, месеца мая, после семои суботы, ишлоъ со
 Шклова и зъ Могилева на Попову Гору якийсь Дмитръ Ивановичъ.
 Менилъ себе быти онымъ царемъ московскимъ, который первой
 того Москву взялъ и тамъ же оженився. Бо тотъ Дмитръ Нагий
 былъ напервей у папа, шкловского именовъ, дети грамоте училъ,
 школу держалъ, а потомъ де Могилева пришлоъ, такъ же у свя.
 щенника Федора Сасиновича никольского у села дети училъ; а самъ
 оный Дмитръ Нагий мелъ господу у Могилеве у Терешка, кото-
 рый проскуры заведаль при церкви Святаго Микола, и прихо-
 жувалъ до того Терешка часъ немалый, каждому забегаячи, по-
 слугуючи. А мелъ на себе оденъе плохое: кожухъ плохий, шлыкъ
 баряный; въ лете въ томъ ходилъ. А коли были почали познавати
 оного Дмитра Нагого, въ тотъ часъ зъ Могилева на село Ониско-
 вича Сидоревича ажъ до Пропойска увышлоъ. Тамъ же у Пропой-
 ску были его поймали, во вязенью седелъ. А потомъ панъ Рагоза,
 врядникъ чечерский, за ведомостью дана своего его м. Зеновича,
 старосту (sic) чечерского, оного Дмитра Нагого на Попову Гору,
 то есть за границу московскую, пустилъ, со слугами своими его
 попровадилъ. А коли приехалъ до москвы, то отъ Поповы Горы,
 тамъ же его москва, по знакахъ царскихъ и по писаныхъ ли-
 стахъ, которые онъ, утекаячи зъ Москвы по замкахъ написавши
 давалъ, черезъ тые уси знаки его познали, ижъ онъ есть прав-
 дивый, певный царь восточный Дмитръ Ивановичъ, праведное
 солнце. Тутъ же почали радоватися, въ шаты, убiоры коштовные
 одели. Потомъ конного люду семь сотъ до него прибегло. Тутъ
 же почалъ листы писати до Могилева, до Орши, до Мстиславля,
 Бричева, зо Минска и до всехъ украинныхъ замковъ, абы люде
 охотные до онаго Дмитра Нагого прибывали, гроши брали его. И
 заразомъ съ Поповы горы оный Дмитръ Нагий, сей мнимый царь
 московский, оселъ московский замокъ Стародубъ. Теперь же по-
 чалъ ся людъ гулящий, людъ свовольный; скоро Дмитро, то и
 молодцы. Якийсь наймитъ зъ Мстиславля до него приполъ. На
 тотъ же часъ на Москве царемъ князь Андрей (Василий) Шуй-
 ский. Тогда собравши войско Дмитрашъ, и почалъ войну творити

зъ Мосивою и зъ княземъ Шуйскимъ. Нижли одны москвичи признавали его царемъ быти и самая Москва и вси большые бояре и иные многая москва, которая первой его добре знала быти царемъ московскимъ; ино дей якийсь воръ московский; а другие поведали быти и называли его такъ: плутъ. И такъ до оного Дмитра Нагого москва писала быти его такимъ — царь воръ, Гриша Отрепичъ, рострига. Потомъ zase явился другой царь на Москве, именованъ Недведокъ. Тотъ Недведокъ зъ людемъ немалымъ самъ передался на Москву царю Андрею Шуйскому. Теперь же почала войска до царя Дмитрия прибывати, войска великие, войска сильныя. Отсея зъ Литвы Ручкий зъ ротою, Лисовский, Велемовский Сапега и иныхъ много, а зъ Низу роты великие: князь Вишневецкий зъ ротою, князь Ружинский зъ ротою. Тамъ же волынскихъ, подольскихъ пановъ зацныхъ зъ ротами; а съ Польши панъ Стадницкий зъ ротами великими. Тамъ же на Москве въ тотъ часъ Богъ ведаеть, што ся тамъ дейло. Места, замки малые выпландровали. Але подъ столицю все лето стояли, много штурмовъ утратили, не достали. Тамъ же купцы шли многие зъ горелками, иные великую шкodu Москве делали. Хотя куницы, и тые жолнерами себе поведали быти. Якожъ оны жолнере и вси купцы которые тамъ на Москве были, чудно и вельми дивно о царе Дмитрие поведаютъ: якось дивне у войску справуеть, ижъ дей у ночи не спитъ, только, убравъшися во платье леда каковое, то (слѣдуетъ строкъ на десять пробѣлъ).

Року 1608, летомъ великие и сильныя войска ишли на Москву до царя Дмитра, а намъ въ томъ краю сильную, великую шкodu починили у статку, а наибольшей у коняхъ. Тыи то ишли жолнере, имена ихъ описаны въ року 607.

Того жъ року 608 разгневанье Божее было: много псовъ устелныхъ псовалося. Коней и людей много покусали, и померли.

Того жъ року 608 патриарха вселенский киръ Рафаилъ переставился. Того жъ року на местце его былъ посвященъ вселенскимъ патриархомъ именованъ киръ Неовата.

Того жъ року 608 лето было мокрое. Повѣдки были частые. Мало хто при рекахъ великихъ сена косилъ: бо и до восени поводки великие были.

Того жъ року 608 много детокъ малыхъ зъ воспы померло (Слѣдуетъ пробѣлѣ строкъ на пять).

Король Владиславъ ишлогъ подѣ Смоленскъ въ року 1633. Шениъ на тотъ часъ зъ войскомъ великимъ подѣ Смоленскомъ былъ и кролю Владиславу поклонился. И дела его, што Смоленскъ добывалъ, королю Владиславу досталися, меновите напервей: 1) Оджерожець, сажний три и болей; 2) Бгранатъ, сажний четыре; 3) Гладки, сажний три; 4) Бречеть, сажний три; 5) Волкъ, сажний три; 6) Царь пушка, сажний три и болей; 7) Коваль, сажний три; 8) Юрей, сажний три; 9) Пасынокъ, сажний три и болей. При тыхъ и иншихъ делъ малыхъ припрыважено зъ Смоленска числомъ всехъ (на этомъ словѣ рукопись прекрывается, но внизу страници нарисована киноварью звѣздочка.)

ХІІ.

ПОСОЛЬСТВО ПЕТРА САГАЙДАЧНАГО

къ царю Михаилу Федоровичу.

1620, въ февралѣ.

Диѣпровскіе козаки были извѣстны своимъ единовѣрцамъ, сѣверноруссамъ, еще въ XVI столѣтїи, какъ „люди дикіе, необузданные, не имѣющіе страха Божїа“. (Чт. Общ. Ист. и Др. Р. 1863, II, 269). Изъ документа IX мы знаемъ, что они промышляли самозванщиною въ Россїи именно въ этомъ характерѣ. Вторгнувшись въ московскую Сѣверїю, они ограбили едавшїйся мнимому Дмитрію Черниговъ, прежде чѣмъ самозванецъ успѣлъ вступить въ него, такъ что шляхетные спутники самозванца увидѣли въ городѣ „только порожніе короба передъ домами“. (Русск. Ист. Библ. I, 369). Въ 1609 году они воевали въ пользу поляковъ,

по выраженію современника, „аки зли волцы скатуще и яко зліи аспиды щияху“. (Тамъ же, т. II, осада Желѣзопольской Устюжны). Подвиги самого Сагайдачнаго въ 1618 году описаны, какъ вопіющій разбой, смѣвниимъ отъ него въ осадѣ жителямъ города Михайлова. (Черн. Губ. Вѣд. 1854, № 33.) Москва разореніе земли своей приписывала всего больше запорожскимъ козакамъ, изъ которыхъ многіе находились въ составѣ ясачниковъ и донцовъ, какъ это видно изъ помѣщенныхъ въ настоящемъ томѣ документовъ. Въ Москвѣ справедливо смотрѣли на козаковъ Сагайдачнаго, какъ на враговъ Россіи. Вдругъ козакъ присылають 15 посланцовъ къ путивльскимъ пограничнымъ воеводамъ и съ ними нѣсколько татарскихъ языковъ, для отправки къ царю. Путивльскіе воеводы, по заведенному порядку, спрашиваютъ у царя, какъ поступить съ козацкими посланцами, но, не дождавшись царскаго указа, отправляютъ ихъ въ Москву. Держать козаковъ съ татарскими языками въ Путивлѣ до царскаго указа воеводы почему то „не смѣли“. Изъ Москвы между тѣмъ указано дать козакамъ царское жалованье отъ себя въ Путивлѣ и отпустить во свояси, удержавъ доставленныхъ ими языковъ; но козаковъ не возможно было вернуть съ дороги. Въ отвѣтъ на донесеніе, что козакъ находится на пути къ Москвѣ, воеводы получили царскій выговоръ, что они „отпустили запорожскихъ черкасъ къ Москвѣ собою, невѣдомо какими обычай“. Впередъ имъ указано такъ „не глушить, такихъ великихъ дѣлъ не дерзать и своею глупостью царскимъ дѣламъ поруки не чинить“.

Благодаря оплошности воеводъ, мы знаемъ, какъ третировали въ то время на Москвѣ Запорожское Войско. Москвичи думали о козакахъ, какъ о людяхъ дикихъ, и раздражить этихъ дикихъ людей дурнымъ пріемомъ, очевидно, считали они дѣломъ безразсуднымъ. При свиданіи, царскіе бояре давали козацкимъ посланцамъ руку, а въ переговорахъ старались возстановить старинныя отношенія днѣпровской вольницы къ Московскому государству, которое не разъ принимало къ себѣ на службу козацкія дружины, помогало запорожцамъ вооружаться противъ басурманъ и посылало даже своихъ людей вѣсть съ ними для военнаго промысла надъ непріятелями.

Между прочимъ, пребываніемъ „запорожскихъ черкасъ“ въ Москвѣ воспользовались теперь для опредѣленія отношеній этого единовѣрнаго войска къ польскому королю, который былъ извѣстенъ своими стараніями объединить все населеніе королевства посредствомъ церкви. Предложенный козакамъ вопросъ думнаго дьяка Ивана Грамотина: нѣтъ ли какого посяганья на ихъ вѣру? не слѣдуетъ понимать въ буквальномъ смыслѣ. Слово *вѣра* означало въ то время и религію, и землю. (На прим. въ невольничьей душѣ поется: „Ты, зѣмле Турецка, ты, вѣро бусурманська, ты розлуко христіанська“!) Но тѣмъ не менѣе для насъ важенъ отвѣтъ козаковъ Сагайдачнаго: что посяганья на нихъ отъ польскаго короля „ни котораго не бывало“.

Козакамъ, стало быть, не было дѣла до того, что происходило въ Бѣлоруссіи, и Грековичъ, намѣстникъ уніятскаго митрополита, утопленъ ими, подъ Выдубицкимъ монастыремъ, не въ качествѣ мстителей за посягательство на православную церковь, а по найму или подговору. Еслибъ раздраженіе монаховъ, священниковъ, мѣщанъ и мелкой украинской шляхты противъ уніятской іерархіи было общимъ чувствомъ козацкаго войска, то представители его въ Москвѣ имѣли хорошій случай заявить себя христіанскими воинами, высказавъ хоть какую нибудь сенсацію въ пользу религіи, гонимой католическимъ правительствомъ. Но козаки, предлагая царю свои услуги, ни однимъ словомъ не намекнули на свое разновѣріе съ королевскимъ правительствомъ, и царь, посылая Конашевичу-Сагайдачному отвѣтную грамоту, игнорируетъ вопросъ о вѣрѣ совершенно; а въ переговорахъ съ царскими сановниками козаки говорятъ единственно о своемъ военномъ ремеслѣ, и даже на прямой вопросъ дьяка Грамотина о религіозномъ посягательствѣ поляковъ отвѣчаютъ отрицательно. Все это тѣмъ замѣчательнѣе, что въ Москвѣ гостилъ тогда іерусалимскій патріархъ Теофанъ, который вскорѣ появился въ козацкой Украинѣ и находился подъ охраною козаковъ Сагайдачнаго.

Очевидно, что козаки грабили въ 1592 году Межигорскій монастырь (акты Меж. мон. № 2), помогали въ 1595 году печерскому архимандриту Никифору Туру отнимать у пановъ монастырскія села (Археогр. Сб. I, 200), казнили въ 1618 году уніята

Грековича и чествовали въ 1620-мъ іерусалимскаго патриарха не въ качествѣ корпораціи, а въ качествѣ отдѣльныхъ отрядовъ козацкаго войска, которые можно было поднять и на все доброе, и на все дурное. На примѣръ, въ 1593 году Наливайко съ своею козацкою дружиною сражался противъ запорожцевъ (Tagewuch des Erich Lassota), потомъ предлагалъ свои услуги Сигизмунду III противъ единовѣрныхъ ему охотниковъ до козацкаго промысла (Hr. Bogol-Plater, Zródła do Dz. P.), потомъ сражался противъ коронаго войска вмѣстѣ съ запорожцами, а черезъ восемь лѣтъ побитые подъ Лубнами наливайковцы принялись работать вмѣстѣ съ разгромившею ихъ шляхтою надъ разореніемъ Московскаго государства. Съ такими людьми дьяку Грамотину нечего было говорить въ 1620 году объ интересахъ православія въ южной Руси. Разговоръ оборвался на первыхъ словахъ. Между тѣмъ изъ словъ дьяка Грамотина видно, что вопросъ о южнорусской церкви занималъ московское правительство по старому, какъ и во время Іоанна III. Онъ говорилъ: „Здѣсь въ Російскомъ государствѣ слухъ былъ понесся, что польскій Жигимонтъ король учинился съ Турскимъ въ миру, а на вашу вѣру хочетъ наступить, и вы бы про то объявили нынѣ: какъ король польской нынѣ съ Турскимъ и съ папою, съ цесаремъ, и на вашу вѣру отъ нихъ какова посяганья вѣту ль“?

Когда мы вспомнимъ, что патриархъ Теофанъ, на прощаньи съ козаками, далъ имъ наказъ не ходить войною на Москву (чего, впрочемъ, они не исполнили, и въ 1633—1634 году, въ числѣ 15.000 отборнаго войска, помогли Владиславу IV отвоевать у Москвы Сѣверію); когда сообразимъ, что кievская митрополія была возстановлена Теофаномъ по возвращеніи изъ гостепрѣимной Москвы; когда примемъ во вниманіе, въ какихъ интимныхъ отношеніяхъ съ царемъ и патриархомъ Филаретомъ Никитичемъ находился посвященный имъ Іовъ Борецкій,—неволью является вопросъ: не въ Москвѣ ли слѣдуетъ искать почина великому по своимъ послѣдствіямъ дѣлу? Захарія Копинстенскій, въ своей „Палинодіи“, говоритъ, что Теофанъ рассказывалъ въ Кіевѣ о „мудрыхъ людяхъ и православныхъ богословахъ“, находящихся въ Москвѣ. (Списокъ Рум. Музея, листь 377.) Не этили ли мудрыми людьми и пра-

вославныхъ богословамъ (которые, по отзыву Теофана, знали и греческій языкъ) слѣдуетъ приписать программу возстановленія православной митрополіи, выполненную въ Кіевѣ подѣ згидою страшнаго столько же варшавянамъ, какъ и москвичамъ, Петра Ванашевича Сагайдачнаго?

1.

Пріемъ посланцовъ Сагайдачнаго.

(Лѣта 7128) февраля въ 26 де(нь), въ субботу на масленой (недѣ)ле по государеву цареву і великого князя Михаила Федоровича всеа Русіи указу, были въ посольской палате у дьяковъ у думнова у Ивана Грамотина да у Савы Раманчукова запорожские черкасы Петръ Одинецъ съ товарищи.

А посылаѣтъ по нихъ на подворье приставъ ихъ, сотникъ Яковъ Бѣсковъ; а черкасы шли въ городъ пѣши.

(А) какъ черкасы были у дьяковъ, и въ то время стояли въ городе стрельцы въ чистомъ платьѣ бесъ пищалей.

И какъ черкасы пошли въ посольскую палату, и посольской думной дьякъ Иванъ Грамотинъ спрашиваѣтъ черкасъ: здорово ли дорогою ѣхали, и нѣтъ ли какихъ нужи въ кормлѣхъ?

И черкасы были челомъ на государеве жалованье на корму, и говорили, что имъ нужи нѣтъ ни которые.

И дьяки говорили черкасамъ: Писали къ царьскому величеству изъ Путивля воеводы, князь Иванъ Борятинскій да (Ни)кита Оладьянъ, что вы приѣхали (къ) государю ото всего Запорожского Войска съ крымскими языки, и путивльские воеводы васъ отпустили съ языки къ царьскому величеству, и они бѣ ныне объявили, о чемъ Войско Запорожское прислали ихъ къ царьскому величеству бити челомъ, и гдѣ у нихъ съ крымскими людьми былъ бой, и сколько давно и сколько онѣ поймали языковъ.

И Черкасы Петръ Одинецъ говорили: Прислали ихъ все Запорожское Войско, гетманъ Саадачнай съ товарищи бити челомъ го-

сударю, объявляя свою службу, что онъ всё хотятъ ему великому государю служить головами своими по прежнему, какъ онъ служилъ прежнимъ великимъ росіискимъ государемъ и выхъ государскихъ повелѣніихъ были, и на недруговъ ихъ ходили, и крымскіе улусы громили, а нынѣ они по тому жъ служатъ великому государю: ходили изъ Запорогъ на крымскіе улусы, а было ихъ съ 5.000 человекъ, и было имъ съ крымскими людьми дѣло по сю сторону Перекопи, подъ самую стѣною; а было татаръ у Перекопи съ 7.000 человекъ, а на заставѣ было ихъ съ 1.000 человекъ; и Божіею де милостию и государевымъ счастьемъ татаръ они многихъ побили, и народъ крестьянской многой изъ рукъ татарскихъ высвободили, і съ тою службою и съ языки присланы онъ въ государю, і въ томъ воленъ Богъ да царское величество, какъ ихъ пожалуетъ. А татаръ они отдали прежь того. А они вмѣстѣ головами своими хотятъ служить его царскому величеству и его царскіе милости къ себѣ нынѣ и впередъ просить хотятъ.

И думной дьякъ Иванъ Грамотинъ говорилъ черкасомъ: То они дѣлають добро, что они царскіе милости къ себѣ ищутъ и служатъ ему государю хотятъ, и до царского величества бояръ тѣ ихъ рѣчи, что у нихъ слышнть, донесеть; а объ нихъ царского величества бояре и до царского величества донесутъ, и что на то будетъ царского величества повелѣнье, и имъ отвѣтъ на то будетъ.

Думной же дьякъ Иванъ Грамотинъ говорилъ черкасомъ, что здѣсь въ Росіискомъ государствѣ слухъ былъ понесся, что польской Жигимонтъ король учинился съ Турскимъ въ миру і въ дружбе, а на ихъ вѣру хотеть наступить, и они бѣ про то объявили нынѣ: какъ король польской нынѣ съ Турскимъ и съ паню, цесаремъ, и на ихъ вѣру отъ нихъ какова посяганья нѣту ль?

И черкасы говорили: Посяганья на нихъ отъ польского короля ни которово не бывало, а съ Турскимъ въ миру, и на море имъ на Турского людей ходить заступлено изъ Запорогъ, а не съ малыхъ рѣчекъ: съ рѣчекъ имъ, опричь Запорогъ, ходить не замарено. А про цесаря имъ и про папу ничего невѣдомо, и отъ нихъ тотъ край отдагль. А на Крымъ имъ ходить не запрещено. А на

весну всё они пойдутъ певне въ Запороги, а царьскому величеству о томъ они всё бьютъ челомъ, чтобъ ихъ государь пожаловалъ, якъ своихъ холопей.

А говоря дѣяни съ черкасы и сказавъ имъ государево жалованье, въ стола мѣсто кормъ, отпустили ихъ на подворье.

2.

Наказъ объ отпускѣ посланцовъ Сагайдачнаго.

Какъ черкасы войдутъ въ полату къ бояромъ, и объявить боярѣ дѣакъ Сава Раманчуковъ а молытъ:

Великнй государь царь і великнй князь Михайло Федоровичъ, всеа Руснй самодержецъ и многихъ государствъ государь и обладатель, ведѣлъ вамъ быти на своемъ государеве дворѣ своего царьского величества у боярина и намѣстника коломенского, у князя Дмитрея Михайловича Пожарского, да у дьяковъ у думного посольского дѣака Ивана Курбатова сына Грамотина да у Савы Раманчукова.

И бояре черкасомъ дадутъ руки, а давъ руки говорити имъ рѣчь:

Одинецъ съ товарищи!

Пришли есте къ великому государю нашему къ царю і великому князю Михайлу Федоровичю, всеа Руснй самодержцу, отъ гетмана Петра Сааданного и ото всево Войска Запорожского съ листомъ и съ послугою, съ крымскими языки; а въ листу своемъ къ царьскому величеству гетманъ і все войско писали, что они, памятуючи то, какъ предки ихъ прежнимъ великимъ государемъ царемъ и великимъ княземъ роснйскимъ повинность всякую чинили и имъ служили, и за свои службы царское милостивое жалованье себѣ имѣли, такъ же и они царьскому величеству служить готовы противъ всякихъ его царьского величества неприятелей; а ныне были они подъ Перекопью и многихъ бусурманъ побили и живыхъ поимали, и полонъ многой крестьянской вызволили, и того погрому приолади съ вами къ царьскому величеству крымскихъ дву чловѣкъ тотарь. И что писали къ царьскому величеству гетманъ

Петръ і все Запорожское Войско въ своемъ листу, и царьскому величеству то все извѣстно. І великии государь нашъ царь і великий князь Михайло Ѳедоровичъ, всеа Русіи самодержецъ, гетмана Петра и все Войско Запорожское за то, что царские милости и жалованья къ себѣ поискали и его царьскому величеству служить хотять, похваляеть, и въ своемъ царьскомъ милостивомъ жалованье гетмана вашего і все Войско Запорожское имѣти хочеть по тому жъ, какъ и предки его великие государи цари і великие князи росіиские, дѣдъ его царьского величества блаженные памяти великии государь царь і великии князь Иванъ Васильевичъ всеа Русіи и дядя его великии государь царь і великии князь Ѳедоръ Ивановичъ всеа Русіи прежнихъ запорожскихъ гетмановъ і все Войско Запорожское въ своемъ царьскомъ жалованье держали. А въ томъ бы вамъ не оскорблятца, что есте его царьского величества очей не видали, потому что есте пришли къ Москве предъ постомъ, і въ постъ у великого государя нашего никакие послы иноземцы не бывають; а ныне царское величество молитца по святымъ мѣстомъ. І велѣлъ васъ великии государь нашъ отпустить къ себѣ, а съ вами велѣлъ его царское величество послати своего государьского жалованья къ гетману и ко всему войску деньгами три ста рублевъ, а на отпуске жалуетъ васъ царское величество своимъ царскимъ жалованьемъ деньгами и конями, и тѣстами, и сукны, и шапки.

И отпустить на подворье да свазать имъ въ стола мѣста кормъ.

3.

Память о подаркахъ посланцамъ Сгайдачнаго.

Лѣта 7128-го марта въ 10 де(нь), по государеву цареву і великого князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи указу, память казначью Микиѳору Васильевичу Траханиотову да діаконъ Ждану Шипову да Буггану Милованову. Указалъ государь царь і великий князь Михайло Ѳедоровичъ всеа Русіи дати своего государева жалованья черкасомъ запорожскимъ, которые приѣхали ко государю изъ Запорогъ ото всего Запорожского Войска въ грамотою и крими-

скими языки: атаману Петру Одинцу камка добрая да сукно доброе лундышъ, шапка лисья въ четыре рубли; товаришемъ его лутчимъ семи человекомъ по таётъ по доброй, по сукну по доброму жъ, по шапке лисье, по полтрете рубля шапка; достальнымъ семи жъ человекомъ по сукну по доброму да по шапке лисье, по полутора рубли шапка. И по государеву цареву і великого князя Михайла Федоровича всеа Русі указу, казначѣю Микиеору Васильевичу Траханиотову да діакомъ Ждану Шипову да Бугаку Милованову тѣ камки и таеты, и сукна, и шапки лисьи, что дать государева жалованья запорожскимъ черкасомъ, велѣти изготовить, а изготови прислать въ посольской приказъ къ дякомъ, къ думному къ Ивану Грамотину да къ Савѣ Раманчюгову.

4.

Царская грамота Петру Конашевичу Сгайдачному.

Божиею милостию отъ великого государя царя і великого князя Михайла Федоровича, всеа Русі самодержца и многихъ государствъ государя и обладателя, запорожскихъ черкасъ гетману Петру Конашевичу и атаманомъ, и сотникомъ, и ясауломъ, і всему войску наше государское милостивое слово. Въ нынешнемъ во 128 году присылали есте къ нашему царьскому величеству ото всего своего войска посланцовъ своихъ Петра Одинца съ товарищи зъ грамотою, а въ грамоте своей къ нашему царьскому величеству писали есте и рѣчью нашего царьского величества приказнымъ людемъ тѣ ваши посланцы говорили, что вы, памятуячи то, какъ предки ваши запорожские гетманы і все войско прежнимъ великимъ государемъ царемъ и великимъ княземъ роускимъ повинность всякую чинили и имъ служили, а за свои службы отъ нихъ государей милость и жалованье къ себѣ имѣли, въ той же повинности ныне нашему царьскому величеству быти хотите і, за Порогами будучи, службу свою къ намъ оказывати хотите противъ всякихъ неприятелей нашихъ; и ныне ходили есте на татарския улусы и многихъ татаровъ побили і въ полонъ поимали, и того своего полону прислали есте къ намъ съ послан-

цы своими дву татаринновъ, и просите того у нашего царьского величества, чтобъ намъ васъ пожаловати, послуги ваши и тѣхъ полонениковъ велѣти милостиво принять, и пожаловати бѣ васъ за ваши службы нашимъ царьскимъ жалованьемъ; а вы і впередъ нашему царьскому величеству прямо і вѣрно служить будете. И мы великнй государь тебя гетмана Петра і все войско за то похваляемъ, что вы нынешние государские милости къ себѣ поискали и службу свою къ намъ великому государю оказываете і впереть намъ службу свою и радѣнье хотите оказывати, и языковъ крымскихъ у посланцовъ вашихъ велѣли есмь принять, а посланцомъ вашимъ велѣли есмь быті у нашихъ бояръ и у приказныхъ людей и посольства ихъ велѣли есмь выслушати милостиво і впередъ васъ въ нашемъ милостивомъ жалованье имѣти хотимъ; и, пожаловавъ посланцовъ вашихъ нашимъ царьскимъ жалованьемъ, велѣли есмь отпустить къ вамъ, а съ ними послали къ вамъ ныне лехкос наше жалованье три ста рублевъ денегъ, а впередъ васъ бѣ нашемъ жалованье забвенныхъ не учинимъ, смотря по вашей службе. И ты бѣ гетманъ Петръ і все Запорожское Войско наше жалованье принял; а на крымские улусы ныне васъ не посылаемъ, потому что крымской Джанъ Бекъ Гирѣ царь на наши великие государства і царевичи і князи и мурзы не ходять и людямъ нашимъ шкоты не чинять ни которые, а наши люди по томуъ крымскимъ улусомъ шкоты ни которые не дѣлають.

Писанъ въ государствия нашего дворѣ царствующего града Москвѣ лѣта 7128-го мѣсяца апрѣля 21 дня.

5.

Царскій выговоръ путивльскимъ воеводамъ.

Отъ царя і великого князя Михайла Федоровича всеа Руснй въ Путивль воеводамъ нашимъ князю Ивану Михайловичю Борятинскому да Миките Васильевичю Оладьину. Декабря въ 3 де(нь) писали есте къ намъ, что генваря въ 16 де(нь) приѣхали къ вамъ въ

Путивль запорожскихъ черкасъ посланцы Петръ Одиноецъ съ товарищи пятнатцать человекъ, и вы, давъ имъ кормъ и подводы, отпустили ихъ къ намъ къ Москве, а держать ихъ въ Путивле до нашего указу не смѣли. А напередъ сего генваря въ 26 де(нь) вы жъ писали къ намъ съ толмачомъ съ Титкомъ Трувановымъ, что сказывали вамъ въ вестяхъ рыляне торговые люди и литовские купцы, что Саадачной плеть къ намъ ото всево войска черкасъ съ крымскими языки, и будетъ черкасы въ Путивль съ крымскими языки придуть, и вамъ бы объ ихъ отпуске и корму и о подводахъ велѣти намъ указъ учинить. И нашъ указъ посланъ къ вамъ съ рылениномъ съ Яновомъ Смоловымъ генваря въ 28 де(нь), а велено вамъ тѣхъ черкасъ поставить ихъ у себя въ Путивле за острогомъ и, роспрося ихъ и давъ имъ отъ себя наше жалованье, отпустить назадъ, и съ языки къ намъ къ Москве отпустить ихъ не велено. И ныне вы тѣхъ черкасъ отпустили къ намъ, не дождався нашего указу, собою, и вы то учинили невѣдомо какими.... обычей мимо дѣла, а писавъ къ намъ объ указе, да не дождався нашего указу, черкасъ отпустили, и какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бы впередъ такъ не глумили, безъ нашего указу такихъ великихъ дѣлъ не дерзали и тою своею глупостью (нашимъ царскимъ) дѣламъ поруки не чинили. А только впередъ такъ учнете дѣлать, и вамъ быть отъ насъ въ великой опале.

XIII.

ПИСЬМО КНЯЗЯ ХРИСТОФОРА ЗВАРАЖСКАГО

ВЪ КОРОЛЮ

О ЗАПОРОЖСКИХЪ КОЗАКАХЪ.

Около 1623 года.

Послѣ Хотинской войны казаки сдѣлались своевольнѣе, нежели когда либо. Смерть Конашевича-Сагайдачнаго, въ 1622 году, развязала имъ руки окончательно. Они варяжничали на морѣ, не обращая никакого вниманія на старанія Польши упрочить миръ съ Турціею, а съ московскимъ царемъ сносились, какъ люди, не зависящіе отъ короля и Рѣчи Посполитой. Въ 1623 году назначена была коммиссія для приведенія козацкаго войска въ такіе размѣры, при которыхъ для правительства было бы возможно внушать имъ страхъ и повиновеніе. Она состояла изъ множества русскихъ землевладѣльцевъ, во главѣ которыхъ стоялъ Гома Замоискій. Каждый членъ этой военносудной коммиссіи былъ сопровождаемъ болѣе или менѣе многочисленнымъ почтомъ вооруженныхъ людей съ артиллеріею и походными возами. Всѣ почты вмѣстѣ составляли армию, и во многихъ почтахъ шли противъ непокорныхъ козаковъ казаки наемные. ¹⁾ Предполагалось, что коммиссары соберутся въ назначенное мѣсто съ такими почтами, которые заставятъ козаковъ принять новую регуляцію для Запорожскаго Войска. Коммиссіи поручено было употребить *omnes rationes*, подъ которыми разумѣлась и *ultima ratio*, для удержанія козаковъ отъ морского похода и приведенія ихъ въ безопасное для общества состояніе. Но, по словамъ сеймоваго постановленія 1624 года, эта

¹⁾ См. роспись *wolontaryuszów* военносудной коммиссіи, состоявшейся наконецъ въ 1625 году подъ начальствомъ Конецпольского, у Нѣмцевича въ VI-мъ томѣ *Zbiornu Pamiętnikow o Dawnej Polsce*.

комиссія, przez zatrudnienie spraw Rzeczypospolitey, do effectu swego przysć nie mogła. Назначена была новая комиссія, съ присовокупленіемъ пункта о преслѣдованіи той шляхты, которая содѣйствуетъ козацкимъ походамъ своими достатками. Но какъ трудно было выполнить сеймовое постановленіе, видно изъ нижеслѣдующаго письма князя Збаржскаго.

Онъ говорить, что на эту службу комиссары должны ѣхать, какъ на самую опасную и убыточную войну. А надобно было ѣхать, потому что козацкое своевольство, по его словамъ, было для турокъ все равно, что febris pestilentialis, вѣвшаися въ сердце. Для ея излечения, готовы они сдѣлать даже самыя убыточные для себя уступки персамъ и другимъ злѣйшимъ врагамъ своимъ. Такимъ образомъ отвратить войну съ Турціею надобно было во что бы то ни стало. Но въ такомъ случаѣ Польшѣ предстояла опасная война съ рабами, bellum servilis, потому что козаки никогда не доходили еще до такого своевольства, какъ въ послѣдніе годы, пренебрегая верховною властью и законами Рѣчи Посполитой, заключая и нарушая союзы съ сосѣдними владѣтелями. Не безъ того (прибавляетъ князь Збаржскій), чтобъ и рускіе попы не надмевали ихъ. Кромѣ численной силы, козаки, по его мнѣнію, выросли отъ явнаго и тайнаго содѣйствія со стороны всей кievской Украины и Бѣлой Руси. Помогали имъ и королевскіе города, и частью панскіе дома, одни явно, другіе тайно, считая ихъ освободителями отъ притѣсненій, которыя эти дома претерпѣвали отъ своихъ враговъ. Все это (заключаетъ князь Збаржскій) вмѣстѣ съ навыкомъ владѣть оружіемъ, съ военными удачами и неудачами, а также съ прибрѣтеннымъ ими богатствомъ, внушаетъ разбойникамъ самыя дерзкія надежды.

LIST XCIA J^o MCI PANA KONIUSZEGO KORONNEGO DO KROLA
JE^o MCI Z STRONY KOZAKOW ZAPOROSKICH.

—Racz WKM sam Miłosciwie considerowac to, ze na te posługę, tak trzeba iechac, iako na naywiętszą y naypotężniejszą woynę, przysposobiwszy się nieiako co do woyny nalezy, a y na zywnosć samą, gdysz zyc z samoszedzkie^o (sic) z gromadą ludzy stanawszy nie-

godzi się y niebezpieczno dla kłopotow prawnych, do czego na przygotowanie czasu niemałego potrzeba. — Licentia kozacka iest wielka, ktora wojnę Turecką znowu za sobą wiedzie per necessitatem y iest Turkom iako febris pestilentialis w sercu, dla ktorey ulecenia y ratowania się nie będą, moim, zdaniem drodzy conuenire z Persem y z naywiększemi nieprzyjacióły swemi cum maximo suo damno. Z grugiey strony imminet Panstwom WKM belli servilis periculum nigdy iawniejsze y podobniejsze, iako tych lat, gdzie spernere poczęli Maiestatem et iura WKM y Rzeczyp. y iako aequales WKM przymierza brac poczęli y wzgardzac z Pany postronnemi — Tę jednak arrogantią dwie rzeczy w nych principaliter zrodili. Perwsza może nostri gentis immoderata incomia laudis po Chocimskiej wojnie. Druga, ktora z teyze zawziętosci posła, niezwyčajna ich moc y gromada, takze iustum exercitum, iako to WKM wiedziec raczysz excedunt plebs praesumptio, złączona cum tanta potentia, czego vczynic nie smieią et quos ausus non meditantur? Nie iest bez tego, zeby ich y Popy, genus sceleste hominum, nie mieli nadymac, y wiele inszych, ale to iest accessorium, iako wiec owe bywa u dostatnich a młodych Paniąt, gdzie wiec czeladz comites pereuntium patrimoniorum wiedzie ich do utraty y zbrodni. Ta moc kozacka nietylko ze w tym zgromadzeniu Iotrowskim iest tak mocna, ale nadto ma dwie rzeczy, posluszenstwo niecnot swych wielkie y favor iawny y pokryiomy ledwo nie wszystkiew Kiiowskiej Ukrainy y Białey Rusi, takze miasta WKM, prywatne domy slacheckie, iedni iawnie, drudzy oculte, propter mecum, fauent et uotis prosequantur y onych samych liberatores w ucisku swym kładą et non desunt falsis augury y siebie samych y onych demensniacz obstrzaiąc. Co wsitko auget spem et animos latrorum. A nadto wszytko przystąpiło cwiczenie w uzywaniu broni y dział Rycerskich, częstego szczęsia y nieszczęsia woiennego z bogactwem pewnie dosc znaczym. —

XIV.

СОСТОЯНІЕ ТУРЕЦКОЙ ИМПЕРІИ

ЗАПІСКА, ПРЕДСТАВЛЕННАЯ КНЯЗЕМЪ ХРИСТОФОРЪМЪ ЗБАРАЖСКИМЪ
ПОЛЬСКОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ.

Около 1623 года.

Въ виду того, что войны съ Турціею приписывались поляками козачиимъ вторженіямъ въ турецкія владѣнія, и что колонизація Украины не могла идти быстро по причинѣ татарскихъ набѣговъ, направляемыхъ турками, а не меньше и въ виду того, что татарскій ясырь былъ живою струею, подкрѣпляющею силы Турціи,—интересно намъ знать этотъ край отъ такого современника-очевидца, какъ просвѣщенный князь Збаражскій, польскій посолъ въ Царьградѣ.

Во II-мъ томѣ „Исторіи Возсоединенія Руси“ представлены мимходомъ слабыя стороны Турціи, объясняющія возможность успѣховъ козачикихъ на морѣ и сопротивленія Польши войску Османа II на сушѣ. Записка князя Збаражскаго изображаетъ дезорганизацію работниковъ Греческой имперіи въ такомъ видѣ, что надобно только дивиться, какъ ничтоженъ былъ духъ современной христіанской Европы, которая не умѣла пользоваться весьма удобнымъ и весьма продолжительнымъ моментомъ для сокрушенія такъ называемаго оттоманскаго могущества.

Князя Збаражскаго прежде всего поразило въ Турціи отсутствіе книжной образованности и аристократическаго начала. Не понималъ онъ, глядя на движеніе турецкой администраціи, какъ могла она справиться съ своимъ дѣломъ безъ этихъ двухъ элементовъ гражданскаго общества. Но намъ представляется дѣло нѣсколько иначе. Еслибъ онъ взглянулъ нашими глазами на ту образованность, которая процвѣтала въ XVI и XVII вѣкѣ въ Польшѣ (см. Ист. Возс. Руси, томъ III, гл. XXIII), то турецкая малограмотность не казалась бы ему столь рѣзкимъ контрастомъ, и, можетъ

быть, онъ искалъ бы источниковъ умственной энергіи турокъ внѣ тѣхъ жалкихъ ресурсовъ, какіе доставляла Польшѣ схоластическая наука.

Онъ упустилъ изъ виду свободу предприимчивости, которая въ турецкомъ обществѣ страдала гораздо меньше отъ башей и серальскихъ чиновниковъ, нежели въ Польшѣ отъ панскаго мнѣнствования и отъ того безсудья, на которое самъ же онъ указываетъ въ предыдущемъ документѣ. Смѣсь населенія, происходившая отъ постоянного притока невольниковъ, усердно обращаемыхъ въ мусульманъ, усиливала энергію турецкой крови, и вмѣстѣ съ тѣмъ не давала составляться традиціоннымъ факціямъ, которыя постоянно дѣлали своимъ игрищемъ польское общество. Это послѣднее обстоятельство замѣтилъ и князь Збаражскій. Онъ описываетъ удивительное для него равнодушіе ренегатовъ къ христіанской вѣрѣ, забывая, что она въ тогдашней католической Европѣ стояла не выше обрядности, и всю силу Турціи приписываетъ пріемамъ ислама, этимъ *потурнакамъ*, которыхъ наши темные кобзари называютъ, въ своихъ думахъ, *бутурлаками*.

Плѣнные христіанскія дѣти предназначались въ Турціи для занятія высшихъ должностей, такъ какъ деспотизмъ султана охотнѣе вѣрялся людямъ безроднымъ. Они воспитывались весьма заботливо, подъ именемъ султанскихъ дѣтей. Это воспитаніе традиціонно основывалось на развитіи въ юныхъ потурнакахъ нравственныхъ силъ и боевого мужества. Каждый юноша долженъ былъ пройти всѣ степени возвышенія по службѣ, чтобы, стоя на вершинѣ власти, имѣть опытность во всемъ, что относится къ обязанностямъ подчиненныхъ. Воздержность отъ всяческихъ излишествъ и строгая субординація служили основаніемъ жизни того мусульманскаго общества, которое проявило столь грозно свое могущество въ столкновеніяхъ съ христіанами. Янчаръ Полякъ, писавшій свои записки около 1500 года, даетъ намъ вѣрное понятіе о томъ, чѣмъ собственно были страшны турецкія войска для войскъ европейскихъ.

Но послѣ султана Солимана I наступилъ въ Турціи почти безпрерывный рядъ султановъ безхарактерныхъ. Государственные должности сдѣлались въ ней не наградою за личныя достоинства

и заслуги, а товаромъ, продававшимся тому, кто дороже заплатитъ. Торговля должностями производилась при посредствѣ любимыхъ женъ султана, которыя составляли себѣ такимъ образомъ богатства и предавались безобразной роскоши среди бѣднѣющей имперіи. Старшіе начальники продавали мѣста по службѣ младшимъ, и дѣло дошло наконецъ до того, что войны начали откупаться отъ походовъ. Все турецкое общество, по словамъ князя Збаражскаго, имѣло видъ купцовъ и ремесленниковъ. Самые янычары переродились подъ вліяніемъ коммерческаго духа, водворившагося въ администраціи. Янычарскіе начальники продавали военные званія людямъ промышленнымъ, которые покупали ихъ ради янычарскихъ привилегій, для удобнѣйшаго грабежа беззащитныхъ жителей. За преступленія, каравшіяся прежде смертною казнью, стали въ Турціи брать окупъ. Визирь, выступая въ походъ, собирали охотнѣе деньги, чѣмъ людей: за известную плату, каждый освобождался ими отъ похода. Въ имперіи появились бунты, которыхъ усмирять было некому. Предводителей мятежа, вмѣсто кары, старались обратить къ послушанію повышеніемъ. По смерти Османа II, послѣдовавшей за позорнымъ для турокъ Хотинскимъ походомъ, монархическая власть ослабѣла больше прежняго, и, какъ она была главнымъ основаніемъ правительственной силы, то беспорядки дошли до послѣдней крайности. Пьянство, публичный развратъ, расточительная роскошь, грабительство, фальшь и обманъ обұяли правовѣрное общество.

Преемникомъ Османа сдѣланъ ни къ чему неспособный идіотъ. Государствомъ правила его мать. Законные наследники султана не подавали никакихъ надеждъ на улучшеніе императорскаго правительства въ будущемъ. Два только человека, по мнѣнію князя Збаражскаго, способны были для опеки и совѣта, великій визирь да начальникъ флота; но одного не любили и боялись, какъ человека строгаго, а другой былъ слишкомъ мягокъ для той роли, которую слѣдовало бы ему играть въ управленіи государствомъ.

Въ довершенію дезорганизаціи общества, янычары находились въ непримиримой враждѣ со спахами, населеніе столицы тянуло частію къ однимъ, частію къ другимъ, смотря по имущественнымъ интересамъ. Гдѣ бы ни повстрѣчались внѣ столицы яныча-

ры со спяхами, тотъ часъ убивали, кто кого осмилтъ, и каждый хвалился, что „убилъ Османа“.

Провинціи относились къ столицѣ изчужа и высказывали свое отчужденіе отъ столичанъ не стѣсняясь: „Пусть они сидятъ тамъ съ своимъ султаномъ; мы не хотимъ ничего знать о нихъ“. Нѣкоторыя области перестали присылать установленную дань; другія подняли знамя возстанія. Гражданская война угрожала имперіи, а войска въ распоряженіи правительства было весьма мало.

Янычаръ во всѣхъ турецкихъ владѣніяхъ считалось не больше 40.000, да то—только по числу окладовъ. Самъ Османъ II могъ собрать для похода едва 9.000 янычаръ, существующихъ въ дѣйствительности. Джегаировъ, называвшихся въ Турціи варварскими полками, считалось 12.000; но они на войну не ходили. Ружья у янычаръ были плохой работы; порохъ весьма дурного качества; военному искусству они вовсе не обучались. Это былъ народъ мелкій и изнѣженный; командиры янычарскіе не имѣли никакой опытности. Сипаевъ или спяховъ считалось гораздо больше въ Турціи, но князь Збаражскій узналъ съ достовѣрностью, что въ войскѣ Османа ихъ не было больше 120 или 130 тысячъ, включая въ то число и другія войска, смѣшанныя со спяхами. Эти были вооружены еще хуже, такъ что ружье имѣлъ развѣ тысячный человекъ, и то (говоритъ князь Збаражскій) изъ нашихъ ренегатовъ.

Европейскія войска въ Турціи были все-таки выносливѣе и лучше азіатскихъ. Но тѣ и другія сторонились войны, отговариваясь убожествомъ; азіатцы же, сверхъ того, питали крайнее отвращеніе къ походу въ Европу. Между тѣмъ, безъ азіатскихъ войскъ, сопровождаемыхъ верблюдами и мулами, турки не могли имѣть въ походѣ тѣхъ принадлежностей комфорта, которыя, въ слѣдствіе долговременной привычки, сдѣлались для нихъ необходимыми.

Населеніе турецкихъ владѣній было такъ скудно, что не могло выставить значительной арміи. Въ Азіи считалось у турокъ не болѣе 70.000 семействъ, платившихъ подати; а Европейская Турція была до того пустынна, что путешественники (польскіе послы) въ теченіе сутокъ не встрѣчали деревушки, и часто бывали принуждены ночевать въ полѣ. По этому безлюдью шлаглись янычары

да спахи, довершая разореніе края своими разбоями и грабежемъ. Побережья Чернаго моря опустѣли даже независимо отъ козацкихъ набѣговъ. Князь Збаражскій утверждаетъ, какъ фактъ, не подлежащій сомнѣнію, что Османъ не привелъ подъ Хотинъ больше 150.000 человекъ войска, а дезертировъ у него было такъ много, что, по словамъ капуданъ-башы, стоявшаго у переправы, палачи не успѣвали вѣшать пойманныхъ.

Вотъ съ такимъ то войскомъ вели паны войну, которой, по словамъ ихъ Фукидида или Тацита, „ничего подобнаго не сохранила человѣческая память“ и т. д. (См. Ист. Возр. Руси, II, 400).

Лошадей, по словамъ князя Збаражскаго, не было во всей Турціи, кромѣ тѣхъ, которыхъ греки, армяне и волохи доставляли туркамъ тайкомъ изъ польскихъ владѣній. На Бѣломъ (Средиземномъ) морѣ турки не въ состояніи были содержать болѣе 50 галеръ, а на Черномъ—больше 20, и то въ самомъ дурномъ состояніи, такъ что ни на одной галерѣ не бывало больше 100 человекъ, часто только по 60 и по 70, да и тѣ были затасаны въ службу насильно. Никакой науки эти моряки не знали, и даже противъ козацкихъ чашекъ выступали весьма трусливо. Все это были болѣею частью цыганы, греки и разная вовсе не воинственная сволочь, напущенная въ турецкое войско, путемъ подкуповъ, для коммерческихъ занятій. Приморскіе замки снабжены были подобными же гарнизонами, и то въ недостаточномъ количествѣ.

Обработанной земли мало было видать даже и въ окрестностяхъ Царьграда: до того рабочій народъ былъ разоренъ и разогнанъ. Сѣбствныя припасы доставлялись въ столицу преимущественно Чернымъ моремъ; гораздо меньше—Бѣлымъ. Во время Хотинской экспедиціи, когда флорентинскія и испанскія галеры крейсировали съ другой стороны, въ Царьградѣ былъ голодный моръ, такъ какъ столичане оставались беззаботны на счетъ заготовленія сѣбствныхъ припасовъ, полагаясь на свой портъ. При такихъ обстоятельствахъ война съ Польшею, по словамъ князя Збаражскаго, была самою тягостною для турокъ, и миръ съ ними можно было заключить надолго. Только Дунаемъ подвозились въ Турцію сѣбствныя припасы. Перейдя Дунай, турки должны были углубляться въ голодную пустыню.

Такъ изображаетъ положеніе дѣлъ въ Турціи современникъ, котораго соотечественники вѣчно вопіяли о неизбежности турецкой войны изъ за козацкихъ походовъ на море. Не турки были на умѣ у русскопольскихъ землевладѣльцевъ, а козаки. Этотъ анархическій элементъ польскаго общества мѣшалъ ему устроить въ Украинѣ житницу, которая кормила бы хлѣбомъ все государство. Но чтобы подвинуть земскихъ пословъ внутреннихъ воеводствъ къ подавленію козачества общими силами, надо было безпрестанно твердить имъ о турецкой войнѣ. Особенно послѣ Хотинскаго похода перестали турки быть опасными Польшѣ. Скудость военныхъ и съѣстныхъ припасовъ дома, пустынность задунайскихъ странъ, обѣдненіе казны, суровость нашего климата, дознанныя подъ Хотиномъ чрезвычайныя потери, понесенныя войскомъ Османа, недостатокъ воинственности между башами, нищенство воиновъ послѣ бѣдственнаго похода, усилившаяся въ воинскомъ сословіи склонность къ торговлѣ, овладѣвшая высшимъ классомъ страсть къ роскоши, пьянству и притѣсненію беззащитныхъ жителей: все это польскій посолъ изображаетъ въ своей запискѣ съ убѣдительною наблюдательнаго очевидца. И, не смотря на картину полнаго безсилія и дезорганизациі еще недавно страшной мусульманской державы, онъ боялся, чтобъ козаки не довели турокъ до рѣшимости вновь предпринять войну, которая, по его собственному разсказу, была для нихъ не мыслима. Козаки представлялись панскому обществу врагами, опаснѣйшими самихъ турокъ, и—при внутреннемъ неустройствѣ Польши—они дѣйствительно были для нея опаснѣе всѣхъ внѣшнихъ враговъ. Послѣ Хотинской войны козаки страшно выросли. Она выросли бы еще больше, въ случаѣ новой войны съ турками. Тогда русскокозацкій элементъ какъ разъ воспребладалъ бы въ Рѣчи Посполитой надъ польскошляхетскимъ, и Польша, нѣсколькими десятилѣтіями раньше превратилась бы въ „Руину“.

Итакъ турки не были страшны Польшѣ; но польскій политикъ опасался татаръ, которымъ нечѣмъ было жить безъ набѣговъ, и которыхъ набѣги были неотразимы при безпорядочности общественнаго механизма Рѣчи Посполитой. Онъ съ ужасомъ смотрѣлъ на усиленіе мурзы Вантемира, предводителя бѣлгородской орды, и

на расширеніе его кочевій. Онъ опасался, что турки стануть направлять его въ Польшу, такъ какъ имъ крайне нуженъ былъ татарскій ясырь. Всѣ почти работы производились у нихъ поданными Рѣчи Посполитой; все море было наполнено ими; жены и лучшая челядь у турокъ происходили не откуда, какъ изъ польскихъ же владѣній. Самыя стада разводились у нихъ не столько дома, сколько получались готовыми изъ польскихъ областей, чрезъ посредство татаръ, которые брали въ Польшѣ скотъ, какъ въ собственныхъ фольваркахъ, не обнажая сабли.

Опасаясь усмиренія татарскихъ набѣговъ, князь Збаражскій совѣтуетъ завести соотвѣтственное войско, вмѣсто кварцяннаго, которое, по его словамъ, скорѣе можно назвать полкомъ, чѣмъ войскомъ, и обратить всѣ силы не на подавленіе мусульманъ, а на усмиреніе козаковъ, чтобъ они не подняли турокъ на новый походъ своими морскими грабежами. Впрочемъ онъ предвидитъ въ скоромъ времени такой упадокъ Турціи, что тогда останется только нанести ей послѣдній ударъ.

Имѣя въ виду такое призваніе Польши, онъ совѣтуетъ обуздать, но не уничтожать козаковъ, и этимъ даетъ понять, что обузданіе козаковъ было труднѣе ихъ уничтоженія, такъ какъ для перваго требовалось преимущественно мужество гражданское, которымъ въ Польшѣ отличались немногіе, а для послѣднаго нужно было мужество военное, которое поляки явили много разъ, выступая побѣдоносно съ небольшими сравнительно силами противъ многочисленнаго непріятеля, въ томъ числѣ и противъ самихъ козаковъ.

STATUS TERAZNIEYSZY MONARCHIEY TURKIEKIEY,

іакіе subiecta, Siły Ziemskie y Morskie, y czego się spodziewać z tego Przymierza możem.

Było się pewnie czemu zadziwować porządkowi y Magnificentiey Monarchiey Tyreckiey, biorąc miarę z teraznieyszych czasów, które cieniem ledwo są przeszłych, trudno moim zdaniem rzecz kto może, aby ich własnych porządków dostąpić mógł [iako to wiedzieć y widzieć się może w inszych Panstwach]: bo na piśmie nic nie mają,

wszytko in obseruatione et traditione. W samich pomieszaniach rozdaiow y narodow, z roznych części swiata, roznych ięzykow, roznych wiar, gdzie nully splendor Maiorum, ani cognitio parentum, żadne peregrinatie ani exercitia animi, żadna zupełna sława, która ludzie do wszystkiego wzbudza [bo cognomen iest v rzadkiego] per mutatie et metamorphoses fortunae: z ogrodnika, z zapaśnika zaras krol, Monarcha, y z onego znowu ladakto. To rozum wszytek przewyszsza, iż to co w inszych kraiach psuie, tam conseruat: Bo we wszytkich Monarchiach Tyrannici Dominij okolicznych choc iakie podobienstwo z sobą maią, daleko iednak w silu rzeczach diferunt. Przedziwny sąd spraw Bozych vpatrować się mußi, iz on tę Monarchią stworzywszy, inakszą nadewszystkie formą ex contrarijs mnoży y zatrzymywa. Hrzcescianie, którzyby mieli być innati hostes wiary ludzi Turceckich, iako swoich Tyranow y occupatorow, ci, zapomniawszy Boga y wiary swoiey, mieszkaiąc y patrzaiąc na kościoły wiary swey vstawicznie, zapomniawszy przyrodzenia swego: bo własnych Oycow y rodzicow swych dręcą y Tyraniduią. Na Ojczyznę y wolność swoię, w ktorey się porodzili, nie wspomniawszy, duszą y żywotem wszczepiaią się w ich zakon y porządky. I nie Turcy, ale hrzcescianie y ich pokolenie, bases ef firmamenta są Imperij y Panowie. Wszytkie Narody w usciech to maią y miewali, ze tak dulcis locus patriae, że nie tylko człowiekowi, ale bydłeciu go trudno zapomnieć. Natalia et Imagines maiores animusz wynoszą; wiara raz poięta rzadko się zapomni. To wszystko tam nie waży: bo adulti y zacnych domow casu wpadszy w niewolą albo też z swoiey woli, wiedząc o wszytkich początkach swoich, są naygorsi y nayzapamiętałszy, y nigdy się y podobienstwem nie wracaią do iakich dobrych zamusłow. W podziwieniu ia ten discours tylko zostawię, iako y drudzy; ale co mi się mogło dostać wiedzieć y zroznmieć, skąd takie porządky w tey Monarchey były y skąd oraz [iako się nam zda] takie perturbatie się stały.

Dwa stany tylko w Turcech są y były, lubo pod tymi rozne gradus y rozdziały są: ieden Pan, a inszy wszyscy niewolnicy. Tego Pana absolutum Dominiam y od niego iako od Boga Ziemskiego bona et mala pochodziły, ktore ganic w animuszach ludzkich a prima Institutione, nefas et religio. Ten Pan Basis et fundamentum był wszytkiego. Miedzy niewolnikami successiey żadney niemasz, honorow ani

patrimonia bez woli Cesarzskiej; dla tego żadne factie, żadne związki nie następują: bo dziś intro nie syna swego ale Cesarza będzie miał successora; parem fortunam z każdym w tym mając, w Urodzeniu wywyższenia niemasz, ani w cnotach niewolniczy syn lepszy, y dla tego też connubia żadne firmamenta, ani związku zadnego nie czynią. Kogo Pan wywyższy, ten pro tempore splendet; skoro znizy, zaraz zgasnie. Zład też miedzy niemi przyiazni niepewne, odia y emulatie wstawiczne, ieden na drugiego się mieysce ciśnie, y wszystkie arcana Panu otwiera. Ato nie mnieysza, ze kto in Magistratu, ten roskazuje, y ten in honore zrzucony wszystko traci y nikt go nie obserwuje. Po Dobrodziejstwach y karaniu: według woli swoiey, nie mnieysze zatrzymanie y porządkow Państwa, Institutia y cwiczenie saraiowe było; a s tego wszystkie Magistratus były, ktore zaś, iako Seminaria iakie, przykładem po wszystkiey ziemi były. Wybierano per delectum Syny hrzescianskie, ktorych według vigorem et ingeniam do roznych operaty dawano. Tich jednak, ktorych ad servitia Principum admonować miano, wysoko cwiczono, pisma im iako nagłębsze wykładano, w skrowność, wstrzemięzliwość y obserwantią wszelaką. Tamże i exercitia wszelakie Militaria nie zaniechawali; tym pierszy gradus był; v Cesarza służba bliszsza, iako łuk, strzały, szable, buzdygan nosić, potrawy, napoy, balwierstwo, szat chowania etc. Z tych dobrze się im przypatrzawszy, wychodzili na mnieysze wrzędy, iako to być abo Sokolnikiem starszym, abo nad iego psy, nad iego myślistwem, potym na Porucznikowstwu Janczarow, stamtąd na Janczarostwa, potym na Basztwa Azyatyckie, Europejskie, gdzie kiedy się dobrze rządili, dopiero na ostatnie Wezyrstwa, aby się przypatrował postępkom y tak per gradus postępował, az do pirzego, gdzie rzadko był rzrucany, az za iaki wielki exces, y dla tego longus Dominatus ich authoritatem narodow przynosiła, y on sam pomnazając się we wszelaką sławę, splendida też opera y aedificia czynili, ktore wielce Państwo ozdabiali y pozytki czynili. Pod tym siła się subiecta cwiczyło, Ktore zapodaniem ocasey na iego mieysce następować mogły godnie. Ci też Institutią, którą sami mieli, swoje dwory cwiczyli, y tak seminarium każdego stanu zamnazało się; ieden drugiemu motum do cnot dodawając, y rzadko za dawnych Panow inszą drogą do wielkich stanow przchodziło. I to chwala była naywięszsza, ze wy-

branieć czerwonych vborow aze z saraiu w tym że Saraiu dodawali im siła do apparency y do stroiow pochopu, ktore to mieli w sobie, że y Panu splendor byli, y vilec animi ztakiego vrodzenia y roznych pokrzyw tak się wynosiły. Militia zaś taki swoy ordinem miała nieprzerwany, że naprzod, od stroiow począcwszy, kozdy swoy miał, iako gradum, tak y sposob, y zaden nie mieszał się do cudzego. Płacy y insze nagrody nie były wielkie. Tywiary, to iest Folwarki, pomierzone, że zaden nad dwie szabli zemi, s ktorey służył, nie trzymał. Ato też nade wszystko, obedientia wielka, y s trzewnością proznowania się strzegli, ale zawsze gdzie woiewali, gdyż to zawsze z ich pożytkiem było. Ten sznur tak pięknie spleciony v iednego mistrza, to iest v Pana samego, był w ręku. Poki sami tego porządku doglądali, dobrze było, wszystkie strony nie mdlały.

Po Sulimanie ledwo aż nie do tego czasu nastapili Panowie ieden po drugim ladaicy y proznuiący, mianowicie Mechet y Achmet, ktorzy magnitudinem suam admirati, iako to vroslo, y omnibus artibus nie patrzyli. Popsowali naprzod ordinem Magistratus, że nie onym porządkiem dawali bene meritis, ale kto dał więcej pieniędzy, a tego nawiętszą przyczyną były żony Cesarские, ktore, mając gratią v mężow swoich, za pieniądze promotią czyniły y tym się bogacily. Ci, ktorzy vrzedy knpowali, żeby y sami się vbogacili, y swoje wybrali, te też beneficia, ktore im do rąk przychodziły za pieniądze sprzedawali, a owi zas podleysi niszszem, tak że ad gradanos milites przyszło, że się y ci wykupowali z powinności, żeby na woynę nie chodzili [iako oni zową] oturakami. Drudzy zaś mieysca na syny swe kupowali, y tak nomen militiae zostało, ad caetero kupcami abo rzemieślnikami barzey pachnęli. Vstał y Delectus Janczarow: bo starszy vrzędnicy Janczarscy za pieniądze mieysca Janczarskie sprzedawali, ktorzy się wkupowali dla lasotenty y szarpaniny ludzi vbogich y tey perementij, ktorą mają Janczarowie przed inszymi. Miasto wybrancow wsi depactowali, a ci też woleli zkupować na Syny swoje. Nastąpiło za tym lupiestwo częste y wielkie, ktore Panstwo popsowało, także y występki, ktore pierwey gardłem karali, pieniędzmi v swoich starszyeh odkupowali. Nagrody bene meritiæ z Pałacu szły; et potior pars circa vrbunos ostawała; kto co dał, ten wziął, y non merito, ale szczęściem. Zaczym barzies się starał kozdy pograniczny v bialey

głowy albo Ewnucha iakiego o łaskę, niż o sławę, albo Hetmana swoiego łaskę. Wezyrowie na wojnę idąc barzey pieniądze niż ludzie zbierali, biorąc od żołnierzow okup. I tak w owych, co zostawali w domu, wkradł się luksus stroiow samych siebie y białychgłów, poczęło się piianstwo zawadzać; secuti exemplum y drudzy, o tym barziej niż o wojnie myśleli. Z takiej choroby prędko się effecty złe pokazały. Naprzod pod Egrem przy oczach Panskick ladaiakie męstwa. Dodomu przyiachawszy, bunt y kochankow Cesarskich, brata terazniejszego Halil Basze y Podskarbiego, ktorych musiał dać poscinać Cesarz y głowy wyrzucić. Rebelle potym w Asiey małych ludzi, a potym większych Baszow, do ktorych mało contenci y ci, ktorzy się czuli być wzgardzeni za zasługi swoje, cisnęli się. Skąd wielka desolatio tamtych kraiow nastąpiła. A iż ich znieść nie mogli, rzucili się ad artes, znosząc ich largitiami, dając włafy więtsze, opatrzenia nie po dawnemu y przeglądając ich wszelakie występki. Ztąd Edicta Cesarskie y obseruantia Magistraty ginąc poczęła. A iż za tymi largitiami, a za splodrowaniem kraju, skarbowi dochodow się vmniejszyło, a siła też s tego skarbu wychodziło na stroie Sarayskie, nie częsta ich włafa dochodziła. Zaczym, kiedy przyszło do wojny [jako mi sam Halilbasza, co w Deo-syey woiował, powiedział] pierwey się o włafy swarzyli, arroganter tractując Hetmani, nim do bitwy przyszło. I to s tego vrosło, że w niedostatku pieniędzy poczęli dawić bogatszych za leda przyczyną; więc y suspicia za ladaiakąścią Panow y zniewaga panowała, za którą co znaczniejszych y rzezwiejszych znoszono, y tak siła subiecta wyginęło. Po tych nastąpił barziej feruidus, aniżeli rozumny Pan Osman, rozumiejąc, ze mu wszytkiego dostaie, iako y onym pierszym, ieno seueritatem trzeba, ktorey dziad y ociec iego nie miał, nie słuchając ieno assentatorow, począł starszych znieważać, tych inszych topić o Excessy y chcieć wszytkę militią po tey wojnie odmienić. Ta go seueritas non pro tempore do smierci przyprawiła, a onych desperatio, iż widzeli, żeby chleb y żywot stracili. Iż tedy ta wszytka Monarchia na słabym fundamencie iedney samey głowy stała, y na iego Saraiowey szkole, tam za tym fundamentem to wszytko się rozstrząszszy, wraca się ad suum naturale principium, chłopow bez obyczaiow, bez zacności zgromadzonych, w Hatłas tylko vbranych, v ktorych iż niemasz rodzaioy, ani familij, splendorow, niemasz

też y tego, żeby miał być respectus na to y reuerentia; tak że poza te osm miesięcy po zabiciu pierwszego ledwie umbra iakaś apparentiy została, zaden ordo nie został w swoiey zacności, ani własności bez Contamminathey. Nastąpiły miasto cnot wszystkie vitia, pianstwo srogie, wszeteczenstwo otworzyste, luxus, wydzierstwo, fałsz y obłuda.

To wszystko iest irremediabile z domu samich Panow: bo terazniejszy Pan iest po prostu szalony. insensatus et inhabilis do wszystkiego, tak że iuż y Matka w nim desperuie, przy ktorey wszystkie rządy. Ale iż sub praetextu przecie Cesarza między ludźmi tak popsowanymi z wielkim strachem to odprawuie, y nie iakoby iaką mądrością abo porządkiem, ale właśnie pieniędzmi, których niestae, a coraz in apertum szaley Cesarzski wychodzi. Proximi successores po niem są cztery: iednemu Muratowi lat 12; drugiemu osm abo dziewięć, y insi ieszcze mali. Ma ten Murat defecty różne, mianowicie [a wiem od ieszcze zaprzednieyszego Archatra Araba] iakies drżenie podobne opętaniu, y stąd etiam lucidum interualla rękę iedne suchą. Ma też matkę białołową ieszcze młodą y wystawną, prodigam barzo, y ta pewnie akuczkie albo y gorsze rządy bedzie miała. Ten drugi melior snać od tamtego, ale ma między łopatkami pęcherz, ktory in immensum crescit y aetas inconueniens. Między starszemi zaś, ktorzyby do opieki albo rady należeli w Constantinopolu, niemasz ich ieno dway: ieden iest terazniejszy Wezyr, drugi iest Halilbasza, Capitan Morski. Ten terazniejszy pierszy pewnie iest człowiek, ale z nim nie wytrwaią: bo się go boją y rządow ego; zrzucac go nie będą, ale zabiją pewnie. Halilbasza posledniejszy iest et minoris autoritatis w rozumie, y miękki człowiek. On też subterfugit y nie chce tego, nawet Derbiszem chcial zostać. De caetero drudzy żadnego rozumu y żadney autoritatem nie maia; zową ich między sobą bydlęty. W Azyey nieiaki Wafisbasza ma iakiś pogłos, ale snać człowiek zeszły iuż barzo. Jest też y Budynski, lecz ten nieprzypiedzie, iako y sami o nim powiadaia: bo tam dosyć sibi firmavit. Dominium także teras go dopiero było wczyniono Manzułem, ale żołnierze niechcieli go puscic, y tamtego co przyiechał mało nie zabili. De caetero o żadnym nieslychać, ale y między sobą maia te dissidia in vrbe.

Naprzod Janczarowie z Szpahami, nad ktorymi Janczarowie przewodzą w Miescie: bo ich więcey y pieszym łatwie. A owi zaś potem

grożą im, gdzie też więcej Szpahiów. Zaczność iednak et consilia przy Szpahach się opierają. Insolentią pewnie sobie pares. Janczarowie między sobą mają też niemnieysze odia: bo do tych starych przymieszano extra delectum 15 tysięcy, ktorychby oni chcieli wyrzucić, y owi też tych. Jest Sarayska factia, do ktorey należą. Iczoglanowie, Bostandziowie, to iest Ogrodnicy, y ta multitudo rzemieśników Sarayskich, do ktorych się wiążą Hogiowie, Żacy y Seminaristowie, ktorych iest nie mało. Szpahowie zaś mają między sobą fomitem zwady, iż nierówno Tymary trzymają: chcieliby się chudzi bogatszymi podzielić; druga, iż między sobą mają się sami dzielić duchownymi dobrami y wyderkafowemi, ktora iest kosc twarda do zgryzenia. Extra zaś w Azyi gdziekolwiek Szpah Janczarzyna naydzie, y Janczarzyn Szpaha, tam się zabijają, powiedaiąc ieden na dzugięgo, iż Osmana zabili. Przeciwnko Constantinopolskim odium summum, acz ich morze rozdzieliło y dalekość, powiedaią, żeby Constantinopolscy sobie siedzieli z swoim Cersarzem, a oni o tym wiedzieć niechcą. Z Mysym, z Alkayru dań nie przyszła y nie przydzie. Arabowie czarni wzięli sobie za wielką krzywdę, iż ich wyrzucono prawie ze wszystkich wrzędow po Osmanie i że ich actemunt. Safoglu y Manoglu nieiaki już tam dali się słyszeć z woyną. Babilon occupowany iest od nieiakięgo Bekier Baszy. W Uzrumie tam Habbasza Basza też także, wysiekszy Janczary, wszedł. Naiadz y rozboie wielkie bez przestanku. Tęgo y w Europie spodzewali: bo się już też to zaczynało. Jeśli to zechcą armis hamować, to już civile bellum między nimi pewnie. Moc teraznieyszey Monarchey Tureckiey iest w słowie raczey niż w rzeczy. Nalepszą tego próbą Osman był, przy ktorym iako przy Panie, wszystkie głowy były y dostatki. To iest rzecz pewna, nieomylna, iż oni kładą sobie mieć czterdzięci tysięcy Janczarow po wszystkich Państwach, już to kładąc z Adzanogłamy y z Jopczykami, y wierzę, że to może być ratione płacey y defraudatiew, ale non in esse: bo Osman, ktorzyby był rad z Ziemi woysko wywiodł, niemiał iedno 9 tysięcy. W Azyey mniej Janczarow: bo tam delectum niemasz, więcej w Europie. Zamkow Ugranicznych Węgierskich dla strachu Sąsiedztwa, Cesarza J. Mci nie zwiódą: bo y oni też sami trzymając się zwiczaiew nie poydą, iako y z Osmanem nieszli. Tu zaś około Constantynopola rzadko to widać: bo Zamkow niemasz. W Constantynopolu samym powiedaią o dwudziestu

tysiocy. Ja tego zadnym sposobem nie conceduę nikomu, com widział, y ze wszytkiemi tymi, com ich pierwey wspominał, nie rozumiem, aby ich było osm albo 9 tysiocy. Barbarских, iako to oni Dzezaiem zową, dwanasie tysiocy liczą; ale ci z niemi nigdy na wojnę nie chodzą, y teras Basez, ktorego był Cosarz posłał, nie przyjęli; przy mnie się wrocili.

Jacy zaś ci chłopi Janczarowie. Naprzod od broni poczną. Maią Janczarki, ktore niesłychanie targają, że od gęby nie strzeli, abo musi z ramienia zemknąć. Prochy barzo złe, a nadewszystko ćwiczenia nic a nic; drobiazg wielki; brody długie, ktorých oni iako świętości szanują. Chłopi Jałowici y pieszczeni. Ci zaś co iemi rządzą nullius experientiae ludzie. Jeszcze coś się barzo starych y iuż prawie decretos zawia. Nowotny zaden z nich kilku Niedzel, nietylko miesięcy, na Janczaragstwie nie wytrwa, iako żyw pierwey nie wiedząc co iest woyna. A to terazniejszy bałwierzem był v Osmana, tego iuż odmieniają; na iego miejsce dadzą iakiego ogrodnika znowu. Szpahowie zaś drugi ordo militiae na wielką liczbę się kładą, ale takem tego pewnie doszedł, że z Nieboszczykiem Osmanem nad sto dwadzieścia abo 30 tysiocy nie było, y to rachuiąc nie tylko samych Szpahow, ale y inszych, ktorzy też pod niemi są. Same jednak Szpahiskie vires rozdzielają się na Europejskie y Azyatyckie, y iest ich starszych, ktorých zową Bułuki, siedm. Chorągiew jedna naprzedniejsza czerwona, prawą rękę Cesarską trzyma; tam iest y miejsce naresciwsze, y naprzedniejszy żołnierz. Teyże chorągwi każdy przy swoiey trzcinie ma y proporzec dla wczciwosci y znaku zacnego. Druga Chorągiew żółta, ktora lewą stronę trzyma, iuż podleyszą, y insze bez miary podle, y nie są iuż po tych znakach tak zacne. Genera armorum takie są, że się ledwo nie wszyscy chwycili, a mianowicie za Osmana, Dzid; kopy barzo mało y ladaiakich używaią. Sami tylko Albancykowie y tamta niektora vkraina tey broni używa, tak że to de certo constat, iż z Osmanem pięciu tysiocy kopy więcey nie było. Łukow też zazywaią, ale barzo zrzadka y ladaiakim sposobem; rusznica v tysięcneho, chyba v ktorego z naszych renegatow. Genus to broui Dzid, nie iest sposobne do wstępneho boiu, hyba do harcu: bo trzeba się rozsypką bić, y na lekkich koniech; dla tego też nie zażywaią zbroy, ani Pancerzow. Ewropsy ludzie lepsi niz Azyatyccy y trwalszy na wszytko.

Azyatycey dostatniejszy w konie bywali, lecz teraz y to się sniszczyło, y tak sobie wojnę wprzyszyli, że Europecy vbstwem się wymawiają, iakoz iest. Azyatycey nie tylko vbstwem, ale y tym, ze do Europy na wojnę iść nie chcą, by ich powiada z skory mieli łupić. Bez bydła Azyatyckich potężna Europejska wojna być nie może: bo te Impedimenta ich, ktoremi się iuż barzo obciążyli, wszystkie commoditates y splendory z sobą woząc, wielkiey liczby wielbłądow y mułow potrzebią, a tych y tam iuż nie dostawa.

Nie może iednak być więkzy document wielkości woyska y dostaku, iedno z osiadłości Panstw, ktore są wszystkie puste. W Azyey 19 kroć sto tysięcy zapewne familiey było, ktore płaciły Trybut; teraz nad 70 tysięcy coś kładą. Europa wszystka pusta. Ci co iedzą aż do Budzyna, powiedaią, że gęsto po polach stać muszą nie nalazszy wsi. Tu też od Constantinopola ku Dunais, aż gdzie woyska Cesarskie szły, Dobrydz wszystka pusta, zniesiona. Tedy ku Vryszczykowi, gdzie nie tak daleko zasięgli, nietylko licząc gdziesmy stali, ale gdzie oko mógło zayrzec, nad 70 Miast, Miasteczek, Wsi nie naliczyliśmy więcey, wielkie y małe licząc. Teraz zaś za tym nierządem extremum excidium przyszło: bo vstawicznie włączą się Szpachowie, Janczarowie, y kto chce ieno, po prostu kray psuiąc, gdzie hrzescianie mieszkaią, iedząc, piąc y biorąc, o Insolentach na żony, na dzieci ich nie wspominaiąc. Przyczyniło się do tego niemniey y powietrze, ktore mniey hrzescianom szkodziło, z łaski Bożej, anizeli Turkom, a gęsto wsi Twieckie prawie zniosło. Nad czarnym morzem zas wszystko to padło, y Excursie na to Kozackie nie pomogły, częścią dla strachow, częścią dla szkod ludzie się ryzykowali. Owo to pewna y nieomylna, że do pułtora kroć sta tysięcy Osman ludzi nie przychozill, a ludzi iuz tak na głowę zbiwszy, y do tego tak teraz vciekali, że sam kapitan Basza, ktory na przepawie stall, powiadał, iż rąk katom nie stawało wieszaiąc ich. A iесли s takim Panem rzezwym y młodym nie poszli z łaski y z musu, daleko mniey trzeba się coras spodziewać. Koni prawie wszystka ziemia nie ma: bo stąd w Europie nie widać, y te podiezdki, ktore są [a tych nawięcey] tedy z Polski, za dobrym porządkiem naszym, Grekowie, Ormianie y Wołosza dodaią.

Morskie gaś ich Siły. Białego morza iuż po kilka lat nie mogą

wiecey nad 56 Galer armować, a tego roku, mniej się ieszcze spodziewają, tak ze ledwo coś nad 40 kilka liczą. Na czarne morze nieomylnie 20, kiedy się przesadzą, nie będzie. Te zaś Galery same przez się są ladaiakie; opatrność barzo licha: bo na żadney galerze, oprócz Capitaniey, niemasz wiecey nad sto żołnierzow; gęsto 60 y 70; y ci gwałtem są wrzuceni, lubo na tychże powinnościach siedzą. Miedzy tym stem 50 albo 60 rusznic wiecey niemasz. A to na białym morzu; na czarnym ieszcze gorzey. Cwiczenia zaś żadnego, iako y tamci, nie mają, a tak mężni, iz ci ledwo nie na brzegu zdychają, co przeciwko kozakom mają iść. Owi zaś na białym morzu gęsto to pokazali, ale y tak rok iawnie, że ich 50 Galer z szczęścią Honcutiskich bić się nie chcieli, y właśnie ledwo od nich nie wciekli. Dzieie się ta wilitas w obojgu tey militiey niepomału też y z tego, iz, chybiwszy onych dawnych zwyczaiov, napuścili miedzy żołnierze siłą Cyganow, Grekow y inszey imbellem multitudinem za pieniądze y faury. Nie stawa im dołapać robotnikow: bo ci nad brzegiem mieszkający Grekowie y insi Narodowie, ktorzy byli powinni do łopat, zniszczeni są od Capitanow Morsckich, od powietrza; drudzy się też powykupowali. Wszytka rzecz była y iest na Niewolnikach Polskich, ktorych barzo siła pomarło, y lud iest słaby na niewczasy morskie.

Pienędzy tez na tak wielkie y srogie wydatki za takim splondrowaniem niedostaie, iako się to łatwie y teraz widzało, iż ledwo jedną galerę naprawić mogli. Zamki wszystkie Morskie są ladaiakimi ludzmi opatrzone y nie wiele praesidia: bo do tych się cisną albo barzo starzy, albo ci, ktorzy się woyny boją, w ktorych iako mało serca było w polu, takież zostaje y w Zamku. Za opustoszeniem, iakom powiedział, Zemi, nie wielka też robota y zasiewek koło Constantynopola, zaczym wszytka zywność do Constantynopola tu czarnym morzem biezy; białym barzo nie wiele, chyba z Egiptu, y to nie wiele Ryżu y Jarzyny; ale tego na wszytkich nie stanie. Dało się to widzieć za Osmana, gdzie czarne morze było zawarte y Dunay dla tey woyny; a tu tez Florenckie Galery y Hiszpanskie na morzu wałęsały się; był chleb tak drogi, że zdychai od głodu: bo oni żadnych prouisiy nie mają, na Port się spuściwszy.

Pokoy terazniejszy wczyniony nie wielkie Fundamenta, izby się mógł długo zatrzymać: bo to rzecz iest pewna, iż oni cię gorzey woy-

ny niemają, iako do Polski, dla żywności, którą muszą na grzbietach konskich nosić, a tey trudno dla pustyń wielkich dostać. Więc żywności trzeba nie tylko dla siebie, ale y dla koni: gdyż koń Turecki bez ziarna niewytrwa. W swojej ziemi niemasz którejdy wiesć, chyba iednym Dunaiem; ale od tego odstąpiwszy, trudny iuż na taką wielkość przewoz. Więc y z swojej Zemi co mają brać, kiedy niemasz? In priuato mieć y przez Dunay nie mogą. Publiczną zaś Cesarską płacąc, wielkich pieniędzy trzeba. Więc samo powietrze nasze, yle niewczasy, ktorým się oni nie zwyczaili, dobrą im experientią dały. Niezmierny koszt tey tak dalekiej y sine commoditate woyny na exhaustam gasam y pustą Zemię trafiwszy, retardować musi. Panowie iuż sami nie po temu są y będą. Miedzy Baszami Rycerskich ludzi y chcących woyny niemasz: wołą się teraz o fauory Pałacowe starać dla iawnego zysku bez niebezpieczeństwa. Sami tez żołnierze zwozeli woyną Chocimską: bo im koni niezmierna rzecz pozdychała; wdałi się w kupią, która rzecz ocium potrzebuie. Luxus ich y pianstwo niezmiernie. Tyra co w Constantynopolu i po miesciech gębować dopusci, ale nie woiować. Owym zaś vkrainnym, ktorzy dalsi od tych seditij, nie zechce się nastawiać nullo praetio, y że iemu pierwey przyidzie na pograniczu zginąć, y dla owego się zastawiwszy pokoju barziesz będzie zyczył; iakoż y tak iest, że Turcy vgraniczni z wiekszą wczciwością Posłów tey Rzeczypospolitey przyimują, szanują y pokoju pragną.

Przeciwnie zaś są rzeczy temu pokoiowi. Pirsza rzecz iest kozacy fundament tego wszystkiego, ktorých trzymać bez woyska y tak małą pracą iest to v P. Boga, a nie v ludzi vwaznych podobna. Ci iesli na morze będą chodźć, wzruszą pewnie; lecz y w tym ledwobym im nie vpewnił, że za takimi rzeczami, ktore powiedział y iesli się daley continuować będą, długiey cierpliwosci zazyją, żeby znowu wszystkę mołem na nas ruszyć mieli. To iednak pewnie będzie, co się bylo teraz iuz za mię nagotowało, że Tatarzy spuszczą y tych sąsiad, ktorzy się teraz ozywali: bo, iako w swoich rzeczach opatrzni, nie odepchnęli ich, ale pogłaskali z nadzieją. I ci, wiedząc nasze nieporządki, prędko się spodzewają, iż wykonają swoje desiderium. Drugi Impediment, iż miedzy nimi starszych głów rozumnych nie masz, ktorzyby zmiedzy nich za wezyrstwa następowali; ato co test więtsza, żeby mieli być przyiazni Rptey. Taki człowiek

nierossądny y niechętny, a w tak wielkiej Monarchiey przez takie Instrumenta prędko może co złego uczynić w niegotowości naszey.

Trzecia jest przyczyna, która się zadnymi ratiami znieść nie może y napewnieysza, Tatarowie. Ci są dwoiacy: jedni są Białogrodzcy, barzo bliscy; Drudzy są pod Carem Perekopskim krymscy. Białogrodzkim roskazuje Kantymir, y nie zniosą go pewnie, az się dobrze assecurią w tuteyszym pokoju od kozakow; ale y znieść go pod takie turbacie per ragion destato nie będą mogli aż arte. Ten Kantymir siła pustego pola osadził Nahayskimi Tatarymi, iako sam jest, y zmocnił tę stronę y zmocnia, iż co perwey 5' abo 6 tysięcy było, pewnie dwadzieścia będzie. Począł był już y w Wołoską ziemię leść, y iesliby taka szarpanina była od kozakow, dopuszczą mu pewnie aż do Dniestru sadzić. Ten Kantymir poiednał się iuz z Carem; zaczęym iedne koczowiska y voluntates z sobą mają, y tym pewnie za szarpaninami kozackiemi nam oddawać będą. Ale położywszy iey kozacy przyczyny niedadzą, oni przecię wytrwać zadnym sposobem nie mogą. Może być ze Kantymir, że Caz y Gałga niepoydzie, ale mutatis nominibus woyska wielkimi kupami urywać się będą. Edyceta teraznieysze Cesarsza Tureckiego iuz były w samym Constantinopolu tak słabe, ze tabaku aby nie pili po vlicach vbronić im niemógł, y są w posmiewisku. Daley ieszcze będą w gorszey wzgardzie. Tym zaś dalszem y postronnym, nie tylko w zniewazeniu, ale w porzuceniu y w zapomnieniu. Necessitas zaś sama, by nawiętsze prawa były, Tatarow przymusi: bo z tego wielka zywność; inaczey by pozdychali. Commoditas zaś sama y facilitas tak mieysca, iako złey opatrności prędkiego do Turkow zbycia towarow by nalepszego by zepowała, nie tylko potrzebnego łotra. Niebarzo y Turcy będą się o to frasować, ani się na ich sprawiedliwość spuszczać: bo y ieszcze co rzekę, że radzi temu będą: ledwo bez tego żyć mogą y wytrwać; choć de praesenti obiecują. Wszystkie prawie roboty, wszystko morze pełne są poddanych tey Rptey. Nawet żony y co pięknieysza czeladz niskąd iedno stąd. Kiedy od Tatarow coraz swiezych nie będzie [a tych się vmnieysza przez rozne casus], skąd ratunek y dostatki swoje, które z rąk więźniow mają [gdyż tam chłopow v nich niemasz] miec będą? A iżem powiedział, że pusta zemia y w bydło y w stada, s Polski się to wszystko przez Tatary napełnia. Głosem iuz o tym y sami mowili, ze trudno

bez tego im wytrwać. Vpominając się zaś sprawiedliwości, słowy tylko y barzey zebrząc, iako miseri, niz prosząc, vilipendium tylko córaz więtsze tey Rptey przybywa. A ieslim ia, Posłem od jego K. Mci wielkim będąc, niemógł tego otrzymać, iako to będą mogli otrzymać tłumacze y Gońcowie, ktorych tam mniej będą ważyć? Więc y to niepodobna karać y ile czynić swoiey krwi własney, y tym, od ktorych bogactw y wszelakich swoich delicyj dostawaią. A iż ci Tatarowie iako w swoich własnych folwarkach impuni biorą, szabli niedobyszcy, więtszego serca Turkom dodadzą [iakoż y stąd było Osmanowe porwanie na wojnę] że y zniewazą nas y sprawiedliwości zadney, tylko słowy zwłaczaiąc, nie uczynią, nie maiąc tego necessitatem: bo to wiedzec kozdemu trzeba, ze Turcy lubo przysięgaią y obiecuią na Boga zywiącego, ktorego wszyscy chwalemy, maią icdnak pod tym dwoch Begow, dla ktorych więcey czynią, necessitatem et pecenniam, y inaczey iuż teraz słowa nie trzymaią, że albo trzeba przymusić, albo kupić. Tym tedy to concludnię: iesli na insze strony hrześcianskie woyna Turecka y Tatarowie się nie obrocą, Wolnego Tureckiego woyska bać się nie trzeba, ale Tatarow y tego com powiedzał nie omylnie z tey strony zwyczajney. Z drugiey zaś strony, iesli to do Executiei przydzie, co iuż postanowiono, żeby Kantymir ze trzydziestu tysięcy Wołochow y Multanow dwa tysiąca ludzie z Budzynia y z Kanyza pod Regimentem Imbraim Basze iednego Pięczuyskiego y Hercogowskiego Baszy szli na pomoc przeciwko Casarzowi Je^o Mści. Zaczym, obawiać się trzeba, aby przez Polskę Tatarowie iść niechcieli; ale choćby gdzieindzey przeszli, pewna to iest, wiadomość, iż sedem belli na Śląsku chcą uczynić. A kto tak potężnego Nieprzla na pomoc wzywa, non est in ipsius arbitrio roskazować mu, ani obracać gdzie on chce. Odkryta tedy Polska pewnie ztąd będzie.

Na to się tedy woysko nie spuszczaiąc, gdyż to się iawnie teraz dało znać, iż oni poty fidem trzymaią, poki iem trzeba. Woyska Rptey potrzeba nie kwarcianego, ktore nie woyskiem, ale Pułkiem się raczej zwać może, ale proportionalnego, ktoreby, za Bożą pomocą, iuz rozpuszczonym wszelaką niezważą Tatarom odpor dało, za ktorym Succesem, iesli Pan Bog da, y za ostrożnością [ktorej oni teraz sobie nie ważą] oniby się zatrzymali, y dalszyby strach w tych, co nas sobie nizacz nie ważą z reputatią tey Rptey, cizby Kozakow in officio

zatrzymali. A sprawiedliwość nieomylnąbyśmy v Turkow odnosili, y Factiy sąsiedzkich byśmy się nie bali, kiedyby, widząc słabość swoją, y mieszaniny widzeli, iż ta Rpta stylum odmieniła, y gotowa iest secundare ich vpadek. Alias to opowiadam y donoszę tak W. K. M. iako y Rptey, iż ieśli nie gorsze, tedy także znowu calamitates et aerumnae nastąpią.

Zyczę i tego, aby kozacy zatrzymani byli, ale nie zniesieni, żeby nie irritowali Panstw Cosarza Tureckiego: bo to żadnego pożytku nie uczyni, ale gotowali się scitu Reipublicae, gdzieby dalsze między Turkami mieszaniny nastąpiły y zamnożyła się niewykorzeniona swawola między niemi, za którą in partes iść muszą mocą potężną za podaniem occazyey na morze, non animo praedandi, ale Pana Boga wzięwszy na pomoc, znosić armatę słabą tę czarnego morza, którą znioszszy [co iest rzecz nie podobna, iakom wyżej vkazał], gniazdo wszystkiey potentiey Constantinopole, zdaleka straszne, zbliska słabe, prędkoby et nullo negotio dalibog w ręku ich było. O czym iz nie czas y nie moiey conditiey mówić, obiter to tylko przezmuię, nieomylnie rozumiejąc y widząc, iż P. Bog żadnemu Narodowi nie dał commoditates podobniejszych do przeyscia samych vitalia tego Panstwa, ieno tey samey Rptey. A za nadzieią iuż tego ostatniego Boga prosic będzem y nieopuszczać się, nie pychę, ani wyniosłością, ale pokorą a męskim sercem zechcem na occazye patrzeć być sposobnemi. Tey Rptey Pan Bog tamte kraie obiecall. Czego by się dały większe rationes, ktore się teraz in ipso desiderio niech konczą.

XV.

ТРИ ЧЕЛОВИТНЫЯ ВЪ МОСКВУ

ОТЪ ПРАВОСЛАВНЫХЪ АРХІЕРЕЕВЪ, ВОЗБУДИВШИХЪ ВОПРОСЪ О ПРИСОЕДИНЕНІИ МАЛОРОССІИ КЪ РОССІИ.

1622—1624.

Въ то время, какъ строители Польскаго государства соединили въ одно цѣлое разноплеменные элементы его, дѣятели много рода работами тутъ же надъ воссоединеніемъ русскаго міра. Возникшая въ ихъ умахъ великая, по своимъ послѣдствіямъ, мысль вытекала изъ самыхъ простыхъ побужденій. Они желали, чтобы оставалась неприкосновенною церковь, утвердившаяся на Руси много вѣковъ тому назадъ. Они заботились о сохраненіи въ ней апостольскихъ сѣдалищъ своихъ, на которыя были возведены обществомъ вѣрныхъ подѣ страхомъ той судьбы, которая постигла первыхъ апостоловъ христіанства. Они, наконецъ, хлопотали объ удовлетвореніи первыхъ житейскихъ потребностей тамъ, гдѣ иновѣрная власть отдала ихъ кусокъ хлѣба отступникамъ. Эти люди составляли убогую и подавленную общину въ виду торжествующихъ папистовъ, которые самымъ убѣдительнымъ аргументомъ достоинства іерархіи своей выставляли ея богатство, ея свѣтскую власть; но ихъ православная идея, опиравшаяся на русскіхъ предковъ и старину, оказалась могущественнѣе всѣхъ преимуществъ латинской іерархіи. Отвергнутые высшимъ сословіемъ иноки являются, въ своемъ гоненіи и убожествѣ, прямыми послѣдователями апостоловъ, которые, занимая смиренное положеніе среди римскаго міра, покорили его себѣ въ будущемъ.

Протестъ нашихъ іерарховъ противъ папской власти на древней русской почвѣ оправдался грядущими событіями. Они, можно сказать, были пророками нынѣшняго русскаго единства. Ихъ просительныя посланія къ московскому царю, съ указаніемъ на гонителя южнорусской церкви, Сигизмунда III, слѣдуетъ разсматривать, какъ

историческія свидѣтельства совершившагося уже въ ихъ умахъ присоединенія Малой Россіи къ Великой. Устами этихъ людей говорила та масса, которая не удовлетворялась идеаломъ феодальной республики и въ „восточномъ царѣ“ видѣла власть болѣе для себя симпатичную.

Кажущіеся намъ нынѣ излишними риторическія украшенія, которыми южнорусскіе архіереи обременяли свои славословія московской царственности, въ то время были сладостною для южнорусскаго уха пѣснью. Уже самый актъ восхваленія царя православнаго, среди приверженцевъ или рабовъ цапизма, былъ тогда живою струею русской народности, подавляемой польщиною. Въ этихъ восхваленіяхъ высказывался энтузіазмомъ русской идеи, которая въ хранителяхъ нашихъ древнихъ преданій, лицахъ духовныхъ, проявлялась гораздо сознательнѣе, нежели въ какомъ либо иномъ классѣ общества. Притомъ же надобно имѣть въ виду, что московскій царь являлся въ то критическое для кievской митрополіи время единственною нравственною силою и единственнымъ источникомъ помощи въ ея неравной борьбѣ съ внутренними и внѣшними врагами. Въ архіерейскихъ челобитныхъ выразительно говорится: „не имамы къ кому прибѣгнуть: царей и князей и бояръ благочестивыхъ не имамы; *есль* отступницы отъ благочестивой вѣры нашей: едины яхи, другія уніаты, третіи сынове еретическіе“.

Эти слова повторяютъ приговоръ Іоанна Вишенскаго надъ панами, которые *есль*, въ его глазахъ, были еретиками еще и тогда, когда грозили королю выставить 15 и 20 тысячъ войска на защиту православія. Чтобы согласить съ другими письменными данными столь рѣшительный отзывъ о сословіи, которое продолжало агитировать на сеймахъ въ пользу древней русской вѣры, достаточно принять къ свѣдѣнію, что ни въ одной современной протестаціи и суппликаціи нѣтъ рѣчи объ утвержденіи Борецкаго и его товарищей на ихъ кеедрахъ. Только петиція, поданная правительству (по свидѣтельству Льва Сопѣги) отъ имени Запорожскаго Войска, слѣдовательно продиктованная самимъ Іовомъ Борецкимъ, ходатайствовала объ этомъ. Паны агитировали въ пользу православія изъ своихъ особенныхъ видовъ (о чемъ бу-

детъ рѣчь въ другомъ мѣстѣ), игнорируя православныхъ іерарховъ въ ихъ бѣдственномъ положеніи. Какъ члены феодальной республики, они тяготѣли къ ея центру даже и въ своихъ междоусобицахъ. Отысканіе иного центра политическаго тяготѣнія принадлежитъ панскимъ отверженцамъ.

Первымъ изъ православныхъ южнорусскихъ архіереевъ, возбудившихъ вопросъ о воссоединеніи Руси, былъ Исаія Копинскій, авторъ строго православнаго сочиненія, которое дошло до насъ въ рукописи, подъ заглавіемъ, свидѣтельствующимъ, какъ относилась къ автору его иноческая публика: „Лѣтвица духовная по Божь Жителства Христіянскаго, трудолюбивъ составлена и въ пользу душевную усердствующимъ и внимающимъ поспическому житію написана преподобнымъ отцемъ нашимъ Ісаіемъ Копинскимъ, иже постничествова и безмолвія путь проходя при пещерѣ преподобнаго отца нашего Антонія, иже въ Кіевѣ, послѣ же бывша митрополитомъ того же богоспасаемаго града Кіева“... (Рум. Муз. лит. У, №550). Исаія Копинскій провелъ свою молодость съ 14 лѣтъ въ Антоніевой пещерѣ. Въ 1615 году начальствовалъ въ Боявленскомъ братствѣ, и по его то внушенію представительница готоваго перейти въ католичество дома пановъ Ложекъ, Анна Гулевичевна, пожертвовала для помѣщенія братской школы нѣсколько зданій и дворъ на Подолѣ. Его стараніями возстановленъ близъ Припукъ древній Густынскій монастырь, обезпеченъ представительницею другого увлекаемаго въ католичество дома, княгинею Вишневецкою, устроенный имъ Мгарскій Лубенскій монастырь, а равно и новый Ладинскій скитъ, съ тѣмъ чтобы послѣдній былъ женскимъ монастыремъ, а игуменьей въ немъ была сестра Копинскаго, Александра. Онъ же былъ игуменомъ и Межигорскаго монастыря, нуждавшагося въ его строительномъ и дѣятельно-благочестивомъ подвижничествѣ. Изъ игуменовъ Межигорскаго монастыря Исаія Копинскій посвященъ, въ 1620 году, іерусалимскимъ патріархомъ Теофаномъ въ епископа перемышльскаго. Но это „владычество“ сдѣлалось давно уже достояніемъ архіереевъ, признавшихъ единство русской церкви съ римскою, или унию. Въ нижеслѣдующемъ посланіи своемъ къ московскому царю Копинскій называетъ православныхъ архіереевъ изгнанными отъ ихъ столицъ епископскихъ;

и дѣйствительно въ Перемышлѣ не нашелъ онъ, среди остатковъ православной паствы, безопаснаго пристанища. Паны Четвертинскіе, Пузины, Тишкевичи дѣятельно отстаивали на сеймахъ греческую религію въ Польшѣ, и не могли охранить ея апостола въ древнемъ русскомъ городѣ отъ противодѣйствія уніатовъ. Какъ члены правительства, они имѣли право шумѣть предъ „лицемъ республики“, и какъ члены того же правительства, они опускали руки передъ уніею, возникшею якобы законно. Разлученный съ своею паствою епископъ началъ жить въ Межигорьѣ; но строгость его правилъ вооружила противъ него братію. На сторонѣ Исаи оказалось только 12 иноковъ. Съ этими аскетическими подражателями 12-ти учениковъ благаго Учителя перешелъ онъ въ убогую Густыню. Въ Ладинскомъ скиту, вмѣстѣ съ послушникомъ Геннадіемъ, выкопалъ онъ своими руками пещеру, построилъ кельи и другія принадлежности. „Тамъ наипаче жителствовати обыче на уединеніи (говорить Густынская лѣтопись): не хотяще бо ни въ чесомъ братіи (густынской) отягчати своимъ кляросомъ и самимъ собою“. Но, нищенствуя лично, Копинскій находилъ средства строить храмы во всѣхъ трехъ „сѣверскихъ монастыряхъ“, о поддержкѣ которыхъ ходатайствовалъ и у московскаго царя.

Челобитная Исаи Копинскаго выражаетъ, однакожь, не все, чѣмъ полна была душа его. Посланцамъ своимъ поручилъ онъ объявить путивльскимъ воеводамъ на словахъ, въ качествѣ „экзарха Малой Россіи, земли Кіевской“, какъ титулуется онъ себя въ своемъ писаніи, о готовности православныхъ признать надъ собою власть московскаго царя. Воеводы донесли объ этомъ царю Михаилу Федоровичу въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „...пріѣхали въ Путивль изъ Литовской земли изъ Лубенъ два черные старца; одинъ сказался черной попъ Гедіонъ, а другой старецъ Левонтій, и сказали, что послалъ ихъ въ Путивль изъ Лубенъ архіепископъ Исаія Капинской, а въ тайнѣ де велѣлъ намъ въ Путивль сказать, что крестьяномъ отъ поляковъ утѣсненья; поляки де крестьянскую вѣру хотятъ тѣснить вскорѣ, и намъ де отъ ихъ гоненія главы приклонить, негдѣ. Отець де ихъ епископъ Исаія съ братьею послали его въ Путивль, чтобъ де о томъ отписали воеводы объ указѣ къ тебѣ, великому государю царю и

великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русіи, и ко отцу твоему, къ великому государю къ святѣйшему патриарху Филарету Никитичу московскому и всеа Русіи: поволать ли де отцу нашему Исаію со всею братьею отъ гоненья вѣры крестьянскія къ себѣ? А братья де насъ полторасто человекъ; да и всѣ де, государь, православные крестьяне и запорожскіе козаки, какъ имъ отъ поляковъ утѣсненія будетъ, многія хотятъ ѣхать къ тебѣ, государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русіи“ (Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, дѣла малор. св. 1-я, 1622 г.)

Хотя Исаія Копинскій сдѣлалъ этотъ достопамятный наказъ отъ своего имени, но очевидно, что вопросъ о присоединеніи Малоросіи былъ дѣломъ общимъ въ той партіи южнорусскаго духовенства, которая вела свои строгія преданія отъ печерскихъ иноковъ Антонія и Феодосія. Въ его челобитной говорится о „нѣсколькихъ святительскихъ особахъ, укрывающихся (отъ гоненій) въ маленькомъ кутку, тѣсясь на Украинѣ въ землѣ Киевской“, и всѣ три челобитныя, писанныя въ теченіе полутора года, протестуютъ одинаково противъ иновѣрнаго государя, Сигизмунда III

Второе, по хронологическому порядку, мѣсто въ этомъ протестѣ принадлежитъ Исаію Борисковичу, епископу луцкому и острожскому, такъ же какъ и Исаія Копинскій, вытѣсненному уніятами изъ ослабѣвшей, по милости русскихъ пановъ, православной паствы на Волыни. Борисковичъ принадлежалъ къ числу тѣхъ представителей православнаго движенія, которые своими симпатіями не были похожи на нашихъ Смотричскихъ да Саковичей и не имѣли ходу въ панскомъ обществѣ. Подъ конецъ XVI вѣка, когда дѣло церковной уніи зрѣло еще въ умѣ Скарги и Сигизмунда III, Борисковичъ поступилъ послушникомъ въ Печерскую лавру, и здѣсь, подобно многимъ противникамъ западной науки, вдохновился желаніемъ искать религіознаго просвѣщенія въ восточныхъ патріархатахъ. Сперва поступилъ онъ тамъ въ услуженіе къ александрійскому патріарху Мелетію, при которомъ находился около семи лѣтъ. Отъ него принялъ онъ посвященіе въ діаконы, и былъ имъ посланъ въ Іерусалимъ къ патріарху Софронію; оттуда ѣздилъ въ Антіохію къ патріарху Іоакиму, а по воз-

вращеніи къ Мелетію, засталъ его уже на смертномъ одрѣ и видѣлъ его кончину въ день Воздвиженія Честнаго Креста. Отъ преемника его, Кирилла Кандійца, бывшаго въ послѣдствіи патріархомъ константинопольскимъ, Исакій Борисковичъ посвященъ въ пресвитеры. Потомъ онъ удалился на Святую Гору, какъ называется издревле Аѳонъ, и, проведя тамъ болѣе десяти лѣтъ, явился, подъ конецъ жизни, на родину, для того, какъ объясняется онъ въ челобитной къ царю, чтобы видѣть братію свою, бѣдствующую въ ляхійской землѣ, и вмѣстѣ съ нею бѣдствовать за святое благочестіе. Здѣсь имя его встрѣчается намъ впервые въ 1617 году, на 1-мъ листѣ „Каталога“ новоучреждавшагося луцкаго братства. Исакій былъ поставленъ тогда въ игумены находившагося возлѣ Луцка (на островѣ рѣки Стыри) Черничцаго монастыря, на мѣсто схимонаха Григорія Микулѣича, бывшаго первоначальникомъ того братства. Спустя три года, онъ посвященъ патріархомъ Теофаномъ въ епископы луцкіе и острожскіе; но не могъ оставаться среди вѣрной ему паствы. Онъ былъ принужденъ отказаться и отъ настоятельства въ Стѣпанскомъ монастырѣ, предоставленномъ ему княземъ Янушемъ Острожскимъ. Такимъ образомъ вѣчный странникъ возвратился въ Украину, откуда былъ родомъ, какъ бы только для того, чтобы православная церковь не пала безъ протеста, безъ вопля, безъ громогласнаго свидѣтельства о своей праведности. Восточные іерархи, каковы бы они ни были подъ игомъ турокъ, выработывали у себя людей, способныхъ сносить убожество, въ виду выгодной продажи себя иновѣрцамъ, и подвергаться гоненіямъ, не дѣлая никакой уступки гонителямъ. Нѣсколько такихъ личностей окружало Іова Борецкаго, и сія то апостольская община сохранила на югѣ идею воссоединенія Руси въ самое трудное для южнорусской церкви время.

Епископъ Исакій, въ февралѣ 1625 года, исполнилъ весьма важную функцію, выпавшую въ нашей исторической жизни на долю южнорусскому духовенству: онъ объявилъ московскимъ боярамъ, уже какъ малорусскій посолъ, ту мысль, которую Исаія Копинскій, въ декабрѣ 1622 года, наказалъ сообщить путивльскъ воеводамъ. (Объ этомъ см. Ист. Возс. Р. III, гл. XXVI.) Заявляя

въ челобитной своей, что важѣйшаго не возможно вѣрить бумагѣ, Исакій Борисковичъ даетъ намъ понять, что переговоры между представителями южнорусскаго правительства о присоединеніи Малороссіи предварительно шли въ изустныхъ сообщеніяхъ, которыхъ начало восходитъ, можетъ быть, еще къ пребыванію іерусалимскаго патріарха Теофана среди москвичей.

Зная дѣятельныя сношенія Іова Борецкаго со многими лицами въ Москвѣ, куда онъ посылалъ иногда по тринадцати писемъ за однимъ разомъ; зная также, что бумагѣ вѣрялись имъ только общедоступныя свѣдѣнія, мы не должны думать, что актъ возстановленія въ Кіевѣ православной іерархіи послѣдовалъ внезапно. Съ другой стороны, нельзя предполагать, что московскіе цари, видѣвша себѣ въ обязанность поддерживать кіевскія святилища по прежнему преданію и обычаю, повиновались только религиозному чувству, тогда какъ ихъ думные бояре при всякомъ важномъ случаѣ именовали Кіевъ отчиною своего государя. Посланцы за милостынею на церковное строеніе, очевидно, были вѣсть съ тѣмъ и дипломаты. Кіевская Лавра, считавшая всѣ украинскіе монастыри своими печерскими обителями, придавала себѣ замѣчательный титулъ *царствующей* Лавры. Не таятся ли въ этотъ титулъ мысль о нераздѣльной русской царственности? Если Москва во времена Грознаго твердила польскимъ посламъ о находящейся въ рукахъ у поляковъ царской отчинѣ, то Кіевъ, представляемый преимущественно своимъ духовенствомъ, какъ метрополія самой Москвы, долженъ былъ, съ своей стороны, желать возврата къ древнему русскому единству. Эпоха Іова Борецкаго была такова, что русская идея должна была или погибнуть въ Кіевѣ, или восторжествовать надъ польскимъ элементомъ. Она восторжествовала; слѣдовательно русскія мнѣнія предшествовали русскимъ поступкамъ, и такой поступокъ, какъ рѣшимость возстановить православную метрополію въ виду уніятской, нельзя иначе разсматривать, какъ результатъ предварительной умственной работы не въ одномъ Кіевѣ, но и въ Москвѣ. Какъ бы то ни было, но Іовъ Борецкій является главнымъ дѣйствующимъ лицомъ по вопросу о соединеніи двухъ частей русскаго міра. Вся его дѣятельность проникнута

этой мыслью. Младшаго сына своего Андрея отправилъ онъ на службу къ царю вмѣстѣ съ племянникомъ, и остался въ Кіевѣ только для того, чтобы удержать за православіемъ свой трудный и опасный постъ до конца. Его челобитная къ царю была предшественницею посольства, которое въ слѣдующемъ 1625 году явилось въ Москвѣ отъ имени людей, наиболѣе страшившихся у себя дома преслѣдованій, — посольства о присоединеніи Малой Россіи къ Великой. Въ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ сохранился только отвѣтъ царскихъ бояръ на посольскія рѣчи. За утратою бумагъ, относившихся къ знаменитому акту, представляемая здѣсь три челобитныя являются тѣмъ болѣе важными памятниками тогдашняго русскаго движенія въ Кіевѣ по представленному издавна сліянію великой націи во едино.

1.

Благочестивому и христіюлюбивому великому князю и великому царю восточному, самодержцу Великия Росіи, Москвы и иныхъ земель многихъ государю царю, великому светилу російскому, Михаилу Федоровичю, содержащему скиестръ царствія.

Благословенія Божія благоденствія, мира, здравія, многолѣтствія державе твоей отъ Господа Бога Вседержителя недостойный рабъ твой и богомолецъ теплейши присно желаю.

Исаія Конинскій милостию Божіею епискупъ и ехзарха Малой Росіи земли Киевской, рабъ твой и богомолецъ, тебѣ державному великому государю, царю восточному московскому, ниско до земли челомъ бью и со умилениемъ молю твое благородіе, просячи о жалованье, о святую милостыню: сотвори намъ убогимъ и zelo оскуднѣлымъ богомольцомъ своимъ, понеже не имамы хъ кому прибѣгнута: царей и князей и бояръ благочестивыхъ не имамы. Всѣ отступницы отъ благочестивыя вѣры нашей. Едины дяхи, вторыи унеяты, третіи сынове еретичестіи. Отовсюду обстоятъ ны скорби и гоненіе на благочестіе наше и церковь сионскую восточную, матку нашу, хотяще ны растерзати аки звѣри дивні, и аки львы ры-

каютъ на христоименитыхъ людей, хотяще поглотити. И внидѣ не имамы отъ нихъ упокою, только всѣ мы благочестивыи въ маленькомъ кутку теснимыя на Украинѣ въ землѣ Киевской колько насъ особъ святиТЕЛЬСКИХЪ благочестивыхъ, которыхъ посветилъ на степень святиТЕЛЬСТВА всеСВЯТѢЙШИИ ПАТРИАРХЪ ЕРУСАЛИМСКИИ КУРЪ ТЕОФАНЪ, КОТОРЫЙ БЫЛЪ І ВЪ ВАШЕЙ ВЕЛИЦѢЙ ДЕРЖАВЕ.

Ся ради вини ко твоему благородию прибегаемъ и о жалованье просимъ; не имамы ни одкуду инуды жалованя и казны: бо азъ, недостойный рабъ твой и бгомалець, сожителствую на пограничной твоей землѣ, въ державе великого короля польского. Отъ града державы твоея Путивля версть пятьдесятъ, въ вмѣсте Лубнахъ, на пушчѣ, надъ рекою Сулою новозажилимъ будовати святую обитель Преображения Господа нашего Исуса Христа на Мгару. И другую имамъ обитель давняя за градомъ Прилукою Святой Живоначальной Троицы; зовома Густині. Въ сихъ менованныхъ обителяхъ еже о Христе братія иноцы общежительно сожителствуютъ и отъ своихъ трудовъ себѣ снискаютъ потребное, не имуще откуду что восприяти.

И сего ради посылаю ко твоему благородию посланца моего, не достойнаго раба твоего, священноинюка Гедіона Слабыну, со послушникомъ монахомъ Леонтиемъ, просячи отъ насъ твоего благоглѣпия великого государя царя восточного московского, да сотвориши намъ милостью Христа ради, якоже рече Писание: блаженіи, рече, милостивіи, яко ти помиловани будутъ. Дающаго, рече, рука не оскудѣтъ, но исполнена благодати. За што язь, недостойный рабъ твой епискупъ Исаяя, со всею еже о Христѣ братнею моею, причетники церковными, схиеромонахи, иеромонахи, иеродьяконы, со старцы и послушниками монастырскими, числомъ сто пятьдесятъ, за тебя, великого князя и великого государя царя восточново московского, благовѣрные земли державца и прочихъ многихъ земель самодержца, и за твои князи и думные головы сыновъ боярскихъ и прочаго народу христолюбиваго державы твоея, всегда повиненъ Господа Бога Вседержителя просить въ молитвахъ і во проскомидні. И по семъ художномъ начертеніи моемъ, со всею еже о Христѣ братьею моею, тебѣ, благочестивому и христолюбивому царю восточному, раби твои присни до земли челомъ бьемъ.

Начертана ся грамота въ богоспасаемой обители Мгарской Лу-

бенской Преображения Господа Бога і Спаса нашего Ісуса Христа, въ лѣто отъ созданія миру 7130, а отъ воплощенія Господа нашего Ісуса Христа 1622, мѣсяца декабря 4 дня.

2.

Всесвятѣйшему и блаженѣйшему о Христѣ отцу отцемъ, господину господину куръ Филарету Божією милостію патриарху московскому и всея Великой Россіи.

Должное поклоненіе, яко верховнѣйшему пастыру, красные ночи, благовѣствующія намъ миръ благочестія святого восточного, и благая духомъ благоговѣнне облобызаемъ, дивнымъ Божего смотрѣнія таинствомъ хранимому и на высочемъ апостольскомъ престолѣ вѣнчанному, и многими пречистые Матере Божое и угодниковъ его чудодѣйствіи сіяющему, отъ начла просвѣщенія великимъ спасительного крещенія свѣтомъ просвѣщшеса, благочестивыми царми и великими князьями и святителями паче солнца чювственаго сияюще, нынѣ же паче и паче Божія благодать възсия въ державномъ царствіи доброцвѣтущаго скуптра пресвѣтлаго царя и великого князя Михаила Теодоровича, отъ тебе, свѣтлой зорѣ и отрасли възсиявшей, самодержца всеа Россійстей земли.

Тѣмъ же, всечестнѣйший отче и пастыру добрый, азъ, смиренный и недостойный, Божією милостію и молитвами обрадованной пречистой Богородици, есть есмь смиренный епископъ луцки і островки православный, възведеный на престолъ епископскій и хиротонѣсаный отъ святѣйшого патриарха іерусалимскаго Теофана, въ сіе время обрѣтающийся при освященныхъ обителехъ печерскихъ купно съ преосвященнымъ митрополитомъ киевскимъ Боренкимъ Ювовомъ. Понеже навѣтницы и супостаты и враги креста Христова унѣгове и отступници вѣры святой восточной съ царемъ ихъ и гонителемъ на благочестіе наше, изгнаша насъ отъ столицъ нашихъ епископскихъ и посадиша своихъ законопреступныхъ, и жити намъ въ благочестіи не допускають, крови христіянскіе проливають, церкви Христовы разарють и отдохнути намъ въ благочестіи не допускають, якоже и услышано есть не единою твоимъ святымъ ушамъ

пастырскимъ. Да увѣси же, святѣйшая главо, о моемъ окаянствѣ, жесмися тутъ въ той земли родихъ, ино ученикъ есмь приснопамятнаго небожница (sic) святѣйшого Мелетія, патриарха александрийскаго. Семъ лѣтъ въ послушаніи ему послужихъ, и діаконскій степенъ отъ святоу руку его въсприяхъ, и къ святому Іерусалиму отъ него послалъ бѣхъ, и при святомъ Софроніи патриарсѣ едино лѣто сѣтворихъ, и оттоль въздохъ въ Анѣтіюхію вѣдѣти святѣйшого патриарху Іоакима, и пакы възратихся къ приснопамятному Мелетію, и только жива его обрѣтохъ, иже при мовѣхъ отецъ успе на день Въздвиженія Честнаго Креста. По семъ преминиъ его бѣ престола апостольскаго александрийскаго Кирилъ Бандійчигъ, съ Бандіи родомъ, иже нынѣ вселенскимъ патриархоу естъ, отъ котораго на презвитерскій степенъ освященъ бѣхъ, и въ Святей Горѣ пятнадесять лѣтъ сотворихъ, и оттоль придохъ сѣддати братію мою, у ляхидской земли бѣдѣствующую отъ законопреступныхъ унѣтовъ. И съ ними и азъ бѣдствую и гонимъ есмь за святое благочестіе.

И тако одолѣвають намъ законопреступници, и не имѣюще свободного мѣстца, гдѣ жити въ святомъ благочестіи, да не погубимъ въ старости бѣдной трудовъ своихъ, иносмыся мало быва потрудили въ молодости лѣтъ своихъ. Теперъ нестерпимые бѣды терпимъ; только радость маемъ, же за святое благочестіе, якожъ отци наши за вѣру умроша, и терпѣніемъ течаху, взираючи на начальника своего Іисуса. А понеже помысль свой предъ себе взяхомъ, помощію Христовою и молитвами пресвятыя Богородици, якоже къ второму Іерусалиму, тако къ святому царскому богоспасаемому граду, въ немже живеши, отче, и на томъ святомъ и чудотворномъ мѣстѣ, аще благословити будетъ святая душа твоя, прославити Бога въ Троици единого желаемъ и твое лице апостольское, якожъ иногда Мелетіево, любви святое и благословенія сподобитись усердствую, и жалованиемъ парстырскимъ отеческимъ милосерднымъ помилованъ быти и пущенъ свободне въ святый царствующий градъ съ слезами молю, да не будетъ трудъ нашъ тощъ, и сѣдины наши да не посрамлены будутъ отъ враговъ нашихъ. А нужднѣйшее потребы, еже ми естъ вручено, не естъ мощно писанью предати, якожъ свѣдѣтельствуеть ми книга преосвященно-

го митрополита нашего Борецкого, господина и отца Іова, аще ти Богъ повелить успокоити старость мою жалованьемъ своимъ господскимъ и пакы отпустить мя съ миромъ Божиимъ, и пожалованьемъ своимъ къ своимъ людямъ, въжделѣвающимъ приходъ мой въскорѣ видѣти отъ твоего святого апостольскаго лица, и успокоиши старость мою, да ты упокоишь царство небесное и лоно Авраамово съ всеми святыми, аминь. Молитвамъ ся святымъ и благословенію апостольскому поручаемъ.

Писанъ въ Блевѣ, въ монастыри Святого Золотоверхого Михаила Архистратига. Мѣсяца августа 22, року 1624.

Твоеи святителскои милости зверхнѣйшого пастыря нашего и благодѣтеля недостойный рабъ и бгомалець присный Ісакий, смѣренный епископъ луцкій і острожскій низко чоломъ биетъ долъ земли.

3.

Пресвѣтлому и благочестивому православному и всеславному превеликому милостію Божією великому князю Михаилу Теодоровичу московскому, всея Россійскія земли владателю и самодержцу и многихъ иныхъ государствъ, и царствъ многодержавному царю государю и пообладателю, своему премилоствивому владыце и благодѣтелю.

Смиранный и недостойный бгомалець Іовъ Борецкій, милостію Божією архіепископъ митрополитъ кіевскій и галицкій, твоему пресвѣтлому царскому величеству и Богомъ украшенному образу и богосіятельному лицу смиренія своего низайший до пресвѣтлыхъ царскихъ стопъ и до самого лица земного поклонъ, съ молитвами къ владыцѣ Христу непрестанными, припадъ, отдаеть.

Пресвѣтлый и богоукрашенный царю! якоже нѣкогда Иосифъ прекрасный, сынъ патриаршъ, отъ патриархи, смотреніемъ Божиимъ, въ чужду краину братіями своими въ землю Египетскую проданный, господинъ и владыка всему Египту поставленъ о прокормленію въ богопопущенную казнь не токмо Египту, въ немже начальникъ явися, и прочіимъ странамъ и языкомъ, но и самому роду, племени и братіямъ, ими же продася, послѣжде и прелюбезному ро-

дителю не скупъ, токмо не пшеницопродавецъ, но и зѣло щедръ и гримлостивъ, и тѣмъ же, имижь продася, единоотечнымъ братіямъ, предателемъ своимъ, родитель второй и благодѣтель богатъ поставися и о всѣхъ милостивѣи памяствова и единоутробнаго Веніамина благоутробнѣ съ слезами пріятова: тако и твое пресвѣтлое царское величество, царь отъ царей сынъ, отрасль и племя великихъ всея Россія самодержцовъ, Божією волею и его вселинымъ мановеніемъ не въ чужду заведенъ крайну, но свою отъ заведенія свободнай землю, десницею Вышнего царскую въспрїялъ еси діадиму и Россійскоя великоя державы увѣччеса венцемъ и облеченъ бысть порфирію, яко да въ первыхъ ратныя отъ твоея державы оточныхъ силою креста ту безъ обѣды сотвориши, таже да благочестивыхъ родъ и церковь православныхъ въ плузѣ работы въ злочестивыхъ и безбожныхъ агарянъ озлобленіи обретающіися, щедротами ти царскими утѣшити, послѣди же и о насъ, російскаго ти племени единоутробнымъ людемъ державы ти и твоему самому царскому величеству родомъ плоти и родомъ духа единой святой соборной апостолскія церкви людехъ же и градѣхъ, отъ нижше банею накибытія въ прародителехъ ти языческую оттрясъ слѣпоту, свѣтомъ богоразумія просвѣтися и въ порожденіи отъ воды и духа сыноположеніи даръ прїять, глаголю, послѣдже о святѣй родителници церкви въ насъ обрѣтающейся и о насъ юнѣишихъ ти братіяхъ, да памяствуеши и хлѣбъ прекормленіемъ щедротами ти милости и промысломъ о свободѣ обою, да родитель тѣмъ благоволеніемъ Божіимъ явишися, о нижше Владыку Христа и твою пресвѣтлую царскую державу смиреніемъ припадающе .умильно молимъ, яко да хлѣбомъ державы ти препокоеши, возвеличимъ возвеличившаго тя имя Бога нашего.

И сего ради убо, пресвѣтлый царю, сія къ пресвѣтлому твоему и нищелюбивому царству и се о Христѣ братъ и сослужитель смиренія нашего, боголюбезный епископъ луцкій и острозскій, восточного православія рукоположеннымъ купно съ нами отъ святѣишого патриарха іерусалимскаго, господина и отца Теофана, странствующаго отъ пресвѣтлоя державы ти московскіе господинъ и отецъ Исакіе, желаяй царского ти великого милосердія поиде къ вамъ: понеже здѣ въ державе великого короля польского, государя

Богомъ попушеного надъ нами, умножившеяся злочестивою уніатскою отъ апостатовъ церкви святоя восточноя ереси, иже поклоняшася тому, емуже никогдаже отцы наши не поклоняхуса, и измениша прародительную отеческую восточную вѣру въ латинскую западную новотинну и отступиша отъ преданій отецъ святыхъ, и сопротивнишася истиннѣ, и всячески гоненіе на православныхъ, не хотящихъ послѣдовати нечистотамъ ихъ, воздвигоша, наипаче же насъ, православныхъ епископовъ, отъ престолъ. отъ мѣстъ и отъ обителей нашихъ изгнаша и до крове на святую православную вѣру вѣружшася, олтари Господни оскверниша, церкви православныя въ латинскую прелесть превратиша и просто рещи—всесилнѣ и королевскою державою мечъ на православныхъ обостриша. Тѣмже мы, помняще реченное: укрійтеся въ малѣ, дондеже мимо идетъ гнѣвъ, се здѣ крыишесь подъ крыль христолюбивого воинства черкасскихъ молодцовъ, восхотѣхомъ посещати и великодержавное владычество твое, и молиши преславному царствію твоему, да сподобиши и сего свобода пріяти ко своему пресвѣтлому лицу, яко носяща благословеніе отъ святѣйшого престола митрополіи кievскоя іерусалимское и мужа въ всемъ вѣрна и тайну царскую могуща сохранити, емуже да ввѣрится пречудная и многомилосердая держава твоя съ всякими щедротами, молюся, и милости Христовы и благословенія пресвятого и живопріемнаго гроба Владычя иж(е), въ Іерусалимѣ, отъ митрополіи кievскоя препосылаю, и свое недостоинство съ прилежными молитвами царскою твоею и благости вручаю.

Зъ обители Архангеловы храма Златоверха въ богоспасаемомъ градѣ Кіеве. Августа въ 24 (день), въ лѣто бытя міра 7135, смотренія же Владычя 1624, индикта 7.

Твоего пресвѣтлаго царского величества всегда рабъ и молитвенникъ Іовъ Борецкій, смиренный митрополитъ кievский, рукою власною.

XVI.

ДОНЕСЕНІЕ ПОДОЛЯНЪ

О ТАТАРСКИХЪ НАБѢГАХЪ.

1624, сентября 7.

Въ 1624 году татары опустошили Подолю, болѣе нежели когда либо, полономъ и пожарами. Удачный набѣгъ заставлялъ ожидать скорого повторенія. Подоля считалась военнымъ шанцемъ, выставленнымъ на постоянныя покушенія хищной орды. Ея жителей Папроцкій изобразилъ, какъ мужественныхъ львовъ, жаждущихъ одной кровавой бесѣды съ невѣрными; но то былъ героическій періодъ Подоли. Въ то время сабля давала больше доходу, чѣмъ плугъ, и шляхта была тѣми же козаками. Теперь возати считались уже не „безупречными Геркулесами“, а злодѣями. Подольскіе паны защищались отъ татаръ собственными силами, предпочитая имѣть дѣло съ врагами внѣшними. Приходилось имъ, однакожь, иногда плохо, какъ и въ настоящемъ случаѣ. „Униженно просимъ (писали они къ королю), благоволи возбудить въ себѣ царственный духъ. Пускай вашу королевскую милость такъ узнаетъ язычникъ Татаринъ, какъ узнали Шведъ и Москаль“. Потомъ упоминали о двухъ удачныхъ отраженіяхъ татаръ въ томъ же году, подъ Орышковцами и Поплавниками, гдѣ землевладѣльцы помогли коронному гетману разбить соединенныя татарскіе силы, просили посадить гарнизонъ въ Каменецъ, эти ворота Вороны, отъ которыхъ только въ двухъ миляхъ находится злой и хитрый непріятель, и которые между тѣмъ охраняются лишь нѣсколькими хлопами, вооруженными одними копьями; наконецъ, возлагали надежду на приведеніе козаковъ въ повиновеніе Рѣчи Посполитой.

Документъ этотъ самой нескладностью своею показываетъ, что подольяне занимались больше военнымъ ремесломъ да хозяйствомъ, чѣмъ письменами. Впрочемъ, надобно вообще замѣтить, что даже

знатные паны, какъ Острожскій и Збаражскій, писали попольски такъ нескладно, какъ наши кievскіе архіереи по русски, и употребили, сверхъ того, безпорядочную орфографію, какъ это видно изъ помѣщенной выше записки о Турецкой имперіи, даже при тѣхъ поправкахъ въ правописаніи, которыя необходимо было сдѣлать, для внесенія въ документъ большей ясности: разумью отдѣленіе предлоговъ и союзовъ, пунктуацию и абзацы.

POSELSTWO WOIEWODSTWA PODOLSKIEGO

przez Wrodzonego Alexandra Trebinskiego, Podzomorzege Lwowskiego po swiezey incursiey Tatarskiej na Podole, w Warszawie odprawowane de dato w Kamiencu 9 Sept. 1624.

Obywatele Woiewodztwa Podolskiego na Electiey Deputata do Kamienca zgromadzone, vtrapiene, słuźby y wierne poddanstwo swoje kładą, przez mię pod nogi Maiestatu Waszey Krolewskiej Mci, Pana swego Młciwego.

Na tym szańcu Podole teraz stawa, Młciwy Naiasnieyszy Krolu Panie moy Młciwy, ze ubiuis tutius aniz w swych własnych kątach osiedzić się moze. Po tak trzyletnich, dwuletnich y tegorocznych wielkich incursiach, otho wtargnął y teraz Tatarzyn: mieczem, ogniem vmiotł niemal wszystko, plon niezmierny ludzi Chrzescianskich rozuego stanu oboiey płci w okrutną niewolę pognął, dobra wszystkie y dostatki Podolskie, stada, bydła, owce, a zgoła wszystkie Wsi y Miasteczka, procz obronnych Miast, zboza tak w gumniech, iako y po polach popaleł, a przy korzysci y obłowie swoim y sławę wielką odniosł, zkad vpadek y hańba Narodowi naszemu została. Gotwie się znouwu sam Chan, nie contentuiąc się plonem, ktorego snadz v niego wielka część została: ow wytownie, ten pocznie, y tak aliud super aliud camulabatur fung. Han co daley niebożętom zostaje iako infaelicibus infaelicem codzien wyglądac ostatniego Konca.

Niewiem aby iuz cō gorszego mogła kiedy y WKMcі y nam Poddanym niefortuna sprawic, iako sprawiła teraz. My bowiem Podolanie, widzi Bog, wierni poddani WKMcі, ktorzy nie posleduieyszą Paustwa WKMcі częścią swych czasow bywalismy, ktorzy w powolnosci

przeciwko WKMcI [bezpiecznie rzekną] zadnemu wprzod nie dawalismy, ktorzy do vsługi na wszelką potrzebę WKMcI y Rze-
czyptej gorący y rączy zawsze bywalismy, teraz Poganstwa praeda facti
sumus. Wasza Kr. Mc abys na te funera patriae patrzył, lege fati
pszywiedzion do tego być raczysz. Oplakiwamy teraz Bracia swoje,
Naiasniejszy Młciwy Krolu Panie moy Młciwy, popalency na swych
popieliskach siedząc nie smiercią zdziętych, ale zywych w niewolą
wziętych. Załuię y ia tu do Maiestatu WKMcI przysłany nie tylko
swoim, ale y wszystkiego imieniam Podola. Załuię z mey strony, zem
tych, ktorychem miłował, ktorychem krwią dosiágał, a z nimi y
swioiey substantiey tu, którą z rodzicow moich miałem y na niem z
młodosci robił, oraz pozbił. Załuię Rzęptą, ze ona teraz na tych zgubę
patrzą, z ktorych wielu stałych y mężnych przy dostoięństwie swym
czasow wrzawych znała. Załuię ze iednym w starosci zgrzybiałym,
drugim w ranniejszym wieku dostało się zywym na zywych przyia-
ciol swoich otworzyste patrzeć groby. Szczęśliwa tam była smierć
pobitych Rodzicow, ze nie patrzyli na sromoty dzieatek swoich. Szczę-
śliwe y dzieci, ktore przed skazą swoią wprzod zaległy groby Oycow
swoich.

Znamy to, Naiasniejszy Młciwy Krolu Panie nasz Młciwy, ze
Państwa tego y Korony tej zacney rationes tak swiętobliwie admini-
strowac raczysz, ze od wszystkich za tak pobożny regiment słasnie
wieczna y miła pamięć ma być zawsze oddawana; znamy y to, ze
ani periculo nie zwykles nigdy parcere proprio dla nas Poddanych
swoich. Teraz beneficia pacis, za szczęśliwym panowauiem WKMcI
nam dane, są wydarta. Teraz Maiestat WKMcI w nas przez Pogan-
stwo iest zganbiony. Unizenie prosim, racz wzbudzić on animusz swoy
krolewski w sobie. Niech Waszą Krol. Mc takiego ten Poganin vzna,
iakiey Szwed vznał, Moskwićin doswiadczył y ten sam Bisurmaniec
na sobie wiele razow odniesł. O to my vpadamy v nog Maiestatu
WKMcI, Pana naszego Młciwego, vnizenie prosząc, racz nam Bracią
naszą, nas zas Braciey miłey za czułością przywrocic twoią. Bacz
substancie, fortuny nasze, nas samych, Oyczyzną miłą w opatrznosci
zachowac swioiey. Dzis radziszli WK.Mc o nas, nadzieię bierzem,
esli nie vpadek inuz ostatni czuim.

Nie stracili ieszcze serca Podolanie MNKPMM. aby temu nieprzyia-

ielowi odporu dac nie mieli. Doznał tego ten Pohaniec w tym roku pod Oryszkowcami, gdzie, za błogosławienstwem Panskim, znaczną odniosszy klęskę, sromotnie z Panstwa WKMcI wstępować musiał. Doznał y pod Popławnikami, gdy tenże Tyran, wszystkimi siłami nadprzysięgę swą wtargnąwszy, za szczęściem WKMcI, czuynocią dzielnego Hetmana waleczną, ręką rycerstwa Koronnego, a wstrętem nas Obywatelow tamecznych, z wielką szkodą swą y wstydem odszedł. Jest siła mężow, którzy y tu y owdzie probowali szczęścia swego. Czas bieży, niemasz czym, o czym, w czym y na czym. Instantia fata latwie WKMc Pan moy Młciwy odeymiesz, iesli Kamieniec, który wrotami Korony być mienią, iuzto praesidio armabis, y iezdnych na nim dla strazey potwierdzić raczysz: bo, mając tak iadowitego y chytrego we dwa milach Niepszyaciela bez strazey, obawiać się potrzeba, aby do wielkiego niebezpieczeństwa tego tam mieysca nie przywiódł. Nie idzie to Bramy otwierać tylko kilka chłopow z oścsepamy, a pod bramą y między skałami co wiedziec kto stoi. Jesli y Podole samo Zołnierzem w porządku naylepszym tamecznych Bethmłstrzew opatrzone zostanie, Jesli wybrancy z dobr WKMcI y Zaporoscy au(tori)thate Regia do Posłuszeństwa przywiedzieni będą: Gdyz za takim wsi, Miasteczek, Miast popaleniem, ludzi y Maietnosci tak wielu pobraniem, nie jest rzecz podobna, aby sami Podolanie bez ratunku WKMcI wydołać mogli. Psuie Tatarzyn ogniem, kazi szablą, pustoszy zawisay sąsiad rozboiem, szkodzi nasyżaniem złodzieystwa, nisczy czatą woienną, więkzych znadz lada kiedy zechce sprobować zamysłów. To ia tedy zlecenie mając od oplakaney Bracicy moiey, odnoszę przed Maiastat WKMcI, Pana mego Młciwego, vnizenie prosząc, a dla Boga prosząc, abys WKMc- iake Pan y Opiekun nasz, od Boga nam dany, o nas Młciwie wie dzieć raczył.

XVII.

УНИВЕРСАЛЬ СИГИЗМУНДА III,

ИЗОБРАЖАЮЩІЙ ПОЛОЖЕНІЕ ДѢЛЪ ВЪ 1624 ГОДУ.

Это былъ годъ первой послѣ Наливайка кровавой борьбы шляхты съ козаками, которыхъ, по смерти Конашевича-Сагайдачнаго, некому было удерживать отъ междоусобной войны. Положеніе Польши сдѣлалось затруднительнѣе пржняго. Король просить пановъ о созваніи сейма, не смотря на повѣтріе, такъ какъ почти всѣ Инфлянты утрачены и непріятель осадилъ наследственный замокъ литовского полевого гетмана. W takim Rzptej od postronnych nieprzyciasiol niebezpieczenstwie (пишетъ онъ въ своемъ универсалѣ) w takim domowych spraw zatrudnieniu, w tak wyuzdanej sweywoli wkrainney zawzięciu, przychodzi nam de summa rei radę brać przed się.... Еще на прошломъ сеймѣ объявляли мы (продолжаетъ король), iakie od pogan, za rozdrażnieniem ich częstymi y gwałtownymi kozackiemі naiazdy, wisi niebezpieczenstwo, czego się było od Gustawa sudermanskiego Xzcia w takiej naszej niegotowosci spodziewać, do czego domowa y wkrainna swawola przysć miała. По милости Божіей, смежныя съ поганствомъ земли отдохнули, благословилъ онъ отвагу обыватей съ горстью людей, поддержанную полевымъ гетманомъ, такъ, что хитрый поганилъ въ настоящемъ году не достигъ своего намѣренія, хотъ и былъ наготовѣ у сѣмихъ границъ съ великою силою. Почему мы могли поручить полемому гетману и другимъ лицамъ усмирить украинскую вольницу. Какой будетъ успѣхъ, вскорѣ увидимъ. Juz ta tam swawola gurę bardzo wzniosła: nie dosyc na tym, że wstawicz nemi ziemią i morzem panstw Tureckich naiazdy, tak potężnego nieprzalla irritowali, teraz iusz do tego przyszło, że z przyłeglymi sąsiady tajemnie się znoszą, vpominki od nich biorą, pacta y przymierza z nimi ku szkodzie y niebezpieczenstwu Rzptej zawierają, spiski y coniuratae między sobą czynią. Nie zahamowały ich sro-

gie zakazania nasze, aby Panstw Tureckich nie infestowali; dwakroc w tym roku na morze swoią armatą wywiodszy y szkody niezmiernie poczyniwszy, do tego rzeczy przywiedli, ze woyny od Pogan mało iuz pewni bydz niemozemy.

Этотъ документъ выписанъ только въ существенныхъ частяхъ своихъ. Онъ имѣеть тѣсную связь съ слѣдующимъ XVIII-мъ документомъ, который восполняетъ все, что мною въ немъ опущено.

XVIII.

ПЕРЕПИСКА ОБЪ АЛЕКСАНДРѢ АХИѢ,

ПРЕТЕНДЕНТѢ НА ЦАРЕГРАДСКІЙ ПРЕСТОЛѢ.

1625—1626.

Послѣ убіенія, въ ноябрѣ 1623 года, Иосафата Куцаевича, уніятскаго архіепископа, дѣло православія въ южной Руси находилось въ самомъ критическомъ положеніи. Королевская партія называла нашихъ іерарховъ *genus sceleste hominum*, и въ своихъ совѣщаніяхъ изыскивала средства, какъ бы положить конецъ существованію зловредной схизмы въ королевствѣ. Болѣе удобнаго къ тому случая не представлялось, по видимому, никогда, такъ какъ мятежи бѣлорусскихъ муниципій противъ уніятскаго архіепископа завершились кровавымъ бунтомъ витебскихъ мѣщанъ и дали католическому правительству возможность сдѣлать унію обязательною для всѣхъ королевскихъ городовъ въ Бѣлоруссіи. Волынь и Червоная Русь еще прежде поддались дѣйствию католической и уніятской пропаганды безъ особеннаго упорства. Только Кіевская земля по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, или собственно такъ называемая Украина, служила убѣжищемъ ставленникамъ іерусалимскаго патріарха Теофана. Церковной казуистикѣ, которую іезуиты ввели въ трибуналы, тѣсня легальнымъ способомъ православіе, было не трудно доказать, что это—противозаконная секта, вредоносная для общественнаго благоустройства.

Такъ думали въ Римѣ; такъ думали въ королевской радѣ, составлявшей факторію Рима; такъ думали, за весьма рѣдкими исключеніями, всѣ католики въ Польшѣ, находившіеся, можно сказать, отъ самихъ пеленокъ подъ влияніемъ блюстителей общественаго просвѣщенія—іезуитовъ. Вообще польское правительство, представляемое королевскою радою, и общественное мнѣніе, руководимое католическимъ духовенствомъ, держались того принципа, что, послѣ синода 1596 года въ городѣ Берестѣ, на всемъ пространствѣ Рѣчи Посполитой не существуетъ церкви, не подвластной римскому папѣ. Даже благоразумные и умѣренные представители польскаго католицизма, признававшіе законность православія въ принципѣ—а такихъ было весьма мало,—смотрѣли на его духовенство, какъ на собраніе грубыхъ, невѣжественныхъ людей, и отъ души желали ему перерожденія въ болѣе облагороженную корпорацію, подъ руководствомъ благовоспитанныхъ, набожныхъ базилянъ и заправлявшихъ умственнымъ движеніемъ въ Польшѣ іезуитовъ.

При такомъ состояніи мнѣній въ польскомъ обществѣ, стоило бы только Сигизмунду III сдѣлать еще одинъ шагъ въ пользу папизма на Руси, и православная церковь перестала бы существовать въ Киевской землѣ. Однакожь этотъ послѣдній шагъ не былъ и не могъ быть сдѣланъ.

Двѣ совершенно различныя причины связывали руки королевской партіи. Въ Литвѣ могущественный князь Христофоръ Радзивилъ, за котораго держались православные со временъ Брестскаго синода, продолжалъ ослабѣвшее, но все еще вліятельное, дѣло протестантизма. Въ Украинѣ козаки Сагайдачнаго дорожили существованіемъ возстановленной имъ митрополіи. Польскій протестантизмъ, по духу своего ученія, отвергалъ православное исповѣданіе такъ точно, какъ и латинство, но ему было необходимо для собственнаго спасенія поддерживать непримиримыхъ противниковъ римскаго папы. Что касается до козаковъ, то монастырскія имуществъ терпѣли отъ нихъ не меньше притѣсненій, какъ и отъ иновѣрцевъ; но иновѣрцы знали, что козаки не дадутъ уніатамъ овладѣть Печерскою или иною киевскою обителью такъ просто, какъ они овладѣвали, въ силу королевскаго пожалованья, прии-

санними къ монастырямъ землями. Чтобы уніятскій митрополитъ могъ войти хозяиномъ въ одинъ изъ кievскихъ монастырей, для этого королевской грамоты было недостаточно. Одни монахи не впустили бы его къ себѣ безъ боя. Король долженъ былъ бы послать цѣлое войско для приведенія своего пожалованія въ дѣйствіе. Но тутъ онъ, независимо отъ другихъ препятствій, встрѣтилъ бы въ посольской избѣ оппозицію со стороны диссидентскихъ и схизматическихъ депутатовъ; а диссиденты и схизматики, въ борьбѣ съ поднявшеюся при Сигизмундѣ Ш партією католическою, всегда держались за руки. И паны протестанты, и паны православные охотно давали свои голоса въ пользу войны съ козаками; но дозволить королю распорядиться войскомъ для уничтоженія православныхъ святилищъ значило бы дѣйствовать въ ущербъ собственнымъ интересамъ. Православіе, говоря вообще, не полагалось уваженіемъ протестантовъ, ни какъ вѣра, ни какъ общественная связь, но оно было имъ нужно, какъ одно изъ могущественныхъ средствъ, которыми они заставляли короля дѣлать себѣ уступки, во первыхъ, въ распредѣленіи королевщинъ и дигнитарствъ, а во вторыхъ, и въ ревности къ исключительному господству католичества.

Отъ этого мы находимъ православнаго митрополита Іова Борецкаго въ загадочномъ, на поверхностный взглядъ, положеніи. Православная шляхта, въ своихъ манифестаціяхъ на сеймѣ, оставшая вѣру отцовъ своихъ, ни разу не упомянула его имени, тогда какъ, по видимому, ей слѣдовало бы домогаться отъ короли утвержденія іерарховъ, посвященныхъ патріархомъ Теофаномъ. Объ этомъ хлопотали одни тѣ шляхтичи Кіевской земли, которые принадлежали къ составу козацкаго войска. Но въ качествѣ реестровыхъ козаковъ они являлись на сеймѣ не болѣе, какъ просителями. Въ посольской избѣ не имѣли они никакого значенія, такъ точно, какъ и ротмистры войска кварціаннаго. Надобно было, чтобъ ихъ избрали своими депутатами землевладѣльцы, а землевладѣльцамъ ввѣрить свои интересы козаку, кто бы онъ ни былъ, никакъ не приходилось.

Того мало, что Іова Борецкаго и его товарищей по іерархіи не поддерживали ни Древинскіе, ни Бисели, ни Тшкевичи громоглас-

но: онъ, сколько извѣстно до сихъ поръ по документамъ, не состоялъ ни съ кѣмъ изъ православныхъ тузовъ польской аристократіи въ тѣсныхъ дружескихъ связяхъ. Единственнымъ покровителемъ его въ правительственныхъ сферахъ является все тотъ же князь Христофоръ Радвигъ, который былъ, можно сказать, руководителемъ православной оппозиціи при безхарактерномъ князѣ Константинѣ Константиновичѣ Острожскомъ. Въ перепискѣ съ Христофоромъ Радвигомъ Борецкій открываетъ пороки ближайшихъ своихъ сотрудниковъ, жѣшавшіе ему вести съ достоинствомъ дѣло православія (Археогр. Сб. VІІ, 82), и старшаго сына своего Стефана, минуя всѣхъ православниковъ, опредѣляетъ (въ октябрѣ 1629 года) къ Радвигу въ качествѣ дворянина, то есть отдастъ ему въ науку общежитія. (Тамъ же, стр. 87). Другой сынъ былъ имъ отправленъ (въ августѣ 1630 года) на службу къ московскому царю. (См. документъ о службѣ сына Борецкаго у царя). Іовъ Борецкій хотѣлъ было воспитать ихъ для духовнаго званія, но, по его словамъ, Богъ не далъ имъ *оуcowskiego animuszu i wolej*, *ze nie cheieli nauk kontinuiować*. Слѣдовало бы ожидать, что Борецкій лѣнивѣе или тупѣе къ учению юношей пустить козацкою карьерою, которую избирали себѣ въ Украинѣ многіе шляхтичи; но, видно, было въ козачествѣ нѣчто претящее душѣ его, нужды нѣтъ, что, въ качествѣ главы духовенства, онъ постоянно находился въ сношеніяхъ съ козацкою старшиною. Онъ видѣлъ въ козакахъ людей, нуждающихся въ просвѣщеніи вѣрою, и старался просвѣщать ихъ, но по всему видно, что они, въ его глазахъ, не имѣли гражданской будущности.

Въ „Совѣтованіи о Благочестіи“ сдѣлано было предположеніе „уфундовати епископа во Черкасѣхъ“; однакожъ предположеніе это не приведено въ исполненіе, и конечно не отъ тѣхъ препятствій, какія встрѣтили патріаршіе ставленники въ занятіи епископскихъ каедръ. Въ „Вѣстяхъ путивльца Гладнаго“ читатель найдетъ Борецкаго присутствующимъ въ козацкой радѣ. Объ этомъ Гладкій сообщаетъ въ Москву; но въ его донесеніи не видать и мысли, чтобы кievскій митрополитъ могъ быть для козаковъ тѣмъ либо, кромѣ христiанскаго архипастыря. Во всѣхъ сношеніяхъ своихъ съ московскими людьми, часто изустныхъ,

Иовъ Борецкій ни единымъ словомъ не высказалъ своего сочувствія козакамъ, какъ реакціонерамъ государственнаго и общественнаго строя. Въ этомъ отношеніи онъ смотрѣлъ на козаковъ глазами Христофора Радивиля, который находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ козацкими старшинами, въ качествѣ ихъ покровителя, но первый готовъ былъ двинуть на козаковъ свои хоругви, когда они домогались дикой республики въ государствѣ, стремившемся къ благоустройству.

И такъ глава православнаго движенія въ южной Руси былъ чуждъ ея аристократіи, а демократическихъ ея стремленій, олигочтворенныхъ козаками, не могъ раздѣлять по ихъ разрушительному характеру. Высокій санъ, который онъ принялъ на себя для обороны послѣднихъ святыхъ мѣстъ православія, не былъ признаваемъ иновѣрнымъ правительствомъ. Оставалось ему искать правительства единовѣрнаго, которое бы оправдало архипастырскую роль его и представляло бы опору мѣстной церкви хоть въ отдаленномъ будущемъ. Такимъ правительствомъ было московское, и Борецкій дѣлается преданнымъ слугою царя Михаила Федоровича. На польскаго государя смотритъ онъ, какъ на „пущеніе Божіе“ за русскіе грѣхи, и спасенія православной церкви часть въ будущемъ отъ Москвы.

Москва, съ своей стороны, радуется приобрѣтенію такого приверженца въ краѣ, который давно уже стала называть отчиною государя своего. Она издавна пользовалась единовѣріемъ украинскихъ монастырей, чтобы ссылаться черезъ нихъ съ волошскимъ господаремъ тайно отъ Польши и Литвы. Теперь, при содѣйствіи кievскаго митрополита, думные царскіе дьяки получали черезъ путивльскихъ воеводъ извѣстія обо всемъ, что происходитъ во владѣніяхъ польскаго короля, и что слышно въ „Литовской сторонѣ“ о военныхъ дѣлахъ сосѣднихъ народовъ. Борецкій, какъ явствуетъ изъ лежащаго документа, отличался не одною ученостію, но также искусствомъ вести сношенія съ отдаленными провинціями, въ которыхъ находились преданные православію люди. Самые сеймы были наблюдаемы его агентами, которые поставляли его въ извѣстность обо всемъ, что занимало умы правительственной шляхты. Нельзя было не дорожить въ Москвѣ такимъ при-

верженцемъ, и его всячески ублажалъ, какъ самъ царь Михаилъ Федоровичъ, такъ и его отецъ, патриархъ Филаретъ Никитичъ. Это поддерживало духъ Юва Борецкаго, изнемогавшій въ борьбѣ съ кознями уніатовъ и съ безпутствомъ окружавшихъ его людей, на которое онъ съ такой горестной откровенностью жаловался Радивилу. Это давало ему силы для работы надъ улучшеніемъ нравственности паствы его, которое составляло главный и самый трудный предметъ его попеченій. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, онъ приходилъ иногда въ отчаяніе отъ безнадёжности предпринятаго дѣла и, какъ мы видимъ по его письмамъ въ Москву, не разъ бывалъ готовъ оставить даже Кіевъ для безвѣстнаго странствованія по свѣту.

Въ 1624 году положеніе Борецкаго сдѣлалось особенно затруднительнымъ. Убіеніе Кунцевича приписывали Мелетію Смотрицкому, который былъ правою рукою Борецкаго, пока не обнаружилъ недостатка стойкости. Королевская партія настаивала на томъ, чего требовала отъ Сигизмунда III папская булла, присланная къ нему по поводу витебскаго бунта. Въ письмѣ къ Христофору Радивилу отъ 24 августа, Ювъ Борецкій изображаетъ борцовъ за православіе въ послѣдней крайности. „Tak bowiem na wszystkie strony sciesnieni iestemy (говоритъ онъ), że gorzeu zdraycow u przekonanych złoczyncow, gorzeu nieprzyjacieli Krzyża Świętego, samysh poganow, narod wierny, panom życzliwy, narod niewinny, narod starożytny chrześcianski od tej Babilonskiey, krwią opiley niezgładnice w swoim własnym państwie prześladowania cierpiemy. Tylko by do końca dał Pan wytrwanie“. (Археогр. Сб. VII, 81). Далѣе онъ пишетъ, что съ каждымъ днемъ вся Украина ожидаетъ Агасферова приговора, по представленію Аманову, какъ волъ обуха, вмѣстѣ съ своими святилищами, духовенствомъ, посольствомъ, рыцарствомъ, шляхтою, и при этомъ съ горестью увѣдомляетъ о козацкихъ походахъ на море противъ воли старшихъ и короля. „Co wszystko (заключаетъ онъ) za tą nieznośną swoją wołą jako nas wszystkich bacznieyszych trapi, i to mamy z gniewem panskim, za co innego naostrzonym u wszelakiemi potwarzmi rospalonym, jako piorunową strzałę na wyniosłą wieżę, na starszych duchownych Prawosławnych już nacelonem“.

Что дѣлать съ несноснымъ козацкимъ своевольствомъ, которое бросало тѣнь въ глазахъ правительства на православныхъ іерарховъ, — Борецкій не могъ придумать, равно какъ и вся кievская шляхта, и всѣ тѣ порядочные козаки, происходившіе изъ мѣстной шляхты, которыхъ онъ титудуетъ рыцарствомъ. Вдругъ своевольнымъ козакамъ открылась перспектива дѣятельности, которая изъ простыхъ добычниковъ общала сдѣлать ихъ воинами святаго креста. Славяногреческое царство, ради котораго болгары и сербы, какъ онъ зналъ, бросались много разъ въ опасности войны и наконецъ политически погибли, вновь сдѣлалось одушевляющею идеею народовъ Балканскаго полуострова. Среди упадка православной идеи на Востока въ гнетомъ порабощеннаго ислама, явились новыя силы, которымъ, по видимому, было суждено освободить христіанскій міръ отъ азіатскихъ выходцевъ, и всѣмъ странамъ, исповѣдующимъ православіе, открыть новую эру... Такими мыслями озарился изнемогшій духъ Юва Борецкаго отъ неожиданныхъ вѣстей, пришедшихъ съ Востока въ его Михайловскій монастырь.

Октября 21-го 1624 года, явился къ Юву Борецкому, въ его смиренной резиденціи, московскій эмигрантъ князь Мосальскій и объявилъ ему по секрету: что въ Киевѣ находится крещеный въ православную вѣру сынъ турецкаго султана Магомета, царевичъ Александръ Ахія; что народы Балканскаго полуострова, постоянно боровшіеся съ турками за остатки своей независимости, избрали уже его своимъ царемъ; что Александръ Ахія проживалъ при дворахъ европейскихъ государей и заручился ихъ помощью для войны съ Турціею; что теперь онъ ѣдетъ на Запорожье для найма козаковъ къ себѣ въ службу, и что цѣль его предпріятія состоитъ въ низпроверженіи Оттоманской имперіи и возстановленіи православнаго славяногреческаго царства.

Борецкій пожелалъ видѣть странствующаго царевича, и, удостоверясь, что онъ человекъ бывалый, свѣдущій, благочестивый и надежный, отправилъ его въ козацкіе городки съ своею рекомендаціею.

Между тѣмъ у козаковъ началось „междоусобіе“ съ русскопольскою шляхтою. Рѣчь Посполитая поставлена была своею политикою въ необходимость мириться во что бы то ни стало съ Пор-

тою, а козаки своими морскими походами раздражили Порту до того, что она готова была повторить походъ Османа II. Рѣшено было обуздать козаковъ, то есть положить предѣлъ увеличенію ихъ войска, ограничивъ его число шестью тысячами, которыя бы находились въ полномъ повиновеніи волѣ короннаго гетмана. Для этого составлена была такъ называемая козацкая комиссія изъ землевладѣльцевъ того края, который подвергался набѣгамъ татаръ и, въ случаѣ исполненія угрозы турокъ, сдѣлался бы первый ихъ добычею. Члены комиссіи должны были собраться съ своими феодалными ополченіями подъ короннымъ знаменемъ и увеличить боевыя силы, приготовленныя для войны съ Густавомъ-Адольфомъ. Козакамъ памятна была расправа съ ними Жовновскаго въ 1596 году. При Сагайдачномъ они порывались отомстить за свое поражение, но были искусно имъ отвлекаемы отъ междоусобной войны въ сторону. По смерти Сагайдачнаго никто ихъ не удерживалъ и никто не соединялъ ихъ въ такую, единодушную массу, которая бы могла противостоять силѣ короннаго и панскаго войска. Когда король прислалъ за Пороги своего дворянина звать козацкое войско въ „сборъ“ передъ военную комиссію, которая, ограничивая число ихъ, должна была потребовать отъ нихъ отчета въ кровавыхъ самоуправствахъ дома и въ своевольныхъ походахъ на море, — козани такъ „испугались“, что обратились къ московскому царю съ просьбою — дать имъ пристанище въ своемъ царствѣ, то есть принять ихъ въ свое подданство, если они всѣ поголовно „придутъ на государево имя“ вмѣстѣ съ православными архіереями, которымъ въ такомъ случаѣ было бы страшно оставаться въ послѣднемъ убѣжищѣ православія — Кіевской землѣ.

Не могло согласиться на эту просьбу царское правительство по своимъ политическимъ видамъ, которые были предусмотрительнѣе не только козацкой, но и архіерейской политики, — не могло тѣмъ болѣе, что козаки, заручившись царскимъ благоволеніемъ, намѣревались предпринять общій походъ на море, въ союзѣ не только съ донцами, но и съ лисовчиками. Глядя съ исключительной точки зрѣнія на козацкую предпримчивость въ настоящемъ случаѣ, Борецкій, какъ изолированный инокъ, не былъ въ состояніи возвыситься до широты взгляда царской думы. Возможность низпроверженія турец-

каго владычества надъ христіянами слишкомъ сильно обольщала его воображеніе. Ему казалось, что Царьградъ будетъ въ рукахъ царевича Александра въ самомъ непродолжительномъ времени. Тогда могущество московскаго царя удвоится; онъ возьметъ отчину предковъ своихъ, находящуюся во владѣніи поляковъ Русь; и восточное православіе воспребладеетъ надъ западнымъ католичествомъ. Въ этихъ видахъ, Борецкій къ козацкому посольству, состоявшему изъ 15 человекъ, придалъ отъ себя епископа Исакія Борисковича, въ качествѣ ходатая, а виѣстѣ съ тѣмъ примкнулъ къ нему и посольство царевича Александра Ахіа, съ собственными рекомендательными письмами, въ которыхъ склонялъ царя помочь Александру людьми или деньгами для овладѣнія Царьградомъ. Царь подарилъ претенденту на царьградскій престолъ соболей, лисиць и золотыхъ бархатовъ на тысячу рублей, но уклонился, подъ благовидными предлогами, отъ всякой иной помощи, и даже на его грамоту отвѣчать „не произволилъ“.

Бозаки послѣ этого должны были или покориться коронному гетману, или, по примѣру Лободы и Наливайка, попытаться счастья въ битвѣ съ яханами. Послѣ долгихъ колебаній, они рѣшились на послѣднее, и были побиты на Медвѣжьихъ Лозахъ такъ сильно, что, по требованію побѣдителя, сожгли собственными руками походные челны, выписали изъ своего реестра до сорока тысячъ волонтеровъ и заключились въ шесть тысячъ покорнаго коронному гетману войска.

Когда Конецпольскій наступилъ на козацкія жилища, царевичъ Александръ Ахіа „прибѣжалъ“ къ митрополиту Іову, и тотъ укрылъ его подъ монашескою рясою въ Михайловскомъ монастырѣ, какъ драгоценный залогъ возстановленія православнаго царства во владѣніяхъ агарянъ. Съ своей стороны Конецпольскій велѣлъ всюду искать турецкаго самозванца, чтобы обезпечить миръ съ Турціею, и вскорѣ Александру сдѣлалось опасно оставаться въ митрополичьей резиденціи, да и самъ Борецкій, въ случаѣ его открытія, рисковалъ страшною отвѣтственностью передъ польскимъ правительствомъ за виѣшательство въ гражданскія смуты. Ахіа скрывался нѣсколько времени въ принадлежавшей митрополиту слободѣ, подъ видомъ монастырскаго сборщика доходовъ. Наконецъ и тамъ

стало опасно держать его. Тогда Борецкій отправилъ своего гостя въ Путивль на „государево имя“, подъ видомъ торговаго человѣка, въ сопровожденіи своего любимца, священника Филиппа.

Получивъ отъ путивльскихъ воеводъ донесеніе о пріѣздѣ „тайнымъ обычаемъ“ царевича Александра, царское правительство долго размышляло, какъ поступить съ необыкновеннымъ гостемъ, который просилъ и убѣжища и помощи въ задуманномъ имъ походѣ на Турцію; наконецъ велѣло препроводить Ахію секретно во Мценскъ и прислало туда двухъ слѣдователей для дознанія, кто таковъ подлинно человѣкъ, называющій себя сыномъ турецкаго султана. Переписка о немъ между центральною властью и ея довѣренными лицами содержитъ въ себѣ множество весьма важныхъ для исторіи данныхъ и характеризуетъ правительственныхъ представителей русскаго міра съ такихъ сторонъ, которыя доселѣ были намъ неизвѣстны. Предоставляя самому читателю углубиться въ этотъ драгоценный источникъ историческихъ свѣдѣній о Россіи, Польшѣ, восточной Славянщинѣ и Западной Европѣ, замѣчу здѣсь: что католическіе государи и правительства, отъ части искренно, отъ части притворно, признали въ Александрѣ Ахіи дѣйствительнаго сына султана Магомета III; напротивъ правительство царя православнаго отнеслось къ нему сперва довѣрчиво по рекомендаціи кіевскаго митрополита, соблюдая только дипломатическую осторожность, но когда стало получать отъ своихъ слѣдователей обстоятельныя донесенія о его съ ними бесѣдахъ, то мало по малу пришло къ убѣжденію, что имѣетъ дѣло съ искуснымъ обманщикомъ. Не давая, однакожъ, ему замѣтить, что ловить его въ собственныхъ его разсказахъ, царское правительство постаралось, во первыхъ, о томъ, чтобъ разлучить его и съ дѣпровую, и съ донскою вольницею, а во вторыхъ о томъ, чтобы скрыть слѣды пребыванія его въ Московскомъ государствѣ. Съ этою цѣлью оно, подъ видомъ заботливости о его собственной безопасности, отклонило всѣ его просьбы—отпустить его обратно за московскій рубежъ и выпроводило въ Европу чрезъ Архангельскій портъ.

Изъ статьи В. В. Макушева о Болгаріи, напечатанной въ октябрьской книжкѣ „Журнала Мин. Нар. Пр.“ за 1872 годъ, мы

знаемъ, что въ слѣдъ за тѣмъ Александръ Ахія появился снова среди католическихъ пріятелей своихъ и подвизался въ качествѣ искателя цареградскаго престола до 1636 года, послѣ котораго слѣдъ его существованія исчезаетъ для исторіи, но не достигнувъ никакихъ важныхъ цѣлей, а въ 1633 году возбудилъ такое подозрѣніе на счетъ своей царственности, что великій герцогъ флорентинскій поручилъ одному изъ приближенныхъ къ себѣ лицъ изслѣдовать подлинность его притязаній на цареградскій престолъ. Въ упомянутой статьѣ В. В. Мавушева указаны бумаги разныхъ итальянскихъ архивовъ, относящіяся къ Александру Ахіи. Въ этихъ бумагахъ надобно искать объясненія многого, что насъ интересуетъ въ тогдашнемъ порядкѣ дѣлъ и сцѣпленіи обстоятельствъ. Но уже и то, что намъ извѣстно изъ разсказовъ Ахіи московскимъ людямъ о митрополитѣ Іовѣ Борецкомъ, о днѣпровскихъ и донскихъ козакахъ, о лисовчикахъ, объ отношеніяхъ козаковъ къ татарамъ и полякамъ, для насъ ново и поучительно.

На примѣръ, мы до сихъ поръ отдѣляли характеръ козаковъ запорожскихъ отъ характера козаковъ донскихъ. Изъ разсказовъ Ахіи, подтвержденныхъ и другими помѣщенными здѣсь документами, оказывается, что одна вольница отличалась отъ другой только признаніемъ надъ собой власти разныхъ государей. Судя по недавнимъ запорожцамъ и донцамъ, которыхъ пѣсни записаны, можно сказать, нами самими, мы, писатели украинской школы, обыкновенно представляли себѣ, что на Запорожьѣ процвѣталъ языкъ, доведенный нами до извѣстной литературности, а на Дону говорили и пѣли исключительно на языкъ великорусскомъ. Но, находя въ монастырскихъ сказаніяхъ о черноморскихъ буряхъ (у Кальнофойскаго) передовиками запорожскими москвитянъ, а на Дону героями, въ родѣ эпическаго Кюшки Самойла, запорожскихъ полковниковъ, и зная, какъ объ вольницы предпринимали общіе морскіе походы, мы должны вопросъ объ удѣльномъ вѣсѣ той или другой рѣчи, той или другой пѣсенности оставить открытымъ, впредь до новыхъ документальныхъ изслѣдованій. Зборовскій и Ласота не нуждались, сколько можно объ этомъ судить по источникамъ, въ переводчикахъ при объясненіи съ козаками. Даже татарскіе мурзы обходились на Запорожьѣ безъ драгомана и во времена Зборов-

скаго, и во времена Александра Ахіа. Не слѣдуетъ игнорировать такихъ данныхъ, какъ слова польскихъ пословъ о разноплеменности козаковъ, обращенныя къ татарамъ и туркамъ, имѣвшимъ съ ними разнообразныя сношенія. Не надобно забывать отчужденія козацкаго войска отъ православныхъ священниковъ, — отчужденія, простиравшагося до того, что „кіевскіе обыватели“, приставшіе къ козакамъ, убѣждали Банашевича-Сагайдачнаго разрушить языческое предубѣжденіе, что будто бы присутствіе священника въ войскѣ пророчитъ ему бѣду. И лестное для нашей гордости, и оскорбительное для нашего такъ называемаго народнаго (слово неопредѣленное) чувства должны мы содержать въ умѣ на правахъ юридическаго равенства. Только тогда опредѣлится характеръ нашего прошедшаго, которое въ нашихъ писаніяхъ является нерѣдко золотымъ вѣкомъ нашей такъ называемой народной жнзни, вопреки изысканіямъ лучшихъ людей XIX-го столѣтія.

Отдѣляли мы также характеръ запорожскихъ козаковъ отъ характера лисовчиковъ. Теперь похождения Александра Ахіа открываютъ намъ, что въ составѣ лисовчиковъ даже послѣ того, какъ они въ Польшѣ объявлены были банитами, находились и такіе православные люди, какъ московскій выходецъ князь Иванъ Мосальскій, и настоящіе, кровные запорожцы. Ахіа, очутясь среди днѣпровскихъ козаковъ, свидѣтельствовался въ своей царственности товарищами ихъ, которые находились въ числѣ лисовчиковъ и знали его въ Нѣмецкой землѣ, какъ царевича. Отсюда получается новое понятіе о религіозности запорожскаго войска. Это войско, только что опустошавшее православное Московское царство, въ одно и то же время, именно въ 1620 году, возстановляетъ, по словамъ украинскихъ историковъ, кіевскую митрополию, а по несомнѣннымъ извѣстіямъ современниковъ, сражается въ Нѣмецкой имперіи за католиковъ противъ протестантовъ, кальвинистовъ, чешскихъ утравистовъ, и превосходить, въ качествѣ вторгнувшейся въ Германію орды, даже валлонцевъ своимъ хищничествомъ и злодѣйствами. ¹⁾ Между тѣмъ украинскимъ писателямъ надобно, для гармоніи съ ихъ воззрѣніями на „народъ“, чтобы казаки имѣли

¹⁾ См. прим. къ 81 стр. III-го тома Ист. Возс. Р.

за Порогами въ концѣ XVI в. церковь, которой они не имѣли тамъ и въ XVIII-мъ. Микстура фактовъ, выдумокъ и предвзятыхъ идей все общество временъ Борецкаго перетасовываетъ у нихъ такъ, что послѣдніе дѣлаются первыми, а первые послѣдними. Противодіе этой микстуры представляютъ документы, предшествовавшіе взбаламутившей наши мозги эпохѣ Хмельницкаго, и въ числѣ такихъ документовъ показанія Ахіи и отца Филиппа играютъ не послѣднюю роль. Въ нихъ, между прочимъ, поражаетъ читателя, отуманеннаго тенденціозными историками, то обстоятельство, что царскіе люди не говорятъ съ Ахією и отцемъ Филиппомъ о борьбѣ за вѣру даже и столько, сколько говорилъ думный дьякъ Грамотинъ съ козаками Сагайдачнаго. Когда заходитъ рѣчь о козакахъ, дѣло идетъ съ обѣихъ сторонъ только объ ихъ войсковыхъ, такъ сказать ремесленныхъ козацкихъ интересахъ. Даже Ахіи не приходитъ въ голову представить козаковъ борцами за православіе; а казалось бы, онъ долженъ былъ бы всячески ухищряться, чтобы расположить въ свою пользу богомольныхъ москвичей изображеніемъ козацкаго рвенія къ интересамъ православія. Въмѣсто того онъ повѣствуетъ, за какое жалованье порядилъ сперва 8 тысячъ лисовчиковъ, а потомъ 18 тысячъ днѣпровскихъ и донскихъ козаковъ, не намекая ничѣмъ на то, что одни были яко бы латинцы, а другіе якобы православники. Съ своей стороны царскіе слѣдователи, разспрашивающіе Ахію и священника Филиппа о козакахъ и полякахъ со всѣхъ сторонъ, оставляютъ безъ вниманія вопросъ объ отношеніи козаковъ къ вѣрѣ и церкви, точно какъ будто дѣло идетъ о козакахъ татарскихъ. Это обстоятельство, я объясняю себѣ не иначе, какъ правильнымъ взглядомъ современниковъ на козачество, котораго для нихъ не сочинялъ никто и на которое они смотрѣли, какъ на людей, выдѣлившихся изъ разныхъ сословій, состояній и народностей. Козакъ уходилъ отсюда, гдѣ церковь была связью общества, и потому именно онъ былъ козакъ. Такъ точно уходили или выдѣлялся козакъ изъ тѣхъ классовъ, которые держались за землю, и въ этомъ смыслѣ опять былъ онъ козакъ. Никому не приходило въ голову осведомляться о землевладѣніи козакомъ, потому что козачество противопоставляло себя домонтарямъ и гречкосѣямъ. Если же козакъ владѣлъ пахатнымъ полемъ и дер-

жалъ хозяйственный инвентарь, то это онъ дѣлалъ по своему происхожденію отъ шляхтича или мѣщанина, но не по званію, быту и ремеслу козака. Козакъ, такъ точно какъ и чумакъ, не переставалъ принадлежать къ осѣдлому землевладѣльческому классу, взявшись за козацкое ремесло. Но онъ былъ полукозакъ и получумакъ, доколѣ не пропивалъ своей батьковщины. *Козакъ* же въ полномъ смыслѣ слова былъ только безземельникъ и пожалуй безхатникъ. „Козакъ душа правдивая, сорочки не має..“ Эта шуточная поговорка изображаетъ военнаго промышленника въ большинствѣ случаевъ. Такой военный промышленникъ относился изчужаю ко всѣмъ интересамъ землевладѣнія и церкви, какъ знаменательницы имущества, въ извѣстномъ смыслѣ общаго всѣмъ осѣдлымъ вокругъ нея жителямъ. Положеніе церковныхъ дѣлъ касалось его мало. Попа онъ не содержалъ, а въ своихъ таборахъ даже чуждался. По словамъ стараго украинскаго лѣтописца, многіе козаки безъ исповѣди и причащенія души свои погубляли. И не одни козаки. Въ 1645 году квартцанное войско, зимовавшее въ Кіевѣ, было расположено католическими проповѣдниками въ исповѣди, и при этомъ оказалось, что жолнеры „чуждались очень много лѣтъ таинства покаянія“, а въ числѣ жолнеровъ были и „схизматики“, то есть неуниты русскіе. (Кіевск. Еп. Вѣд. 1874, № 14). Положеніе военныхъ промышленниковъ козаковъ, говоря о нихъ вообще, было таково, что они вѣчно находились вдали отъ церкви и ея проповѣди, и только случайно открывались на исповѣди священникамъ въ своихъ злодѣяніяхъ. Народная фантазія не напрасно создала гайдамаку, который убивалъ своимъ духомъ попа, приступивъ ко св. причащенію. О такихъ грѣшникахъ козакахъ говоритъ Кальнофойскій, и такихъ же точно жолнеровъ изображаетъ указанное выше свидѣтельство 1645 года. Но и не зная историческихъ свидѣтельствъ, легко освободиться отъ иллюзіи, въ которую вѣвали наши историки на счетъ козацкой религіозности, если провести это чувство въ логической послѣдовательности отъ полудикаго состоянія козака даже время Палѣя (по описанію попа Лукьянова) до сферъ высшей общественности. Если козаки были такъ религіозны, какъ это намъ гласятъ украинскіе историки, въ такомъ случаѣ Малороссія XVII вѣка возвышалась бы надъ Восточной и Западной

Европой подобно какому то спасительному Арапату среди грѣхознаго наводненія. А если она въ самомъ дѣлѣ была такова, то куда же дѣбалась высокая религіозность и неразлучная съ нею нравственность въ малорусскомъ народѣ потомъ, когда онъ былъ поставленъ въ лучшія для своего духовнаго развитія условія, нежели во времена оны? Выходить, что пока онъ, въ видѣ козака, превосходилъ злодѣйствами валлонцевъ, онъ былъ религіозенъ, а когда сталъ ужасаться душегубства, въ качествѣ мирнаго жителя такъ сдѣлался такимъ, какимъ видимъ его въ наше время, то есть религіознымъ тупо, вяло и вообще весьма недостаточно для гражданственнаго преуспѣянія. Царскіе слѣдователи, очевидно, думали иначе, и потому оставляли въ сторонѣ вопросъ о козацкой религіозности; а царская дума, читая ихъ отписки о готовности козаковъ ратоборствовать въ пользу восточнаго православія, видѣли въ этой готовности побужденія вовсе не христіанскія, и употребили всѣ средства для того, чтобы козацкій походъ къ Царьграду не состоялся.

Не было царское правительство равнодушно къ дѣлу православія на Востокѣ, и не потому оно дорожило миромъ съ Турціею, что ставило его выше освобожденія христіанъ изъ подъ владычества невѣрныхъ. Съ горы Аѳона, изъ Сербіи, Македоніи, Греціи безпрестанно являлись въ Москвѣ духовные люди за милостынею на церковное строеніе, и вся жизнь царя Михаила, его отца Филарета и сына Алексѣя была, можно сказать, непрерывнымъ служеніемъ идеѣ восточнаго православія. Но было бы не только опасно, а даже недостойно ихъ—передать сообщникамъ, товарищамъ и пріятелямъ ужасныхъ для Россіи лисовчиковъ изъ рукъ въ руки дѣло православія, которое было постоянною заботою ихъ просвѣщеннаго по своему времени ума. Еслибы козаки и разрушили Оттоманскую имперію, то радости въ этомъ для людей порядка и благоустройства было бы мало. Побѣдоносная вольница сдѣлалась бы, пожалуй, опаснѣе самихъ мусульманъ для русскаго міра; а освобожденное козаками отъ агарянскаго ига восточное православіе очутилось бы на той дорогѣ, которою шло ко всемірному господству католичество,—на дорогѣ матеріальнаго завоеванія, на дорогѣ разбоя и грабежа во имя церкви Христовой. Въ этомъ отно-

шеніи политика царя Михаила Федоровича, по возбужденному Ахією вопросу, была несравненно глубокомысленнѣе политики Іова Борецкаго, которому блестящія надежды настоящаго не давали глядѣть въ будущее.

1.

Отписка путивльскихъ воеводъ въ Москву о посольствѣ къ царю отъ запорожскихъ козаковъ и отъ Александра Ахіи, съ присовокупленіемъ извѣстій о событіяхъ въ Малороссіи въ 1624 году.

Государю царю і великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русіи холопи твои Олешка Головинъ да Івашка Есиповъ челомъ бьютъ.

Нынѣшняго, государь, 133 году еевраля въ 5 день писали мы холопи твои къ тебѣ государю царю і великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русіи съ черниговцомъ сыномъ боярскимъ съ Федоромъ Селивановымъ по вѣстемъ путивльца торгового человекъ Павлика Гихонова, что нынѣшняго 133 году о Крещенье послали дѣ козаки изъ Запорогъ отъ войска осми человекъ запорожскихъ козаковъ къ тебѣ государю царю і великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русіи зъ грамотами; а хто именемъ козаковъ и для чего ѣдутъ, про то дѣ онъ Павликъ нѣ слыхалъ. Да съ твоими жъ дѣ, государь, козаки едутъ изъ Запорогъ же два тотарина; а какіе тотаровѣ и отъ ково и для чего едутъ, тово дѣ онъ Павликъ нѣ ведеетъ же. И нынѣшняго жъ, государь, 133 году еевраля въ 7 день приехоли въ Путивль изъ Литовские земли козаки запорожские, тринадцать ихъ человекъ, и тово жъ, государь, числа послали мы холопи твои путивльца дѣтей боярскихъ Лѣвонтея Литвинова, да Мортина Беззубова, да подъячево отъ мѣста Петра Акулова, а вѣтели имъ техъ козаковъ роспросить, хто они имянѣмъ и для чего въ Путивль приехоли; і въ роспросѣ, госу-

дарь, сказали, что они козаки запорожские: Иванъ Васильевъ сынъ Гири да Исакъ Степановъ, да Гришка Петровъ, да Бузма Ларинъ, Ерема Михайловъ, Федоръ Игнатовъ, да съ ними жъ писарь ихъ Олѣшка Яковлевъ, да четыре похолка ихъ: Дѣмка Степановъ да Гаврилка Борнеевъ да Войтешка Бортушъ, да Сидорка Ивановъ. И нынѣшняго дѣ, государь, 133 году, генваря во 2 день послалъ ихъ изъ Запорогъ гетманъ Запорожской Коленикъ Ондрѣевъ и все Войска Запорожское къ тебѣ государю царю і великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русіи зъ грамотою; а ехолъ дѣ онъ изъ Запорогъ Литовскою землею на Крыловъ, да на Чернасы, да на Перѣяславль, да на Барышевну, да на Нежинъ. А грамоты дѣ, государь, имъ Левонтью съ товарищи нѣ показали, и что въ грамотѣ писалъ, таво дѣ онѣ козаки сказали нѣ ведаютъ, и чтобъ ихъ козаковъ съ тою грамотою отпустить изъ Путивля къ тебѣ государю къ Москвѣ вскере.

А какъ дѣ, государь, онѣ поехали изъ Запорогъ, и гетманъ дѣ ихъ Болѣвикъ въ Запорогахъ, а войска съ нимъ козаковъ шесть тысячъ. Да тѣ жъ дѣ, государь, козаки Иванъ Гири съ товарищи сказывали имъ Левонтью да Мортину: какъ дѣ онѣ поехали изъ Запорогъ, и на дорогѣ дѣ на четвертой день ихъ поезду встрѣтились съ ними посланцы королевские: дворянинъ королевской, а имя дѣ ево не помнать, да съ нимъ запорожской козакъ Волкъ, а бывалъ дѣ прежде сево въ Запорогахъ писаремъ; а едутъ дѣ, государь, онѣ отъ короля въ Запороги къ гетману запорожскому и къ войску съ листы. И посланецъ дѣ королевской дворянинъ не сказалъ имъ ничего, о чемъ посланъ въ Запороги. А козакъ дѣ, что бывалъ писарь Волкъ, сказалъ имъ, что посланы онѣ отъ короля въ Запороги къ гетману и хъ козакомъ для того, чтобъ онѣ готовились нынѣшней вѣсны итти моремъ и сухимъ путемъ Турского земли воевать. А про короля сказали и про королевича, гдѣ онѣ нынѣ, и въ зборѣ съ нимъ люди есть ли, или нѣтъ, тово онѣ не ведаютъ. И про гетмана Конецпольского, гдѣ онъ нынѣ, того не вѣдаютъ же. А королевское дѣ, государь, имъ всемъ козакомъ росказанье на вѣсну итти Турского земли воевать.

Да оне же, государь, посланцы запорожские сказали, что въ прошломъ во 132 году послѣ великодни пришло дѣ изъ Козыл-

башъ въ Крымъ крымскаго царя Мамотъ Кирея братъ Шинъ Гирей; а козылбашскаго дѣ царя онъ зять; а съ нимъ дѣ пришло въ Крымъ зъ семь дѣсятъ человекъ; и крымская дѣ орда вся къ нѣму Шинъ Гирѣю поддалась; и онъ Шинъ Гирѣй съ крымскими людьми воевалъ Турскаго землю. И въ нынѣшнемъ, государь, во 133 году обо Спожинѣ дни посылалъ онъ Шинъ Гирѣй къ польскому королю пословъ своихъ, чтобы съ королемъ взять перемирье. И съ королемъ дѣ Шинъ Гирѣй перемирья взялъ, что имъ Турскаго землю заодно воевать. Да въ нынѣшней же дѣ, государь, во 133 году, передъ Рождествомъ Христовымъ за недѣлю, приезжалъ онъ Шинъ Гирѣй и съ Крыму въ Запороги хъ козакомъ, а съ нимъ дѣ приезжала крымскихъ людей съ тысячу человекъ; и зъ запорожскими дѣ козаки перемирья взялъ же, что имъ межъ себя нѣ воеватца, а итти съ нимъ Шинъ Гирѣенъ Турскаго земли воевать заодно; а уговораясь дѣ съ козаки, пошолъ онъ Шинъ Гирѣй изъ Запорогъ нынѣшнего 133 году, после Рождества Христова на третей день, на Белгородские мѣста Турскаго земли воевать со всею крымскою ордою и съ Ногаи. А хъ королю дѣ польскому онъ Шинъ Гирѣй тово жъ дня послалъ пословъ своихъ, что онъ изъ запорожскими козаки перемирья взялъ. А соймъ дѣ, государь, нынѣ у короля будетъ въ Варшавѣ; а о чомъ соймъ будетъ, тово дѣ онѣ не вѣдоють.

Да техъ же дѣ, государь, запорожскихъ козаковъ писарь Олешка Яковлевъ сказалъ, что нынѣшней осени въ Польше въ Краковѣ учинилось на люди моровое повѣтрѣе, и изъ Кракова дѣ король отъ того морового повѣтрѣе вышелъ въ Варшаву; а нынѣ унялося ль моровое повѣтрѣе, или нѣтъ, тово онъ нѣ ведоеть. А козаки сказали, что онѣ про моровое повѣтрѣе нѣ слышали.

Да оне жъ дѣ, государь, запорожские посланцы сказывали, что нынѣшнего 133 году, въ Филиповъ постъ, киевской митрополитъ Иовъ Борѣцкой писалъ отъ себя въ Запороги къ гетману и къ войску, что поляки хотѣли въ Києве вѣру хрестыанскую ломать и церкви запечатоли по умышленю и по присылки киевскаго войта Федора Ходьки да мещанина киевскаго Созона. И гетманъ дѣ запорожской для того изъ Запорогъ прислалъ въ Києвъ дву полковниковъ, Екима Чигринца да Онтоня Лазоренка, а вѣлелъ

имъ въ литовскихъ окольныхъ киевскихъ городехъ собрата съ тутошними козаки и прити въ Киевъ для оберѣганья вѣры крестьянской. И тѣ дѣ полковники, собрався съ козаками; пришли въ Киевъ нынешнего 133 году после крещенья Христова; а сколько козаковъ пришло въ Киевъ, тово онѣ не ведоють, и церкви дѣ хрестыянские распечатоли, а киевского войта Федора Ходыку и мещанъ, которые съ нимъ умышляли, перѣимали. И нынѣ дѣ въ Киевѣ утесненья вѣре хрестыянской нѣту. А къ вѣсне дѣ, государь, тѣ полковники изъ Клева все хотять итти въ Запороги.

Да съ ними жѣ дѣ, государь, запорожскими посланцы, приехоли въ Путивль изъ Запорогъ два человекъ, сказались посланцы, одинъ Сербской земли Марко Федоровъ, да запорожской козака Івашка Мартыновъ. А послалъ дѣ ихъ, приеховъ изъ Запорогъ, изъ Литовской земли, съ Терехтемирова монастыря Турской земли царевичъ Александръ, султанъ Могметовъ сынъ. Родился дѣ онъ Александръ въ Турской земли, въ Могнисі, и былъ дѣ въ Немецкой земли у цысаря нѣмецкого Фердинандуса, и пришло дѣ онъ Александръ въ Запороги нынѣшняго 133 году въ Филиповъ постъ самъ трѣтей, для того чтобы ему поднять Запорожское войска Турской земли воевать и достовать съ ними Турского государства. А изъ Запорогъ дѣ пришло онъ Александръ въ Терехтѣмировъ монастырь въ тое пору, какъ нынѣ тѣ козаки послы изъ Запорогъ къ тебѣ государю къ Москвѣ. А козаки дѣ, государь, запорожские, которые по городомъ, все за нѣго Александра хотять стоять. И нынѣшней дѣ вѣсны все козаки хотять съ нимъ итти Турского земли воевать, а онъ дѣ Александръ хочеть имъ довать гроши. А нынѣ дѣ послалъ онъ изъ Терехтѣмирова монастыря (въ) Блоскую землю для грошѣй, а положилъ дѣ срокъ привѣсть къ себѣ гроша въ три мѣсяцы; а ему дѣ быть въ Терехтѣмировѣ монастырѣ, покажѣсть къ нѣму деньги привѣзуть. А ето ему деньги дасть, и много ль къ нѣму денегъ привѣзуть, тово дѣ онѣ не вѣдоють. А нынѣ дѣ онъ Александръ послалъ человекъ свсево Марка Федорова да запорожского козака Івашка Мартынова къ тебѣ государю царю і великому князю Михаилу Федоровичю, всеа Русні къ Москвѣ зъ грамотою; а о чемъ въ грамоте писано, тово дѣ онѣ Марка да Івашка нѣ ведоють, и чтобъ ихъ съ тою гра-

мотою отпустить изъ Путивля къ тебѣ государю къ Москвѣ вскорѣ
А грамоты дѣ, государь, имъ Левонтью съ товарищи нѣ показали.

Да те жѣ, государь, Александровы посланцы Марко Федоровъ
да Ивашка Мартыновъ прислали къ намъ холопомъ твоимъ два
листа, а сказали, что тѣ листы далъ имъ въ Терехтѣмировѣ мо-
настыре турецкой царевичъ онъ Александръ; а писалъ дѣ тѣ листы
въ Терехтемировѣ монастыре киевской митрополитъ Иевъ Борец-
кой къ намъ холопомъ твоимъ въ Путивль объ нѣмъ Олександрѣ,
объявляючи ево, какой онъ человекъ. А митрополитъ дѣ киевской
Иевъ Борецкой нынѣ въ Терехтемировѣ монастыре; а прехалъ
дѣ изъ Клева въ Терехтемировъ монастырь генваря въ 26 день,
для того что тутъ ево власть. И мы холопи твои, тѣ листы вы-
четчи и списавъ съ нихъ списокъ слова въ слова, послали къ
тебѣ государю і великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русіи
отпискою; а прямыя ихъ листы отдали имъ до твоего государева
указу; а посланцомъ, государь, запорожскимъ козакомъ Ивану Гирѣ
съ товарищи и имъ Александровымъ посланцомъ, Марке Федорову
да Ивашке Мартынову вѣдели побывать въ Путивле до твоего го-
сударева указу, и кормъ имъ и питье даемъ. И о техъ, государь,
посланцахъ и грамотахъ что ты государь царь і великий князь
Михайла Федоровичъ всеа Русіи намъ холопомъ твоимъ укажешь?

2.

*Письмо Иова Борецкаго къ путивльскому воеводѣ Алексию
Головину.*

Списокъ съ листа слово въ слово, каковъ прислали къ столь-
нику і воеводамъ къ Олѣксею Ивановичю Головину да къ Ивану
Ивановичю Есипову посланцы Алѣксандровы Марко Федоровъ да
запорожской козакъ Ивашка Мартыновъ.

Иовъ Борѣцкиі, смиреннѣйшій митрополитъ киявскій.

Благочѣстивому мужу господину воеводе путивльскому благодать
(и) милость отъ Христа Бога.

Понѣже благочестивыи мужъ Александръ Оттоманъ, сынъ царя

турсково Ахмѣта, султанъ Иахия, въ православной вспитанный вѣре восточныя церкви, онъ ныне при посланникахъ Войска Запорозсково своихъ мужей бе (из?) грамотами помѣнными (молеельными?) еже преподатися ему отъ благочестивого царя і великого князя Михаила Федоровича, всеа Русіи самодержца, противу нечѣстивого царя турсково благоутробныя помощи, посылаетъ, о немже въ преждѣмъ писаніи моемъ къ твоему благочестию извѣстихъ, се-го ради и азъ молю господство твое, якова яша благодать благодатию пресвѣтлого государя и царя и о градѣ строенья вашѣго Путивля въ семь... и богочеловѣцы мирницы суть и мира ищутъ съ православнымъ государствомъ о немже всемъ намъ зело пещися и радоватися.

Посылаю же твоему благочестию и повесть о солтане Иах(и)и достовѣрну, яже о реченномъ во светомъ крещеніи восточное церкви Александре Оттоманѣ, юже прочеть, возможешь увѣдети, яко, благодатью Христовою, приближается разрушеніе нечѣстивого вавилонского Турсково царства, еже ныне благоволимъ Божимъ и согласнемъ проваславия восточного исповѣдниковъ починатися хоцѣть, о немже молимъ всеильною дѣсицу Христову, яко да съкрушивъ тяжкия оковы проваславныхъ, имже отъ безбожного варварина стягнуты, ни возникнути главы могутъ, когда тогда даруетъ улучшить церкви свои и проваславному единовѣрныхъ намъ грековъ множеству желаемую предрагую свободу къ нейже ли (?) словомъ и дѣломъ при благочестивомъ цари своемъ да подастъ руку помощи единовѣрнымъ братиямъ, молимся, да и самъ въ день суда вечныя свободитъ работы и безконечную улучшить блаженныхъ свободу, молитвами всехъ святыхъ, аминь.

Писанъ въ монастыри Терехтемировскомъ генваря 24 дня 1625-го лѣта по Рожествѣ Христове.

Въ томъ же листу приписано: Молитвеникъ благочестию вашему Иевъ Борѣцкой, смиренны митрополитъ киявскіи, рукою властью. А листъ подписанъ благочѣстивому господину Ивану, воеводе путивльскому смиренна моево.... вы.

3.

Записка Александра Ахиа о его происхожденіи и приключеніяхъ.

Записка эта переведена Иовомъ Борецкимъ съ греческаго подлинника на тогдашній книжный языкъ, находившійся, такъ сказать, подъ игомъ полицизны и потому уродливый. Путивлецъ, списывавшій съ перевода копію для отправки къ царю, многого въ немъ не понялъ, многое написалъ по московскому произношенію. Отъ этого мѣстами затемненъ даже смыслъ документа. Но, такъ какъ автографъ Борецкаго до насъ не дошелъ, то приходится довольствоваться путивльскою копіею, которой неправильности сохранены мною, какъ печать времени и мѣстности.

Списокъ съ листа слово въ слово, каковъ прислали къ стольнику и воеводѣ къ Олексѣю Ивановичю Есипову посланцы Александровы Марко Федоровъ да запорожской козака Івашко Мартиновъ.

Року тысяча шестсотъ дватцать червѣртаго мѣсяца октября дватцать второго дня.

Султанъ Иахия, пытаный отъ преосвященнаго митрополита киевскаго, кто онъ есть, отвѣдалъ ему:

Звычай мають царѣве турскіе, гды сынъ ихъ первородный придетъ до зросту пятнатнати лѣтъ, посылають его до Магнисіи местечка, гдѣ есть школа турская. Султанъ Амуратъ, по чудовнои радости, што сирававалъ на обрезаню сына своего султана Мегемѣта, ведлугъ звычайу своего, послалъ сына своего первородного султана Мегемѣта до школы магниское учти арапскаго писма; дали теж ему и отъ розныхъ лѣсць девиць, то есть жонъ, ведлугъ звычайу ихъ, межи которыми невѣстами была една девица грекия, Елѣна имянемъ, христіянка таемнѣ, явне султана Лялпаре туркия, дочка нѣякого Георгія котляра, трапезончика, которой мешкалъ зъ дочкою своею въ Магнискимъ местечку; и поки княземъ удѣлнимъ преречоный султанъ Мегемѣтъ надъ Магнискою местечкомъ былъ, сплодилъ четырехъ сыновъ зъ рознихъ жонъ. Имя одному першему султанъ Селимъ; того потымъ самъ онъ забилъ;

другому султанъ Ахматъ; третьему султанъ Иахия; четвертому султанъ Мустава. Ты чотыри сыны родилися в Магнисіи; а кгда померъ султанъ Амуратъ, пришолъ сынъ его Мегметъ и одержалъ панованье царства Турецкого, а дѣти его были въ Магнисіи въ местечку. Тогда Елѣна знашла часъ погодный и поредилася зъ отцемъ своимъ, якобы уйти съ турецкихъ рукъ.

Зачимъ Георгій, отецъ ея, нашедши человекъ зъ лодбею близко Магнисіи, поеднали и змовили оного, бы ихъ провадилъ, гдѣ они хотять лодку своею, которыхъ не вѣдалъ стырникъ, кто бы они были. Теды вночи пришедши Георгій зъ дочкою своею весполъ и султанъ Иахия, дѣтина шести лѣтъ, въ убогомъ оденю, всѣли въ лодъ и, плывучи многие дни, пришли до Арморѣи до мѣста Брационъ аманенскаго, гдѣ живутъ люди свободные и не боячи(и)ся потуги турецкое ажъ до сего дне; еднакъ же и обыватели не знали невѣсты, ани детяте, кто бы были. Ажъ по многомъ часѣ довѣдавшися справы, таемне господинъ Козма, мужъ святой и зацный, митрополитъ селунскій, пришолъ до султаны Лялпоре и принялъ ее до споведи, крестилъ тежъ и султана Иахию и, назвавши его Александромъ, далъ ему учителя, некаго мужа Нила названого, инока, абы учился писма святаго и православное науки и вѣры. И то справивши, митрополитъ селунскій зъ радостью і упоминнами, которые коштовные взялъ отъ султаны, отышолъ до своей епархии.

Въ лѣто Рождества Христова 1604, то есть кгда былъ пятнатцати лѣтъ султанъ Иахия, matka его послала до цесаря Рудельоа немѣцкого зъ ознаками царскими, то есть до кеты столѣвъ (?) диаментовы коштовный барзо, такъ же и кгузы диаментовые. По едномъ теды року поеднался Рудольфъ цѣсарь и взялъ примирье съ Турекимъ, и султана Иахию послалъ до вграндука, то есть до вкнежате Орелентийского, который принялъ султана Иахию зъ великою честью, і армату и окрутами спорядивши, послалъ его до Сириі, до княжате Манъ Обля, откуда вкуне Манъ Обля зъ Ахиемъ точили войну съ Туркомъ два роки; потомъ взялъ султанъ Иахия Моно кгля и пришли до Влохъ, жадаючи помочи противко Турка.

Тогда кроль гишпанскій писалъ листъ до вграндуки Орелѣнско-го, абы послалъ султана Иахию до опѣки гишпанские, гдѣ при-

няли его гишпанове и до Неополя съ честью великою заслали, даючи ему шѣсть тысячей талировъ на рокъ на выхованье.

По некоторомъ зась року сталося была некаяк праттыка о княжати Нивернѣнской таковымъ способомъ. Епископи некаяк грѣкове, изъ заходнымъ костеломъ единомыслыные, посланы были отъ княжате Неверненского короля, который ся Костантиномъ Палеологомъ, потомкомъ цесаровъ грѣцкихъ, менилъ, идучи тилко по дѣвце зъ дому Палеологовъ южь отъ двохъ сотъ лѣтъ, абы побудили грѣковъ і албановъ до его подданства, абы воевали съ Туркомъ и абы былъ царемъ грѣцкимъ Константинъ; и пришли некаяк неприятели благочестия до Грѣци въ одеждахъ овчихъ, а внутрь волки, торуючи справу княжати Ниверненского и залечаючи вѣру его. Кгрѣкове, просты будучи, рады были барзо, бы его приняли за царя благочестивого, а не вѣдаючи, же латинникъ есть, приняли за вседши (?) предложение преладаную речъ и контентуючися хотели, абы былъ царемъ грѣцкимъ каяже Ниверненское.

Того довѣдавшися Иванъ архиепискупъ сербский і вѣдаючи роду замысь до отчене (?) неприятелей нашихъ, писалъ листъ до всехъ князей до Кучи, до Клементи, до Белопавликовъ, до Плавъ, до Герцеговинъ, да Дуказиновъ, до Химары и до Моновъ, которые все княжества нѣгды не были подъ Туркомъ и свободны до сихъ часъ зостають зо всеми горами, землями и местами своими, до всехъ тыхъ написавши, абы не принимали княжате ниверненского за царя, поневажь латинникъ есть и неприятель церкви восточное, ижь льже(и) терпѣти неволю турѣцкую, анижь, подданство отдавши, завше преслядованье терпѣти отъ латинъ. Тое слово слышавши князеве и тые свободные край, дали покой замыслови і вспомоганю княжате Ниверненского.

Рѣлъ теды до тыхъ княжатъ архиепискупъ Иванъ: Есть ли хочете битися за благочестие, жаденъ не есть способнейший на тое дѣло кромъ султана Иахия, который мигуетъ набоженство, вѣру и церемоней восточной церкви. Съ тимъ знеситесь и того учините царемъ, а пошлемо двохъ святителей призвати его зъ Неополя. Еслии жъ хочеть быти, нехай подпишетъ на тые кондиции. Першее: жадаемъ, поневажь мы хочемо и прагнѣмо пролити кровь за

милость Христову и за благочестие православное восточное церкви, просимо тебѣ, султани Іахия, абы еси былъ благочестивымъ и православнымъ, и абы еси царствовалъ надъ нами, якъ и першые были цари православные. Другое: абы еси, самъ православнымъ будучи, къ намъ не доущалъ отменять набоженство, уставовъ і вѣры сходное церкви, але абы зоставали нецорущаны. Третье: абы есмо мы не знали иного старшого навышшаго по Бозе въ церкви нашей, кромъ вселенского патриарха Костянтинопольского. Четвертое: абы еси въ насъ школы странноприемницы, гостинницы справилъ и шпитали, жебысьмы могли учить добродѣтелей и побожностей. Пятое: невольники, добыча, которыхъ дастъ Богъ взяти и поймати отъ турковъ, нехай на три части будутъ: едина церкви, другая на войско, третя на цари. Шестое: нехай привѣрнены будутъ шесть десятъ и чотыре князей до чести своей и до державъ своихъ, которые хотятъ показати свою шляхетность старожитную.

Тое всё написали Кучи, Клименти, Белопавлики, Плавы, Герцековины, Дуказины, Химары и Магны, и дали то митрополиту дукницкому, господину Висариону і Мокарю, митрополиту герцековинскому, и принесли то до Неополя до султана Іахия. Которые кондиции подписалъ и облиговалъ ихъ захвати султанъ Іахия цалы і ненарушаны самъ і потомковѣ его. И то взявши, два святители шли до отчины своее и о што жадали, одержали отъ него. І то сталося в року 1615. Нижли испанове, довѣдовшися того, не выпустили султана поити до отчины его. Папешъ тежъ римский, почувши то, призвалъ султана до Риму и рѣкъ ему, абы присягнулъ римскому костьлову, хочеть ли, абы его ротовали католицкие ерогѣве. Онъ не поднялся таковое присяги, ижъ южъ впередъ учинилъ то грѣкомъ, але ушолъ неоповѣдне зъ Риму, и пришолъ до Арморѣи, до горъ Манейскихъ, гдѣ манѣйчики зо всею радостью приняли его и царемъ оголосили.

Тое почувши неприятели вѣры нашее, же султанъ Іахия есть въ Майни, ознаймили царѣви турецкому Ахмѣтови, родному надъ нимъ братови его, всю справу, і выслолъ войска землю и моремъ на Ману, еднакъ же по долгой войне зосталъ султанъ Іахия безъ образы и, уходячи неоповѣдне, пришолъ да горъ Ал(б)анитскихъ,

гдѣ имѣлъ товарство и, жалнерство, забавилъ тамъ часть немалый въ тыхъ краинахъ, и обходячи невѣдомо по Македонии и по албонитахъ, по булгарахъ, тѣшилса зъ дружиною своею и добре присмотревалса имѣщемъ и множеству хрестянь и додавалъ имъ сердца и смѣлости, и поставивши повторѣ съ ними и зъ жолнерствомъ, отышолъ до Влохъ до княжате Флорентийского, который есть великимъ приятелемъ султану Иахия ажъ до сего дне. Тотъ же ксяже Флорѣцкое записалса султану Иахия дати на ратунокъ дватцать тысячей мушкетовъ, абы узбродлъ албанитовъ и булгаровъ, и росказалъ султану Иахия ити до своего товарства и до желнерства и порадитиса, где схочютъ и скажетъ припровадити армату и у которое пристани онъ (будетъ) найдоватъ(ся). Знову въ року 1619 зъ Флорѣнцыи султанъ Иахия отышолъ до своего товарства зъ листемъ и постановѣньемъ княжате Флорѣцкого, а гды пришолъ до Албании, ажъ, за попущенъемъ Божиимъ, не изшолъ. (?)

Тамъ же ненавистникъ добру дьяволъ взбудилъ моръ и голодъ на свете, ижъ многие отъ голоду померли. И былъ тотъ голодъ и повѣтрее полчетверта року, подъ который часъ послалъ султанъ Иахия до Флоренцыи четырехъ пановъ князей, просячи ксяженца, абы терпливимъ былъ зъ арматою, покибы было здорово на свете; нижи вѣнетове, перенявши тихъ князей, поимали и, поведавши въ море, потопили.

Перемѣшкавъ султанъ Иахия четыре целые роки съ товарствомъ и вѣрнымъ желнерствомъ, а гды заговомалса моръ, видячи султанъ царство Турѣцкое засмученое, ижъ Дамаскъ взялъ Моноглинъ, Вавилонъ Персъ и Малую Анатолию Аваза паша, и знову теперь гатаринъ крымский бѣтса и войну точить съ Туркомъ и есть великое замѣшенъе въ царстве Турецкомъ, поведалъ товарству, же потреба ему ити припровадити армату ведлугъ застоновеня отъ княжате Флорѣцкого; а скоро, повѣда, послышите имя мое, на тую сторону абы есте бѣгли и брали армату, которую да Богъ припровадити маю; а ижъ цесарь хрестиянский показалъ великую любовь противъ султана Иахия, для того пришолъ султанъ и забавилса у цѣсаря Фердинанда и жадалъ его, абы поднялъ войну противъ Турка. И тамъ же въ Немцахъ въ товариствѣ пожилъ зъ лисовщиками полягами ласкове Александеръ, которые ради-

ли ему, абы ишло и удался до Войска Запорозского; который пришло до Биева мѣсяца октября 21 дни року 1624.

И той увесь поступокъ свой султанъ Иахия, во святомъ крещении Александеръ, написавши своею властною рукою греческими письмены для памяти і вѣдомости, въ монастыри святого Архистратига Михаила церкви Золотоверхое, оставилъ по двадцать девятый день мѣсяца октября, сииде за Пороги на конехъ и пребысть тамо пятьдесятъ дней, совѣтуя со благочестивымъ воинствомъ, і вземъ обещанне помощи отъ техъ нынѣ ануария во дватцатый (день) въезде въ Черкасы і пребываетъ во смиреннѣ глубоче, чая веселного пролѣтня, ежебы со други своими отъ различныхъ странъ и совокупити православную силу къ имени Христове, егоже благодать да хранить святую православную вѣру нашу и да побораетъ по святей восточной церкви, матери нашей, въ честь и славу въ Троицы славимому Богу нашему Отцу и Сыну и Святому Духу нынѣ и присно и во веки вѣковъ, аминь.

4.

Пріемъ посланцовъ Александра Ахія.

И государь царь и великий князь Михайло Федоровичъ всеа Русіи и отецъ его великий государь святейший патриархъ Филаретъ Никитичъ московскіи і всеа Русіи Олександра Ахія посланцомъ указали быть на казенномъ дворѣ у боярина у князя Івана Борисовича Черкаского да у думново діака у Івана Грамотина.

И 133 года марта въ 21 де(нь), по государеву указу у боярина у князя Івана Борисовича Черкаского да у думново діака у Івана Грамотина на казенномъ дворѣ Александра Ахія посланцы были ввечеру. А посыланъ по нихъ приставъ ихъ Олексѣй Борзецовъ; а шли посланцы въ городъ иѣвши. А какъ царевичевы посланцы вошли въ полату, и думной діакъ Грамотинъ молилъ ихъ рѣчь:

Писали къ великому государю нашему царю і великому князю Михайлу Федоровичю. всеа Русіи самодержцу, изъ Путивля воево-

ды, что прислалъ васъ къ царьскому величеству зъ грамотою Турские земли царевичъ Александръ; и по царьского величества увазу велено васъ пропустить ко государю къ Москве; а ныне великий государь царь і великий князь Михайло Ѳеодоровичъ, всеа Русні самодержецъ, велѣлъ вамъ быти на своемъ государеве дворѣ у насъ, у боярина ближнего и намѣстника козанского у князя Івана Борисовича Черкасского, да у меня, у посольского думного діака у Івана Курбатова сына Грамотина; и которые дела наказаны съ вами отъ царевича Александра, і вы говорите.

И Олександра Ахия посланцы говорили: что прислалъ ихъ къ великому государю (титулъ) турецкой царевичъ Александръ Ахия бити челомъ, чтобъ государь пожаловалъ учинилъ ему на недруговъ ево помочь, и чтобъ ему государьскою помощью отца своего государства достигнути; а съ ними Олександръ Ахия прислалъ ко государю грамоту. Да подали грамоту.

И бояринъ князь Іванъ Грамотинъ грамоту принялъ. А писана грамота рускимъ письмомъ съ литовского обычая, и съ тоѣ грамоты списокъ, а въ немъ пишетъ:

Списокъ зъ грамоты Олександра Ахия, накову грамоту подали посланцы его боярину князю Івану Борисовичу да думному діаку Івану Грамотину.

Пресвѣтлому самодержцу московскому, благочестивому государю царю і великому князю Михаилу Ѳеодоровичу, православному всеа Російские земли владыце и обладателю, самтанъ Ахия Оттоманъ, во святемъ крещенъ Олександръ нареченный, радоватися присно.

Понеж(е), по повелѣнню и по благословенню всеильнаго Бога, приходъ въ полки Войнства Запорожского великия реки Днепра, искии отъ нихъ довольные помощи противу турецкого нечестия, ради отческаго и праведнаго моего наслѣдья царства Греческаго, и убо, Богу волящу, хочу изыти въ грядущую весну по суху и моремъ къ земли Гречестей, идѣже ожидаетъ мя множество много воинства православныхъ болгаръ, сербовъ, албанитовъ и грековъ, иже кляшася мнѣ быти ми имъ законнымъ царемъ. Отъ ниже кленшихся воинства есть тысящъ сто и тридесать тысящъ, яко ж(е) возвеститъ твоему пресвѣтлому царьскому величеству мой слуга Марко Ѳеодоровичъ Макидоненинъ, иже добръ вестъ, еже хо-

щемъ сотворити во грядущую весну и лѣто зѣ днепровымъ воинствомъ. Сего ради благодати ищю и довольныя же и отъ твоего благочестиваго господарства помощи, яко отъ православнаго и благочестиваго царя, да способствуеши, якоже изволило есть и благочестивое днепровое воинство і вси черкаские молодцы, съ милостью Христовою, пособствовати, и аще убоившись поборничъ на се благочестивое дѣло и азъ, благодатию Вышняго, сподоблюся отеческаго престола, восхощемъ и мы противу всякаго врага православныя вѣры, благодать возблагодать дающе, подобне всегда всеильные пособствовати, яко друзи і искринни единовѣрныи братия, понеже и азъ, благодаткю Христовою, благочестивъ и православенъ есмь, якоже святая восточная церковь узаконила есть, дерзновенне же, яко ко истинному благочестия ревнителю и единому вѣрному' ми о Христе брату прибегаю, вѣдый, яко нѣкогда чуждимъ и благочестия страннымъ, неметцкому, глаголю, кесарю Руделеу благочестивое російское много пособствоваше царство, о нейже помощи нынѣ мнози отъ нихъ благодарне помятствуютъ, якоже мнѣ случися отъ великаго елорентинскаго князя слышати. Сего ради, дерзновение имущи, уповаемъ всеильному Богу, яко не оставите и насъ, ниже презрите моления нашего, еже преподати намъ на дѣло се благочестия руки помощи, еяже ищемъ, с державнейши царю и благочестия пособнице! вѣруемъ бо хотящее быти утверждения ради святыхъ православныхъ вѣры нашихъ въ славу Христову, въ похвалу благочестивыхъ, въ стыдъ же и въ срамоту нечестивыхъ і въ поношене врагъ нашихъ. И аще убо милосердеуши о мнѣ и способствовати благоволиши, молю, да не удержиши рабъ моихъ сихъ, Марка Фодоровича Макидоненіна и Івана Мартыновича, добровольно да вскоре отпустить благоволишь тѣхъ, да увѣмы благоволение сердца чловѣколюбныхъ благочестивыхъ державы вашихъ; его же съ превелиемъ желаньемъ чаю и молю всеильную десницу Божию, да сотворитъ многолѣтну и благоденственну царскую державу вашу, якова явишисъ победитель и свѣтель всемъ другомъ же и врагомъ повелитель, и будещи по сихъ наслѣдникъ небеснаго царствия.

Писано внизу реки Днепра за Порогами, въ лѣто смотренья Владычня 1625, мѣсяца ануариа въ 1 де(нь).

А подпись у грамоты Александра Ахия писано по гречески: Твоего величества рабъ отъ Духа Христова Салтанъ Ахия, во святомъ крещенъе Олександръ Отманусъ, своею, рукою. А по русски: Отманусъ Турские области.

И спрашивалъ бояринъ князь Иванъ Борисовичъ Черкаской да думной діакъ Иванъ Грамотинъ Олександровыхъ посланцовъ: кто Олександръ царевичъ и котораго турского солтана сынъ, и гдѣ по си мѣста былъ, и колькихъ онъ ныне лѣтъ, и какъ хочетъ Турского государства достигать, и которые государи ему на то помогаютъ, и чѣмъ помогаютъ, людьми ли, или казною, и какіе онъ помочи отъ государя желаетъ, и гдѣ ныне Олександръ царевичъ?

И посланцы говорили: Царевичъ Олександръ Ахия, а во крещенъе Олександръ, турского Магметъ салтановъ сынъ, а Ахметъ салтану, что былъ во Царѣ городе, братъ родной. А ныне онъ въ Литовской землѣ въ Терехтемирове монастырѣ. А лѣтъ ему отъ роду есть блиско сорока. А человекъ де ученой; бывалъ во многихъ государствахъ, и хочетъ достигать отца своего турского государства. А помогать де ему хотяхъ запорожскіе черкасы, да ему жъ де обѣщали дать шпанской король на (по)мочь 60 катаргъ ратныхъ людей, да князь Флоренской 20 тысячъ мушкетовъ да пушки и пищали большіе. Да Олександрю жъ де царевичю хотяхъ помогать сербы, волохи и болгары, и албаниты, и иные землицы людьми и казною. Да ему жъ де хочетъ помогать крымской Шанъ-Гирѣй царевичъ, потому что онъ ныне съ Турскимъ въ недружбе, и чають того, что съ нимъ въ собранъе будетъ людей много, тысячь до ста, и какъ придетъ весна, и ему де съ тѣми со всѣми людьми сослався итти подъ Царь городъ; а царскому де величеству бьетъ челомъ, чтобъ государъ пожаловалъ—также помочь учинилъ людьми или казною, какъ государъ прозволить.

И бояринъ князь Иванъ Борисовичъ и думной діакъ Иванъ Грамотинъ говорили: что они грамоту Олександра царевича и рѣчи ихъ, что они говорили, донесутъ до царского величества, и что

на то государь произволить, и то имъ объявятъ инымъ временемъ. И, сказавъ посланцомъ государево жалованье, въ стола мѣсто кормъ, отпустили на подворье.

5.

Отпускъ посланцовъ Александра Ахія.

И апрѣля въ 7 де(нь) указалъ государь царевичевымъ посланцомъ быти у себя государя на прѣезде и на отпускѣ одинаво вмѣсте зъ запорожскими посланцы да сыноземцомъ сысакомъ Дубицкимъ, а имянно ихъ не объявлять, а велѣти имъ итти ко государю къ руке после запорожскихъ черкасъ безъ скаски. И того дни царевичевы посланцы у государя были вмѣсте зъ запорожскими посланцы. А посыланъ по нихъ приставъ ихъ Борисъ Маракушевъ, и шли въ городъ, а у руки у государя были после запорожскихъ посланцовъ безъ явки.

И апрѣля жъ въ 10 де(нь), по государеву указу, Олександра Ахія посланцы были на казенномъ дворѣ у боярина у князя Ивана Борисовича Черкаского да у думново діака у Ивана Грамотина на отпуске. А какъ вошли въ полату, и имъ говорилъ думной діакъ Иванъ Грамотинъ:

Приходили ести къ великому государю нашему царю і великому князю Михаилу Федоровичю, всеа Русіи самодержцу, къ его царьскому величеству отъ царевича Олександра Ахія зъ грамотою, а въ грамоте своей Олександръ царевичъ къ царьскому величеству писалъ і вы намъ говорили и письмо подали, что Олександръ царевичъ турецкого Магметъ салтановъ сынъ, а принялъ православную крестьянскую вѣру греческаго закону и былъ у цезаря римского і выныхъ государствъ, а после того былъ въ Запорогахъ, а ныне де онъ въ Терехтеширове монастырѣ, а хочеть достигать отца своего государства, а помогаютъ ему на то крестьянские государи, сербы і волохи, и албаниты, и иные крестьяны, а васъ къ царьскому величеству прислалъ битъ челомъ, чтобъ царьскому величеству для православные крестьянские вѣры Олександру ца-

ревичю вспоможенъе учинить. И мы грамоту Олександра царевича і ваши рѣчи до царьского величества доносили. І великий государь нашъ его царское величество, слыша то, что царевичъ Олександръ Ахия принялъ православную крестьянскую вѣру греческаго закона и хочеть достигать отца своего государства, тому порадовался и жаляетъ Олександру царевичю всякого добра, и чтобъ ему сподобилъ Богъ отца своего государства достигать; а помочи царьскому величеству Олександру царевичю учинить нельзя, для того что Олександръ царевичъ ныне въ Литовской землѣ, у запорожскихъ черкасъ, а запорожские черкасы послушны польскому королю, а польский король великому государю недругъ, и помочи ему черезъ чужое государство нельзя, да и грамоты ныне царское величество къ Олександру царевичю послать не произволить, для того, что Олександръ царевичъ ныне въ Литовской землѣ, и только того доведаетца литовской король, что Олександръ царевичъ ссылаетца съ его царскимъ величествомъ и проситъ царскаго величества на Турского помочи, а про польского короля сказываютъ, что будто онъ съ турскимъ Махметъ салтаномъ ныне въ миру, и король бы царевичю Олександру для Турского какой помѣшки и недобра не учинилъ. А для любви царское величество посылаетъ Олександру царевичю съ вами, отъ своей царские любви, что у него великого государя лучилось, и Олександръ бы царевичъ принялъ то въ любовь. А великий государь нашъ его царское величество і впередъ Олександру царевичю жаляетъ всякого добра, чтобъ ему милосердый Богъ помощь послалъ достигать отца своего государства. І вы царьского величества любовь и жалованье Олександру царевичю роскажите, и что съ вами послано, ответите.

А сказавъ и показавъ имъ, послали съ ними въ коробѣ, запечатавъ. А рухледью къ Олександру послали на 1.000 рублей соболей и лисицъ и бархатовъ золотыхъ.

А посланцомъ Олександровымъ государева жалованья дано: Марку камка добрая, сукно лундышь, шапка въ 5 рублей 12, рублей денегъ. Ивану: тафта, сукно аглитское, шапка въ 3 рубля; 10 рублей денегъ.

Отписка путивльскихъ воеводъ въ Москву о прибытіи Александра Ахія въ Путивль съ кіевскимъ священникомъ Филитомъ.

И 134 г. декабря въ 16 день писали ко государю царю і великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русні ись Путивля воеводы отписку такую:

Государю царю і великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русні холопи твой Олешка Головинъ да Івашка Всеповъ челомъ бьютъ.

Въ прошломъ, государь, во 133 году июля въ 8 день, въ твоей государеве цареве и великого князя Михаила Федоровича всеа Русні указной грамоте ись посольскаго приказу писано къ намъ холопомъ твоимъ: только киевской митрополитъ Иевъ Борецкой впередъ въ Путивль пришлетъ человекъ своего или купецкого человекъ къ тебѣ государю царю і великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русні и къ отцу твоему великому государю святѣйшему патриарху Филарету Никитичю московскому і всеа Русні зъ грамотами, а учнуть проситься къ вамъ государемъ, и намъ холопомъ твоимъ велено такихъ людей роспрашивать самимъ, выехавъ къ нимъ въ острогъ, а детемъ боярскимъ и никому роспрашивать ихъ не велѣти, чтобъ про такихъ людей oprичъ насъ холопей твоихъ не вѣдалъ никто; а респрося и давъ мнѣ порицъ и подводы и пристава, отпустить къ тебѣ государю къ Москвѣ тотъ часъ. Да августа, государь, въ 24 день въ твоей же государеве цареве і великого князя Михаила Федоровича всеа Русні грамоте ись посольскаго приказу писано къ намъ холопомъ твоимъ: отпущены съ Москвы отъ тебя государя киевского митрополита Иева Борецкаго посланцы Василей Петровъ Полочанинъ да Лукьянъ Балакиревъ, и будетъ онѣ впередъ пришлютъ отъ себя кого зъ грамотами въ Путивль, и намъ холопомъ твоимъ велено тѣ ихъ грамоты прислати къ тебѣ государю тотъ часъ, а тому человекъу велѣти побыть въ Путивле до твоего государева указу;

а будетъ онѣ въ Путивль приедуть сами, а скажутъ, что ѣдутъ на твое государево имя или отъ митрополита зѣ грамотами, и намъ холопомъ твоимъ велено къ тебѣ государю тотъ часъ отписать, на которые мѣста они ехали, и нѣтъ ли въ тѣхъ мѣстехъ морового повѣтрея, а имъ велѣти побыть въ Путивле до твоего государева указу.

И нынѣшняго, государь, 134 году декабря во 2 де(нь) приѣхали изъ Литовские земли на путивльскую заставу къ желѣзнымъ кольцомъ литовские люди, сказались изъ Кіева отъ митрополита Иева Борецкого, литвинъ Олександръ сказался купецкой человекъ, да изъ Кіева жъ де отъ митрополита изъ Архангельского монастыря бѣлой попъ Филиппъ, а съ ними людей ихъ пять человекъ, и по твоимъ государевымъ царя і великого князя Михаила Федоровича всеа Русіи прежнимъ указнымъ грамотамъ, тѣхъ литовскихъ людей митрополичьихъ посланцовъ мы холопи твои велѣли взять въ Путивль тотъ часъ. И тово жъ, государь, числа ввечеру мы холопи твои, выѣхавъ на посадъ, тайнымъ обычаемъ роспрашивали ихъ. И въ роспросе литвинъ Олександръ сказалъ намъ холопомъ твоимъ, что онъ турской царевичъ Олександръ султанъ Иахия, Магометовъ сынъ, что объ немъ напередъ всего въ прошломъ во 133 году въ евраде писалъ киевской митрополитъ Иевъ Борецкой, да и посланцы де ево Александровы сербинъ Марко Федоровъ да козакъ Івашко Мартыновъ были у тебя государя на Москвѣ зѣ запорожскими посланцы вмѣсте съваномъ Гирѣю съ товарыщи; а съ ними де людей ево приѣхали ныне: сербинъ Марко Федоровъ да Івашко Селяковъ, да Івашко Герасимовъ, да съ ними же де изъ Кіева изъ Архангельского монастыря отъ митрополита Иева Борецкого бѣлой попъ Филиппъ, а людей съ попомъ два человекъ литовскихъ, Захарка Ивановъ да Фетка Лазоревъ; а сказалъ онъ Олександръ намъ холопомъ твоимъ:

Въ прошломъ де во 133 году, какъ писали къ тебѣ государю напередъ сего объ немъ Олександре и о посланцехъ ево, а онъ де Александръ въ тѣ поры былъ въ Литовской земли въ Терехтемирове монастырѣ, а изъ Терехтемирова былъ въ Черкасехъ, и въ томъ же, государь, къ прошломъ во 133 году весною козаки запорожские взяли ево Олександра изъ Черкасъ въ Запороги, а

хотѣли де съ нимъ козаки запорозскіе собрався итти въ Греческую землю, для того что писали де къ нему Олександрю изъ Грекъ и Сербской земли, и изъ Болгарь, и изъ Вхимаровы, и изъ Климентины, изъ Белопавликовъ, изъ Гарьцековины, изъ Маневцы, Дуказаны тѣхъ городовъ княжества, чтобъ Олександръ зъ запорозскими козаки пришолъ къ нимъ въ Сербскую землю, и болгары и онѣ де тѣхъ земель греки всѣ пойдутъ на турского царя, чтобъ имъ посадить ево Олександра на государство во Царѣ городе и учинить бы въ Царѣ городе вѣра греческая. Да ему жъ де Олександрю хотѣлъ помогать казною и людьми король шпанской. И собралось де, государь, было козаковъ запорозскихъ съ нимъ Олександромъ въ Запорогахъ тысячъ съ тритцать; хотѣли де съ нимъ итти въ Греки, въ Сербскую землю. И какъ де въ Запорогахъ козакомъ учинилась вѣсть, что гетманъ Конецъ Польской съ поляки идетъ на нихъ на козаковъ хъ Киеву, и у нихъ де у казаковъ учинилось рознь, и изъ Запорогъ де козаки разошлись по литовскимъ городамъ, учели збиратца противъ гетмана Конецпольского. И нынешнего де, государь, 134 году, сентября въ 1 день, онъ Олександръ съ своими людьми самъ пять изъ Запорогъ поѣхалъ въ Литовскую землю, и приѣхалъ въ Киевъ сентября въ 17 день. И какъ де послышечъ гетмана Конецпольского приходъ на литовские города, и митрополить де Иевъ Борецкой ево Олександра учелъ держати укрываючи отъ поляковъ въ Киеве въ Орхангельскомъ монастырѣ тайна, и положилъ на него чорная платья. А гетманъ де Конецпольскій присылалъ въ Киевъ и выные литовские города ево Олександра сыскивать накрепко, чтобъ ево взять и отвезть хъ королю польскому. И нынешняго жъ де 134 году ноября въ 27 день митрополить киевской Иевъ Борецкой послалъ ево Олександра тайнымъ обычаемъ къ тебѣ государю царю і великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русіи, а велѣлъ де ему, едучи до Путивля, сказыватца купецкимъ человекомъ. А съ нимъ де Олександромъ митрополить послалъ изъ Архангельского монастыря бѣлого попа Филипа, и съ нимъ де съ попомъ съ Филипомъ послалъ митрополить Иевъ грамоты къ тебѣ государю (титулъ) и къ отцу троему (титулъ). А тотъ де попь Филипъ прещъ сего отъ митрополита посланъ былъ съ нимъ Олександромъ въ Запороги объявлять ево

козакомъ. А вестей де отъ Олександро никакихъ не вѣдаеть, потому что жилъ въ Киевѣ тайно. А смыслилъ де онъ Олександро съ митрополитомъ съ Невомъ Борецкимъ, чтобъ ему ехати бити челомъ тебѣ государю (титулъ) и отцу твоему (титулъ), чтобъ вы государи пожаловали велѣли ему отъ поляковъ въ нынешняя ихъ мѣжуусобья пробыть въ Московскомъ государствѣ. И впередъ какъ вы государи ему укажете.

А попь Филиппъ въ распросѣ намъ холопомъ твоимъ сказалъ: Послалъ де ево попа Филипа изъ Киева митрополитъ Невъ Борецкой съ нимъ Олександромъ Ахиемъ къ тебѣ государю (титулъ) и къ отцу твоему (титулъ), а въ прошломъ де во 133 году, октября въ 22 де(нь) посланъ онъ попь Филиппъ изъ Киева отъ митрополита съ нимъ Олександромъ въ Запороги объявлять ево Олександра козакомъ. И въ томъ же во 133 году, о Рожествѣ Христовѣ, онъ попь Филиппъ изъ Запорогъ приехалъ въ Киевъ, и былъ по ся мѣста въ Киевѣ въ Архангельскомъ монастырѣ.

7.

Разсказъ священника Филиппа о томъ, какъ усмирилъ козаковъ коронный гетманъ Конецпольскій.

Въ этомъ документѣ священникъ Филиппъ говоритъ, что цѣль прихода Конецпольскаго съ войскомъ для уменьшенія числа козаковъ состояла въ томъ, чтобы, заключивъ козачество въ 6.000 воиновъ, ввести римскую вѣру въ Киевъ и во всѣхъ литовскихъ городахъ; потомъ: что козаки, выключенные покорными Конецпольскому собратіями изъ козацкаго реестра, хотятъ посылать къ царю съ челобитьемъ о присылкѣ ратныхъ людей къ нимъ на помощь, чтобъ не дать Конецпольскому и полякамъ ввести въ Киевъ и во всѣхъ литовскихъ городахъ римскую вѣру.

Если подь римскою вѣрою разумѣть и церковную унию, то Конецпольскій не взялъ бы на себя такого порученія, а король не могъ бы ему дать онаго.

Конецпольскій былъ первенствующій колонизаторъ украинскихъ пустынь. Успѣхъ новыхъ слободъ и осадъ на татаротурецкомъ

пограничѣ зависѣлъ не отъ пана, дѣдича или королевскаго старосты, а отъ личнаго усмотрѣнія поселенцевъ, приходившихъ на зовъ осадчихъ. Осадчіе, то есть агенты колонизаторовъ, начинали свои „завысы на слободу“ съ объявленія, что поселившіеся въ такомъ то панскомъ или королевскомъ имѣніи будутъ пользоваться неограниченною свободою столько лѣтъ. Отсюда вольность украинская, которою, по словамъ бискупа Верещинскаго, гордились мѣстные мужики. Отсюда движеніе народа изъ Бѣлоруссіи въ Украину, о которомъ пишетъ Гербуртъ Щенскій въ своей запискѣ. Отсюда безлюдье старчѣ имѣній во внутреннихъ провинціяхъ и постоянно возрастающее многочисленіе новыхъ осадъ и слободъ, на которое жаловались польскіе экономисты и землевладѣльцы.

Введеніемъ церковной уніи въ козацкой украинѣ Конецпольскій остановилъ бы то дѣло, которымъ только и было возможно достигнуть обладанія этимъ плодороднымъ краемъ. Всѣ коронныя гетманы, цѣлый рядъ ихъ, были—и должны были быть изъ собственныхъ выгодъ—покровителями православнаго вѣроисповѣданія въ Украинѣ, которая у нихъ, какъ охранителей границъ, находилась въ полномъ распоряженіи. Если бы они вздумали вести не социальную, а религіозную войну съ козаками, то не получили бы на нее отъ земскихъ разновѣрныхъ пословъ денежной ассигновки, а отъ пановъ диссидентовъ и дизунитовъ—военныхъ континентовъ, безъ которыхъ коронное войско было бы слишкомъ слабо для подавленія козачества. Этимъ то и у короля, и у пановъ католиковъ связывались руки для служенія папѣ въ пограничной странѣ, въ которую всѣ пострадавшіе изъ за уніи во внутреннихъ провинціяхъ бѣжали для козацкаго промысла и для избѣжанія отвѣтственности за ссору съ мѣстными властями. (Ср. письмо князя Збаражскаго, напечатанное выше, стр. 102.)

Священникъ Филиппъ, человекъ, по отзыву Іова Борецкаго, вовсе неученый, да еще къ тому собиратель церковной милостыни въ козацкихъ жилищахъ, естественно повторялъ слова козаковъ, которые съ короннымъ гетманомъ спорили только за войсковыя вольности, нестерпимыя для государства, а у царя просили помощи на поляковъ, яко на гонителей православія. Православіе въ

бѣлорусскихъ городахъ и въ Кіевѣ гнали его ренегаты мѣщане и попы, а вовсе не землевладѣльцы, во главѣ которыхъ стоялъ обыкновенно богатѣйшій изъ нихъ, коронный гетманъ. Этотъ классъ былъ заинтересованъ селами, или же собственными городами. Города королевскіе даже не подлежали его власти. Они составляли неприкосновенную собственность короля, до которой панамъ не было дѣла, такъ точно какъ и ему самому—до панской собственности. Въ Польшѣ господствовала политика не только невмѣшательства, но и разобщенія интересовъ. Даже козаковъ умирляли паны не въ угоду королю, а въ интересахъ землевладѣнія; почему и видимъ въ панскихъ ополченіяхъ противъ украинской вольницы исключительно владѣльцевъ имѣній русскихъ. Заставить же Конецпольскихъ, Вишневецкихъ, Болобановъ, Острожскихъ, Замойскихъ подвергать себя опасностямъ и издержкамъ походовъ на пограничье король не имѣлъ ни власти, ни силы. Король самъ находился въ рукахъ у великихъ пановъ и для распространенія униі прибѣгалъ къ искусственному большинству ренегатовъ. Король игралъ роль не угнетателя, а покровителя религіозной свободы, давая санкцію „добровольному“ переходу мѣщанъ и монастырей въ унию, и отступники, если гладѣть на нихъ *de jure*, прибѣгали только подъ покровительство правоправящей власти. Взглянемъ теперь на противный лагерь.

Мы постоянно видимъ козаковъ, обращающихся къ королю съ жалобами на пановъ землевладѣльцевъ. Но никогда Запорожское Войско не было въ конфедераціи съ панами противъ короля. Того мало; паны подозрѣвали королей своихъ въ умышленномъ привлеченіи въ себѣ Запорожскаго Войска. Съ другой стороны козаки досадовали еще при Зборовскомъ на неблагодарность пановъ, и даже въ бунтѣ Хмельницкаго говорили: „король—якъ король, но вы, королята, багато брѣдите“. Самое сказаніе о томъ, будтобы Владиславъ IV сказалъ козакамъ: „маете при боку саблю; кто вамъ за себя постоять возбраняеть“? произошло отъ распространенной въ панскомъ обществѣ подозрительности, что король готовъ воспользоваться своею популярностію въ Запорожскомъ Войскѣ для увеличенія своей власти. Изъ дневника Альбрехта Радви҃га известно, что Владиславъ тайно принималъ у себя козац-

нихъ посланцовъ, когда готовился къ турецкой войнѣ въ 1646 году. Это мѣсто опущено переводчикомъ дневника съ латинскаго автографа, но приведено въ книгѣ Шайнохи „Dwa Lata Dziejów paszysch“. Подозрительность панской партіи имѣла, очевидно, свои основанія. Во всякомъ случаѣ партія королевская никоимъ образомъ не могла дѣйствовать противъ козаковъ такъ, какъ это представляли московскому правительству. Козаки имѣли дѣло, говоря конкретно, не съ королею, а съ панами; паны же имѣли въ виду вовсе не религиозные интересы. Смѣшеніе этихъ данныхъ производитъ путаницу въ нашихъ понятіяхъ о польско-русской старинѣ, и до такой степени вредитъ уразумѣнію дѣйствительности былого, что чѣмъ больше мы изучаемъ фэбулу исторіи, тѣмъ меньше знаемъ исторію.

Уменьшеніе козаковъ было конечно неприятно для тѣхъ, которые состояли подъ эгидою Запорожскаго Войска, но оно ни коимъ образомъ не могло, въ умѣ Конецпольскаго, соединиться съ видами клерикальной королевской партіи, видами чуждыми ему и по его имущественнымъ интересамъ, и по его извѣстной умѣренности въ дѣлахъ вѣры. Ложь, распускаемая козаками въ народѣ о вѣрѣ, ложь обычная у нихъ до конца Хмельницыны, обличается, между прочимъ, и тѣмъ, что Запорожское Войско, сражаясь противъ короннаго гетмана съ отвагой, по истинѣ удивительною, не сдѣлало ни одной попытки къ освобожденію отъ уни хотя одной мѣщанской муниципіи, и всѣ свои походы направляло или въ Турцію, или въ Волощину, или въ Московское царство „для добычи“. Пускай бы козаки сдѣлали хоть такую безумную и безуспѣшную попытку къ низпроверженію уни, какъ витебцы въ 1623 году. Нѣтъ, они только говорили о вѣрѣ. Они говорили о претерпѣваемыхъ за вѣру гоненіяхъ, добиваясь отъ паповъ, своими угрозами, уступокъ соціальныхъ, совершенно такъ, какъ это дѣлали и ихъ антагонисты—православные землевладѣльцы, поднимавшіе нескончаемые споры на сеймахъ въ пользу греческой религіи, но отнюдь не въ защиту возстановленной митрополіи, которую они постоянно игнорировали.

За вѣру терпѣли гоненія не козаки, а мѣщане, и притомъ мѣщане тѣхъ городовъ, которые находились внѣ области козачества. Если

бы козацкое войско двинулось, на примѣръ, къ Могилеву, Витебску или Львову, Луцку, Житомиру, то произвело бы своимъ походомъ только ужасъ въ мѣщанахъ. Если казаки, въ качествѣ „непослушныхъ мѣщанъ“, держались единицами въ Кіевѣ, а сотнями и тысячами въ Каневѣ, Корсунѣ, Черкасахъ, Крыловѣ, Чигиринѣ, Переяславѣ, Нѣжинѣ, Прилукѣ, Лубнахъ, то не иначе, какъ силою своего террора. Пьяная козацкая голота—казаки нетяги—постоянно находилась въ борьбѣ не только съ мѣщанами, но и съ самими монастырями, какъ владѣльцами имѣній. Мѣщане стремились къ торговлѣ и земледѣлю, казаки—къ бесплатному пользованію землею и добычнымъ походамъ. Заодно дѣйствовала съ ними только своевольная мѣщанская молодежь да мѣщанская пропившаяся голъ. Козачество было не опоромъ, а язвою православныхъ муниципій, почему и просили мѣщане царя Алексѣя Михайловича не позволять жить въ ихъ городахъ ни жидамъ, ни казакамъ („Ист. Росс.“ Сол. X., изд. 2-е, стр. 321).

А вѣстей онъ поппъ Филиппъ сказалъ: Нынешняго де 134 году, передъ Покровомъ Святыя Богородицы, гетманъ Конецъ Польской приходилъ въ литовскіе города подъ Бѣлу Церковь, а въ зборе де съ нимъ было поляковъ тысячъ съ тритцать, да немецъ цысарскихъ три тысячъ, для того чтобъ козаковъ уменьшить, а уменьша козаковъ и вѣра римская въ Києве и во всѣхъ литовскихъ городехъ учинить. И стоялъ де гетманъ въ литовскихъ городѣхъ въ Каневѣ и въ Черкасахъ, и въ тѣхъ де, государь, въ литовскихъ городѣхъ козаковъ поляки многихъ побили и мѣста ихъ козацкіе разорили. И зъ Черкасъ де гетманъ Конецпольской, пришедъ ниже Крылова десять верстъ, сталъ обозомъ со всеми людьми; а казаки де, государь, запороские, пришедъ изъ Запорогъ и собрався зъ городовъ тысячъ зъ дватцать съ полковники съ козацкими зъ Дорошенкомъ да сызмангомъ да съ Оливеромъ да съ Пырскимъ, что былъ у нихъ гетманомъ въ Запорогахъ, пришедъ стали обозомъ по ту же сторону Днепра.

И въ нынѣшнемъ же де, государь, во 134 году, о Дмитриеве дни Селунского, у гетмана Конецпольского съ козаки бой былъ всеми людьми, и на томъ де, государь, бою поляки козаковъ многихъ побили и осадили въ обозе; и козаки де запорозские зъ гетманомъ польскимъ помирились, а договорились де зъ гетманомъ, что козакомъ быть впередъ всево шти сысячамъ, а больши шти тысячъ козакомъ не быть, и на море и подъ турецкого города не ходить, быть въ королевскомъ послушаньи, и гетману у нихъ быть, кого имъ король дастъ. А ныне де гетманъ Конецпольской велѣлъ быть у козаковъ гетманомъ Дорошенку.

А мирясь де гетманъ Конецпольской пошолъ въ Баръ, въ староштво свое, а которое де съ нимъ было панства, и тѣ де пошли по своимъ именьямъ. А въ литовскихъ де городѣхъ гетманъ Конецпольской въ свое мѣсто оставилъ полковника Козановского, а съ ними оставилъ грошовыхъ наемныхъ людей пятнадцать тысячъ; а стоять де ныне тѣ люди въ литовскихъ городѣхъ въ Василькове, въ Треполи, во Ржищеве, въ Стайкахъ, въ Хвастове; а въ Києве де, государь, ныне три роты желнеръ да три роты пехоты. А велѣлъ де гетманъ Конецпольской Козановскому и тѣмъ всемъ людямъ по городомъ быти до тѣхъ мѣсть, покажѣста козаки розберутца въ шесть тысячъ; а толька де козаки на учнуть разбиратца по договору въ шесть тысячъ, и гетманъ де Конецпольской опять пойдетъ на козаковъ хъ Києву со всіми людьми вскоре.

А козацкой де гетманъ Дорошенко съ польскими комисары ездитъ по козацкимъ городомъ, разбираетъ козаковъ. И ныне де гетманъ Дорошенко пришолъ въ Нѣжинъ для разбору козацкого, а изъ Нѣжина де быть ему въ Прилукахъ и въ Лубнахъ козаковъ же разбирать; а по городомъ де, государь, козаки ево Дорошенка слушаютъ, потому что лутчие люди козаки пристали къ нему Дорошенку. А которыхъ де, государь, людей отъ козачества отставиваютъ, и тѣ козаки всё мыслятъ посылать бить челомъ тебѣ государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русіи, чтобы ты государь пожаловалъ ихъ велѣлъ имъ помочъ учинить своими государевыми людьми на поляковъ. И онѣ де козаки стануть служить тебѣ государю и города литовские стануть очи-

щать въ твое государево имя, чтобъ имъ православной крестьянской вѣры не отбыть. А то де, государь, у гетмана Конецпольского и у поляковъ допрема смышлено, уменьша ихъ козаковъ, и къ Киеву и во всехъ литовскихъ городѣхъ вѣра римская учинить.

А гетманъ де козацкой Дорошенко, перебравъ козаки въ шесть тысячъ и съ тѣми де козаки итти ему къ гетману польскому, а собрався де гетманъ Конецпольской хочеть итти на Шведы нынешней весны. А король де швецкой въ прошломъ во 133 году воевалъ литовскую землю по Вильну; а съ нимъ де было немецкихъ людей въ Литовской земли дватцать тысячъ, и взялъ де литовскихъ четырнатцать городовъ, а которые города литовские немецкой король поималъ, того де онъ попь Филипъ не вѣдаетъ.

И въ томъ же де, государь, во 133 году въ Оспожныи говѣина литовской прежней гетманъ Радивиля, а съ нимъ литовскихъ людей десять тысячъ, ходили на швецкихъ немецъ, и немецкие де, государь, люди Радивиля побили. И стоялъ де немецкой король подь Вильною, а къ Вильне не приступалъ, потому что въ Вильне на люди моровое повѣтрея, и для де того поветрея король швецкой со всѣми людьми, отшодъ отъ Вильны, ныне сталъ подь Полоцкомъ. А король де литовской посылалъ къ нему къ швецкому королю, чтобъ съ нимъ помирлся на четыре годы; и король де немецкой съ литовскимъ королемъ на четыре годы миритца не хочеть, а чтобъ ему перемирья взять съ нимъ съ литовскимъ королемъ на годъ, а только де перемирье на годъ не возмуть, и король де немецкой хочеть итти нынешней весны опять въ литовскую землю со всѣми людьми.

А король де польской ныне за Варшавою дватцать верстъ, а изъ Варшавы поѣхалъ отъ морового повѣтрея въ Цысарскую землю, а въ польскихъ де, государь, городехъ въ Варшаве, въ Люблинѣ, въ Замои, во Львовѣ, въ Каземеревы, Гезиѣ, въ Минску, въ Кореуни, въ Терехтемировѣ въ прошломъ во 133 году въ тѣхъ польскихъ и литовскихъ городѣхъ многие люди померли поветреемъ, и по ся места де въ тѣхъ городехъ моровое повѣтрея не унялось.

А онъ де попь Филипъ съ людьми своими въ техъ повѣтре-

нихъ городѣхъ нигдѣ не былъ; а исъ Киева де ѡхали на Прилуки, и въ техъ де мѣстехъ морового повѣтрея неть. А больши того онъ попь Филиппъ вестей никакихъ намъ холопомъ твоимъ не сказали.

Да Олександръ же Ахия да попь Филиппъ подали намъ холопомъ твоимъ шесть грамотъ запечатаны. Грамота подписана къ тебѣ государю (титулъ), да грамота подписана къ отцу твоему (титулъ), да грамота подписана къ матери твоей (титулъ), да три грамоты посольныхъ запечатаны жъ: грамота подписана володимерскому епископу Иосифу Бурцевичю, да грамота подписана остррицкому игумену Петронию, да грамота жъ подписана твоему государеву думному дьяку Ивану Грамотину. А послалъ де съ ними тѣ грамоты къ вамъ государемъ и посольные грамоты киевской митрополитъ Невъ Борецкой. Да онъ же попь Филиппъ сказалъ намъ холопомъ твоимъ, что послалъ съ нимъ митрополитъ Невъ Борецкой книгу Чесасловъ печатной къ отцу твоему (титулъ). Да онъ же попь Филиппъ подалъ листъ: пишетъ къ намъ холопомъ твоимъ митрополитъ Киевской объ немъ же Олександре Ахия и что онъ митрополитъ путивльца Василья Новикова въ Киевѣ для Олександра задержалъ. И после, государь, Олександрова приезду на другой день путивлецъ Василей Новиковъ исъ Киева къ Путивль приехалъ, которой былъ прежь сево отъ насъ холопей твоихъ посланъ въ Киевъ для вестей зъ Григорьевъ Глаткимъ. А сказалъ намъ холопомъ твоимъ онъ Василей: Говорилъ де ему киевской митрополитъ Невъ Борецкой, что онъ посылаетъ къ тебѣ государю Александра Ахия да съ нимъ попа Филиппа тайно, вупецкимъ дѣломъ. И онъ де Василей ехалъ за нимъ Олександромъ да за попомъ Филиппомъ. А вѣсти сказалъ намъ холопомъ твоимъ Василей Новиковъ тѣ же, что сказывалъ попь Филиппъ. И мы холопы твои грамоты митрополита киевского, что подписаны три грамоты къ вамъ государемъ и три грамоты посольные за ихъ печатми, и листъ, что къ намъ холопомъ твоимъ митрополитъ писалъ, вземъ у Олександра и у попа Филиппа, послали къ тебѣ государю (титулъ) и къ отцу твоему (титулъ) съ черниговцомъ сыномъ бояриномъ сыномъ Стобуровымъ, а сево Олександра и попа Филиппа мы холопы твои, безъ твоего государева указу, от-

пустить изъ Путивля къ тебѣ государю къ Москвѣ не смѣли, и велѣли ему Олександру и попу Филипу съ книгою и людямъ ихъ побыти въ Путивле до твоего государева указа, и кормъ и питье имъ и на лошадиной кормъ даемъ изъ путивльскихъ доходовъ. И о томъ что ты государь (титულъ) намъ холопомъ твоимъ указеши?

Да онъ же поппъ Филипъ сказалъ намъ холопомъ твоимъ: прислалъ де съ нимъ митрополитъ киевской къ намъ холопомъ твоимъ крестъ кедровой резной да книжку Часловъ ко мне холопу твоему Олешке, а крестъ ко мнѣ холопу твоему Івашку. И мы холопи твои тотъ крестъ и книжку велѣли ему попу Филипу держати у себя до твоего государева указа.

8.

Мнѣніе царской думы о томъ, какъ поступить съ Александромъ Ахією.

И декабря въ 16 день государь царь и великий князь всеа Русіи сеѣ путивльские отписки слушалъ и указалъ чести бояромъ, пригоже ль Олександра Ахією принять.... да что о томъ бояре поговорятъ, и о томъ велѣлъ государь доложить себя государя.

И по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русіи указу, бояре путивльские отписки слушали и говорили: что то дѣло новое и, не помысли о томъ, приговорити нельзя, что напередъ сего таково дѣла въ Московскомъ государствѣ не бывало. И поговорили: только царевича Олександра въ Московское государство принять и быть ему въ Московскомъ государствѣ, а свѣдаетъ про то турецкой салтанъ, и ему бѣ о томъ на государя нелюбья не было, потому что турецкіе салтаны съ великими государи московскими прѣжь сего и ныне въ дружбе и въ ссылке издавна. А крымской царь турецкому салтану послушенъ, и только Турской учнетъ за то на государя досадовать, и крымскому отъ него отстать будетъ не умѣть, и опасатца того, чтобъ Турской и Крымской за то на государевы украины войны не вчали; да и того опасатца: польской король и поляки государю и всему Мо-

сковскому государству недруги, а онъ Олександръ Ахия былъ въ Литвѣ у казаковъ, и казаковъ поляки побили, а Олександръ приѣхалъ въ Путивль, а того не вѣдомо, какимъ умысломъ убежалъ онъ отъ нихъ, или будетъ и нарочно отъ поляковъ присланъ для ссоры, чтобъ тѣмъ государя съ Турскимъ ссорить; и опасатца того, что польской король пошлетъ къ Турскому гонца, объявляючи, что былъ у запорожскихъ черкасъ турчанинъ, а называетца царевичъ Магметъ салтановымъ сыномъ, и онъ, не хотя съ Турскимъ быть въ нелюбье, посылалъ на него и на казаковъ рать свою, чтобъ ево поимати, и козаковъ побилъ и на море ходити имъ не велить, а Олександръ ушелъ въ Московское государство и нынѣ у государя просить помочи, а государь за него хочеть ему на Турского помогать, и за то бѣ Турской и Крымской не сложились и Московскому государству какова дурна не учинили.

А только Олександра Ахия въ Московское государство принять и его бѣ держать въ береженье и послати бѣ о томъ Турскому гонца нарочно, съ тѣмъ что былъ въ Польской и въ Литовской землѣ ихъ государства человекъ, а называетъ себя турского Ахметъ салтановымъ сыномъ Олександръ Ахия, а сказываетъ, что онъ изъ Турского государства изогнанъ неволею, и просилъ у польского короля у пановъ радъ помочи, и запорожскихъ черкасъ съ собою подымалъ, чтобъ ему достигнуть Турского государства и быть во Царѣ городе государемъ; и польской король и паны рада хотѣли ему въ томъ помочь учинить, и казаки запорожские хотѣли съ нимъ итти подъ Царь городъ, и межъ ими учинилася рознь, и тотъ человекъ приѣхалъ къ государю битъ челомъ, чтобъ государь велѣлъ ему на Турского помочь учинить; и государь, паметугя прежнихъ государей московскихъ съ турскими салтаны дружбу и любовь и хотя съ Муратъ салтаномъ быть въ дружбе и въ любви, тому вору не повѣрилъ, а хочеть ево отдать Муратъ салтану, а Муратъ бы салтанъ зѣ государемъ, за то учинился (въ) вѣчномъ миру и въ дакончанье, и крымскому бѣ царю и калгѣ и всѣмъ крымскимъ людемъ указъ учинилъ крепко, чтобъ они зѣ государемъ были въ дружбе, и войною на московское государство не ходитъ, и тѣмъ бы съ турскимъ и съ крымскимъ въ люб(в)и утвердитца. А не отдать его Турскому будетъ нельзя, потому что за

то отъ Турского и отъ Крымского чаять на государя болшова не-любья, и опасатца того, чтобъ отъ того войны не было. А только взять для того, что(бъ) Турскому дать, и то также опасно, и чтобъ тѣмъ Бога не прогневить, что человѣка христьянина на смерть отдать. А праведные судьбы Божье никому не довѣдомы. Авось будетъ прямой салтанъ Магметовъ сынъ и крещенъ въ православную крестьянскую вѣру прямо; и былъ во многихъ государствахъ, и нигдѣ ему зла не учинили, а сказывается, что многие ему крестьянские государи хотять помогать; а въ Московское государство ко государю приѣхалъ милости просить о помочи жь, и только его отдать, и въ томъ бы Бога не прогневить и грековъ и тѣхъ всѣхъ, которые на него надежу имѣють, не оскорбить и отъ Турского въ конечное розоренье не привести, и чтобъ о томъ отъ пограничныхъ государей укоризны не было, что человѣка христьянина отдать въ поганские руки. А только его въ Московское государство не принять, а выслать опять за рубежь, а онъ будетъ не похочеть ѣхать назадъ, бояся того, только онъ достанетца польскому королю, а король его отошлетъ къ турскому салтану и тѣмъ съ Турскимъ учинить миръ, а зъ государемъ сеорку. И то также не вѣдомо, на что положить, чтобъ Бога не розгневить. А судьби Божьи недовѣдомы: авось будетъ Богъ хотеть имъ избавить грекъ отъ турские неволи.

И говоря о томъ бояре много, отложили, что еще о томъ подумать (?) гораздо, какъ тому быть пригоже.

9.

Перемѣщеніе Александра Ахіи изъ Путивля во Мценскъ, по царскому указу, и донесеніе о томъ царю дворянина Лодыгина и дьяка Нечаева.

Царская дума постановила перевести Александра Ахію во Мценскъ и окружить стрѣлцею сторожею, чтобъ онъ не могъ оттуда бѣжать. Путивль былъ „украиннымъ мѣстомъ“, близкии къ литовскому рубежу, и о пребываніи Ахіи въ Московскомъ царствѣ мог-

ли бы свѣдать поляки, а отъ поляковъ—турки. То же самое могло случиться и въ случаѣ бѣгства Ахіа за литовскій рубежь. Ни съ Польшею, ни съ Турціею не желала нарушать мира Москва, еще недавно (1618 г.) терпѣвшая разореніе отъ войска королевича Владислава и помогавшихъ ему козаковъ Сагайдачнаго. Получивъ царскій указъ о перемѣщеніи опаснаго гостя во внутренній городъ, царскій приставъ Данило Пузиковъ и его люди „перемѣщали въ Путивль два дня, для того что Александръ на себя и на людей платье теплое дѣлалъ“. Отъ Путивля до Сѣвска Пузиковъ нашелъ необходимымъ взять у путивльскихъ воеводъ 20 человекъ провожатыхъ, „для того что отъ Путивля до Брянска и до Сѣвска дорога лежитъ у литовсково рубежа“, такъ чтобы ему „было съ иноземцы дорогою проѣхать здорово“; а отъ Сѣвска до Мценска ѣхалъ онъ только съ своими 10-ю стрѣльцами. „А питья изъ Путивля до Мценска взято у воеводъ съ кабака 4 ведра вина и 15 ведеръ меду; и медъ путивльскій (доносилъ приставъ царю) до Мценска весь испелъ, а вина путивльскаго во Мценскѣ будетъ день на 5 или на 6“. Подводъ подъ Александромъ и его людьми, „по его запросу“, было 10, „да кормовыхъ подъ питьемъ и подъ хлѣбнымъ и подъ мяснымъ запасомъ было 2 подводы“.

Вмѣстѣ съ Александромъ Ахіею препровожденъ во Мценскъ и священникъ Филиппъ, а изъ Москвы наряжены туда дворянинъ Дмитрій Лодыгинъ да дьякъ Григорій Нечаевъ для изслѣдованія „подлинно, что за люди такіе Александръ Ахіа да попъ Филипъ, и нашей ли христіанской вѣры, и образомъ поклоняются ли?“ Этимъ сановникамъ было наказано, чтобы они обходились съ Александромъ ласково, и чтобы у него ни въ чемъ недостатка не было. Не смотря на этотъ наказъ, нравы и обычаи у московскихъ людей были тогда еще таковы, что Ахіа помѣщенъ во Мценскѣ въ одной избѣ съ попомъ Филиппомъ, да тутъ же помѣщались и люди обоихъ путешественниковъ. Изъ донесеній царскихъ слѣдователей въ Москву мы видимъ, что во Мценскѣ и не могло быть болѣе удобной квартиры для искателя турецкаго престола.

Впрочемъ пограничные воеводы иногда съ умысломъ увеличивали неудобства временнаго пребыванія чужихъ людей въ ихъ городъ: этимъ они заставляли странниковъ давать себѣ взятки. Въ

подтверженіе сказаній Котошихина и для характеристики того, что могъ видѣть кругомъ себя Ахія въ Путивлѣ и во Мценскѣ, приведу здѣсь просьбу монаха кіевскаго Никольскаго монастыря Ѳомы Киличовскаго, поданную имъ царю, по прибытіи въ Москву, на путивльскихъ воеводъ Богдана Нагого да Петра Бугакова, Головина и Есипова, въ маѣ 1629 года. Киличовскаго и старца Печерскаго монастыря Виктора держали въ Путивлѣ очень долго, такъ какъ изъ Москвы не приходилъ указъ: отпустить ли ихъ къ Москвѣ, или отправить обратно въ Кіевъ. Сами воеводы доносили царю, что эти старцы „путивльское житіе ставятъ себѣ въ скуку“. Съ своей стороны монахи жаловались, что пріѣхали въ Путивль 19 сентября, и что ихъ держать тамъ уже шесть мѣсяцевъ, давая корму по три деньги на день. „Ино намъ (писали они) того не стаеть, и естесмо гладомъ и жаждою содержимы, ко симъ же и вся кою нуждою, по граду скитаючися, еже не есть мощно исповѣдати“.

Но чего нельзя было исповѣдати въ просьбѣ изъ Путивля, то обнаружено Ѳомою Киличовскимъ въ Москвѣ. Здѣсь онъ подалъ просьбу слѣдующаго содержанія:

† Премилостивый цару и государу и великий князь Михаилъ Федоровичъ, всея Росія самодержецъ, и милостивый великий государь святѣйшій патрархъ Филаретъ Никитичъ Московскій и вся Росія!

Бьетъ челомъ нищій вашъ царскій государскій богомолецъ чорный попъ Ѳомище Киличовскій. Слышавши я, бѣдный нищій государовъ царскій богомолецъ, ваше царское велие щедролубивное и неизреченное ко всякому страннопришельцу милосердне жалованье, оставивши вся, ни на чтожь не розглядая и все ни во чтожь вменихъ, токмо уповающе на ваше царское милосердие, въ року прошломъ седмой тысящи 133 привлещумися на ваше царское имя сентебра осмогонадесять дня, пришедши въ вашу царскую вѣрскую, великую, непобѣдимую державу, тамо въ Путивлю держали мя воеводы путивльские отъ сентебра 18 дня даже до мая 18 дня безъ всякой вины, вывѣдавщися о мнѣ, же я тыжь не послѣднимъ челоуѣкомъ бывалъ въ земли Молдавской, по здешнему Волоской, и жемъ служилъ Перемеи, господару благочестивому и христолю-

бывому, сподѣялися великихъ скорбовъ у мене, затворили мя у
 одного человѣка новопобудованого, ижь не имѣяше жадныхъ
 хлѣбинъ, токмо одну избу, и въ той избѣ затворено со мною
 свиней и поросятъ, и телятъ, и курей, на остатокъ и собакъ, ко-
 торыхъ неволью ми было ихъ выганяти вонъ. Въ такомъ смра-
 ду и крику и воплю свиномъ и гусиномъ и курячомъ черезъ всю
 зиму мучень быхъ; челобитные посылахъ частокротне, просячи о
 указъ, да мя пошлетъ ко пресвѣтлому царскому господарскому
 вашему величеству, альболи свободити мя змежи тыхъ сви(ней), да
 мя велитъ перевести на иную подворье, а воевода съ того насмѣ-
 вался съ подьячими. Довольно намучившись мне одного дня не-
 дѣльного прислалъ до мене въ ночи и, вызвавши мя на дворъ че-
 резъ того посланца своего, просилъ у мене коберций и каменья
 драгата и чирвонныхъ золотыхъ. Ямъ отповѣдалъ посланцу, жебы
 воевода писанье ко мнѣ прислалъ. Онъ прислалъ до мене мовячи,
 же я того не могу учинити, абымъ посламъ писанье, але нака-
 залъ до мене, абымъ конечно его подаркомъ обыслагъ. Я, зъ ве-
 ликой нужи и страху, послалъ Богдану Михайловичу Нагому двад-
 цать талеровъ конныхъ, и то ледво отъ мене принявши, обѣца-
 ся писать о мнѣ ко вашему царскому величеству. Подьячни
 тижъ, довѣдавшись о томъ, начаша приходити ко мнѣ, два ихъ,
 единъ именовъ Дмитръ, а другой именовъ Гаврилъ, и взяша у
 мене Дмитръ десять талеровъ конныхъ и едину Псалтыру друку
 печерского, а Гаврилъ узялъ также десять талерокъ и Требникъ
 друку виленского, довольно пограбивши мя, прислалъ воевода Бог-
 данъ Михайловичъ Нагой, просячи, абы о томъ другой воевода
 Петръ Никитичъ не вѣдалъ ани иный никто. Подьячни тижъ собѣ
 пресли, абыхъ о томъ никому не повѣдалъ. И тако отпустиша
 мя къ вашему царскому государскому пресвѣтлому величеству во
 многославный и вездѣ именитый градъ Москву июня 3 дня, и да-
 но ми вашего царского жалованья корму полтынуна день, а иного къ
 къ тому ничего не даютъ, и азъ бѣдный нищий вашъ царский и
 государственой богомолецъ въ вашемъ царскомъ государскомъ жало-
 ванью велми оскорбленъ въ великую нужи и (ску)дости. И тамо
 въ Путивлю коли есми посылагъ стрѣльцовъ, стрегущихъ мя, ку-
 повать себѣ стравы на мѣсто, то они што ми за деньгу купили,

а я имъ мусѣлъ бѣдный за то полтыну дати. Въ томъ вязенью невѣнномъ будучи, мусѣлъ еси стравити своихъ денегъ рублей десять, и zde на Москвѣ подѣ вашими царскими государскими жалованьемъ зде стражду истаемъ голодомъ и жаждою; милости ни отъ кого не могу получитьи, токмо уповаю на премилостивую вашу царскую государскую милость. Господару волоскому Иеремии велими благочестивому служихъ и въ монастырѣ его игуменомъ быхъ; три лѣтасемидесять братиямъ предводителемъ быхъ и пастыремъ. Господару мултянскому Радному Шербану духовникомъ быхъ и господа его, еяже провожаючи до цесаря нѣмецкого, герцега Матейша, во Ярославлю отъ княгини ярославския велики бѣды прияхъ и небезпештва, хотячи княгиня ярославская вовести оную православную господарину во церковь униятскую, азъ же вооружихся и не дадохъ ей входа въ храмъ отступный. Отъ тамо возвратихся съ цесарскихъ краевъ, пасохъ множество велие православныхъ християнъ во градѣ Пинску, и тамо бѣды приимъ многи отъ епископа пинского, отступльшаго отъ православ(ныхъ) вѣры; голодомъ и жаждою и темничнымъ затворениемъ ради православ(ные) вѣры отъ незбожшыхъ отступниковъ довольно мучень и томленъ быхъ. Голодомъ и жаждою тако и во вашей царской государственой державѣ, идеже надѣяхся милость получитьи отъ пресвѣтлаго вашего величества, и еще и zde слухи мя заходятъ, же мя мають подѣ начало дѣти, еже и азъ многимъ православнымъ начало подаяхъ. Милости и милосердия азъ придохъ ко пресвѣтлымъ стопамъ вашимъ государскимъ просити, а не томления. Милостивый царь и государь и великий князь Михаилъ Федоровичъ, всея Росия самодержецъ, и милостивый великий государь святѣйшій патриархъ Филаретъ Никитичъ московскій и всея Росия, умилосердѣтесь и змигуйтеся пожалуйста.

Прахъ и подножье царского пресвѣтлаго вашего величества ниций богомолецъ Фтомище Кличовскій молится и милости просить и пок(о)я отъ трудовъ.

Къ чести царскаго правительства надобно сказать, что, по этой челобитной, посланъ въ Путивль Филонъ Григорьевичъ Башмаковъ, „для разслѣдованія о взяткахъ за отписку къ царю и за то,

чтобы съ худого подворья перевести его на иной дворъ — — і тѣхъ обыскныхъ людей рѣчи, за игуменскими и за поповскими и за обыскныхъ людей руками (повелено) привести къ Москвѣ съ собою вмѣстѣ и отдать въ посольскомъ приказѣ дьякомъ думному Ивану Грамотинуду Максиму Матюшкину“.

Результатъ розыска остался намъ однакожъ не извѣстенъ.

Приставъ Данило Пузиковъ, доставивъ Александра Ахію съ его спутниками во Мценскъ, далъ отчетъ царскимъ слѣдователямъ Лодыгину и Нечаеву, которые представили этотъ отчетъ царю на бумагѣ въ слѣдующемъ видѣ.

— Какъ онъ (приставъ) приѣхалъ въ Путивль, пришелъ къ Александру Ахия и вашъ государевъ (царя и его отца, патриарха) указъ ему показалъ. И Александръ де тому обрадовался, и на вашемъ государеве жалованье челомъ билъ, и поѣхалъ съ Путивля радостно, и въ дорогѣ ѣхалъ охотно, и человекъ смышленъ; а въ вѣрѣ де узнать его нельзя; а какъ де, государи, приходилъ онъ къ Александру въ Путивле, и у него де въ избѣ въ тѣ поры былъ образъ Пречистые Богородицы, писанъ черниломъ на бумашке и прилепленъ къ стѣнѣ воскомъ. А въ дороге де по станомъ и тово образа у него не видать. Какъ де Александръ учнетъ садитца ѣсть и попь де говорить Отче нашъ передъ образомъ или передъ крестомъ, что гдѣ у крестьянъ вызбѣ есть, и Александръ де, государи, перекрестясь не урядъ, но намахавъ рукою, вуды лицомъ стоять туды и поклонитца, иногда и хребтомъ къ образу стоять и въ шапке, и онъ такъ и поклонитца, къ образу и не оборотясь. А розговоръ де, государи, у него съ Александромъ не было. Только де, государи, на последнемъ стану говорилъ ему Александръ: только де вы, государи, укажете съ нимъ кому говорить, и попу Филипу въ тѣ поры тутъ не быть: попь де не таковской человекъ. А много де попь не вѣдаетъ і бытіу ему тутъ и вѣдать нельзя.

А Александра, государи, Ахия мы холопы ваши тово дни къ себѣ не призывали и не спрашивали, потому что приѣхалъ Данило Пузиковъ съ нимъ Александромъ после обѣда, и быть было ему у насъ нѣколи. А генваря, государи, въ 10 и въ 11 и во

12 день Александръ у насъ холопей вашихъ былъ, и по вашему государеву указу говорилъ, и роспрашивали ево подлинно по наказу и примѣриваясь къ письму киевского митрополита Иева Борецкого и разговаривая съ нимъ широко и пространне і выпрашивая о всемъ, о всемъ подлинно. Да и попа. государя, Филипа къ себѣ призывали и на одинѣ и спрашивали.

Да Александръ Ахія сказалъ намъ у себя две грамоты отъ князя Флорентскова къ нему Александру написаны по испански обе за печатью князя Флорентскова, да проѣзжая грамота запорожскихъ козаковъ гетмана, за войскового печатью. Да Александръ, государя, показалъ намъ печать, а сказалъ: какъ де ево сербскихъ и болгарскихъ мѣсть и горъ свободные люди нарекли царемъ, и тое печать ему дали всемъ государствомъ такову жъ, какова государственная печать была у прежнихъ греческихъ царей. — —

10.

Разсказъ Александра Ахія о своихъ похожденияхъ въ Турции, западной Европѣ и Малороссіи, записанный съ его словъ царскими слѣдователями.

Лодыгинъ и Нечаевъ призвали къ себѣ Ахію во 2-мъ часу ночи, то есть 7 часовъ вечера (дневные часы считались тогда съ 6 часовъ утра по нынѣшнему, а ночные съ 6 часовъ вечера) и спросили отъ имени царя о здоровьѣ. Потомъ завели разговоръ „примѣриваясь“ къ составленной имъ и присланной Борецкимъ въ Москву запискѣ. Ахія разсказалъ имъ слѣдующую повѣсть. проходя молчаніемъ, какъ и въ самой запискѣ, относящееся къ своему пребыванію къ Парижѣ о связяхъ съ княземъ Неверскимъ. (См. въ Ж. М. Н. Пр. 1872 окт. статью В. В. Мавушева.

Обычай имѣютъ турецкіе цари посылаютъ дѣтей своихъ первородныхъ въ Магнісью мѣстечко учить арапсково письма, и по тому жъ ихъ обычаю Амуратъ салтанъ турецкой посланъ сына своего первороднево салтана Магамета для науки въ Магнісью. И

туть будучи въ Макгисѣи, салтанъ Магаметь отъ розныхъ жонъ имѣлъ четыре сына, въ нихъ же одинъ онъ Ахия; а матери ево имя было Елена, дочь нѣкоего Георга грека трапезоненина, котельника, и имѣла крестьянство втайне, и отецъ ево того не вѣдалъ. И былъ въ тѣ поры отецъ ево надъ Макгисѣю удѣльнымъ княземъ. А по турски мать ево звали салтана Ляльпоре. А первому брату ево имя было салтанъ Салимъ. Другово брата ево звали салтанъ Ахметъ. Тотъ былъ на государствѣ двѣнадцатъ лѣтъ. Третьей сынъ онъ салтанъ Мустова. И какъ умеръ салтанъ Амуратъ, дѣдъ ево, и на ево мѣсто учинился государемъ во Царѣ городе отецъ ево салтанъ Магаметь по отчеству, потому что онъ всемъ своимъ братьямъ большой; а въ которомъ году, тово онъ не упоминтъ, а по ево гаданью, чаю, ныне тому тридцать семь лѣтъ. И былъ на государствѣ дванатцать лѣтъ.

А какъ отецъ ево во Царе городе салтаномъ учинился, а онъ и братья ево въ тѣ поры были въ Макгисѣи, а былъ онъ съ матерью съ Еленою, и мать ево, здумавъ съ отцомъ своимъ Георгіемъ и опасаяся тово, какъ отецъ ево Магаметь свѣдаетъ, что она крестьянские вѣры, велить еѣ и съ Иахнею... убить. И наняли человекъ нѣкоего съ лодью, и сѣли въ лодю, какъ убогіе люди греки, и приехали до Арморѣи, до горъ Манейскихъ; а братья остались туть всѣ три съ матерями своими. А какъ де братья ево пришли во Царь городъ, и большово ево брата султана Селима отецъ ихъ убилъ, а за што убилъ, того не вѣдаетъ, и слышелъ отъ людей, что была въ Турскожъ государствѣ во Анатоли война, междуособье у турковъ великое, и бои бывали многіе, и отецъ де ихъ салтанъ Магаметь былъ тяжелой человекъ и отъ воинсково чину отбылъ потому что отяготѣлъ. И тотъ де братъ ево салтанъ Салимъ говорилъ отцу, что онъ человекъ тяжелой, на войну итти не можетъ, а въ Анатоли война великая и кровь лѣтца многая, и неприятели ево множатца, и онъ бы далъ ему ратныхъ людей и отпустилъ противъ неприятелей своихъ. А былъ де братъ ево салтанъ Салимъ въ поры молодъ, лѣтъ въ шестнатцать или въ семнатцать, только былъ дороденъ, храбръ, уменъ. И то де слышавъ паши, которые въ тѣ поры туть были, и говорили отцу ево салтану Магамету, по ненависти на брата ево или опасаясь отъ него,

чтобъ ево не отпускалъ и воинскихъ людей ему не давалъ, для того, что онъ остроуменъ і воинской человекъ, и какъ онъ тамъ съ ратными людьми будетъ, и онъ къ тому и больши тово къ себѣ людей збереть и ево отца своего убьеть и ихъ всѣхъ побьеть, а самъ учинитца во Царѣ городе салтаномъ. І по ихъ де рѣчи отецъ ево, будучи сердитъ, варварскимъ нравомъ убилъ тово сына своего салтана Садима самъ своими руками.

А после тово только три мѣсеца спустя, отецъ ихъ и самъ умеръ своею смертью, а на ево мѣсто учинился салтаномъ сынъ ево другой, братъ ево Ахи и большой же Салтанъ Ахметъ; а какъ учинился царемъ, тому нынѣ 22 года; а былъ на государстве двенатцать лѣтъ и умеръ своею смертью. А после ево на государстве учинили меншово брата ево салтана Мустоу, и былъ на гостдарстве только четыре мѣсяца, и ево турские наши отставили и учинили салтаномъ Асмана Ахметева сына, а ево племянника. И былъ Асманъ на государстве годы съ три. Онъ Александръ въ тѣ поры во Царѣ городе самъ не былъ, а былъ у цѣсаря хрестиянсково, и у короля шпансково, и у князя елорентсково; а то сказываетъ, вѣдая отъ грекъ и отъ иныхъ людей. И тово де племянника ево, салтана Асмана янычяна убили и учинили салтаномъ опять Мустоу. И былъ Мустоу на государстве два года, и опять ево отставили, для тово что смирной и набожной человекъ, а о государстве не радить, а учинили на ево мѣсто салтаномъ брата его Ахметева, сына салтана Ахмета, тому ныне три годы; а ныне томъ племянникъ ево салтанъ Амуратъ только двунатцати лѣтъ.

Какъ де мать ево приѣхала въ Арморѣю и жила тутъ два года, и приѣхалъ тутъ до Аморѣи митрополитъ селунской Козма, святой человекъ, и мать ево Елену исповѣдалъ, и какъ ему сказала мать ево, что она крестьянка, и Козма митрополитъ ево Иахию окрестилъ въ православную хрестиянскую вѣру і назвалъ ево Александромъ. И мать ево отдала ево Кузмѣ митрополиту для наученья, и Козма митрополитъ приставилъ къ нему учителя инока Нила, потому что онъ умелъ по гречески и по сирски и по арабски. И былъ онъ въ ученье семь лѣтъ. А мать ево Елена постриглася въ тѣ жь поры, какъ ево Козма митрополитъ крестилъ,

и монастырь устроила; а онъ съ нею после того только дважды виделся.

Какъ онъ грамоте и по гречески говорить научился, и Козма митрополитъ салунской привезъ ево къ матери ево. И мать ево дала ему знаки царские дорогие, что царские дѣти носятъ на головахъ: киты золототканны съ алмазы зъ дорогими і пугвицы золоты съ алмазы жъ, і иные узорочья, и денегъ. И Козма митрополитъ съ тѣмъ со всеѣмъ послалъ ево къ цѣсарю Рудольбу въ смирномъ платьѣ, какъ носятъ церковники, і волосы учиня у него, такъ же, что у клирика.

І Александръ допрашиванъ: почему митрополитъ Козма то увѣдалъ, что мать ево крестьянка, и для чево къ цѣсарю Рудольбу послалъ и объявилъ и то, что онъ турецково салтана сынъ, и сколько онъ былъ у цѣсаря, и какую почесть чинилъ, и гдѣ инде былъ?

І Александръ сказалъ: Какъ Козма митрополитъ приѣхалъ въ Арморю по прошенію матери ево Алены и отца еѣ Георгия и для ученья людей православныхъ, і въ тѣ поры матери ево отецъ Георгій митрополиту Кузми исповѣдался и про свою дочь Анру, а ево мать, Елену, митрополиту сказалъ, что она турецково салтана жена, а вѣрою крестьянка, а сынъ у нее турчанинъ, онъ салтанъ Иахия. И Козма митрополитъ мать ево исповѣдалъ, и крестилъ ево Ахию (по) прошенію матери ево Елены и отца еѣ Георгия, потому что отецъ еѣ Георгій мужъ святъ былъ и не хотѣлъ того видѣть, чтобъ онъ Иахия не крестьянинъ былъ. И какъ ево выучили грамоте, і взявъ у матери ево знаки царские, и послалъ его къ цѣсарю Рудольбу и грамоту къ нему писалъ, чтобъ ево у себя сохранилъ и помочь бы ему на Турсково учинилъ, чтобъ ему отца своего государьства (до)стунить. Да и мать ево Елена грамоту ему къ цѣсарю дала, что онъ турецково Магаметь салтановъ сынъ, и для того она ему и знаки царские дорогие дала, чтобъ цѣсарю было то вѣрно.

И цѣсарь де Рудольбъ принялъ ево честно; і былъ онъ у цѣсаря годъ, и помогать ему (цесарю) хотѣлъ. І въ тѣ жъ поры цѣсарь Рудольбъ съ Турскимъ салтаномъ Ахметемъ, съ его Александровымъ братомъ, учинилъ мирное постановленье, и говорилъ

ему Александру, что онъ ево у себя держати опасаетца, потому что съ турскимъ салтаномъ зъ братомъ ево помирился (и салтанъ) учалъ у него просить, чтобъ онъ по мирному договору ево Александра имъ выдать. І вельгъ ему цѣсарь Рудольфъ ѣхать къ грандуки князю елорентинскому, потому что грандука всегда съ Турскими войну ведеть, и онъ ему учнетъ помогать. А были въ тѣ поры у цѣсари отъ князя елоренского послы Июлианъ а Медичъ, и цѣсарь имъ говорилъ: есть у него такой человекъ, которой съхъ кня(зе)мъ можетъ на Турка воевати; и отдалъ ево посломъ князя елоренского, и вельгъ ево беречь, а на обиходъ ево въ дорогу вельгъ ему дати 2.000 ефимковъ, и грамоту ему цѣсарь ко князю елоренскому далъ.

И какъ онъ приѣхалъ ко князю елоренскому Фердинанду, и князь елоренской принялъ ево честно. И побылъ онъ у князя елоренского у Фердинанда только три мѣсяца, и тотъ князь умеръ, а учинился на княженіи сынъ ево князь Козма, тому лѣтъ со 18. И послалъ князь Козма ево Александра на войну на Турсково въ Сирию ко князю Манъ Оглю, которой государемъ надъ Тиромъ и Сидономъ і надъ иными городами блиско Іерусалима. Земля ево только дватцать пять миль отъ Врусалима; а люди подъ нимъ именуютца христiane; а вѣра у нихъ несторыевые ереси, да не обрѣзаютца по турски; а самъ к(се)нже Манъ Огль ни турчанинъ, ни арапъ; вѣроу кабы еникуры. А въ тѣ поры онъ съ турки воевался. А какъ они отъ князя елоренского шли до Манъ Огль, и была у нихъ война съ турки 19 мѣсяць. А было съ Манъ Оглемъ войска 21.000, а съ нимъ отъ князя елоренского восемь тысячъ. И турской салтанъ выходилъ на нихъ самъ, а съ нимъ ратныхъ людей двѣсти тысячъ, и Манъ Оглевыхъ и ево людей побил на голову, а сами они Ахия и Манъ Огль ушли въ кораблехъ. А турской Амуратъ салтанъ, побивъ ихъ, пошолъ на Базылбашсково, тому ныне семнатцать лѣтъ. А какъ онъ Александръ и князь Манъ Огль съ побойки ушли въ корабляхъ, і сошлись съ турскими людьми на море, которые шли въ катаргахъ съ побойки, і съ ними бился, и многоихъ турчанъ побил, тысячь семнатцать; а шли они въ тѣ поры на 14 корабляхъ великихъ; на всякомъ кораблѣ было по штидесятъ по четыре пушки.

А после того пришли Манъ Огя и онъ Иахия во Влохи і просили противъ Турсково помочи у папы римсково і у короля шпансково и у иныхъ. И говорилъ Манъ Огя папе римскому, чтобъ онъ далъ на Турсково въ помочь ратныхъ людей дватцать тысячъ человекъ, и онъ ему достанеть и отдасть Иерусалимъ подъ ево подданство. И папа де ему въ томъ отказалъ и помочи не учинилъ.... Манъ Огя о томъ говорилъ и помочи у нихъ просилъ, а Ерусалимъ хотѣлъ имъ отдать. И они ему отказали жъ и помочи не учинили. Да папа жъ Манъ Оглю говорилъ, что онъ не крестьянинъ; и только онъ креститца, і онъ ему и помогать будетъ. И Манъ Огя креститца не захотѣлъ. А какъ ісперва приѣхали къ папе, и папа въ тѣ поры съ Манъ Оглемъ і видетца не хотѣлъ, потому что онъ вѣроу епикуръ. И приходилъ къ папе онъ Ахия и о томъ ему отъ Манъ Огя говорилъ: потому что ево Александра папа узналъ, что онъ крестьянинъ. И по ево Александрову прошенью, папа римской Павлусъ Бвинтосъ, то есть Пятый Павелъ, писалъ отъ себя грамоты къ шпанскому и ко еранцовскому королямъ и къ инымъ княжатамъ итанянскимъ, чтобъ они Манъ Оглю помогали и на Турсково съ нимъ шли. А хотѣлъ де папа взять себѣ за то Иерусалимъ и Тиръ, и Сидонъ, і иные мѣста, которые блиско моря. И шпанской де и еранцовской короли и иные князи ево не послушали и помочи Манъ Оглю не учинили.

И Манъ Огя де и онъ Александръ пришли ко князю елоренскому и были у него годы три или четыре. А пока мѣста Манъ Огя... былъ во Влохехъ, і въ тѣ поры государствомъ его въ Сирии владѣлъ сынъ ево. А бывъ Манъ Огя у князя елорентсково, ево Александра тутъ оставя, самъ отшолъ опять до своего княжства въ Сирию і учинился государемъ по прежнему, и съ Турскимъ помирился, и учалъ ему дань давать.

І после Манъ Огя былъ онъ Александръ у князя елоренсково семь лѣтъ; і въ тѣ поры, въ лѣто отъ Рождества Христова 1614, были нѣкоторые люди іспанове во Царѣ городе и рассказали про него салтана Ахию турскимъ людямъ, что онъ во Влохехъ у князя елорентсково. И увѣдавъ то нѣкоторые паши турецкие, а имена ихъ вспомнить ныне не можеть, и писали къ нему Александру листы, что онъ турсково салтана сынъ, и пригоже было ему

быть на отца его государстве, а онъ ныне живеть въ чужей земли, и онъ бы, упрося у немецкихъ королей і у князей, у которыхъ нибудь на помощь людей и наряду, и пришло бы въ Турскую землю на границу, и они къ нему выйдутъ также съ турецкими воинскими людьми и ево примутъ честно и учинятъ ево турецкимъ салтаномъ, а брата ево, которой въ тѣ поры былъ на турецкомъ государстве, салтана Ахмета, окормить отравою. А писали къ нему Иасоеъ паша да Албинъ серимъ, кабы патрнархъ турецкой; а тово они не вѣдали, что онъ Александръ въ православную хрестыанскую вѣру крещонъ. И послали къ нему тѣ листы съ тѣми жъ шпанскими людьми, которые во Царѣ городе для торгу были.

И тѣ шпанские люди тѣ грамоты вычили, потому что турки грамотъ не печатають, а вычетчи отдали ихъ шпанскому королю. И шпанской де король, не хотя тово, чтобъ ево Александра на государство ево отпустить, и писалъ ко князю елоренскому, чтобъ ево Александра прислалъ къ нему вышпанню для береженья. И князь де елорентской ево Александра къ шпанскому королю не послалъ. И видя то король шпанской, что ево князь елорентской къ нему не послалъ, и написалъ к нему Александру грамоты отъ турецкихъ пашей таковы жъ, каковы прежние были, і прислалъ къ нему тайно, и хотѣлъ ево оттоле отъ князя елорентсково взять къ себѣ тайнымъ обычаемъ, чтобъ тотъ князь не вѣдалъ, и отъ себя къ нему писалъ, какъ онъ у нево вышпанѣ будетъ, и онъ учнетъ ему помогать.

И какъ къ нему тѣ листы отъ короля шпансково принесли, и онъ было Александръ хотѣлъ отъ князя елорентского къ шпанскому королю уйти тайно; и иѣкоторые люди увѣдавъ, и сказали князю. И князь говорилъ ему, что онъ ему помогалъ людьми и нарядомъ, и инымъ временемъ помогать ему радъ, сколько ево мочи будетъ, потому что ево Александра отецъ ево князь Фердинандъ зналъ, і онъ князь Козма знаетъ и вѣдаетъ, хто онъ и отъ ково родился, и гдѣ мать ево, и посланцовъ къ матери ево про нево обестить посылывалъ; и Александръ бы жилъ у нево и ждалъ времени; а коли будетъ время, и онъ ему помогати учнетъ. А шпанской де король тебя не знаетъ, и хто ты и оттоле, тово не

вѣдаетъ. И онъ де Александръ князю елоренскому говорилъ, чтобъ ево отпустилъ хъ королю шпанскому, а король ему помогать хочеть, чтобъ ему государства своего достунить. И князь де говорилъ ему, чтобъ онъ еще у нево побылъ, а онъ хъ королю шпанскому объ немъ отпишетъ: будетъ ево приметь съ честью и держать у себя (станеть), такъ ж(е) какъ отецъ ево князь Фердинандъ и онъ держали, и онъ ево отпустить. И послалъ князь елоренской о томъ хъ королю шпанскому посла своего.

И король де шпанской ко князю елоренскому писалъ, что ево Александра приметь съ великою честью. И князь де елоренской ево Александра къ шпанскому королю отпустилъ. I принялъ ево шпанской король, честь ему воздалъ великую и суды серебряные, и лошади дорогие, и платье ему подавалъ свое, и такую ему честь учинилъ, что ни въ которомъ государстве такъ ему не учинили. И будучи онъ у короля шпанского, просилъ у нево помочи, чтобъ ему далъ людей и нарядъ, и отпустилъ бы ево противъ Турсково, или хотя ево отпустилъ съ невеликими людьми до горъ Манейскихъ, гдѣ ево хотять турские паши взять и учинить государемъ. И король де шпанской помочи ему не учинилъ, а отказывалъ ему, что ему помочи на Турсково учинить нельзя, потому что у нево сынами королями и землями война, а Турской ныне съ нимъ не воюеть, да и всчинать съ нимъ войны не надобно; и онъ бы ждалъ времени, а какъ будетъ время, и онъ ему помогать учнетъ. И послалъ ево для береженья въ Неополь городъ; и тамъ ево приняли съ великою честью, и давали ему на обиходъ ево по пяти сотъ еекмковъ на мѣсяцъ.

И будучи онъ въ Неополе, посылаъ грамоты шпанского короля ко владѣтелямъ, которые всю землю шпанскую строятъ i всякие дела вѣдаютъ, двенатцати человекъ, и просилъ у нихъ тово, чтобъ ему помочь на Турсково учинили (и) ево изъ Неополя отпустили. И иные де правители хотѣли ево отпустить, а иные — держать; и былъ межъ нихъ споръ; и протянулося тово после ево къ нимъ письма мѣсяцъ съ семь; а потомъ прислали къ нему въ Неополь съ тѣмъ: будетъ хочеть онъ тутъ у шпанского короля быть и ждать времени, и король ему учнетъ помогати, какъ время будетъ; а не хочеть ждать, а хочеть куды поѣхать и промышлять инде, и они ему тово не забороняютъ.

А покаѣста онъ былъ в Неаполе, і в тѣ поры учинился былъ промыслъ і заводъ отъ нѣкоево князя Ниверненсково, которово княжество смежно еранцузскому королю, тѣмъ обычаемъ: Епископы нѣкоторые, греки, римскому костелу повинные и вѣры папешские, говорили тому князю Ниверненскому, чтобъ онъ войну всчалъ съ Турскимъ і, собрався бы съ воинскими людьми, поидъ до горъ Манейскихъ і Албанскихъ и до иныхъ свободныхъ мѣсть, въ которыхъ живутъ люди вѣры христіянские, и сказалъ бы имъ, что онъ греческіе вѣры, и они ево примуть и учинять царемъ. И потому ихъ совѣту, князь Ниверненской послалъ дву епископовъ до тѣхъ свободныхъ земель, до горъ Манейскихъ, до Албаницкихъ и до Клементи, и до Белопавлики, и до Химары, и до Герцековинъ, и до Дуказины, и до Мановъ, и до иныхъ земель, которые отъ турсково владѣнья ещо свободны, и объявляли имъ, что онъ хочеть къ нимъ притти со многими людьми обороняти ихъ отъ Турсково, и они бѣ ево учинили царемъ, чтобъ имъ жити въ своей крестьянской вѣре, а онъ и самъ ихъ греческое вѣры. И тѣхъ мѣсть и горъ греки, люди простые, и поверя тому, что онъ хочеть быть православнымъ, хотѣли ево принять и учинить царемъ, а тово не вѣдаючи, что онъ латинникъ и непріятель греческой вѣре.

И доѣдавсе тово Іванъ, архіепископъ сербскій, мужъ честнѣйшій і великій господинъ, а инде ево зовуть и патриархомъ, что подъ ево властью 34 митрополитовъ и архіепископовъ, и писалъ отъ себя до тѣхъ до всѣхъ земель до Белопавликовъ и до Клементи, и до Герцековины, и до Дуказины, и до Химары, и до Албанитовъ, и до Манъ и до иныхъ, которые ныне въ ево митрополии, а прежь сево были подъ митрополию Кархидонскую, чтобъ тово князя Ниверненсково не принимали за царя благочестивого, потому что онъ латинникъ и непріятель церкви восточныя, и лучше имъ терпѣти неволю и насильство отъ турковъ, нежели, принявъ себѣ царя латинника, видети поруганье и смуту вѣры своеѣ и церкви Христовы восточныя. И по ево совѣту, тѣхъ земель князи и люди отъ совѣту и подданства князя Ниверненсково отстали и ему отказали.

И тотъ же Іоанъ, архіепископъ сербскій, наговаривалъ тѣхъ

же горь и мѣсть свободныхъ князей і всякихъ людей: будетъ они хотять тово, чтобъ у нихъ быть царю вѣры христіянскіе и стоять хотять противъ Турсково і битися за вѣру Христову, и къ тому всево пристойнѣе и годнѣе султанъ Іахія, во святомъ крещеніи нареченной Александръ, которой ныне въ Неополі, потому что онъ турсково салтана сынъ і вѣру православную соблюдаетъ въ цѣлости, і всякіе ихъ правы і обычаи знаетъ, и человекъ многонаучной и къ тому годной; и будетъ они хотять, и они бѣ ево учинили царемъ благочестивымъ и послали бѣ къ нему дву святителей въ Неополь, чтобъ съ нимъ укрепилися и отгоде ево призвали.

И въ тѣ жь поры, какъ онъ посылалъ изъ Неополя къ шпанскому королю, чтобъ ему помочь учинилъ или отпустилъ, пришли къ нему въ Неополь ісѣ тѣхъ земель Висарионъ, митрополитъ дукницкій, да Макарій, митрополитъ герцеговинскій, а съ ними отъ тѣхъ горь четыре капитаны; именъ ихъ не вспомнить; и говорили ему тѣхъ горь и мѣсть ото всѣхъ людей, что они хотять за вѣру Христову съ турки битися и кровь свою пролить, и будетъ онъ хочеть быти у нихъ царемъ православнымъ, такъ же какъ и прежние греческіе и сербскіе и болгарскіе православные государи, и они ево примуть и учинять ево царемъ, а онъ бы съ ними въ томъ укрепилися, что ему быть въ православной христіянской вѣре, и подписалъ бы имъ на тѣхъ ихъ письмахъ, что они (сѣ) собою для утверженья отъ тѣхъ ото всѣхъ земель принести.

Первое: на томъ, что ему быть царемъ благочестивымъ и вѣра крестьянская держать въ цѣле, какъ и прежние цари православные, а къ латинству и къ инымъ ни хъ которымъ вѣрамъ не приступати и ихъ въ томъ утвержати і воли не давати, чтобъ они христіянскіе вѣры ничѣмъ не нарушали.

Другое то: которые честные ратные сербскіе и болгарскіе и албанитцкіе живутъ въ тѣхъ горахъ и земляхъ и обороняють крестьянъ отъ турковъ, а старые ихъ мѣста і имѣнья поимали турки, и которые хотять имѣти свою природу и честь старожитную і по вѣре Христове побарати, и тѣхъ бы учинить въ старой ихъ чести, и прежние земли і мѣста ихъ, что дастъ Богъ отъ турскіихъ людей очистять, давати имъ въ одержание по прежнему.

Третье то: чтобъ онъ, будучи у нихъ царемъ, учинилъ у нихъ училища и странношницы и богадѣльни изъ своеѣ казны, такъ же какъ и при прежнихъ греческихъ православныхъ царехъ было, чтобъ всякие люди учились добродѣтелемъ и страху Божию.

Четвертое то: какъ онъ будетъ у нихъ царемъ православнымъ, и которые турки живутъ въ городехъ и въ земляхъ межъ греки, и какъ они будутъ покорены и поиманы, и ему туркомъ пожитка никакова не давать, чтобъ они у себя не имѣли лошади, ни ружья и никакова богатства, и были бѣ церквамъ и монастыремъ пашенные люди, а третие грекомъ покорны въ работу.

И онъ де Александръ съ тѣми митрополиты утвердился на томъ на всемъ, чево они у него просили, и на томъ, имъ присягалъ, что ему быти у нихъ царемъ православнымъ также какъ и прежние цари христіанские были, и подписалъ имъ тѣ все статьи своею рукою, и отдалъ то писмо митрополитомъ, и сказалъ имъ, какъ ево буетъ время, и онъ придетъ во Аморѣю или до горъ Манейскихъ, и они бѣ все, услышавъ то, къ нему сходились тотчасъ, чтобъ имъ надъ Турскимъ промышлять.

А после того вскоре увѣдавъ то папа римский, что къ нему тѣ митрополиты приходили и съ нимъ договорилися и укрѣпилися, прислалъ къ нему въ Неополь, чтобъ приехалъ къ нему въ Римъ. И онъ къ нему не поѣхалъ, а какъ де ему король шпанской, по приговору правителей своихъ, далъ волю изъ Неополя (уѣхать), и въ тѣ поры папа римской писалъ отъ себя листъ въ Неополь къ воеводе Бонтеделемусу, чтобъ ево Александра послали къ нему въ Римъ.

И воевода неопольской говорилъ ему, что пишетъ къ нему папа святой Павлусъ, чтобъ ему ѣхати къ нему въ Римъ и Александръ бы къ папе ѣхалъ. И онъ де Александръ, будучи въ ихъ рукахъ, не смѣлъ того отказать, чтобъ ему въ Римъ къ папе не ѣхать; и поѣхалъ изъ Неополя къ папе; а съ нимъ было для береженья людей ево сорокъ человекъ.

И приѣхалъ въ Римъ къ папе Павлу, тому ныне десять лѣтъ, и папа велѣлъ ево принять честно, и кормъ ему и питье давать довольной, и прислалъ къ нему четырехъ гардиналовъ, и велѣлъ ему быти у себя въ костеле. И какъ онъ вшолъ въ костелъ, и

папа сталъ на своемъ мѣстѣ, а ево Александра тѣ четыре гардинала поставили передъ нимъ і велѣли ему папе поклонитца; и онъ де поклонитца ему не хотѣлъ. А тутъ де въ церкви древо лежитъ криво; и гардиналы де велѣли ему оперетца на то древо и поклонитца папе на колѣно и итти къ нему ко благословенью. И онъ де по ихъ чину папе поклонился і отъ него благословился. И папа де ево благословлялъ объѣма руками и оттянулъ ногу, а у него на ногѣ черленой башмакъ, а на немъ крыжъ. И онъ папу въ крыжъ целовалъ.

И ходя съ нимъ по костелу, папа говорилъ ему: Вѣдомо ему учинилося, что приходили къ нему изъ Болгарь и Сербъ і изъ Албаней два митрополита и договорилися съ нимъ, что ему быти у нихъ царемъ въ ихъ греческомъ (царствѣ), а вѣдаеть онъ и самъ, что и прежние греческие цари и патриархи были еретики, и за то многое гоненье терпѣли і въ иновѣрныхъ руки преданы за то что отстали отъ святыя апостольския римския церкви; а тѣ земли, которые ево призываютъ къ себѣ и хотятъ учинити царемъ тое жъ греческие вѣры, что и прежние были; и будетъ онъ Александръ хочеть у нихъ быти царемъ, и онъ бы присягнулъ римскому костелу и ихъ бы на то привелъ, что имъ быти съ римскомъ костоломъ соединенымъ, а не такъ какъ старыя греки вѣру имѣли и за то въ конечномъ расхищеніи; и будетъ онъ на томъ присягнетъ, и онъ папа ему и помогать будетъ, и королемъ и княземъ немѣцкимъ будетъ говорити і ихъ просити на то, чтобъ ему на Турсково помогали казною и людьми.

И положилъ папа на него крестъ золотъ; и тутъ же въ церкви лежитъ древо черно, а сказалъ де ему папа, что часть древа крестного, на которомъ Христосъ распятъ, и взялъ отъ него часть малую, вложилъ въ тотъ крестъ, что на него положилъ, а велѣлъ ему носити на себѣ, какъ и прежние цари греческие носили. И показывалъ ему раки святыхъ апостолъ і иные церковныя украшения, и копие, которымъ жидове Христа проболи, а сказалъ ему, что де то копие взято изъ Царя града изъ церкви святыя Соѣвы, и какъ де ты будешь во Царѣ городе царемъ и соединишь грекъ съ римскимъ костеломъ, и я де то копие къ тебѣ во Царь городъ пошлю. Да папа жъ ему далъ нѣкакое письмо, какъ они служатъ въ своемъ костеле, и кружекъ бѣлъ что бумага, чабы сокромента,

а сказаъ де ему: только онъ станеть то носить на себѣ, и то ему будетъ на отпушеніе грехошъ, и будетъ долготѣнъ на семдесятъ лѣтъ. И то онъ у папы взялъ, і видя, что ни къ чему не годно, после покинулъ; а крестъ держалъ у себя, что положена въ нево часть древа креста Господня, и ныне тотъ крестъ онъ далъ митрополиту; кіевскому Іеву Боретцкому; а къ сокроменту онъ у папы не ходилъ и не причащался, и папа ево на то не неволилъ.

А какъ де ему папа говорилъ, чтобъ онъ ему присягалъ на томъ, чтобъ тѣхъ горъ и мѣсть всякихъ людей соединить съ римскимъ костеломъ, и онъ де Александръ папе сказаъ: самъ онъ ево видить, что онъ ныне человекъ худой и бѣдной и никою у нево нѣтъ, не токмо что царства, и отъ своей вѣры ему отстать нѣчево для; а только ему притти до тѣхъ мѣсть, гдѣ ево призываютъ люди греческие вѣры і хотятъ учинити царемъ, и учать ему приводити ихъ на то, чтобъ они съ римскимъ костеломъ соединилися, і они ево убьютъ тотчасъ, и тебѣ папе въ томъ что за честь будетъ, что таково убогово человекѣа къ вѣре своей неволишь и къ смерти приведешь? Да хотя бъ онъ и царемъ надъ тѣми землями учинился, и ему тѣхъ земель людей на то соединенье приводити нельзя, потому что и турецкие поганые люди у своихъ порабощенныхъ вѣры ихъ не отымаютъ и къ своей вѣре сильно не приводятъ. А будетъ волею Божию будетъ онъ надъ греки царемъ, и онъ вышлетъ отъ себя на уреченное мѣсто патрарховъ і митрополитовъ и архиепископовъ, а папа бъ такъ ж(е) своихъ выслалъ, и они учинятъ о томъ соборъ и совѣтовать будутъ съ обе стороны, и какъ то соборъ точно учинить, въ тѣ поры то и будетъ, а ныне ему на томъ присягать нельзя і въ томъ онъ папе отказаъ.

И папа де ему сказаъ, чтобъ онъ побылъ у нево въ Римѣ нѣскольکو дней, и прислаъ къ нему дву грековъ, Ягана Бареоля да Георгия Трумба, которые жили у нево въ Риме для науки, вѣрные ево люди и ближние, кабы духовники, и велѣлъ имъ наговаривати ево на то, чтобъ онъ на томъ присягалъ, что ему быти въ папешской вѣре і всякихъ людей, надъ которыми онъ будетъ царемъ, на то приводить. И пришедъ къ нему тѣ греки, учали ему говорити, какъ имъ отъ папы наказано, а поутвердися съ

нимъ, говорили ему, чтобъ въ томъ папы не слушался и на томъ ему, на чомъ онъ велить, не присягалъ, потому что де онъ самъ, какъ собака, безвѣрный, а крестьянъ хочетъ къ своей вѣре приводить. А они де и сами живутъ по неволе, потому что въ Царѣ городе царя благочестивого нѣтъ. И написали ему письмо на образецъ, какъ ему папе отказать. А послалъ де ихъ папа ево уговорити, чтобъ онъ далъ ему письмо, что онъ присягалъ на томъ, что ему въ Сербской и Болгарской земли і выныхъ горахъ и мѣстахъ греческихъ учинить ихъ латынска вѣра и греческую церковь съ римскимъ костеломъ соединить, и подписалъ бы то письмо своею рукою, для того чтобъ ему то письмо держать у себя, и будетъ греческие цари впередъ не похотятъ быть съ римскимъ костеломъ соединены, і ему бъ то утвержденное ево письмо на соборе объявлять, что онъ, будучи царь ихъ, на томъ съ папою утвердился и рукою своею закрепилъ. И онъ бы Александръ папы отнюдъ не слушалъ и письма такова не давалъ. И онъ де Александръ папе отказать, и письмо написавъ такъ, какъ ево тѣ греки научили, и что написано, тѣ ево рѣчи выше сего, и отдалъ то письмо имъ.

И какъ де тѣ греки письмо ево къ папе принесли, и папа де хотѣлъ ево изъ Рима сослать выной городъ, и прислалъ къ нему гардиналовъ говорить, что велѣлъ ему папа ѣхать выные мѣста погулять; и онъ узналъ, что ево хотятъ сослать, сказалъ имъ, что онъ тово дни болонъ лихорадкою і ѣхать не сможетъ, а какъ ему будетъ де полегче, и онъ ѣхать готовъ. И гардиналы отсрочили ему до завтрея. И тое ночи, сказавъ онъ мысль свою одному человеку своему влоху, которой во всѣхъ сорока ево человекехъ вѣрнее, і побежалъ съ нимъ изъ Риму ночью на добрыхъ лошадехъ, потому что князя елоренского граница отъ Рима всего десять миль, и утекъ до тое границы.... съ тѣмъ человекомъ, а люди ево и лошади остались въ Риме. А написавъ онъ то, что онъ побегалъ за границу князя елоренского, покинулъ на постели своей, чтобъ то письмо люди ево взяли и вѣдали отъѣздъ ево. А какъ де на завтрее тово пришли по нево тѣ жъ гардиналы, чтобъ ево изъ Риму отослать, и люди ево, которые отъ нево остались, сказали имъ, что онъ бежалъ, ихъ всѣхъ покляня, и они де тово не

подорожили и молили де про него съ укоризною: безвѣрникъ де прешъ сево былъ что собака, а ныне такая жъ собака. И прѣставили то ни во што, і за нимъ не гоняли, и людей ево тѣхъ, которые было остались въ Риме, отпустили. И прѣѣхали де тѣ люди къ нему вскоре, и то ему, что прѣшедъ после ево гардиналы говорили, и сказали.

И тутъ онъ людей своихъ распустилъ, давъ имъ заплату и лошади по достоянью. И остались съ нимъ только четыре челоуѣка: еранцуз-капитоны добрые; и тѣмъ капитономъ говорилъ онъ, чтобъ, нанявъ корабль, ѣхали до горъ Манейскихъ къ тѣмъ людямъ, которые ему присягли, и собирали бѣ воинскихъ людей, а онъ бы, побывавъ у князя елоренсково, прѣѣдетъ къ нимъ же. И они де ему не повѣрили и не поѣхали.

И онъ де, не ѣздя ко князю елоренскому, пошелъ съ ними до Маней черезъ Шпанскую и черезъ Французскую землю къ морю, наряжаясь въ убогое платье, иное что пахолки, а иное что чернецъ, і въ которомъ государствѣ будетъ, такъ и говорить, потому что онъ по италянски и по шпански, и еранцузски, і по еллински умѣеть. И какъ пришли до моря и сѣли въ корабль въ городе Анконе, а тотъ городъ князя елоренсково, и прѣѣхали съ тѣми капитоны до горъ Манейскихъ, и тутошние манейские люди приняли ево съ радостью, какъ государя своего, и назвали царемъ, и учали собиратца.

И собралося было у него въ тѣхъ горахъ воинскихъ людей 9.000 челоуѣкъ, и хотѣлъ онъ итти выны земли, которые ему поддалися, до Кучи и до Клименти, и до Белопавлики, и до Герцековины, и до Плавы, и до Химари, чтобъ собратца съ людьми. А въ тѣ поры вѣдомо про то учинилося турскому салтану Ахметю, брату ево родному, что онъ Александръ на горахъ Манейскихъ и люди съ нимъ въ зборе. А коимъ обычаемъ братъ ево то увѣдалъ, тутошние ль люди ему про то сказали, или папа римской къ нему писалъ, тово онъ не вѣдаетъ. А увѣдавъ про то братъ ево салтанъ Ахметъ, послалъ на него ратныхъ людей моремъ на сороке кораблехъ, а сухимъ путемъ тритцать тысячъ челоуѣкъ. И пришли тѣ люди на него въ горы и были съ нимъ бои великие, и тѣхъ ево людей всѣхъ побили и ево ранили; а

турскихъ людей на той войнѣ побито семнатцагъ тысячъ, тому ныне лѣтъ съ осмь. И съ тое побойни ушолъ онъ не со многими людьми, и учалъ ходити по тѣмъ горахъ и земляхъ по Болгаромъ и по Сербомъ и по Албонитомъ, гдѣ живутъ подданные ево Бучи и Бѣлопавлики, и Клименты, и Герцеконины, и Хишари, и Дуказины, а съ нимъ триста человекъ, а кормъ ималъ тѣхъ земель у жилищныхъ людей. А какъ на него въ тѣ горы приходилъ турские люди, хотя ево имать, и онъ отъ нихъ избегалъ, и помнать ево турки не могли, потому что тѣ горѣ высокии и шьста врѣшине, и избыти было ему отъ нихъ мочно; и турки де за нимъ и гонять перестали.

И учалъ де онъ съ тѣми своими людьми ходити по тѣмъ горахъ и по земляхъ, и описывалъ, гдѣ сколько людей; і обявилоса де по ево письму въ тѣхъ земляхъ людей, которые могутъ съ турки битись, триста дѣвятъ тысячъ, и учалъ было онъ съ тѣми людьми збиратца опять противъ Турсково, и тѣ де капитоны еранцузы говорили ему, что онъ тѣхъ людей опять збираетъ, а они люди безоружные и къ битве безъ тово негодны, а только бѣ у тѣхъ людей были мушкеты, а иные есть у нихъ съ луки и конные, и ему будетъ съ ними противъ Турсково стать мочно. А безоружными людьми ничево не учинитъ, только людей потеряетъ по пражнему. А онъ бы ѣхалъ ко князю елоренскому, которой ему и по се время доброй приятель, и просилъ у него тѣмъ людямъ мушкетовъ, чѣмъ ихъ вооружить. И онъ де по совѣту тѣхъ капитоновъ, людей собирать отложилъ, и послалъ тѣхъ ж(е) капитоновъ ко князю елоренскому просити мушкетовъ; а отпуста ихъ, и самъ боялся тутъ быть и черезъ Турсково землю ходити, для того, любо хто ево окажетъ брату ево Ахметъ салтану; и поѣхалъ иною дорогою ко князю елоренскому, а просилъ у него мушкетовъ и зелья.

И князь елоренской ево читалъ и кормъ и питье ему и тѣмъ капитonomъ ево давалъ довольно, и любовь кънему имѣлъ великую. И пробылъ у тово князя, покамѣста онъ о томъ думалъ съ матерью и зъ ближними людьми, семь мѣсяцъ, и сколько по ево письму въ тѣхъ земляхъ и горахъ людей и каковы люди, и то князю все рассказалъ. И князь де еме посулилъ 12.000 мушкетовъ

большихъ да восемь тысячъ малыхъ, а зелья і свинцу по штидесять зарядовъ, и припродовить ему тѣ мушкеты тутъ, гдѣ онъ велить, только бѣ ему сказалъ мѣсто, гдѣ бы ихъ и въ которой пристани привести; и онъ бы шолъ опять до тѣхъ къ своимъ людямъ и съ ними договорился, гдѣ къ нимъ тѣ мушкеты прислати, и договорися бѣ съ ними, отписалъ къ нему, и онъ на то мѣсто и пришлетъ. А будетъ ему надобно будетъ и людей тысячи три или четыре и нарядъ, и онъ бы по тому жъ отписалъ, и онъ ратныхъ своихъ людей въ корабляхъ и на каторгахъ пришлетъ туды, гдѣ у него съ турки война будетъ, і велить ему помогать, только бѣ онъ слово свое ему далъ, какъ онъ будетъ во Царѣ городе на отца своего государьстве государемъ, и ему взять за себя сестра ево.

И онъ де князю сказалъ, что онъ о томъ помыслить. И князь де ему говирилъ: что де о томъ долго і мыслить? Только хочеть онъ сестру ево за себя взять, и онъ ему учнетъ всякими мѣрами помогать и города и остроги дастъ. А какъ де ему князь то говирилъ, і въ тѣ поры мать ево и жена тутъ были.

И онъ де князю сказалъ: нельзя ему тово учинить, потому что онъ греческое вѣры, а сестра ево латынские папешские вѣры, и какъ она будетъ за нимъ, і онъ пойдетъ къ церкви, а она къ своей церкви, и за то де къ ево людямъ....

И князь де къ тому говирилъ: Коли де она пойдетъ за тебя, и она и вѣру съ тобою учнетъ держать одну. И на томъ съ нимъ и укрепился, что ему Александру сестру ево за себя взять, а ей креститца въ православную греческую вѣру.

И укрепясь съ намъ, поѣхалъ къ людямъ своимъ въ горы по совѣтовать съ ними, гдѣ они похотять и у которой пристани тѣ мушкеты привести. И какъ онъ пришолъ до горъ Албаницкихъ, а племянникъ ево турской Асманъ-салтанъ ходилъ въ Польшу воевать, тому ныне съ пять лѣтъ, и въ тѣ поры въ тѣхъ горахъ и земляхъ, которые ему поддалися, попущеніемъ Божиимъ былъ моръ и голодъ великой, и многие люди померли. И говорили ему тѣ ево люди, чтобъ мушкетовъ у князя, елоренсково не поспѣшилъ имати, покаместа въ тѣхъ странахъ моръ и голодъ поминуетца. И былъ тотъ моръ и голодъ три годы; а какъ поминовался, и ему

было ко князю елоренскому для мушкетовъ послать нѣково: греки и сербы люди простые и говорить инѣми (языками) не умѣютъ; а се онъ увѣдалъ, что въ Турской земли смятенъе. Абаза паша, собрався во Анатолин, стоять противъ Турского и многие мѣста Турсково поималъ, и шкоту ему чинить многую, і люди съ нимъ многне; а зъ другне стороны шахъ перситской поималъ городъ Вавилонъ Лахсу и...арось, города великие и многолюдные, а ныне занялъ, или ихъ розорилъ, тово онъ не вѣдаетъ.

И поговоря де онъ съ своими людьми, поѣхалъ ко князю елоренскому для мушкетовъ самъ и взялъ съ собою людей своихъ вѣрныхъ шесть человекъ, и скуня двенатцать лошадей турскихъ добрыхъ, и поѣхалъ къ Дунаю, чтобъ ему проѣхать чрезъ Польшу къ цѣсарю христіанскому Фердинанду, потому что цѣсаръ Фердинандъ старой ему знаком(ый) и другъ и приятель. Фердинандова сестра за княземъ елоренскимъ А поѣхалъ онъ изъ горъ нарядяся въ платье по турски, будто купецкой человекъ, чтобъ ѣхать ему къ цѣсарю и ко князю елоренскому прямо черезъ Польшу. И переѣхалъ Дунай и сказывался торговымъ человекомъ, о а привелъ будто лошади продавать.

И приѣхалъ онъ въ Каменецъ Подольской на Рождество Христова, тому ныне два года, и побылъ въ Каменце до Богоявленья и... поѣхалъ въ Краковъ. І въ Кракове ево узнали поляки, которые съ нимъ вмѣсте училися (училися) выталиянской землѣ, и онъ тѣхъ поляковъ дарилъ лешадми, маршалка польского пана Вольского, да старосту ланцкорунсково пана Жебридовсково, да подчаше(во) пана Сендомирсково; а какъ имъ имена, тово онъ не упомянуть; а противъ ево дарили потому, какъ онъ съ ними былъ въ науке вместе, зазналися и жили дружно. И былъ онъ въ Кракове до великадни; а у короля онъ у польсково не былъ; а вѣдалъ ли про нево король польской отъ тѣхъ людей, или нѣтъ, тово онъ не вѣдаетъ, только ево къ себѣ не зывалъ. И маршалокъ до Вольской и панъ Жебридовской говорили въ тѣ поры ему Александру, чтобъ писалъ отъ себя ко князю елоренскому, чтобы князь елоренской послалъ отъ себя листъ къ польскому королю, чтобъ къ нему Александру былъ совѣтенъ і вспомогалъ. И онъ де Александръ ко князю елоренскому отписалъ, і по ево

письму князь елеренской къ польскому королю о томъ писалъ же; и тотъ листъ пришолъ къ нему отъ князя елеренского въ дороге, какъ онъ изъ Бракова поѣхалъ къ цѣсарю; и послалъ онъ тотъ листъ къ маршалку къ Волъскому, чтобъ ево послалъ къ королю съ вѣрнымъ своимъ человекомъ. И король де тотъ листъ принялъ и поставилъ ни во што, и ничево ему не учинилъ. То къ нему писалъ маршалокъ Волъской, какъ ужъ онъ къ цѣсарю приѣхалъ, тому ныне полтора года.

А въ тѣ поры у цѣсаря былъ польсково короля сынъ Владиславъ, и онъ съ нимъ виделся и по рукамъ съ нимъ и цѣсаревымъ братомъ арцыкняземъ Карломъ билъ. И молилъ де ему польской королевичъ: таково де доброво мочно имѣть за приятеля и помочь ему мочно чинить. А больши де тово ничево съ нимъ не говорилъ. И поѣхалъ де королевичъ во Влохи и къ папе; а для чево былъ у цѣсаря и для чево поѣхалъ къ папе, тово онъ не вѣдаетъ. А цѣсаря братъ Карло княжа въ тѣ поры поѣхалъ въшпанію для ученья.

И какъ цѣсарю Фердинанду про нево Александра сказали, и цѣсарь прислалъ къ нему езовита, духовника своего, навестить ево. И по нево цѣсаре(въ) возокъ приѣхалъ ввечеру; и онъ у цѣсаря былъ и съ нимъ сидѣлъ. И въ тѣ поры говорилъ онъ Александръ цѣсарю Фердинанду, чтобъ попомнилъ свое слово, какъ онъ былъ до цесарства князь вкратичий, и онъ въ тѣ поры ему обѣщался давать помочь, какъ государство свое (будетъ) доступать, и нынѣ время помочи и промыслу ево быти, потому что у Турсково нестроенье; Анаталию всю повоевалъ и поималъ Абаза паша, а зъ другую сторону царь персицкой, а къ тому и Крымской (противъ) Турсково стоитъ; а только онъ (ему) помочь учинить людьми, и онъ бы съ тѣми людьми шолъ къ своимъ людямъ въ Сербы и въ Болгары і воевалъ бы Турсково, и ему бь государства своего доступить мочно; и цѣсарь бы слово свое исполнилъ, людей ему на помочь далъ.

И цѣсарь де ему отказалъ, что ныне у нево въ земли между собье за вѣру съ королемъ чешскимъ і съ люторы и съ еванелики, и бои бывають многіе, и ему ныне съ Турскимъ войны вечинать и помогать ему нельзя. А какъ онъ Александръ за коро-

вымъ повѣтриемъ і за голодомъ въ своихъ земляхъ измешкалъ три годы и князь елоренской Козма, которой ему мушкеты послужилъ и сестру свою за него зговорилъ, умеръ, а учинился княземъ на ево мѣсто сынъ ево; и онъ де Александръ говорилъ цѣсарю и просилъ ко князю елоренскому письма, чтобъ князь елоренской мушкеты, что послужилъ ему дать отецъ ево князь Козма по приятельству отца своево и по цѣсарскому прошенью, ему Александру далъ. И цѣсаръ де ко князю елоренскому и къ матери ево, а къ своей сестрѣ, о томъ писалъ, і послалъ онъ съ тѣмъ листомъ изъ города изъ Ведна ко князю елоренскому людей своихъ четырехъ человекъ и отъ себя къ нему о томъ писалъ.

И былъ въ городе въ Ведне пять мѣсяцъ; а въ тѣ жъ поры поляки лисовчики были у цѣсаря въ войнѣ противъ Угорсково, и дожидалися отъ цѣсаря наемныхъ денегъ ротмистры ихъ въ томъ городе въ Ведне, а товарищи ихъ лежали въ Муравской земли; да и для того они тутъ мотчали, что имъ въ Польшу итти нельзя: заказано про нихъ въ Польше: хто лисовчика убьетъ и животы ево и лошади всѣ поемлетъ, и того ему въ вину не поставятъ и животовъ тѣхъ на нихъ не впросятъ. И какъ онъ Александръ былъ въ Ведне и увѣдали про него тѣхъ лисовчиковъ полковники и ротмистры Калиновскій, Струновскій, Высокинскій, Яренскій, Ярышовскій, Дочбинскій, Жема и иные, и приѣхавъ къ нему въ Ведну, говорили ему, что имъ у цѣсаря ныне службы нѣтъ і заслуженыхъ денегъ имъ не дастъ, а въ Польшу і въ Литву итти имъ нельзя, а ему ныне люди надобны, и онъ бы съ ними ѣхалъ къ войску ихъ въ Муравскую землю, а они съ нимъ пойдутъ на Туреково войною; а было ихъ всѣхъ шестнатцать тысячъ. И договорились съ нимъ дать имъ на(йма) ротмистру по сту еемковъ на мѣсяцъ, прапорщику по тритцати еемковъ, а рядовымъ по осми еемковъ на мѣсяцъ. И договорися съ нимъ разобралъ было ихъ и выбралъ лутчихъ людей восемь тысячъ. А гетманъ у нихъ былъ Родивиль Жигимонтъ. И говорилъ онъ Александръ, чтобъ имъ итти черезъ Польшу и Волоскою і Мултанскою землею въ Болгары и въ Сербы, и тамъ бы собрався итти противъ Турсково. И тѣ лисовчики учали опасатца того, что тамъ проходятъ татарове и лошади ихъ шкотиать и самихъ по-

бываютъ, и пройти де имъ туды нельзя; и межъ себя учала у нихъ быти рознь: иные съ нимъ итти хотѣли, а иные, оставъ отъ нихъ, пошли прочь врознь, а иные по старымъ своимъ жилищамъ тайно.

И отобрався лутчие люди, говорили ему, что онъ вѣры греческие, и только онъ пойдетъ съ ними за Пороги и учнетъ съ собою запорожскихъ казаковъ звати на Турсково, и они тому будутъ добръ ради, потому что они греческие жъ вѣры и стоятъ за вѣру крѣпко. Хотя они и мужики, только люди воинские, и нарядъ у нихъ есть. А они де съ ними изъ Запорогъ пойдутъ и черезъ Польшу не бояся никого; а изъ Польши де людей къ нимъ придутъ столько жъ, сколько будетъ ихъ.

И оттоле онъ пришелъ тѣхъ ж(е) лисовчиковъ съ паномъ Вонсовичемъ въ ево домъ блиско города Люблина, а съ нимъ товарышей ево пятьдесятъ человекъ лисовчиковъ же. Покоилъ ево Вонсовичъ у себя два мѣсяца и чтилъ ево гораздо, и привелъ ево въ городъ Люблинъ. И пробывъ онъ въ Люблине дни съ три, пошелъ въ Киевъ, а съ нимъ тѣхъ же лисовчиковъ двенатцать человекъ.

И приѣхалъ онъ въ Киевъ октября 21 дня прошлого году, и въ Киеве де оказалъ ево митрополиту киевскому Иову Боретцкому князь Иванъ Масальской. Живетъ онъ въ Польше, а былъ съ лисовчики и ево зналъ, и говорилъ съ нимъ, что у него братья и племя на Москвѣ есть. И сказалъ про него тотъ Масальской митрополиту, что онъ турецково салтана сынъ. И митропол(итъ) де, призвавъ ево къ себѣ, спрашивалъ, хто онъ и какой человекъ и для чего тутъ приѣхалъ, а знатно де, что онъ не простые чади человекъ, и онъ было сказатца и не хотѣлъ, и видя то, что Масальской митрополиту про него сказалъ, и устыдася митрополита, что онъ честной и многонаучной человекъ и говорилъ съ нимъ по еллински и по латински и по гречески, сказался ему, что онъ турецково Магаметь салтановъ сынъ, царевичъ салтанъ Иахня, а во святомъ крещеніи нареченъ Александръ, и гдѣ онъ родился, и какъ уѣхалъ изъ Турские земли, и въ которыхъ государствахъ былъ, и для чего тутъ пришелъ. То ему все рассказалъ подлинно. А былъ у митрополита дважды. И

митрополитъ де ево исповѣдалъ, и причастился онъ отъ митрополита въ Дмитреевъ день. И митрополитъ де Иевъ то все велѣлъ ему написать подлинно для вѣдома. И онъ де Александръ о всемъ своемъ пребываньи написалъ своею рукою по гречески и отдалъ то письмо митрополиту. А просилъ де у него митрополитъ тово письма для того, что онъ государьской сынъ, и ему бѣ о роженіи и о пребываніи ево и гдѣ коли былъ вѣдать, і чтобы ему таково жъ писать къ государю и къ великому государю святѣйшему патриарху.

А исъ Кіева онъ побѣжалъ после Дмитріева дни вскоре за Пороги хъ козакомъ; а митрополитъ де проводилъ ево отъ Кіева шесть или семь миль, і встрѣтилъ того попа Филипа, которой нынѣ съ нимъ Александромъ, а посланъ былъ отъ митрополита не вѣдаетъ куда. И приказалъ тому попу митрополитъ ѣхать съ нимъ Александромъ до черкасъ, а самъ воротился въ Кіевъ. И попъ Филиппъ проводилъ ево до запорожскихъ казаковъ, і воротился жъ назадъ. И казаки ево приняли въ городъ Крыловъ и проводили къ войску. И онъ имъ говорилъ, чтобы прислали къ нему старшину. И приходили къ нему казацкіе старшины Чючюга, Ксенжа, Бириляшъ, переяславскіи і иные многие старшины, и онъ имъ сказался, хто онъ и для чего къ нимъ приѣхалъ, да и казаки ихъ запорожские, которые были съ лисовчики и ево знаютъ, про него сказали жъ. И говорилъ имъ онъ Александръ, чтобы съ нимъ шли въ ево земли и стояли противъ Турсково, а онъ де имъ дастъ найму коннымъ по шти еѣмковъ на мѣсяць, а пѣшимъ по четыре еѣмка. А какъ они пойдутъ, і съ ними вмѣстѣ и лисовчики многие будутъ. И старшины де казачьи послали ево въ дальние свои города и честь немагую чинили. А говорили ему, чтобы онъ побылъ втайне покамѣста у нихъ въ Польше і въ Запорогехъ отъ Шанъ Гирѣя, калги крымсково, война минетца или съ ними помиритца, і въ тѣ поры де они пойдутъ съ нимъ.

И какъ Шанъ Гирѣй зъ запорожскими казаки помирился на томъ, что ему съ татары изъ земли ихъ выйти вонъ, а про него де Шанъ Гирѣй калга вѣдалъ, какъ онъ изъ Макгнисѣи ушолъ, и онъ Александръ изъ Запорогъ писалъ къ Шанъ Гирѣю, что онъ турсково салтана сынъ, а ушолъ изъ Макгнисѣи, и гдѣ и въ ко

торыхъ государствѣхъ и у которыхъ государей былъ, и хочеть государство свое достигать, а у нихъ ныне съ Турскимъ войною, и онъ бы къ нему пришолъ и поговорилъ съ нимъ, какъ бы имъ вмѣстѣ надъ Турскимъ промышлять. И Шанъ Гирѣй де къ нему не пошолъ, а прислалъ къ нему мурзу и людей своихъ восемьъ человекъ; а говорили ему, чтобъ ѣхать къ Шанъ Гирѣю и съ нимъ видетца и о томъ поговорить, какъ бы имъ надъ Турскимъ промышлять. И взявъ де съ собою старшины казачь(и)и ево Александра и казаковъ полторы тысячи, стояли на берегу Днепра реки отъ Запорогъ; а Шанъ Гирѣй калга пришолъ на берегъ же Днепра реки близко отъ нихъ, только перестрѣла зъ два, и прислалъ къ нему мурзу говорить, чтобъ пришолъ къ нему въ шатеръ поговорити. И онъ Александръ при татарехъ сказалъ, что онъ къ Шанъ Гирѣю итти хочеть, да не пустять ево казаки. А казаки де стали около ево съ пищальми въ четыре круга. И Шанъ Гирѣеву мурзѣ отказали, что они ево Александра къ Шанъ Гирѣю мурзѣ не пустять, что данъ на збереженье имъ; и будетъ хочеть Шанъ Гирѣй съ нимъ видетца, и онъ бы шолъ къ нему. И Шанъ Гирѣй де къ нему не пошолъ, и розѣхалися не видевся. А казаки пошли съ нимъ въ города свои. И после того прислалъ къ нему Шанъ Гирѣй тайно говорить, что онъ пришолъ хъ казакомъ волю, а ныне держать ево кабы въ неволю, и онъ бы пришолъ и говорилъ съ нимъ, какъ бы надъ Турскимъ промышлять; а онъ Шанъ Гирѣй и братъ ево, крымской царь, помогать ему будутъ. А звали де ево къ себѣ для того, чтобъ ево понимать и, взявъ у Турского многое богатство, выдать ево Турскому головою; и онъ Александръ къ Шанъ Гирѣю не пошолъ.

И былъ въ Запорогахъ генваря по 20 число 133 году; и запорожские де казаки говорили съ нимъ, что они съ нимъ (на) войну поидуть, а будетъ 18.000; а давать было имъ по прежнему уговору на мѣсяць конному по шести еемниковъ, а пѣшимъ по четыре еемника человекъу, да сверхъ тѣхъ наемныхъ денегъ дать на все войско подарку трицать тысячъ золотыхъ польскихихъ. Да съ нимъ же хотѣли итти черкасъ человекъ съ восемьъ (тысячъ) і всѣ черкасы, которые живутъ въ Пераяславѣ, въ Каневѣ і выныхъ мѣстахъ. И былъ у черкасъ до Егорьева дни Вешнево прямого

году, дожидаясь весны и золотыхъ, что къ нимъ хотѣлъ прислать князь елоренской 60.000 червонныхъ золотыхъ. И писалъ онъ къ нему о тѣхъ золотыхъ изъ Запорогъ дважды, чтобъ къ нему прислалъ. И князь де елоренской тѣ золотые къ нему послалъ, и тѣхъ золотыхъ къ нему въ Запороги привести не успѣли, а остались съ тѣми золотыми князя елоренсково люди въ Бракове у друзей (его), у маршалка Вольсково і у иныхъ.

И промыслу у него на веснѣ никакого, не было, потому что казаки ходили на море и на Турсково города для добычи и тамъ измешкали многое время, а онъ хотѣлъ ѣхать отъ казаковъ опять въ черкасы, а говорилъ имъ, что онъ послалъ для казны ко князю елоренскому людей своихъ, и тѣ ево люди не бывали, а сеи войска запоросково нѣтъ, измешкали на морѣ, и ему бь гдѣ пробыть въ городе или пойти къ черкасомъ. И казаки ево не пустили, чтобъ онъ былъ въ ихъ городехъ, доколе казаки пришли съ моря на Успеневъ день. И какъ они пришли, и онъ съѣхалъ къ черкасомъ въ городъ Крыловъ.

И услышалъ де онъ, что идутъ на черкасъ и на запорожскихъ казаковъ зъ гетманомъ съ Конецпольскимъ, съ Вишневецкимъ, і зъ Замойскимъ, и зъ Балабаномъ и съ Типки Евичемъ польскіе люди многие, а казаки и черкасы въ тѣ поры говорили ему Александру: Коли де поляки идутъ насъ воевать, а ты де царь благочестивой, и будешь у насъ свой царь, и учнемъ съ ними битца, или въ тѣ поры, какъ поляки и ляхи войдутъ въ Запороги, а они въ тѣ поры съ нимъ Александромъ черезъ Польшу пойдутъ до ево земли, которые ево на государство приняли царемъ.

И онъ имъ отказалъ: Не статное дѣло, какъ придутъ поляки на ихъ дома і учнутъ воевати і ихъ і жены и дѣти ихъ побивати, а имъ съ нимъ въ тѣ жь поры итти; да и нельзя такъ итти, потому что многие будутъ неприятели поляки и крымскіе тотарове и турскіе люди, і пройти имъ изъ Запорогъ нельзя. Да и то, что они говорятъ, чтобъ ево учинити у себя царемъ, сстатись не можетъ; а будетъ они хотять царя христьянсково, и они бь послали бить челомъ государю царю і великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русіи, чтобъ ихъ принялъ подъ свою державу и послалъ хъ Киеву ратныхъ людей, чтобъ Киевъ со всѣми городами і

землями і Запороги привести подъ ево государеву руку: и такъ имъ будетъ лутче.

И они было учили съ тѣмъ и пословъ къ государю готовить; и въ то время пришли на нихъ поляки и ляхи, и учили ихъ побивать безъ пощады; а онъ тотчасъ изъ Запорогъ ушолъ въ Кіевъ къ митрополиту, и былъ у него въ монастырѣ тайно въ чернеческомъ платьѣ. А какъ учало быть въ Запорогахъ замешаше, и онъ послалъ къ своимъ приятелемъ въ тѣ земли, въ которыхъ ево приняли царемъ, чтобъ ево нынешнево году не ждали: быть ему незлѣ, потому что онъ ожидаетъ, что учинитца у казаковъ съ поляки. А что поляки надъ запорожскими казаки учинили и унялася ли у нихъ та война, или нѣтъ, тово онъ не вѣдаетъ: жилъ въ Кіеве втайне въ монастырѣ и въ селѣ зъ дѣловыми людьми і зъ детеныши, въ чернеческомъ платьѣ, дожидался вѣсти отъ своихъ приятелей десять дней.

И тутъ къ нему отъ князя елоренсково и отъ иныхъ приятелей грамоты привезли: что они къ нему денегъ не прислали потому, что ныне у казаковъ война и деньги де ему не надобны; а будетъ казаки помирился и ныне у нихъ тихо, и ему въ нихъ въ помочи надежа будетъ, і онъ бы къ нимъ отписалъ во Львовъ, и они къ нему тѣ деньги пришлютъ.

И митрополитъ де киевской, призвавъ ево, говорилъ ему, что ему тутъ отъ поляковъ не пробыть: вездѣ умножились поляки и жолнеры; и онъ бы ѣхалъ къ великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русіи и къ великому государю святѣйшему патриарху Филарету Никитичю московскому и всеа Русіи, а они де государи милостивые: любо велеть помочь учинить, а не учинять помочи, і они государи повелятъ ему черезъ свою государеву землю въ Нѣмцы пройти ко князю елоренскому и инымъ ево приятелемъ, и учнетъ у нихъ по ихъ прежнему договору казну и мушкетъ имати, и пойдетъ къ своему государству изъ тѣхъ странъ.

И онъ де Александръ говорилъ митрополиту: Слышенъ онъ въ Запорогахъ, хто иноземцы въ Московское государство приезжаютъ, и тѣхъ въ Московскомъ государствѣ держать въ неволе, а назадъ ихъ никуда не отпускаютъ, и ему бъ также задержанья не

учинили. И митрополитъ ему говорилъ, что тово отнюдь не будетъ. Хотя де будетъ государь помочи ему зачѣмъ не учинить, и онъ государь велитъ промыслить черезъ свои государства, куды тебѣ надобно, а задержать не велитъ. И взялъ то митрополитъ на свою душу. И онъ де Александръ, повѣря душѣ ево и обнадежася на государскую милость, потому въ Московское государство и поѣхалъ.

11.

Вопросы царскихъ слѣдователей и отвѣты Александра Ахія о томъ, что въ его разсказъ было загадочною.

Александръ же Ахія для подлинново вѣдома спрашиванъ:

Въ писмѣ, что прислалъ къ великому государю нашему, къ его царьскому величеству, онъ Александръ съ посланцы своими, написано: Какъ Елена съ отцомъ своимъ и съ сыномъ Ахиею пришли до Брацѣона города, гдѣ живутъ и до сѣхъ мѣсть люди свободные і небоячись силы турецкіе, и тутъ никто ихъ не зналъ. И онъ бы сказалъ, въ которомъ государстве тотъ городъ Брацѣонъ и подь чьею державою, и которые въ немъ вѣры люди, и у какова человекна онъ, и много ль въ томъ городе жилъ, и какими обычаи житѣ ихъ было, и чѣмъ жили, и для чево тутъ жили.

І Александръ сказалъ: Мѣсто Брацѣонъ, а не городъ, на горахъ Манейскихъ; а приехала тутъ мать ево только для тово, чтобъ (уйти) отъ турковъ, потому что она крестьянка, а тутъ живутъ все крестьянскіе вѣры люди; государя у нихъ и города нѣтъ, живутъ по горамъ. А промышля(а) мать ево (и) отецъ еѣ Георгій и жили тутъ тайнымъ обычаемъ, не сказывая тово, что она салтана турецко жена. А жить было есть чѣмъ: богатство у матери ево было многое: камень яханты и алмазы и иные узорочья, і золотыхъ и денегъ было много, потому что мать ево была царица і имѣла у себя многу казну. Какъ онъ былъ во Влохехъ, и онъ продалъ одно перо съ каменемъ зъ дорогимъ и зъ жемчюги, что носить на головѣ въ ките или въ шляпе, і взялъ за него

60.000 копъ, а коша по 20 алтынъ. Да мать же ево, какъ по-стриглась, устроила храмъ и монастырь, да по ся мѣста строить своею казною и живеть тутъ въ монастырѣ. А отца де матери его Георгия не стало тому лѣтъ восемь или зъ десять. А побѣжала мать ево изъ Магнисѣи бояся тово, какъ бы провѣдалъ отецъ (его) салтанъ, что она крестьянка, і онъ бы ее убилъ.

Читая этотъ отвѣтъ Александра Ахіа, нельзя не замѣтить, что онъ уклонился отъ объясненія, въ какой именно странѣ находится Браціонъ. Брайняя оконечность Мореи, которая въ московскомъ документѣ называется Армореею, именно пристань Майна, была операционнымъ базисомъ военныхъ дѣйствій сицилійскаго адмирала Октавія Аррагонскаго съ 1615 года. Оттуда отъ сносілся съ горцами майнотами, которыхъ Ахіа въ своей записѣ называлъ магнами (магны по правописанію Борецкаго). Майноты получали чрезъ Октавія оружіе и военные припасы отъ герцога д'Оссуна, испанскаго губернатора Сициліи и потомъ вице-короля неаполитанскаго. Оттуда же Октавій дѣйствовалъ, при ихъ помощи, и противъ турецкихъ кораблей, которые попадали иногда ему въ руки съ золотымъ грузомъ. До 1620 года продолжалась дѣятельность герцога д'Оссуна, имѣвшая цѣлью поднять на турокъ и европейское рыцарство и обитателей гористой Магнии, майнотовъ (см. въ III т. Слав. Сб. статью В. В. Макушева „Вост. вѣст. въ XVI и XVII в.“), среди которыхъ, по словамъ Ахіа, протекло его дѣтство, и которые, около 1620 года, провозгласили его греческимъ царемъ. На вопросъ царскихъ агентовъ, онъ могъ бы поразсказать объ этомъ краѣ и войнѣ Октавія многое. Въмѣсто того, Ахіа распространился о драгоценностяхъ, которыми обладала его мать, точно какъ бы хотѣлъ отвлечь вниманіе слѣдователей отъ главнаго. Пользуясь ихъ незнаніемъ географіи, онъ смѣло проскаккиваетъ изъ Мореи въ Албанію, Сербію, Болгарію, и эти страны дѣлаеть смежными съ своею Арморіею и своими Манейскими горами. Царскіе слѣдователи, сбитые съ толку, предложили ему вопросъ, менѣе для него неудобный.

Въ писмѣ написано: Довѣдався Козма, митрополить селунскій,

пришелъ до султаны Лялпаре, что держала тайно христьянство, исповѣдалъ еѣ, а султана Иахию крестилъ и, назвавъ ево Александромъ, далъ ему учителя инока Нила учить божественному писанию і вѣре православной, і то учинивъ митрополить і взявъ отъ салтаны поминки дорогие, отѣхалъ въ Селунь. І Александръ допрашиванъ: сколь давно то было, въ которомъ году, и сколь онъ великъ въ тѣ поры былъ, и Брацыонъ сколь далеко отъ Селуни, и почему митрополить селунской тово довѣдался и ево крестилъ, и какие поминки митрополиту салтана давала, и будетъ ево Козма митрополить селунской въ прав(ослав)ную христьянскую вѣру крестилъ, грамота ево о томъ на увѣреніе у него есть ли, и буде есть, и еѣ бъ показалъ, чтобъ то, что онъ православные вѣры и государьской сынъ, великому государю нашему, его царьскому величеству, и отцу его государеву, великому государю святѣйшему патриарху, было вѣдомо.

І Александръ сказалъ: Селунь отъ мѣста Брацыона, гдѣ мать ево была, тритцать миль; и какъ митрополить Козма тутъ былъ для исповеди і ученья крестьянскихъ людей, и отецъ матери ево Георгій и мать ево митрополита просили, чтобъ приѣхалъ къ нимъ, і онъ у нихъ былъ; и они у него исповѣдались и причащались, и то, что она турсково салтана Магамета жена, объявила; и Козма митрополить крестилъ ево Іахию и нарекъ Александромъ; а въ которомъ году, тово онъ впрямъ сказать не помнитъ, і былъ въ тѣ поры малъ, шти или семи лѣтъ; и грамоту матери ево на увѣреніе митрополить Козма давалъ, и та грамота пропала у него сынными грамоты; а подарки мать ево митрополиту давала камень и жемчугъ, что годно къ церковному благочинию на ризы и на стихарь.

Александръ спрашиванъ: Сказываетъ онъ, что онъ турсково сына Магаметовъ сынъ салтанъ Иахия, а во святомъ крещеніи нареченъ Александръ, и у многихъ государей былъ, и многіе государи ему помогать хотѣли и почестъ ему чинили многую. Чемъ увѣрить, что онъ государьской сынъ і въ православную христьянскую вѣру крещенъ? и ково король шпанской и князь елоренской къ матери ево для свидѣтельства, что онъ турсково салтана сынъ і въ православную христьянскую вѣру крещенъ, послали? І

будеть онъ турсково салтана Магаметьвъ сынъ царевичъ салтанъ Иахия и въ православную христианскую вѣру крещенъ і немецкие короли и князи помогать ему хотѣли, есть ли у него о томъ которыхъ государей свидѣтельственныя грамоты? Во всѣхъ государствахъ то велось издавна: коли кто честной человекъ, хотя и не государскои сынъ, въ которомъ городе государстве будетъ, і имъ дають грамоты для вѣдома і увѣренья, что они и гдѣ и коли были; и будетъ такія грамоты у него есть, і ихъ объявить бы.

І Александръ сказалъ: что онъ прямо турсково Магаметь салтана сынъ, царевичъ салтанъ Иахия, а во святомъ крещеніи селунскій митрополитъ Козма нарекъ его Александромъ и грамоту объ немъ къ цѣсарю послалъ, объявляючи объ немъ, что онъ государскои сынъ і въ православную христианскую вѣру крещенъ, да і у него митрополита Козмы свидѣтельная грамота была. А король шпанской и князь олоренской послали къ матери его для свидѣтельства о немъ людей своихъ; а ково именемъ і въ которомъ году, тово ему вспомнить нельзя. И грамоты у него короля шпансково и князя олоренсково і иныхъ государей, гдѣ онъ былъ, были за ихъ руками и за печатями; и какъ на него было гоненье и побойка отъ брата его Ахметъ салтана і иные утесненья, и какъ по государствамъ проходилъ пешъ і въ нищемъ образе і въ чернеческомъ платьѣ, и тѣ у него грамоты въ тѣ поры пропали, а нынѣ и самъ драгъ, боясь тово, чтобъ его по тѣмъ грамотамъ не узнали и къ турскому салтану не отвели. А что къ нему писалъ двѣ грамоты князь олоренской, (какъ) онъ былъ въ Запорогахъ, да запорожскихъ казаковъ отъ гетмана грамота о пропущеньи и (обере)женьи, і тѣ грамоты у него; (а оставилъ у митрополита киевскаго (три) листы: одинъ отъ маршалка Вольскаго, а другой.... Александру, князю черногорскому. А салтаномъ Александромъ и салтаномъ Ахией не писано, съ нимъ по совѣту, для тово чтобъ его не вездѣ вѣдали, что онъ салтанъ Иахия. А писалъ де къ нему Радивилъ по знакомству, какъ онъ былъ у цѣсаря Рудольфа, а Радивилъ у цѣсаря жъ и съ нимъ былъ въ дружбе, потому и нынѣ къ нему пишутъ и о совѣтѣ и о вѣстехъ. А третей листъ архыбискупа менскаго о проѣзде. А какъ онъ гдѣ въ

государствахъ былъ и которые государства проѣзжалъ, и у него такихъ грамотъ было зъ обѣ стѣ и больши; и тѣхъ было ему грамотъ съ собою носить і уберечь нельзѣ, да и писано ево де во многихъ грамотахъ не салтаномъ Ахнею, княземъ Александромъ черногорскимъ, для того, чтобъ ему опасѣе отъ турецкихъ людей и отъ неприятелей ево.

І далъ Александръ Дмитрею и Григорью два листа, а сказалъ: писалъ къ нему тѣ листы князь елоренскій по италянски; оба за печатью князя елоренсково, да листъ отъ запорожскихъ казаковъ проѣзжей сказалъ, за войсковою печатью; а говорилъ Александръ чтобъ тѣхъ листовъ посмотри, ему отдать.

І Дмитрей и Григорей, взявъ у Александра грамоты, говорили ему, что они тѣ грамоты пошлютъ къ великому государю царю и і великому князю Михаилу Федоровичю, всеа Русіи самодержцу, и къ отцу ево государеву, къ великому государю святѣйшему патриарху Филарету Никитичю московскому и всеа Русіи, для того, что съ ними перевотчика здѣсь нѣтъ.

І Александръ говорилъ, что ему по тѣмъ елоренсково грамотамъ взяти въ Кракове у друзей своихъ 60.000 золотыхъ, что къ нему послалъ князь елоренской на помощь, и тѣ золотые до него не дошли, а нынѣ съ ними князя елоренсково люди въ Кракове у друзей ево; и царское бѣ величество пожаловалъ ево, велѣлъ ему тѣ грамоты отдать.

И Дмитрей и Григорей говорили, чтобъ онъ о томъ не оскорблялся и не опасался бѣ ничево: къ царьскому величеству они о томъ опишутъ и тѣ грамоты пошлютъ тотчасъ, і что имъ царьково величества о томъ повелѣние будетъ, і они ему то объявятъ вскоре.

Александръ ж(е) Іахия говоритъ: Какъ сербские и болгарские люди, которые живутъ въ горахъ, договорилися съ нимъ і укрепилися, что ему быть надъ ними царемъ и дали ему государственную печать такову жѣ, какова у прежнихъ греческихъ царей была і около печати подписали ево имянованье; и та печать ныне у него. И онъ печать показалъ: орелъ двоуглавой, а межъ главъ надъ нимъ коруна; подъ ногами у орла лежитъ лисица; а про письмо, что около печати было его имянованье, Александръ

сказалъ, прикрито мѣдью, чтобъ имя его не всякъ вѣдалъ, что онъ салтанъ Іахин; а рѣзана печать на мѣди; и тою печатью напечатано на воску и послано къ государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русіи и къ великому государю святѣйшему патриарху Филарету Никитичю московскому и всеа Русіи; а печать взялъ Александръ къ себѣ.

Александръ ж(е) спрашиваеъ: У польсково короля онъ былъ ли, и будетъ былъ, по которую пору і въ которомъ городе и для чево у него (былъ) или у него помочи просилъ, і что ему король сказалъ, помочь ему какую учинить хотѣлъ ли, или ему отказа(лъ)?

І Александръ сказалъ: что онъ самъ у польского короля не бывалъ, а какъ ѣхалъ къ цѣсарю, и былъ въ Бракове, и, по совѣту маршала Вольсково, писалъ онъ ко князю Флоренскому, чтобъ за него писалъ къ польскому королю о вспоможенъе, і князь де къ польскому королю і писалъ, и король де поставилъ ни во што; а опричь де того у польсково короля не бывалъ і король ево польской не знаетъ.

Александра жъ спрашивали: что ево нынѣ мысль: какъ ему отца своего государство достунать, и на ково въ томъ большую надежду имѣеть? И говорили ему о томъ разговоромъ широко и пространно і выговаривая ему, чтобъ онъ съ ними говорилъ о всемъ не скрываяся ни въ чемъ и не опасаяся ничево.

И Александръ говорилъ: чаеъ онъ государства своего достунить тѣмъ обычаемъ. Которые ево царемъ приняли, Сербы, Болгары, Плавы, Арбаниты, и Клименты, и Болопавлики, и Герцеквинны, и Кучи, і Химари, земли свободные и люди многие, всѣ хрстіанские вѣры і богатые люди, а живутъ на горахъ; турские люди и по ся мѣста осилети ихъ не могутъ; а турские люди живутъ просто въ посадахъ; городовъ у нихъ мало, и наряду нѣтъ; а города у нихъ и нарядъ многой по венгерской границе, а среди государства городовъ мало; и онъ надѣтца на то, что онъ возьметъ у князя флоренсково мушкеты и роздастъ людемъ, и, прося у Бога милости, хочеть съ тѣми своими людьми притти на Турское государство среди земли, гдѣ мѣсть и городовъ крепкихъ лѣтъ; и которые мѣста бли(зко) Царя города и какъ т(е),

дасть Богъ і поможетъ, около Царя города повоже(тъ) и мѣста поемлетъ, часть и Царь городъ взять, потому что турки бывають больше по границамъ. А и межъ турковъ во Царе городе і выныхъ окольныхъ мѣстахъ многие греки крестьяне; и хотя они ныне имъ і не помочь, а какъ онъ собрався на турковъ придетъ, и они де всѣ тутъ же готовы будутъ ему помогать и надъ Турскимъ промышлять. Да и то де ево обнадеживаетъ, что ныне Муратъ салтанъ племянникъ ево дѣтина молодъ, всево въ двенацать лѣтъ, и промыслу у него чаятъ нечево; а онъ человекъ свертной і наученъ, і вѣры православные христьянские, и больши всево надѣтца на Бога, что ему для своего святаго имени будетъ ему помощникъ. А какъ онъ прежь сево собрался было съ людьми и братъ ево Ахметъ салтанъ выслалъ на него войско и побилъ, и онъ было хотѣлъ отъ тово і унятца и постритца въ черницы, і Иванъ де архиепископъ сербскій отъ тово ево удержалъ и постричися ему не поволинъ, а говорилъ ему, что онъ царь православной, а хочеть ныне государства своего отступитца, и онъ бы однолично тово не учинилъ и государства бъ своего доступалъ и православныхъ крестьянъ оборонялъ, а Богъ ему поможетъ для избавы крестьянские. А будетъ онъ отъ тово отступитъ или пострижетца, и онъ со всѣми епископы съ него благословеніе сымутъ і проклятию предатутъ. Потому онъ и по ся мѣста отъ тово не перестаетъ і всякими мѣрами промышляетъ какъ бы ему православныхъ христьянъ отъ неволи турецкие избавити.

— бьетъ (Александръ) челомъ и милости у нихъ милости выхъ своихъ государей просить (т. е. у царя и его отца), чтобъ они государи пожаловали ево по своей государьской милости для тово, что онъ бѣдный царь христьянской, велѣли ему итти черезъ свое государство на Донъ и казакомъ, которые тутъ на Дону, поволили бъ съ нимъ итти; и онъ бы прошолъ съ ними рекою Дономъ да Чорнымъ моремъ въ реку Дунай, и Дунаемъ рекою въ Болгарскую землю; а Болгары ево государства люди, и учнутъ збиратца тотчасъ. А будетъ государь того не пожалуетъ, донскимъ казакомъ итти съ нимъ не поволитъ, и государи бъ пожаловали ево, велѣли дати мушкетовъ, сколько они государи по-

жалуютъ и пропуститъ его Дономъ же рѣкою, чтобъ ему проѣхать Чернымъ моремъ въ Болгары.

И Дмитрей и Григорей спрашивали Александра: какъ онъ въ Запорогехъ былъ, и онъ съ донскими казаками ссылался ли, или у нихъ и на Дону въ юртехъ былъ, или они къ нему въ Запороги приезжали, и кто приезжалъ, и договоръ съ ними у него какой бывалъ ли, и на чомъ договорились?

И Александръ сказалъ: На Дону онъ не бывалъ, а какъ донскіе і запорожскіе казаки ходили моремъ на Турсково города, запорожскихъ сто шездесять полковъ, а донскихъ шездесять или семдесятъ чолновъ; и какъ тѣ донскіе казаки после того были въ Запорогехъ триста человекъ, и тѣ донскіе казаки съ нимъ виделись и говорили ему: будетъ запорожскіе казаки съ нимъ пойдутъ на Турсково, и они донскіе казаки пойдутъ съ нимъ всё. А атаманъ въ тѣ поры у нихъ былъ, Алексѣемъ зовутъ, молодецъ добръ, а чей словеть, того не помнитъ. И слово свое ему на томъ дали, и по рукамъ съ нимъ били. И государь бы и святѣйшій патріархъ пожаловали бъ его, велѣли ему донскими казаки помочь учинить. А будетъ казакомъ помочи учинити и мушкетовъ дать не велять, і они бъ государи пожаловали его, велѣли пропуститъ черезъ свои государства на Великій Новгородъ или на Архангельской городъ, чтобъ ему проѣхать къ шюрину своему ко князю елоренскому і, взявъ бы у него и у иныхъ приятелей, которые похотятъ помогать, казну и мушкѣты, итти въ свое государство и съ тѣхъ странъ и промыслятъ, сколько Богъ поможетъ.

Царскіе слѣдователи обѣщали отписать немедленно по сему предмету къ царю и сообщить царевичу Александру о царской волѣ

Разказъ священника Филиппа объ Иовъ Борейкомъ, Александръ Ахія и о событіяхъ въ Малороссіи.

Да генваря въ 12 день Дмитрей Васильевичъ Лодыгинъ да діакъ Григорій Нечаевъ, призвавъ къ себѣ киевско митрополита попа Филиппа, и спрашивали ево, для чево онъ въ Московское государство приѣхалъ: митрополитъ ли ево съ какимъ дѣломъ послалъ къ великому государю (титулъ) и къ отцу ево (титулъ), грамоты отъ Иева митрополита съ нимъ есть ли, і будетъ есть, и онъ бы тѣ грамоты къ нимъ прислалъ.

И попъ Филиппъ сказалъ: Послалъ ево митрополитъ киевской Иевъ Борейкой ісь Кіева проводити Александра Ахія, для тово что Александръ митрополиту Иеву у исповѣди сказалъ, что онъ турсково салтана сынъ царевичъ і во святую православную христіанскую вѣру крещенъ, и отъ ево руки причащася пречистаго тѣла и крови Христа Бога нашего. И митрополитъ прошлого году посылалъ ево тово Александра проводить въ Запороги хъ казакомъ и къ черкасомъ; и онъ попъ Филиппъ ево и проводилъ. А какъ на запорожскихъ казаковъ и на черкасъ пришли поляки і ляхи и тому Александру въ Запорогахъ отъ поляковъ пробуть было нельзѣ, и прибежалъ опять къ митрополиту въ Кіевъ. И митрополитъ Иевъ, опасаяся тово, что ему и тутъ прожить отъ поляковъ и укрытца нельзѣ, да и для тово, что онъ у исповѣди митрополиту вдуховне сказался, что онъ турсково царя сынъ, велѣлъ ему пону Филиппу Александра проводить до Путивля береженьмъ. А больши послалъ для тово, что Александръ Ахія вдуховне ему сказался государьской сынъ, и какъ онъ будетъ въ Московскомъ государствѣ у государя и у великаго государя святѣйшаго патриарха и чево будетъ розказати не изумѣтъ, и про то онъ Филиппъ розкажетъ. —

І попъ Филиппъ спрашиванъ: какой человекъ Александръ, і въ которыхъ государствахъ былъ, и какъ онъ въ Кіевъ и отколе

приѣхалъ, и для чего, і исъ Кіева гдѣ былъ, и для чего въ Московское государство приѣхалъ?

И попь Филиппъ сказалъ: Въ прошломъ году по лѣту посылаъ ево митрополитъ Іевъ къ запорожскимъ казакомъ для милостыни на церковное строенье; и былъ онъ тамъ немногое время, и что ему дали на милостыню и на сакъ митрополиту дали, то изъ Запорогъ съ собою повезъ. І октября въ 27 день прошлого году встрѣтилъ онъ митрополита Іева къ Запорогамъ отъ Кіева шесть миль на бору; а съ нимъ ѣдетъ тотъ Александръ, а онъ попь Филиппъ ево не зналъ. И митрополитъ, поукрепя ево вѣхове, и сказалъ ему: припожь де тотъ человекъ къ нему въ Кіевъ октября въ 21 день и сказалъ де ему, что онъ турецково салтана Магамета сынъ салтанъ Іахия, родился отъ грекнии Елены христьянки, и крестилъ де ево Козма, митрополитъ селунской, и нареченъ во святомъ крещеніи Александръ, і гдѣ онъ былъ і въ которыхъ государствахъ, и что гдѣ надъ нимъ дѣлалося, то все ему сказалъ; а въ Кіевъ де онъ припожь для того, чтобъ ему итти къ запорожскимъ казакомъ и поднять ихъ на войну противъ Турка, и просилъ де у него того, чтобъ ево исповѣдалъ и причастилъ, потому что онъ многое время былъ въ немецкихъ і выныхъ во многихъ государствахъ, а не исповѣдался и не причащался многое время. И онъ де ево исповѣдалъ і у исповѣди ему про свое роженъе и гдѣ былъ и какъ въ православную вѣру крещенъ, сказалъ тожь; и онъ де, исповѣдавъ ево, велѣлъ то все о ево роженіи и пребыванъе написать подлинно. И тотъ де человекъ написалъ то все греческими письмены. И какъ де онъ припожь ко причащенью тѣла и крови Христовы, и митрополитъ по тому письму ево спрашивалъ: приступаетъ онъ къ тѣлу и крови Христове, а у исповѣди сказался онъ турецково салтана сынъ, і онъ бы сказалъ подлинно, таки ль то правда, что онъ сказалъ і въ письмѣ своемъ написалъ. И Александръ де, пришедъ къ причастью и положи на то свое письмо руку, клялся и присягалъ, что онъ турецково салтана сынъ, и что онъ про себя митрополиту указалъ і въ письмѣ своемъ написалъ, все правда, а ложно ничево не написалъ. А будетъ что сказалъ или написалъ про себя ложно, и ему бѣ здѣ на семъ свѣте быть прокляту и отъ Бога отлучену, да и

на томъ свѣте милости Божіи лишена быти. И митрополитъ де ево и причастилъ, и поѣхалъ ево проводить въ Запороги, чтобъ ему отъ польскихъ урядниковъ до Запорогъ пробѣхать.

А сказавъ то митрополитъ, велѣлъ де ему попу Филипу воротитца въ Запороги и Александра проводить до черкасскихъ городовъ, и грамоты объ немъ въ Запороги хъ казачьему гетману къ Балининку и къ старшинамъ казачьимъ написавъ, съ нимъ послалъ, а самъ воротился въ Биевъ. А приказалъ ему тово Александра беречь, какъ ево митрополита. И онъ де Филиппъ проводилъ ево Александра до Брылова города, которой стоитъ къ полю и порогамъ на границе. И тутъ въ Брылове митрополичьи грамоты, которые писана къ гетману казачью, да другую къ писарю, третью къ судьямъ отдалъ Александру, что писалъ митрополитъ объ немъ Александре, хто онъ и для чево въ Запороги ѣдетъ. И отдалъ ево тутъ въ Брылове старшинѣ Чепраку и казакомъ, а самъ воротился назадъ ноября въ 14 день 133 году.

Александръ поѣхалъ за Пороги къ гетману и хъ казакомъ, и что у него тамъ дѣлалось, тово онъ не вѣдаетъ. И тово жъ году въ генварѣ тотъ Александръ приѣхалъ назадъ въ черкасской городъ и прислалъ къ митрополиту, чтобъ ему съ нимъ видетца. И митрополитъ де приѣхалъ въ Трехтемиревъ монастырь отъ Биева 60 верстъ, а Александръ тутъ же приѣхалъ и говорилъ митрополиту, чтобъ послалъ къ великому государю царю і великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русіа зъ грамоты ево попа Филиппа, прося у государя себѣ жалованья и помочи. И митрополитъ Александру сказалъ, чтобъ онъ (послалъ) къ государю своихъ посланцовъ, а онъ митрополитъ къ государю о томъ опишетъ. И послалъ Александръ къ государю посланцовъ своихъ Марка Македонина да Ивана Доброво(?) генваря въ 24 день.

Александръ дожидался ихъ въ черкасскомъ городе; а сказалъ митрополиту, что запорожские казаки (съ ни)мъ подъ Царь городъ итти хотѣли, а онъ имъ посулилъ наемные деньги; а хотѣлъ де ево помогать король шпанской; а договорился было съ казаки, что имъ (итти?) зимою тово жъ 133 году, для тово, чтобъ реки перейти по леду до моря, а на веснѣ итти моремъ и Дунаемъ мимо Волоскую и Мультиянскую землю къ своимъ людемъ, кото-

рые князи и люди ему поддалися и подписались; а какие тѣ люди, тово онъ не вѣдаетъ. І въ тѣ поры де-приходилъ на Польсково крымскій калга Шанъ Гирѣй и съ казаки помирился, а къ польскому королю послалъ пословъ своихъ. И казаки де ему говорили, что имъ тое зимы итти съ нимъ нельзя, потому, миръ ли будетъ, или война, тово невѣдомо; а только миръ будетъ, и они съ нимъ на новую зиму однолично пойдуть всѣ головами свидими. А ево де Александра взяли въ свой черкаской городъ и кормъ ему давали, і былъ тутъ всю зиму, и посланцы ево отъ государя съ жалованьемъ тутъ къ нему пришли. И на веснѣ, взявъ ево казаки, поѣхали въ Запороги и договорилися съ нимъ, что имъ всѣмъ итти съ Александромъ сее зимы для жъ тово, чтобъ реки ледомъ перейти. И былъ тамъ Александръ до августа мѣсяца.

И въ тѣ поры пришло въ Запороги отъ польско(го) короля посолъ Пачаковской и заказалъ казакомъ, что польской король съ Турецкимъ и съ Крымскимъ помирился, и они бъ войною на турецкие и на крымские мѣста полемъ и моремъ не ходили, да и то имъ объявилъ; что будетъ къ нимъ гетманъ конецпольской, и они бъ готовились на зборъ і выписывалися бъ сами, что имъ быть въ казакѣхъ шти тысячамъ человекомъ, а достальныхъ написать въ пашенные люди. А будетъ они на Турсково и на Крымсково полемъ и моремъ пойдуть или не учнутъ выписыватца, и король де приказалъ гетману Конецпольскому ихъ всѣхъ побити и попленити. И слыша де то казаки, испужалися, и хотѣли послать къ королю атамановъ о томъ съ челобитьемъ; и Пачаловской де имъ сказалъ, что имъ и посылать нѣчево для: королевской указъ инако не будетъ.

И видя то Александръ, что ему ни въ чемъ не спѣветъ, о томъ оскорбился; а казаки запорожские на турецкие украинны полемъ не пошли, а моремъ заказу не послушали. И тамъ ихъ турки побили въ дву мѣстехъ да на морѣ вѣтромъ потопило 22 или 23 чолна. А въ тѣ жъ поры безъ нихъ пришло на нихъ гетманъ Конецпольской съ поляки всъ яхи со многими людьми, и города черкасомъ и Крыловъ і иные, и мѣста разорили и попленили і выжгли. А какъ они съ моря пришли и хотѣли съ Конецпольскимъ бой учинить, и онъ имъ собратца не далъ и пришелъ на станъ

ночью, и былъ бой великой. И победи на томъ бою казаковъ съ пять тысячь человекъ, а ляховъ съ три тысячи человекъ. А послѣ тово гетманъ хъ казакомъ приступалъ і казаки съ нимъ говорили и чево они у нихъ хотятъ. И гетманъ сказалъ имъ, чтобъ ихъ впередъ было въ Запорожехъ 4.000 человекъ, а больши бѣ тово не было. И казаки ему отказали, что имъ такъ учинить нельзя. И договорились, что быть впередъ шти тысячамъ человекомъ, а достальныхъ всѣхъ изъ Запорогъ выслать и пописать въ нашенныя люди. И казаки де переписываютца і выбираютца въ 6.000 человекъ сами. А кровь де полилась многая, а впередъ тово жъ часть, потому что нынѣ въ запороскихъ мѣстехъ есгъ всякихъ людей съ сорокъ тысячъ, и которые за шестью тысячи останутца, и тѣ въ нашенныхъ людехъ быть не захотятъ, и чая(ть) тово, что войну взочнутъ, или пойдутъ въ Запор(ог)и или на Донъ.

А какъ де гетманъ на козакоу пришолъ и гетманъ де казачей Александра Ахию отпустилъ изъ Запорогъ въ черкаской городъ и далъ ему проѣзжей листъ къ своимъ товарищамъ, чтобъ ево пропущали і провожали і берегли, а изъ черкасково городка прибежалъ Александръ опять въ Киевъ къ митрополиту, убоясь поляковъ; а въ которомъ мѣсяце и числѣ, тово онъ не упомнить. И держалъ ево митрополитъ въ Михайловскомъ монастырѣ недѣлю, а после тово побѣгъ въ селѣ тайно въ чернеческомъ платьѣ. И учали ево ляхи сысковать, и говорили казакомъ, чтобъ ево сыскали. И Александръ де билъ челомъ митрополиту, что ему тутъ прожить нельзя, и митрополитъ бы объ немъ промышлялъ, какъ бы ему выѣхать, чтобъ ему Александру и митрополиту въ немъ не погнунуть, и чтобъ ево митрополитъ отпустилъ въ Нѣмцы черезъ Польшу на Краковъ. І митрополитъ де ему туды ѣхать не поволитъ, потому что ему пройти было і проѣхать нельзя: вездѣ были поляки и ляхи, и только де тебя Александра понимаютъ, ино і ему въ немъ погнунуть. И говорилъ ему митрополитъ, чтобъ онъ ѣхалъ въ Московское государство, и государь велитъ ево пропустить и проводить, куды ему годно. І Александръ де тому обрадовался, а постоявъ молилъ (повтореніе опасеній, что изъ Московскаго государства его не выпускать, но Борецкій его въ томъ

разувѣрилъ). I въ другой день митрополитъ Александра отпустилъ, а ево де поца Филипа за нимъ съ людьми ево и съ рухлядью на завтрее тово.

На разспросы Лодыгина и Нечаева о вѣрѣ Александра, священникъ Филиппъ отвѣчалъ: что, по ево видѣнью, кабы онъ крестьянскую вѣру имѣеть; вѣрую во единого Бога Отца вседержителя говорить по гречески (т. е. согласно съ греками) всегда истово, да и то говорить: и въ Духа святого, Господа истиннаго и животворящего, иж(е) отъ Отца исходящего, а не такъ, какъ латинники говорятъ: иж(е) отъ Отца и Сына исходящего. И канонъ акаѣистовъ говорить же, и образомъ поклоняетца; и ничево онъ повреженья въ вѣре не видитъ; а сердечное ево Богъ вѣсть. — А осталась де у митрополита Александрова шкатулка, а въ ней листы два или три съ печатями: одинъ отъ маршалка Вольсково, а что въ немъ писано, тово онъ не вѣдаетъ: писано по латынски; а другой листъ пробъзжей отъ нѣкоторово бископа, что вѣдетъ княже Александръ, и ево бѣ пропускали; а третей листъ не вѣдаетъ какой. — А на ково въ томъ, чтобъ ему государство сво(до)ступить, имѣемъ надежду, и для чево въ Московское государство прѣйхалъ и что ево мысль, тово онъ не вѣдаетъ; только онъ съ Александромъ говорилъ въ розговоре; что ему въ Московскомъ государствѣ будетъ дѣло? и Александръ ему сказалъ: только де у нево въ Московскомъ государствѣ у государя будетъ дѣла двѣ рѣчи, любо такъ, или такъ; а какие рѣчи, тово ему не сказалъ. И онъ де ево спрашивалъ, чтобъ ему сказалъ: какие тѣ рѣчи? нѣшто хто будетъ съ Москвы отъ государя насъ спрашивать, и мнѣ вѣдать, что сказать. И Александръ де ему противъ тово говорилъ: Будетъ ково государь къ нему пришлетъ, и онъ ихъ спроситъ, приказано ли имъ о всемъ (отъ) государя, спрашивать, и только имъ приказъ государевъ о томъ будетъ, и онъ тѣ оба слова имъ скажетъ, а ему де попу Филипу тово одною(тъ) не сказалъ. И ничево де онъ про Александра больши тово не вѣдаетъ.

Письмо великаго герцога флорентинскаго къ Александру Ахінъ.

Переводъ зъ грамотъ, что прислали изъ Мценска Дмитрей Лодыгинъ да діакъ Григорей Нечаевъ, что далъ имъ Александръ Ахия, а сказалъ имъ, что тѣ грамоты прислалъ къ нему изъ Италиі елоренской князь. Переводилъ обтѣкаръ Ондрѣй Ивановъ да переводчикъ Еремѣй Еремѣевъ да дохтуровъ Валентиновъ челоувѣкъ Степанъ италянскій сытальянсково на немецкой языкъ, а съ немецкого на руской, генваря въ 17 день. А подписывано: Государь салтанъ Иахия, буди тебѣ милость Божия.

А въ грамоте на верху написано:

Государю салтану.

Лука Деазиновъ Фавроній грамоту вашу мнѣ подалъ, и истое вашей грамоты я выразумѣлъ есмь, что вы желаете отъ насъ, чтобъ мнѣ для вашего величества къ литовскому королю грамота послать, чтобъ онъ тебя жаловалъ. І въ чомъ мнѣ возможно тебѣ въ твоихъ делахъ послужить и помогати, и я въ томъ готовъ, какъ и посямѣста радѣлъ и помагалъ, о чомъ изусно у Фантиана услышишь и королевскую грамоту, накову къ тебѣ польской король писалъ, отдасть тебѣ самъ Фавронъ, и что твое хотѣнье въ твоихъ делахъ будетъ, и тебѣ бѣ о томъ ко мнѣ вѣдомо учинить, чтобъ мнѣ въ твоимъ дѣле могъ онъ тебѣ служить и помочь учинить, сколько мочь моя сяжетъ, чтобъ было къ покою крестьянскому, и желаю отъ всемогущего Бога, чтобъ Богъ моленье мое услышелъ и подалъ тебѣ, тово я тебѣ желаю, и далъ бы тебѣ щастье въ твоихъ прямихъ дѣлахъ. Писа(нъ) вытальянской землѣ, въ городе Флорен(ціи) генваря въ 12 день 1618 году, (а) поруски 127 году.

А внизу у грамоты написано: Вашей любви сердечной другъ князь великиі.

А печать у тое грамоты елоренского князя, а около еѣ написано: Козмосъ Фторый князь великий елоренскіи четвертый Отто Итрурия.

Письмо матери великаго герцога флорентинскаго къ Александру Ахивъ.

А другая грамота писана отъ матери влоренскаго князя къ тому жъ салтану.

А на подписи написано: тому великому государю салтану Ахивъ Аттаману, того Богъ сохрани.

А въ грамоте написано:

Государю салтану.

Твоя государева грамота, которую ты далъ въ Бракове, до меня дошла декабря въ 20 день, (и то)е твою грамоту казала я великому государю, сыну своему, і вмѣстѣ съ сыномъ своимъ выслушали і выразумѣли еѣ съ великою (радо)стью, что твое государево дѣло въ великой надежѣ і въ счастливомъ совершенъе будетъ, и желаю того слышати съ великою радостью, чтобъ ваше желанье съ радостью совершилось. А что ты, государь, наше желанье и думу нашу хочешь вѣдати и чтобъ ваше хотѣнье тѣмъ государи приняли, и на то придумали мы, чтобъ вы тотъ приговоръ и умысленье приняли безо всякаго отложенья и сумнѣнья. А будетъ впередъ война учинитца или къ войнѣ придетъ, и счастье въ томъ будетъ, и тѣ дѣла сами ся покажутъ, и мочно ихъ къ доброму пути привести; а будетъ тебѣ годно, что тебѣ счастья своего искать, и ты бѣ тѣмъ премышлялъ и больше того, что ты, великой новый государь, которому быти государемъ, еще молодъ і во владѣнье своемъ еще не надеженъ. А потомъ молимъ всемогущаго Бога, чтобъ твое государево прямое дѣло совершить счастливо. Писано въ го(родѣ) Пизе генваря 27 глѣта отъ Рожества Христова 1617, а по руски 126 году.

А на низу написано: Вашей любви къ службѣ великая княгиня Христьяна.

А у грамоты печать еѣ, а коло печати написано: Крестьяна великая княгиня тусканская.

Прозѣсїй листъ Запорожскаїо Войска, данный Александру Ахїю.

Переводъ съ листа запорожскихъ казаковъ, которой прислали изо Мценска Дмитрей Лодыгинъ да діакъ Григорей Нечаевъ, что взяли у Оленандра Ахия.

Михайло Дорошенко со вѣсѣмъ Войскомъ его королевскои милости Запорожскимъ.

Атаманомъ и вѣсѣмъ товарищемъ нашимъ по мѣстахъ и мѣстечкахъ и гдѣ ни есть пребывающихъ (sic) доброго и счастливого пребыванья отъ Господа Бога имѣть желаемъ.

При томъ до вѣдомости вашей доносимъ, иже (sic) за вѣдомостью нашею въ потребахъ (св)оихъ ѣдетъ до городовъ вельможный его милость княже Олександръ, царь турецкой, который въ чомъ бы годно васъ въ которомъ нибудь городе о какую помочъ жадалъ, дали подлинно и подъ грозой именемъ войсковымъ розказуемъ, чтобы естя ему во всемъ помочными были. А естя ли бы какое насильство отъ пановъ польскихъ или отъ ково иного на него приходило, і вы бъ его берегли, не допускаючи ему никакие малые кривды, а наипаче учтivity въездѣ между вами имѣлъ такую, которая годна естя царскому стану, однолично бы естя инако не чинили, подъ ласкою и сердитымъ кораньемъ войсковымъ. За тымъ васъ Господу Богу поручаемъ. Писанъ за Порогами на куреняхъ у Ореховки мѣсяца іюня 26 дня 625-го году.

Приписалъ Ондрѣй Кривобоковъ, писарь войсковой.

Печать войсковая.

Донсенія царскихъ слѣдователей о дальнѣйшихъ бесѣдахъ ихъ съ Александромъ Ахїю.

— А после прежняго, государи, какъ приходилъ къ нему Александръ напередъ тово голову простригъ и учинилъ хохоль,

какъ дѣлають польскіе купцы. И мы ему къ слову выговорили: и сказываецца онъ наши православные христіанскіе вѣры, а учинился въ хохлѣ поляшкѣ, и въ крестьянскихъ обычаяхъ такъ не повелось. И Александръ говорилъ, что онъ называецца полякомъ купецкимъ человекомъ, и онъ простригъ на головѣ такъ же, какъ польскіе купецкіе люди дѣлають, чтобъ не признатно. Да и въ Турской де земли только брѣютца, а такъ же дѣлають. А собою, государи, Александръ ростомъ средней и образомъ обышней, черноусъ, въ лицѣ щупловатъ, носъ плоскъ, продолговатъ; лѣтъ ему побольши сорока, а по разсмотрѣнью, государи, смышленъ і въ рѣчи остерегательнъ, и ячки говорить, и гра(мо)те наученъ многихъ земель. А въ вѣре ево знать.... а вѣрую во единого Бога Отца вседержи(теля) говорилъ по достоинству и образомъ (пок)лоняетца, только крестца кабы не истово. А какъ съ нами холопи вашими говорить, и онъ на образъ пречистые Богородицы взираетъ часто умилнымъ обычаемъ. И прежь сево и ныне, какъ объявлялъ намъ, для чево онъ въ Московское государство приѣхалъ, и онъ билъ челомъ вамъ государемъ вставъ і, взозрѣвъ на образъ пречистые Богородицы, прослезился и говорилъ все стоя и сквозь слезъ. А иново, государи, нельзя разсмотреть: въ рѣчехъ опасенъ.

134 г. генваря въ 14 д. Дмитрей Василевичъ Лодыгинъ да діакъ Григорей Нечаевъ спрашивали Александра Иахию: Въ Путевле царского величества воеводамъ онъ сказывалъ: Въ прошломъ году на веснѣ ѣздилъ онъ въ Запороги хъ козакомъ звати ихъ на войну противъ Турского, і козаки запорожскіе на Тусково съ нимъ итти хотѣли (и для того присылали де къ нему Александру изъ Грекъ и изъ Сербскіе земли, і изъ Болгаръ, і изъ Ехимары, і изъ Климентины, и изъ Белопавликовъ и изъ Герцековины, і изъ Маневцы, і изъ Дуказины тѣхъ земель князи, чтобъ онъ съ запорожскими козаки шолъ къ нимъ въ Сербскую землю и въ Болгары, а они, сложасъ съ нимъ, пойдутъ все на Турсково. Да ему жъ де Александру хотѣли помогать король шпанской да

князь Олоренской и иные князи. Сколь давно изъ тѣхъ земель, для того чтобъ онъ съ запорожскими козаки къ нимъ шолъ, присылали, и ково присылали, и грамоты отъ нихъ у него есть ли, и коими обычай король шпанской и князь Олоренской помогать ему хотѣли, и какую помощь ему, казною, ли, или людьми, и будетъ казною, и чему вѣря, какое съ нимъ укрепленье у нихъ было, и гдѣ было ему тою казною людей наймовать, и для чево король шпанский и князь олоренский, на то чтобъ во Царѣ городе учинить православная христианская вѣра, но прежнему помогать ему хотѣли, а они сами латынники і вѣре греческой неприятели и гонители церкви восточные, и хто иные князи, и которыхъ вѣрѣ, и какую помощью помогать ему хотѣли, и гдѣ было ему съ тѣми людьми сходитца?

И Александръ сказалъ: что онъ тово, что ему король шпанской хотѣлъ помогать, въ Путивле воеводамъ не сказывалъ, а сказывалъ де имъ то, что ему хочеть помогать князь олоренской по дружбе и по тому, что сестру свою за него зговорилъ; да и иные де, чаю, князю олоренскому въ свойствѣ, помогутъ же. А на вѣру греческую посягаетъ папа и кардиналы ево и езовиты, а короли и князи на то и не глядятъ; воли въ вѣре ни у какихъ людей не отымають. Да и турецкие де люди у крестьянъ вѣры ихъ не отымають же и къ своей вѣре сильно не приводятъ. А и съ тѣхъ ево земель (о)томъ, чтобы къ нимъ шолъ съ Запорожскими козаки, къ нему (не) присылавали і воеводамъ въ Путивле тово не сказывалъ, а писалъ де изъ Запорогъ въ тѣ земли онъ Александръ, что часть онъ у Бога милости, что будетъ къ нимъ въ горы съ запорожскимъ войскомъ; то онъ въ Путивле сказывалъ, и тотъ ево промыслъ въ Запорогахъ не стался, потому что пришолъ на казаковъ гетманъ Конецпольской съ поляки и съ ляхи со многими людьми і ихъ побилъ и разорилъ, и имъ стало до себя.

Александръ ж(е) Иахия говорилъ, какъ онъ съ Дмитреємъ и съ Григорьемъ прежь сево говорили, и онъ во многихъ рѣчехъ і заблъ говорити, что была у папешниковъ кавалерія, кабы посполитое собранье и совѣтъ крестьянскихъ людей ратовати на поганныхъ. Тому ныне семь лѣтъ, папы римсково езовиты, по ево заводу, зговорились съ княземъ Ниверненскимъ, о которомъ онъ

Александръ на прежнемъ роспросе объявилъ, что посылалъ дву епископовъ тѣхъ земель, которые ево Александра учинили себѣ царемъ Сербы и Болгары, и иныхъ горь людемъ, чтобъ ево учинили царемъ, а писался онъ по родству отъ греческихъ царей Палеологовъ Константинъ Палеологъ; а онъ отъ Палеологовъ только по девице, и тому уж(е) двѣсте лѣтъ. И тѣхъ земель люди хотѣли ево царемъ учинити, і по совѣту і наученью Іванна архиепископа сербскаго, тому князю Ниверненскому Константину Палеологу отказали и отъ промыслу его отстали. И присылали къ нему Александру въ Неополь и съ нимъ договори(лись) и укрепилися, что ему быть надъ ними царемъ... для того тотъ же князь Ниверненской Костян(тинъ) Палеологъ присылалъ въ тѣ земли двухъ биско(повъ), а дву капитоновъ тѣхъ земель, которые при(шли) къ нему собою, чгобъ онъ опять послалъ (биск)оповъ тѣхъ земель и горь людей наговаривати, (чтобъ) ево князя Костянтина учинили царемъ... многихъ людей на то приведутъ; и тѣ де епи(скопы) и капитоны, ходя по тѣмъ землямъ и горамъ, всякихъ людей понаговаривали, и хто имъ на то повязался и тѣмъ они давали чепочки золоты, а на нихъ парсуны князя Ниверненсково на золоте жъ, что съ ними князь для того послалъ. И свѣдавъ де про то онъ Александръ, писалъ тѣхъ своихъ земель ко княземъ, а велѣлъ тѣхъ епископовъ и капитоновъ побить. И тотъ князь Ниверненско, видя, что ево мысль не збылась, съ папою римскимъ съ Павломъ і съ езовиты учинили кавалерию, чтобъ ему и инымъ княземъ и паномъ большимъ і всякимъ великимъ і богатымъ людемъ собрать многую казну и наняти ратныхъ многихъ людей и съ тѣми людьми итти на турсково салтана, и чтобъ имъ Царь городъ Іерусалимъ і вся Туроково земля поимать, а утверженье чинити, прибирая ратныхъ людей, приводити ихъ (хъ) клятве надъ Евангелиемъ на томъ, что имъ итти подъ Іерусалимъ и противъ Турсково стоять шесть лѣтъ безъ найму, а переднимъ (?) дадутъ наемъ, а до тѣхъ мѣсть, пока Іерусалимъ возмутъ. отнютъ не отойти. И къ тому совѣту ко князю Ниверненскому пристали Влоские земли князи жъ: князь мантонскій, князь де урбинскій, князь де парискій, оранцузы дука де Гизъ, дука де Лорена, малграеъ Далтамъ, венгрияъ Уманениъ

Гирги, полякъ Христоооръ Варицкій, полякъ Жебридовскій, воевода краков(скій и) Шпанские земли князи: дука де Фериа (и Бон)те Делемусъ. І тѣ у тово збору начальныи (знатн)ые люди, а съ ними въ томъ совѣте были.... (мно)гие люди, которые не знатны. И собрали денегъ много. Князь Ниверненской далъ въ тотъ зборъ 600.000 ѡемковъ, а иные князи и паны такъ ж(е дав)али много: иной 200.000 ѡемковъ, иной полтораста, иной сто тысячь ѡемковъ. а иные сколько хто могъ; и вдовы, которые богаты, и съ нихъ тутъ же зборъ имали. А начальниковъ надъ тою кавалеріею и надъ ратными людьми учинили: князя Ниверненсково, дуку домантовсково, малграаа далтимсково. А съѣздъ и зборъ былъ у нихъ въ Чешской земли, въ городе въ Оломунце, и ѡемковъ въ тѣ поры собрано четыре миліоны и больши.

И призывали князь ниверненской и дука Дамалтонъ и малграаево ево Александра къ себѣ въ Оломунецъ, а онъ въ тѣ поры былъ у цѣсаря Рудольба; а какъ онъ къ нимъ пріѣхалъ, и они ему про тое кавалерію объявили, и говорили ему: вѣдаютъ они, что Сербы и Болгары, і Арбаниты, и Дуказины, і Болопавлики і Герцековины і иные земли, которые въ горахъ, нарекли ево Александра у себя царемъ, и то де по ся мѣста не сталося, и ходишь де ты межъ людей, какъ худой жолнырь; тово и жди (чего-то не досказано)... Кто и будетъ за убогово пахолка? Коли Богъ не изволить, не можетъ человекъ безъ Божіи воли ничево учинить. И онъ бы пристагъ къ ихъ совѣту і былъ съ ними четвертымъ (кавалеріиномъ, и дадутъ ему ратныхъ людей и казны много, и какъ де они пойдутъ подъ Ерусалимъ и подъ Царь городъ, а онъ бы шогъ въ тѣ жъ поры въ тѣ свои земли и горы, и собралъ бы ратныхъ людей, а они ему дадутъ пушекъ і мушкетовъ и зелья, сколько ему надобно, і вооружа бъ тѣхъ людей, шогъ къ нимъ въ сходъ и стоягъ съ ними на Турекова (за) одинъ; а какъ Туреково осилеютъ и Ерусалимъ и Царь (гор)одъ возмутъ, і они ему дадутъ въ государство земли, кото(ры)е бутуть годны, а люди ево будутъ вольны, въ которой (в)ѣре они похотятъ быть, а они ихъ отъ вѣры неволить не учнутъ. И давали ему многую казну и на(ря)дъ, только бъ онъ на томъ имъ присягалъ, что съ ними стоять на Туреково за одинъ. И онъ де имъ говорилъ: (бу)-

дети они хотятъ тово, чтобъ ему итти съ ними на Турсково і будетъ они учинятъ ево царемъ благочестивымъ во Царѣ городе и во всей Греческой земли і въ тѣхъ горахъ и земляхъ, которые нарекли ево себѣ царемъ, і въ вѣре неволи не будетъ, и онъ на ту войну съ ними идетъ и съ людьми своими собиратца учнетъ; а они бѣ шли въ Анатолию і подъ Ерусалимъ и подъ Дамаскъ и подъ Египеть, и что они себѣ могутъ у Турсково городовъ и мѣстъ взяти, и то имъ. И они ему сказади: То де ты мыслишь надъ нами учинить такъ, какъ прежь сево греческой царь Мануилъ учинилъ еранцузскому королю Болдовину, какъ онъ ходилъ на турецкихъ людей на сатана Лабня, и царь де Мануилъ поволитъ ему черезъ свою землю итти, а какъ тѣ немецкие люди тамъ позаменяли, и царь де Мануилъ, учиня съестные запасы съ отравою; послалъ къ нимъ продавать, и отъ тое отравы тѣ немецкие люди померли; а ты де надъ ними тожъ хочешь учинить. И онъ де имъ отказалъ, что онъ такъ учинить і не мыслить. И тѣ де князи говорили: Греки де на насъ и щущие пеприятеля; злѣе Турсково надъ ними учинятъ. И ево Александра почтивъ, отпустили.

І посылали де они пословъ своихъ еранцуза Мусунъ і Марконета къ польскому королю, чтобъ имъ со всеми ратными людьми итти поволитъ черезъ Польшу на Волоскую и на Мултанскую землю, да и къ цѣсарю они писали, чтобъ ихъ черезъ свою землю пропустилъ и къ польскому бѣ королю о пропуске отъ себя писалъ. И цѣсарь де о томъ къ Польскому посылаелъ, а о пропускѣ отказалъ. И былъ посолъ ихъ у польского короля (тому) три года; и король де было на то и поволитъ, (да па)ны рада о томъ ему отговорили и тѣхъ князей (посламъ) отказали. Да они жъ де посылали къ воло(скому) и мултанскому княземъ, чтобъ они имъ также (че)резъ свои земли на Турсково итти поволити и сами бѣ собрався со всеми жъ своими людьми, шли съ ними жъ на (Тур)сково. А наговаривалъ де волосково и мултансково князей на то і въ послаехъ отъ кавалериянъ приходилъ къ нимъ Аеонасей, архиепискомъ ахридонскій, а епископии ево блиско Сербские земли. Да и казаковъ де запорожскихъ Саайдачново тотъ архиепископъ Аеонасей на то призывалъ же, чтобъ съ ними на Турсково шли, і въ Запорогахъ былъ самъ. І волоской де и мултанской князи къ

тѣмъ кавалеріянномъ писали, чтобъ они черезъ ихъ землю на Турсково шли, а они сами съ ними итти готовы, и ратныхъ людей съ ними будетъ тритцать тысячъ. І казаки де запорожские Саадочно(во) съ архіепископомъ Аеонасьемъ договорилисяжъ, что они съ ними итти готовы. А какъ де тотъ архіепископъ Аеоласей, изъ Запорогъ идучи, пришелъ въ Острогъ ко князю Острожскому; и тутъ і умеръ. А вѣдаетъ де про то митрополитъ киевской Іевъ, и съ нимъ виделся, і епископъ де Иосифъ Курцевичъ про то подлинно вѣдаетъ.

А какъ де тѣ князи, княже Ниверненской і иные, тотъ заводъ учинили, и они и то между себя уложили: какъ Турсково осмлеютъ и города и земли ево поемлютъ, і кому ихъ которые города и земли себѣ взять і владѣть въ роздѣлѣ. Іерусалимъ і вся Іудейская страна и Палестина папе римскому; а Царь городъ і вся Греческая земля князю Ниверненскому, который называетца по родству отъ греческихъ царей (Па)леологъ; Анатолийское государство... да малтовскому; Вавилонъ и Дамаскъ (венгри)ну Уманейну Георгию; а малграу дали... египетскіе государства все, а инымъ иные (государств)а. И после тово были тѣ князи у па(ны) римсково у Арбана Осмово, а учинился онъ і (па)пежемъ тому три годы. А какъ онъ Алексан(дръ) былъ съ Риме, и онъ въ тѣ поры былъ гардиналъ. (И па)па де съ ними поговоря, велѣлъ и городъ здѣлать у мор(ской) пристани въ урочище Тарачине отъ Риму верст(ы) съ четьре, чтобъ отъ тово мѣста тѣмъ всѣмъ людемъ на Турсково пойти. И готовы де тутъ у папы десять кораблей великихъ, а въ нихъ четьреста пушекъ, и казна де у нихъ въ собранье многая, и готовятца итти на Турсково всегда; а коли пойдуть, о томъ невѣдомо. А вѣдаютъ де тотъ ихъ совѣтъ во многихъ земляхъ и отъ нихъ опасаютца.

Александръ же въ розговорехъ спрашиваятъ: Какъ онъ былъ въ Киевѣ і въ Запорогахъ, і въ тѣ поры у польсково короля ратные люди въ собранье были ль и ныне есть ли, іли нѣтъ, и будетъ есть, і въ которыхъ городехъ, и многие ль люди, и куды ихъ походу чаятъ, и съ турскимъ салтаномъ и съ крымскимъ царемъ польской король въ миру ль, или нѣтъ, и будетъ помирился, и на чомъ помирился, і чево межъ ними впередъ чаятъ?

І Александръ сказалъ: Какъ онъ былъ въ Кieve, і слышелъ что у польсково короля въ собранье ратныхъ людей зъ гетманомъ съ Конецпольскимъ пришли на запорожскихъ козаковъ тридцать тысячъ, а иные говорятъ, что дватцать тысячъ, а управяся бъ съ запорожскими казаки, итти на веснѣ собрався со всіми людьми на свѣйского короля, потому что ныне Свѣйской у Польсково многие города подмалъ и шкоту ему (велику)ю учинилъ. И польской де король просилъ у свѣйского (пере)мирья четыре годы, и Свѣйской въ томъ отказалъ, (и польской де король хотеть на него итти на веснѣ. (И ныне) де въ Польше моровое цовѣтрие, въ Аршаве, въ Люблине і въ Вильне і выныхъ городехъ великое, а только бъ (де) не за повѣтриемъ, и свийские бъ люди подъ Вильною (были). Да шли де мимо Кieve въ Могилевъ (пол)яки двенатцать ротъ, не тѣхъ, которые были (зъ гет)маномъ съ Конецпольскимъ; а гдѣ они збирались, (тов)о онъ не вѣдаеть. Да и тово де онъ слышелъ, что (т)ѣмъ людямъ на веснѣ итти на свѣйсково жъ короля, а виделъ онъ ратныхъ людей самъ, какъ послалъ былъ отъ митрополита въ село въ чернеческомъ платъе, и тѣ люди и иные ево и спрашивали: для чего онъ тутъ въ селѣ? и онъ сказалъ, что прислалъ ево митрополитъ данъ собрать. А опричь де тово въ Польше собранья онъ не слышалъ.

А съ турскимъ салтаномъ у польсково короля учинено перемирье на томъ: будетъ запорожские казаки на турецкие мѣста ходить не учнутъ, и турецкие люди и на нихъ приходить не будутъ; а только казаки изъ Запорогъ придуть на дѣто на Турсково города и мѣста моремъ, и турецкие люди придуть на Польсково ратьми; а что у нихъ будетъ, тово невѣдомо.

А съ крымскимъ Шанъ-Гирѣемъ калгою у польсково короля учиненъ миръ, и дали имъ многую казну; а на колько лѣтъ помирился, тово невѣдомо. Да и то онъ слышелъ, что съ ними помирился на томъ, что имъ давать деньги ежелѣто, а по кольку денегъ давать, тово не вѣдаеть же. А которово году денегъ имъ не дадутъ или учинятца въ Крыме иной калга, і они опять учнутъ въ Польше воевать.

(А) въ немецкихъ де государствахъ ныне война. Король датц-

кой и иные земли люторские вѣры сложася (при)шли на цѣсаря; хотятъ съ нимъ за вѣру битись, (ч)тобъ ево изгонитъ съ цесарства; и посылаѣтъ (д)е цѣсарь капитона своего къ тѣмъ людемъ въ стрѣчу съ ратными людьми, и тѣ де люторские вѣры людей побили у Брандебурха.

І шпанской де король войну ведеть со французскимъ королемъ, потому что французы стоятъ въ Италиі подѣ Медиаланомъ, а взяли ево, или нѣтъ, тово онъ не вѣдаеть. А шпансково короля люди противъ ихъ посланы жъ, а что здѣлали, тово не вѣдаеть же. А у грандука князя елоренсково ратныхъ людей въ зборе сорокъ тысячъ, и стоятъ на границе, оберегая своеѣ земли, а ни шпанскому, ни французскому не помогаютъ.

Да шпанской же де король войну ведеть съ недерлянскими владѣтели, а взяли люди ево городъ Барду, крѣпное мѣсто и многолюдное; а стоятъ подѣ городомъ подѣ Лайдою; а князь галанской Маврицусъ умеръ въ тѣ жъ поры, какъ городъ Барду взяли, ныне тому блиско года.

А аглинской де король помогаетъ зятю своему королю чешскому, что былъ князь рейнскій, а какъ ево цѣсарь съ королевства Чешсково згонилъ, и онъ былъ въ Недерлянской земли. И аглинской де и еранцуской короли і иные государи, давъ ему людей въ помочъ, отпустили ево опять противъ цѣсаря, и стоялъ де онъ на Недерлянской границе, а гдѣ нынѣ і многие ль съ нимъ люди, тово онъ не вѣдаеть. (А) стоятъ де противъ цѣсаря аглинской, еранцуской и датцкой короли и недерлянские... владѣтели і вольные города и иные мѣста, которые лютерские вѣры; а что ныне межъ ними дѣлаетца, тово онъ не вѣдаеть.

Дмитрей же и Григорей спрашивали Александра (если его пропустятъ изъ Московскаго государства), и ему куды ѣхать: опять ли въ Литовскую землю, или выные въ которые города, и хъ кому и куды ѣхать, и для чево ѣхать, и гдѣ ему съ людьми збиратца, и какъ чаеть къ Турскому государству своего походу, чтобъ онъ сказалъ подлинно.

І Александръ говорилъ: Только де великий государъ его царское величество и отецъ ево государевъ, великий государъ святѣйшій патриархъ, пожалуютъ ево, донскимъ казакомъ черезъ Чорное

море итти велятъ, і онъ хочетъ туды итти, и казаки запорожские съ нимъ пойдутъ же. А будетъ они государи донскимъ казакомъ итти съ нимъ не поволятъ, а пожалуютъ ему мушкетовъ, и ево бѣ они государи пожаловали, черезъ Черное море пропуститъ велѣли. А будетъ они (ему мушкетовъ дати и съ ними рекою Дономъ (черезъ Черное море итти ему не поволятъ, и они бѣ (ево по)жаловали, велѣли ево пропуститъ (на) Великий Новгородъ или на Архангельской городъ, (а от)голь онъ мыслить ко князю елоренскому (итти че)резъ (неме)щкіе государства, и у князя елоренского (в)зя(тъ му)шкеты и пушки и людей у него просить.... ко князю елоренскому по свойству і иные (кня)зи учнутъ ему помогать, и съ тѣми людьми итти (къ своимъ) землямъ и промышлять, сколько Богъ поможетъ. А черезъ Польшу ему итти нельзя; і помыслить боитца тово, любо хто ево польскому королю окажутъ, и ему погинуть. І, взглянувъ на образъ пречистые Богородицы, говорилъ со слезами: Только бѣ онъ отъ Івана архиепископа сербсково съ клятвою не укрепленъ, что ему государства своево доступать, а никакъ отъ тово не отстать, и онъ бы ныне царскому величеству билъ челомъ, чтобъ царское величество пожаловалъ ево, велѣлъ себѣ великому государю служить, і служилъ бы ему государю; а ныне бѣ они государи пожаловали ево, велѣли отпустить не задержавъ, чтобъ ему промыслу своему времени не испустить.

17.

Разспроси царскихъ слѣдователей у священника Филиппа о положеніи дѣлъ въ Польскомъ королевствѣ.

Тово жѣ часу, отпусти Александра, призывали къ себѣ пона Филиппа і спрашивали ево о вѣстехъ. І поплъ сказалъ: что польсково короля у гетмана Конецпольсково былъ бой зъ запорожскими казаки у Крылова города, надъ старымъ городищемъ надъ Кременчюковымъ. А свійской де король у польсково поималъ въ Лянтехъ городовъ много, и зимуютъ ныне свѣйские люди въ Лит-

вѣ, невѣдомо въ которомъ мѣсте; а были съѣяне отъ Полотска за 25 версть. А ныне де въ Польше будетъ соймъ большой..... го мясоѣду; і будетъ казаки запорож(ские) по королевскому указу шесть тысячъ (на)пишутца, а на сойму уложить съ Свѣйскимъ (в)оеватца, а миру не будетъ, гетману Колец(польск)ому со всѣми людьми итти на свѣйскихъ людей. А съ (Т)урскимъ и съ Крымскимъ польской король перемирье (вз)ялъ для того, чтобъ съ казаки запорожскими (спр)авитца. А кагѣ Шанъ Гирѣю и деньги давали, (а на)сколько лѣтъ помирился и сколько денегъ дали, и того онъ не вѣдаетъ.

Да попь же Филиппъ спрашиваеъ: Съ Александромъ онъ о томъ говаривалъ ли: только великий государь нашъ его царское величество пожалуетъ, велеть ево отпустить, и ему ѣхать назадъ ли въ Литву и на которые мѣста?

И попь Филиппъ сказалъ: Того ему Александръ не сказывалъ, что ему у государя будетъ дѣло и куды изъ Московского государства ѣхать; а то де онъ подлинно вѣдаетъ, что Александру назадъ въ Польшу і въ Литву не бывать, да и нельзя быть, і приѣхать нѣхкому: митрополитъ Иевъ о томъ зѣльно опасаетца, что онъ у него былъ і отъ себя ево отпустилъ.

18.

Заботы московскихъ людей объ охраненіи православнаго храма отъ оскверненія польскимъ хохломъ.

Московский Патриархъ Филаретъ Никитичъ писалъ во Мценскъ къ Лодыгину и Нечаеву что Александръ Ахия, должно быть, „въ вѣрѣ прямъ, да и Юву Борецкому, ставленнику патриарха Теофана, вѣрить въ томъ, что онъ писалъ про Александра, мочно“; при этомъ послалъ для Александра книгу Банунникъ и четки; но тѣмъ не менѣе наказывалъ:

А будетъ Александръ и люди (ево) учнутъ проситца къ церкви, і вы бѣ ево къ церкви пускать позволили по ево прошенью по

праздникомъ і въ воскресные дни, а стоялъ бы онъ и люди ево въ трапезе, которая не освящена, для того что онъ называетца полякомъ. А будетъ онъ учить проситца въ церковь и ходить въ хохла, і вы бѣ ему велѣли отговаривати, что ему въ церковь ходить въ хохла нельзя, потому что онъ ныне учинилъ себѣ хохла и называетца полякомъ; а въ Російскомъ, государстве поляковъ съ хохла въ церковь не пускають, потому что поляки отъ православныя вѣры отпали и приняли отъ напы многую ересь, и нашу истинную православную вѣру гонять.

Итакъ, вотъ объясненіе различія между поляками и ляхами, которые упоминаются рядомъ въ донесеніяхъ царскихъ вѣстовщиновъ. Ляхи были извѣчные католики; поляки—полонизованные католичествомъ и униєю русскіе. Къ полякамъ, безъ сомнѣнія, причислялись православными и тѣ русскіе люди, которые отпадали отъ отеческой вѣры въ протестантизмъ,—тѣмъ болѣе, что протестанты не возвращались въ православіе, а разочаровавшись въ новой вѣрѣ, дѣлались католиками.

19.

Бесѣда царскихъ слѣдователей съ Александромъ Ахіею о всеобщей и русской исторіи, и о величій русскаго царя.

Эта часть переписки объ Александрѣ Ахіѣ исполнена повтореній и многословія, но я нашелъ необходимымъ воспроизвести ее въ печати не сокращая. Не каждый изъ насъ можетъ себѣ представить, какимъ благодѣяніемъ для Россіи того времени было возстановленіе царскаго дома послѣ Бориса Годунова, вторгнувшагося въ него путемъ царубійства и сдѣлавшагося первымъ виновникомъ всенародныхъ бѣдствій. Такіе люди, какъ Лодыгинъ и Нечаевъ, были свидѣтелями, можетъ быть, даже и жертвами, безпримѣрныхъ несчастій, постигавшихъ множество частныхъ лицъ вмѣстѣ съ лицами правительственными. Восторгъ возстановленія поруганнаго величія еще былъ свѣжъ въ ихъ поколѣніи: это дѣло было ихъ славою и гордостью, въ виду мрачныхъ событій, ухидившихъ съ годами въ глубину прошедшаго; и этимъ то восторгомъ дышутъ

рѣчи царскихъ слѣдователей. Исчисленіе подвластныхъ русскому царю земель и народовъ, величаніе его самодержавной власти и его могущества, на поверхностный взглядъ, можетъ казаться врожденнымъ холопствомъ людей, которымъ гражданская свобода не известна и по имени; между тѣмъ это была именно побѣдная пѣснь русской свободы, въ видѣ государственной независимости. Лодыгинъ и Нечаевъ относились къ царю съ такой любовью, съ какой воины относятся къ своему знамени, отбитому у непріятеля. Съ этой точки зрѣнія, ихъ славословія имѣютъ значеніе историческаго документа, памятника эпохи, краснорѣчиваго свидѣтельства о единеніи русскаго народа во имя единовластія, которое миллионы людей признали спасительнымъ въ настоящемъ и охранительнымъ для будущаго.

Генваря въ 18 день Александръ Иахѣя былъ у Дмитрѣя Васильевича Лодыгина да у дьяка у Григорья Нечаева, и Дмитрей и Григорей ево потчивали и съ нимъ въ разговорехъ говорили отъ книги и зъ Гранограва и польскіе хроники о греческихъ и о римскихъ и о прежнихъ еллинскихъ царехъ, и о египетской Птоломѣйской и о римской манарщской и сотрапской и ипатцкой властехъ, какъ въ которые времена.... были и какъ которово вла.... ло и какъ великому князю (Владимеру Всеволодовичю (грече)ской царь Костянтинъ Мономахъ прислалъ крестъ и царской венець, что на себѣ носилъ, чѣмъ греческіе цари величались, и какъ Темиръ Аксакъ многие царства и земли попленилъ и царей многихъ поималъ и покорныхъ себѣ учинилъ, а иныхъ побилъ, и какъ, милостию Божіею и пречистые Богородицы помощью и великихъ чудотворцовъ росіискихъ молитвами, погибелъ ему учинилася въ Росіискомъ государствѣ, и иные такіе рѣчи.

И въ тѣ поры Александръ Иахія говорилъ въ разговорехъ къ тому слову, что Темиръ Аксакъ турецкоу царя Баозита все государство взялъ и попленилъ, и самоцо царя взялъ въ полонъ, и возилъ ево съ собою въ желѣзной клѣткѣ, и на лошедь съ нево садился, а какъ сядетъ ѣсть, и онъ ему хлѣбъ металъ на землю, то собаке; а онъ де былъ гордой и многолюдной царь и подъ Царемъ городомъ стоялъ многое время. Да и ныче де турецкіе салтаны

ко всѣмъ (вре)стьянскимъ и бусурманскимъ царемъ титуло свое описуютъ съ вы(ок)ими мѣрами, то де вы и сами вѣдаете, и цысаря де неметцкого пишеть неметцкимъ королемъ, а цѣсаремъ не пишеть и не именуеть, а шпансково де и еранзужского и аглинского и иныхъ королей ни во што ставить, а короли ихъ и не называетъ. А говорить тѣ турские салтаны и паши и всякие турские люди: только де на семь свѣте два великие царя и самодержавцы: въ бусурманскихъ языцехъ турские салтаны, а въ христианскихъ великие государи цари московские; тѣ де оба великие государи и цари самодержавные всякие свои государственые дѣла вѣдоють и людьми своими владѣють и ихъ строятъ, какъ они государи изволяютъ, а никто имъ ни въ чемъ спору и непокорства (ч)инить не смѣеть, да только... а прямо цари и самодержцы, и oprичъ ихъ иново таково государя и самодержца на семь свѣте нѣтъ.... Неметцкія де и польской короли и иные государи только словутъ государи, а своими государствомъ и людьми владѣти одва смогутъ: что приговорять владѣтели и князи и паны радные, и они хотя и не хотя дѣлають.

И Дмитрей и Григорей говорили: Сами турские салтаны и всѣ христианские и бусурманские государи то вѣдають, что великий государь нашъ царь и великий князь Михаилъ Федоровичъ, всеа Русіи самодержецъ и многихъ государствомъ государь и обладатель, истинный православный во всей поднебесней единъ христианский великий царь и самодержавецъ; и прежние государи цари и великий князи, всеа Русіи государи великие православные, благочестивые, истинные христианские государи цари, помазанники Божии издавна... государи великие самодержцы, и государства ихъ великие и многолюдные. Коли ещо изъ давныхъ лѣтъ прежние государи великие князи росіиские подъ Царь градъ приходили со многими ратьми и зъ греческихъ царей и съ Царя города и со всеѣ Греческие земли дань имали по многие лѣта, коли ещо и Римское государство и Италия и всѣ неметцкие государства подъ греческихъ царей властью были, и они великие государи росіиские и въ тѣ поры у греческихъ царей дань имали, какъ они государи коли похотѣли, и щиты свои и знамена во Царѣ городе на воротехъ обѣшивали; и грѣческие цари противъ ихъ ве-

ликих государей стояти не могли: то и въ греческихъ лѣтописцахъ описано, и самъ онъ то вѣдаетъ; а въ тѣ поры Російское государство ещо не таково было полно и многолюдно, (к)акъ нынѣ. По Волге рекаѣ были Болгары и басурманы, и цари (у нихъ) были свои въ Базани (и А)старахани и въ Сибирской земли басурманские; и Перемское, и Вятцкое, и Удорское, и Обдорское, и Кондинское, и иные многие государства и княженья были особны, а не подъ ихъ государскою державою, а после того тѣ всѣ великие государства: царство Козанское, царство Астараханское, царство Сибирское и иные многие государства и земли учинились подъ ихъ царскою высокою рукою. А какъ всесильный въ Троицы славимый Господь Богъ нашъ, милосердуа о христіанскомъ роде, подаровалъ на Владимерское и на Московское, и на Новгородское, и на всѣ великие государства Російского царства великого государя царя і великого князя Михаила Ѳедоровича, всеа Русіи самодержца, и милостию Божиею и пречистые Богородицы и великихъ чюдотворцевъ російскихъ и всѣхъ святыхъ помощію и заступлениемъ, и отца ево государева (титულъ), и матери ево государевы, государыни наше, великие старицы Мары Ивановны, праведными къ Богу молитвами, ево царского величества счастьемъ и крѣпкимъ отъ Бога дарованнымъ ему великому государю разумомъ, всѣ великие государствія учинились подъ ево царскою высокою рукою и всякие люди въ страхе и въ покорении по прежнему, какъ было прже сего при дѣде его царского величества, блаженные памяти при великомъ государе нашемъ царѣ и великомъ князѣ Иване Васильевиче, всеа Русіи самодержце, и при даде ево царского величества, при великомъ государѣ нашемъ царѣ и великомъ князе Ѳедоре, всеа Русіи самодержце, и какъ онъ великии государь нашъ на своихъ великихъ государствахъ милостию Божиею великимъ государемъ царемъ і великимъ княземъ, всеа Русіи самодержцемъ, учинился, и ево царскимъ счастьемъ и сверхъ прежнего многие государства ему великому государю нашему Богъ подаровалъ и подъ ево царскую высокую руку привелъ Большихъ Нагай князи и нурадынъ, и мурзы, и едисаны, и нагайские жъ и штерекovy и базыево улусу князи жъ и мурзы и всякие ихъ люди, которые

кочюють по Волге, и Кабардинские земли и Черкаские, и горские князи учинились подъ ево царскою высокою рукою въ прямоѣ холопотве на веки неоступны, да и иные многие земли, которые хъ тѣмъ землямъ подошли: Ерпели, Мичкизы, Тюмени, Ококи, Абазы, да и иные такие жъ земли, которые подошли къ Астарханскому царству, и которые земли на востокъ, а подошли къ Сибирскому государству: Колмаки Черные и Бѣлые, и Иечинская земля, Кузнецкая земля, Сянская земля, Долматцкая земля, и иныхъ многихъ земель князи со всѣми своими людьми, которые ни при которыхъ прежнихъ государехъ и николи ни подъ чьею державою не бывали, учинились подъ ево царскою высокою рукою во всемъ его царскомъ повелѣннѣ, и противъ ево царского величества непослушниковъ съ ево царскими ратными людьми ходять и ему великому государю служатъ, гдѣ его царского величества повелѣние ни будетъ, и ясные царского величества люди тѣхъ новопробылыхъ земель живутъ и кочюють по улусомъ и отъ Сибирского государства мало не до Китайского государства, которое въ кроникахъ описуетъ великимъ государствомъ, и вездѣ, ево царскимъ счастиемъ и премудрымъ разумомъ и крѣпкимъ и бодро опаснымъ содержательствомъ, великие ево государства расширяютца и люди множатца и живутъ ево царскимъ милосерднымъ жалованьемъ въ покое и въ тишинѣ и въ благоденстве свыше прежнево.

И Александръ, выслушавъ рѣчь, говорилъ: Просить онъ у Бога милости, (чтобъ) ему великому государю православному, благочестивому, христіанскому милостивому царю подаро(валъ и впередъ многолѣтнее здоровье и счастливое пребыванье и больши тово.

Да генваря въ 23 день, по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русіи и великого государя святѣйшаго патриарха Филарета Никитича московского и всеа Русіи указу, Дмитрий Васильевичъ Лодыгинъ да дьякъ Григорей Нечаевъ ходили ко Александру Иахне навестить ево, а съ ними у Александра былъ приставъ ево, голова стрелетцкой Данило Пузиковъ, и съ нимъ сидѣли, и говорилъ Александръ въ розговорехъ о Западной Индѣе, коими обычаи и сколь давно шпанского короля люди тою землю проискали, и называютъ тою землю Новымъ Свѣ-

томъ, а земля богата, золота и серебра (въ н)ей много, а люди дикіе. Да Александръ ж(е) говорилъ, и многіе дѣткіе государьства есть, которые въ Козмограаіи описуетъ старыми государьствами, а иные и невѣдомы. Слышелъ де онъ, что и выше Восточные Индѣи есть царьство Батанское, великое государьство, а царь де у нихъ и высокіе люди невѣрные бусурманы, а для де обереганья своеѣ земли по границе учинили стѣну каменную межъ горъ на пяти сотъ мильхъ, чтобъ имъ тѣмъ свои земли оберегать и никому бъ недругомъ ихъ приходитъ на тѣ ихъ земли не давать. Да за тѣмъ же государьствомъ къ сѣверу река великая, черезъ которую итти три дни или четыре, самая великая река; такой нигдѣ инде нѣтъ; а какъ де египтскій царь Александръ Македонскій Персиду и Индѣю поималъ и хъ той рекѣ приходилъ и не смогъ еѣ перейти, воротился назадъ.

И Дмитрей и Григорей говорили про тое землю, что онъ сказываетъ (о)тыскали испансково короля (л)юди, которую называютъ (Восто)чною Индіею и Новымъ (Свѣ)томъ, и сколь давно она учинилася (вѣ)дома, и кто и коимъ обычаемъ (е)ѣ отыскали, и какіе въ ней люди, и въ Московскомъ государьствѣ подлинно вѣдомо; а что онъ говорить слышелъ про Китайское царьство, и про то они Дмитрей и Григорей сами ему Александру прежде сего въ розговорехъ объявили, что, по милости Божіи, а великого государя нашего его царьского величества счастьемъ, многіе ново прибылые земли, которые на востокъ, а подошли къ Сибирскому царьству, которые посямѣста ни подъ чьею державою николи не бывали, а были въ тѣхъ земляхъ таиши и князи вольные и люди у нихъ многіе, а нынѣ всѣ тѣ земли учинилися подъ его царьского величества высокою рукою, и ему великому государю служить, и ясачные ихъ люди подать и ясакъ въ Сибирское государьство даютъ, соболіи дорогие и лисицы (чо)рные и иные узорчья, которые у нихъ въ земляхъ (есть), и во всемъ тѣхъ земляхъ (князи) и всякіе ихъ люди царьского величества повелѣны; и живутъ такіе царьского величества служилые и ясачные люди отъ Сибирского государьства далеко, мало не до тово Китайского государьства; а река великая Обь течетъ въ Студеной окиянъ море, которое подошло блиско царьского величества отчины Двин-

ские земли и Архангельского города; да и та река Обь великая течеть среди Сибирского государства, и люди по ней по обе стороны живут царского величества служилые и ясачные многие, и казна съ нихъ царскому величеству збирается еж(е)лѣтъ многая, чево ни при которыхъ государехъ не бывало. Да и въ то Китайское государство царского величества люди изъ Сибирского государства ходять и сказываютъ царского величества бояромъ и воеводамъ, которые Сибирского государства въ городехъ, что то Китайское государство великое, (а го)родъ китайской стоитъ у моря (ве)ликъ добръ; около ево ходу десять дн(ей); и люди въ немъ многие и богати всё; а царь у нихъ именованъ Авганъ; а та граница ево, что и онъ Александръ сказываетъ про неѣ слыхалъ, гдѣ у него поставлена стена каменная, отъ того Китая города 25 миль, укреплена гораздо, и ворота и башни по той стени подѣланы крепкие, и нарядъ многой; а люди въ томъ государстве живутъ небѣдные. Да блиско жъ Китайского государства, только отъ него мѣсяць ходу, царство Катанское, такъ же великое государство, и люди въ немъ многие небѣдные жъ, и царь у нихъ свой. А по другую сторону Китайского государства, не далече жъ отъ него, кочевное государство Алтына царя, а по ихъ Золотова царя; такъ же невѣрные люди въ немъ многие; а кочюють отъ Китайского царства за мѣсяць же ходу. И въ прошломъ въ 125 году приходили отъ того Алтына царя къ великому государю нашему къ его царскому вели(чес)ству послы ево лаба, а по на(ше)му кабы епископъ, а съ нимъ (Алты)на царя ближние люди три (человѣка); а присылалъ ихъ къ великому (государ)ю нашему Алтынъ царь бити (че)ломъ, чтобъ онъ великий государь по(жа)ловалъ ево, принялъ ево подъ свою царскую высокую руку и позволилъ торговымъ ево людямъ со всякими товарами приходити торговати въ свои государевы Сибирские государства, и ратнымъ бы своимъ государевымъ людямъ ходити на него не велѣлъ, а онъ Алтынъ царь учинить (учинеть?) къ нему великому государю въ дарехъ присылати соболи дорогие и лисцы черные, и барсы и рыси и иные дорогие узорочья, что въ его государстве есть. И царское величество Алтына царя пожаловалъ, принялъ его подъ свою царскую высокую руку, и

торговымъ его людемъ со всякими товары, что у нихъ есть въ свои великие государство (sic) въ сибирские города ходити поволиця. А которые также отъ земли подошли царьского величества къ отчине къ царству Астароханскому, Кабардинская земля и черкаские и горские князи, и кумытцкие князи жъ и мурзы, и крымшевкальские (кня)зи, да и иные новоприбы(лые) земли, про которые они (Дмитрей и Григорей и прещъ сево (ем)у Александру сказывали, (и тѣ)хъ всѣхъ земель князи жъ и мурзы (со всѣ)ми своими людьми учини(ли)ся подъ его жъ царьского величества высокою рукою въ прямомъ холопстве на веки неотступны, и ныне царьского величества тѣ княженя и земли и города отъ Астароханского царства до самыя до Гилянские и до Ширванские земли; а царьского жъ величества отчины отъ Терского города до Азова, все живутъ царьского величества люди, и вездѣ ево царьского величества счастьемъ и праведными его къ Богу молитвами и премудрымъ его разумомъ и бодро опаснымъ содержательствомъ великие государства его распротраняюща и людьми множатца свыше прещнево.

І Александръ, выслушавъ Дмитреву и Григорьеву рѣчь, говорилъ: Ещо де и то въ греческихъ книгахъ (чита)лъ онъ: Нѣкто еилосоуз (пре)мудрый Леонъ и Меводиі, (епис)купъ города Патра, въ книгахъ (свои)хъ написали, что христіанские (цари) московские турковъ осиле(ють и Ца)рь городъ и всю Греческую землю (съ турец)кие неволи высвободятъ, (и под)данныхъ себѣ учинятъ, и во Царѣ городе и во всей Греческой земли учинятъ православную христіанскую вѣру по прещнему; и то де письмо греки всѣ вѣдаютъ и чають тово, и ожидаютъ милости Божіи всегда, какъ ихъ отъ турецкого насильства и невѣрства Богъ избавить; да и турки де то вѣдаютъ и опасаютца добръ.

І Дмитрей и Григорей къ той ево рѣчи говорили: Меводия епискупа патрьского такая книга въ Московскомъ государстве есть издавна, и то, что въ ней писано, вѣдаютъ они подлинно, и какъ о томъ всемилостивый Богъ благоволитъ, и по своей святой воли и устроить можетъ. А и прещъ сево ещо издавна прещние великие государи и великие князи росіиские съ своими ратьми подъ Царь городъ и подъ (ины)е греческие города при(ходили) и зъ

греческихъ царей и съ Царя (горо)да имали въ свою государь- (скую) казну и ратнымъ своимъ (людемъ) дань многую, какъ коли (они) великие государи изволятъ, (и щ)иты свои во Царѣ городе (на) воротехъ обѣшивали, а стояти (про)тивъ ихъ греческие цари не могли и были имъ великимъ государемъ покорны и не въ одно время; а въ тѣ поры Російские государства еще не таковы были пространны и многолюдны; а ныне, милостию Божию и великого государя нашего царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русіи самодержца счастьемъ и премудрымъ разумомъ и крѣпкимъ и бодро опаснымъ содержательствомъ, многие новоприбылые государства и земли многолюдные учинилися подъ ево царскою високою рукою, во всемъ его царскомъ повелѣніе, которые прежь сево ни подъ чьею державою николи не бывали, и ему великому государю тѣхъ всѣхъ новоприбылыхъ государствъ и земель князи и мурзы служатъ и на ево государевыхъ неприятелей съ своими ратными людьми ходять, гдѣ ево (царь)ково величества повелѣніе (б)удеть. Да они жъ царского величества отъ ближнихъ и отъ приказныхъ (лю)дей слыхали, что великого (государ)я нашего его царского величес(тв)а дѣдъ, блаженные памяти великій государь царь і великій князь Иванъ Васильевичъ, всеа Русіи самодержецъ, посылалъ къ персичькому шаху для своихъ государственныхъ дѣлъ пословъ своихъ, князя Захарья Сугорекоего съ товарищи, тому ныне лѣтъ съ шездесять, и какъ тѣ ево государевы послы были у шаха у стола, и въ тѣ поры шахъ говорилъ съ ними въ розговорехъ про великого государя царя и великого князя Ивана Васильевича, всеа Русіи самодержца, что онъ государь премудрой и храброй и многолюдной, и своимъ государскимъ премудрымъ разумомъ и крѣпкимъ содержательствомъ бусурманские государства, царство Казанское и царство Астароханское и иные, подъ свою царскою високою руку привелъ и многими околныхъ государствъ землями овладѣлъ. Да въ тѣ жъ поры шахъ государя нашего посломъ говорилъ, что ево персичькие мудрецы и астро(но)мѣ мудростию своею узнали (и ск)азывали ему шаху, что (по м)ногихъ лѣтахъ на Московскомъ государстве будетъ царь христіанскій же Михаилъ, и будетъ великий царь, и многими государствами околными овладѣть, и иные

многие государства крестянские и бусурманские подданными себѣ учинить, и вѣру крестянскую въ нихъ утвердить. То они дав-но, ещо при прѣжнихъ государехъ слышали; а какъ за грѣхъ всево православно христианства въ Московскомъ государствѣ было межусобье, и въ тѣ поры, въ безгосударное время и въ межусобье, польские и литовские люди царствующи(и) градъ Москву за крестнымъ целованьемъ разорили, и сидѣли на Москвѣ въ осаде, а царьского величества бояре и ратные люди стояли подъ Москвою, и въ тѣ поры тово вора, которой, по злокозненному умыслу и заводу польсково короля и пановъ рады, назывался великого государя нашего блаженные памяти царя і великого князя Ивана Васильевича, всеа Русіи самодержца, сыномъ, царевичемъ (Д)митриемъ Ивановичемъ, (и ево) на Москвѣ убили, а жена (ево), Сендомирсково дочь Марина, (съ сы)номъ тово вора да сывашкомъ (Зар)утцкимъ, и съ подъ Москвы бежали въ царьского величества отчину въ Астрахань, и какъ, по милости всемогущего въ Троицы славимаго Бога нашего, великий князь Михаилъ Ѳеодоровичъ, всеа Русіи самодержецъ, на своихъ великихъ и преславныхъ государстввахъ Російского царствія великимъ государемъ царемъ і великимъ княземъ, всеа Русіи самодержцемъ, учинился, и послалъ къ своей государеве отчине подъ Астарахань своихъ царьского величества бояръ и воеводъ со многими ратьми; и Божию милостию, а царскимъ счастьемъ, ево великого государе нашего бояре и воеводы своею и всякихъ ратныхъ людей прямою къ нему великому государю службою Астарохань взяли и вора Ивашка Зарутцкого съ Мариною и съ сыномъ еѣ поймавъ, къ царьскому величеству прислали, а астароханскихъ всякихъ людей, которые было (къ) тому вору къ Ивашку Зарутцкому пристали, смирили, и нагайскихъ людей и Штерекова (и)Казыева улусу, и кумытцкихъ, и кобардинские земли и крымшевкальскихъ, и черкасскихъ, и горскихъ, и горскихъ князе(и), и иные земли, которые къ Астараханскому царству подлегли, подъ царскую высокую рукою (sic) привели, и въ тѣ поры былъ въ Астарахань присланъ ещо при Зарутцкомъ отъ перситцкого Аббасъ шаха посланникъ ево Хозя Муртоца, и тотъ перситцкого Аббасъ шаха посланникъ его, царьское величество къ перситцкому Аббасъ шаху государство свое обе-

стять и о дружбе и о любви на памяту посланниковъ своихъ посылалъ же, и тотъ Аббасъ шаховъ посланникъ Хозя Муртоза, будучи у царского величества въ царствующемъ граде Москвѣ, его царского величества съ приказными людьми говорилъ про него великого государя нашего, что ихъ персидские мудрецы объ немъ великомъ государе уразумѣли тожь, что онъ въ Астараханъ царского (ве)личества бояромъ и воеводамъ (ска)зывалъ; а персы бусурманы и христьянской нашей православной вѣре врази и гонители. И такие объ немъ великомъ государе нашемъ свидѣтельства издавна уразумѣли и объявлялись. А въ книгахъ нашей христьянские вѣры писано, что отъ врагъ свидѣтельство истиннѣе бываетъ. И мы всякие люди Росіско(го), царствія, слыша объ немъ Хозя Муртоза царского величества бояромъ и воеводамъ сказывалъ, что послалъ его Аббасъ шахъ въ Астараханъ для того, сказали ему шаху мудрецы его, что они мудростию своею узнали, что на московскомъ государствѣ учинился великій государь царь і великій князь Михаилъ Федоровичъ, всеа Русіи самодержецъ, о которомъ царь Михаиле и прежние персидские мудрецы издавна разумѣли, что онъ будетъ великій и славный царь и государь, и многими околными христьянскими и бусурманскими государствы овладѣетъ и подъ свою (ца)рьскую высокую руку ихъ (при)ведетъ; и услышавъ де то (А)ббасъ шахъ отъ мудрецовъ своихъ послалъ его въ Астараханъ тотчасъ, а велѣлъ ему провѣдать, подлинно таки ль на Московскомъ государствѣ учинился царь Михаилъ, а провѣдавъ велѣлъ ему ѣхать къ себѣ въ Персиду тотчасъ, для того чтобъ ему къ великому государю нашему къ его царскому величеству слати пословъ своихъ поздравляти его царское величество на его великихъ и преславныхъ государствахъ, не дожидаясь къ себѣ царского величества пословъ. И царского величества бояре и воеводы, вѣдая прежнихъ великихъ государей царей і великихъ князей всеа Русіи съ персидскимъ шахомъ братственную дружбу и любовь, тово Аббасъ шахова посланника Хозя Муртозу къ шаху отпускали. И тово жъ году на веснѣ къ великому государю нашему къ его царскому величеству Аббасъ шахъ персидской при(с)ылалъ посланника своего, го(во) жъ Хозя Муртозу поздравляти его царского величества на его великихъ и пре-

славныхъ государьствахъ Російского царствія, а въ грамотахъ своихъ къ царскому величеству съ нимъ писалъ съ прошеніемъ, чтобъ великій государь, его царское величество, былъ съ нимъ въ братцкой въ крѣпкой дружбе и любви на веки неподвижно, такъ же какъ и прежние великие государи цари і великие князи всеа Русіи, дѣдъ ево царского величества великий государь царь і великий князь Иванъ Васил(ьевичъ) всеа Русіи и дядя ево царского величества великий государь царь і великий князь Ѳедоръ Ивановичъ всеа Русіи. І великий государь нашъ (о) великомъ государе такіе многіе свидѣтельства (sic) и видя ево государево крѣпкое и бодро опасное содержательство и премудрой разумъ и праведные къ Богу молитвы и счастье и ко всемъ людемъ милостивое призрѣнъе, надѣмся имъ великимъ государемъ видети вся добрая и свыше прежево.

20.

Разспросы царскихъ слѣдователей у священника Филитта о подлинности разказовъ Александра Ахіи.

Лодыгинъ и Нечаевъ называли себя холопами царя вовсе не потому, чтобы относились рабски къ его повелѣніямъ. У тогдашнихъ русскихъ людей это дѣлалось не съ цѣлью унизиться передъ государемъ, а для того, чтобы верховную власть постоянно держать на необходимой и спасительной для всего народа высотѣ. Мы видѣли, что патриархъ Филаретъ Нигитичъ выразилъ увѣренность въ Ахіи и по его собственнымъ доказательствамъ, и по свидѣтельству Іова Борецкого. Холопамъ и рабамъ, послѣ этого оставалось только повторять мнѣніе государева отца. Въмѣсто того, царскіе слѣдователи задушевно бесѣдою съ таинственнымъ продолжимцемъ стараются только усыпить его осторожность. Послѣдовавшій за тѣмъ разговоръ съ попомъ Филиппомъ показываетъ, что для нихъ увѣренность, выраженная Филаретомъ, была недостаточна. Какъ граждане земли своей, они хотять удостовѣрить самихъ себя, что Александръ Ахіи не лицедѣйствуетъ, выдавая себя за человѣка православнаго и за героя восточной церкви.

Интересны въ разсказѣ отца Филиппа отношенія митрополита Юва Борецкаго къ тѣмъ, кого онъ разумѣетъ подъ именемъ поляковъ. Съ Конецпольскимъ пришли представители католичества, протестантства и православія. Послѣдніе преобладали численностію не только въ рядахъ воиновъ, но и въ генералитетѣ. Не Польша подвинулись на русскихъ людей въ походѣ Конецпольскаго, какъ любятъ изображать наши историки, а разновѣрная землевладѣльческая Русь пришла въ Украину для подавленія анархистовъ и разбойниковъ. Даже не правительственная сила польская, а личная польза землевладѣльцевъ подняла панскія ополченія противъ козаковъ. Не подавивъ козачества, не могли они ни хозяйничать, ни помогать королю (лично королю) въ предстоявшей шведской войнѣ. Чтобы получить отъ нихъ необходимую помощь, король употребилъ свое вліяніе, чтобы „козацкая коммиссія“, задуманная еще при Сагайдачномъ, наконецъ состоялась. Король давалъ имъ подмогу противъ козаковъ для того, чтобы они дали ему подмогу противъ шведовъ. Король помогалъ землевладѣльцамъ кварцяннмъ войскомъ, а землевладѣльцы помогали королю своими почтами, то есть вассальною шляхтою, „платными“ (наемными) козаками и владѣльческими своими выбранцами. Итакъ, по политикѣ разобщенія интересовъ, характеризовавшей Рѣчь Посполитую, русскіе землевладѣльцы поднялись на подчиненіе своимъ гражданскимъ принципамъ антигражданственнаго элемента — козачества. Но въ глазахъ православнаго общества, во главѣ котораго стояла церковная іерархія, русскіе паны, составлявшіе правительственную корпорацію вмѣстѣ съ коренными полонусами, были *поляки*, и даже исповѣдуемая ими православная вѣра не снимала съ нихъ этого имени. Поляки и *ляхи* стояли подъ однимъ и тѣмъ же знаменемъ; ихъ будущность долженствовала быть одна и та же; они единились политикою своею съ католическимъ міромъ. Напротивъ русское общество выставило, во имя церкви, знамя единенія съ міромъ православнымъ. Естественно, что даже тѣ фамиліи, изъ которыхъ въ послѣдствіи выходили кievскіе митрополиты и архіереи, должны были желать уничтоженія іерархіи, возстановленной не по ихъ волѣ. Объ этомъ и говоритъ отецъ Филиппъ, называя войско Конецпольскаго заурядъ поляками. По его словамъ, давно

бъ согнали они митрополита Іова въ заточенье, да опасаются *бѣлорусскихъ людей*.

Почему бы отцу Филиппу не сказать здѣсь: „опасаются козаковъ“? По видимому, подѣ бѣлорусскими людьми онѣ разумѣлъ Запорожское Войско. Но козаки ни въ одномъ актѣ бѣлорусскими людьми не названы. Эти слова имѣютъ значеніе пошире, чѣмъ козацкія купы. Козаки, собрався въ свои купы, становились внѣ того, что разумѣлось подѣ именемъ мѣщанъ и шляхты съ ея крестьянами. Мѣщане да шляхта, водившаяся съ мѣщанами, такъ называемая низшая шляхта, были именно то, что и на языкѣ царскихъ слѣдователей называлось бѣлорусскими людьми. Дѣло здѣсь идетъ не о войскѣ, которое, за предѣлами шести тысячъ, появлялось на сценѣ только въ видѣ конфедерации, рокоша, возмущенія противъ короля и всѣхъ его властей, а о людяхъ осѣдлыхъ, хозяйственныхъ, промышленныхъ, торговыхъ.

Все это ясно и безъ объясненія, но южнорусская историографія до того спутала свои понятія о быломъ порядкѣ вещей козакоманіемъ, что приходится говорить объ Украинѣ и Бѣлоруссіи, какъ о вновь открытыхъ земляхъ.

Генваря 27 д. у Дмитрея Васильевича і у Григорья былъ киевско митрополита попь Филипъ, і Дмитрей и Григорей въ разговорехъ къ словамъ спрашивали ево про Александра Иахию, такъ ль онѣ прямо крестьянинъ, і что ево умыслъ, и чево для въ Московское государство приѣхалъ?

И попь Филипъ сказалъ: что Александръ въ Києве митрополиту сказалъ у исповѣди, что онѣ прямо христианские вѣры греческаго закона, и отъ митрополита причастился. Да и по ево разсмотриню, Александръ христианские вѣры, какъ онѣ съ акаистовъ і вѣрую во единого Бога Отца вседержителя, и исатыр съ нимъ всегда говоритъ чтетъ по сербски съ русково обычая, и образомъ покланяетца, и никакие въ немъ причины къ латинству и люторомъ не видить, а тайная ево Богъ вѣсть. А что ево умыслъ і въ Московскомъ государстве у государя царя і вели-

кого князя Михаила Феодоровича всеа Русі дѣло, тово ему Александръ не сказалъ; да і у митрополита де Иева про то онъ не слыхалъ же. А послалъ де ево митрополитъ проводить Александра, чтобъ ему отъ поляковъ въ Московское государство проѣхать, для тово, что онъ Александръ і у исповѣди де ему сказался государьской сынъ, і за православную христьянскую вѣру хочеть стоять до смерти своей, и многую нужду для тово терпить. А казаки де было запорожские і черкасы і всякие руские люди и крестьяне хотѣли съ нимъ до ево земли итти всѣ і на Турсково.... і итти было имъ всѣмъ съ нимъ Александромъ.... вскоре. И какъ де польской король при(слалъ на) запорожскихъ казаковъ і черкасъ гетмана Концапольского съ польскими людьми и съ ляхи и ихъ разорилъ і многихъ побилъ, и города ихъ і мѣста многие розорилъ, и имъ стало до себя, и съ Александромъ итти было нельзя; и какъ де Александръ прибежалъ въ Киевъ къ митрополиту і митрополитъ ему говорилъ, да и Александръ митрополиту о томъ говорилъ же, что ему тутъ пробывать нельзя, потому что поляки і ляхи, которые съ Конце(м)польскимъ на казаковъ приходили, всѣ стоять около Киева въ городехъ і въ уѣздехъ, дожидаяся тово, какъ запорожские казаки въ шесть тысячъ человекъ, межъ себя собрався, напишутца и о достальныхъ, которые за шестью тысячами останутца, указъ учинять, и налога отъ нихъ рускимъ людямъ великая. І Александра де гетманъ Концапольской сыскивалъ і по тому, что они про него провѣдали, что онъ у казаковъ былъ і козаки съ нимъ на Турсково итти хотѣли, да і паны де рада къ митрополиту писали: вѣдомо имъ, что турского салтана сынъ у него въ Кieve былъ, і онъ ево отпустилъ къ запорожскимъ казакомъ і велѣлъ имъ збиратца и итти на Турсково войною, а у короля и у нихъ съ Турскимъ перемирье учинено, а онъ де хочеть опять войну вчать. І митрополитъ де къ нимъ отъ себя писалъ, что (у) него Александръ былъ і исповѣдался и сказался, что онъ православные христьянские вѣры, и онъ ево исповѣдалъ и причастилъ, (а) причастясь де онъ поѣхалъ куды хотѣлъ, (и е)му было удержать ево нѣ для чево, и дѣ(ла) ему до него нѣтъ: і всякихъ приходящихъ (къ не)му православныхъ христьянъ онъ покаиваетъ (и) причащаетъ, а неволи

даетъ; и Сопѣге де, собрався съ людьми, на веснѣ итти на Свѣ(ис-к)ово жѣ; а какъ о томъ на соймѣ уложить, тово (ему) не вѣдо-мо. И для де тово митрополитъ Певъ (къ государю) и къ великому государю святейшему патриарху (ево послалъ) и битъ челомъ ему пону Филипу велѣлъ, чтобъ (заде)ржати не велѣли, чтобъ ему съ тѣмъ, (что на)соймѣ не уложить, ѣхать опять къ государю... тотчасъ. И только бѣ ево не задержали... ныне, чаю, и опять къ Москве съ вѣстями.... Нечаевъ.

21.

Донесеніе царскихъ слѣдователей о желаніи Александра Ахія вернуться въ свои земли черезъ Донъ или черезъ Кіевъ.

....Да въ твоей же государеве грамоте написано: (отпи)сать бы къ тебѣ, государю, какимъ языкомъ Александръ (говор)илъ, і умѣеть ли руской или словенской какой (грамоте). И о томъ мы холопи твои писали (къ те)бѣ государю съ мецнянинномъ сывашкомъ Овсяни(новымъ), да и ныне, государь, въ розговорехъ ево спра(шивали, умѣеть ли) грамоте руской или словенской какой.... И Александръ сказалъ, что онъ рускіе (грамо)ты слова многіе знаетъ, а словенской (гра)моте не училъ, потому что пробы(валъ во м)ногихъ государьствахъ; а рускіе де грамо(ты по немно)гу честь маленько умѣеть, примѣрива(ясь къ се)рбской и къ болгарской рѣчи, а иное де научилъ е(во) попъ Филиппъ. І вѣрую во единово Бога и Царю небесный, и иные стихи и псалмы по руски попъ Филиппъ ево выучилъ. І въ тѣ поры я холопъ твой Гришка, съ Александромъ говоря въ розговорехъ отъ книгъ, говорилъ Царю небесный и Отче нашъ и вѣрую во единого Бога по гречески, и которое, государь, слово и я холопъ твой молю (sic) по гречески, а Александръ то жѣ слово выговорить по русски все, не само чиста руская рѣчь, а не по польски и не по украински. А попа, государь, Филиппа велено намъ роспросити особно, какъ онъ съ Александромъ поѣхалъ, на время ли, или вездѣ съ нимъ быть, а

будуть, и опасаетца тово гораздо, нѣшто увѣдали то король і паны рада, что митрополить Александра въ Московское государство отпустилъ, и за то бѣ ево не казнили і съ Московскимъ бы государствомъ мирново постановенья не нарушали, и что про то на сейму ни объявитца, и митрополиту бѣ послать съ подлиннымъ вѣдомомъ къ государю и къ святѣйшему патриарху ево жѣ Филипа тотчасъ, хотя будетъ і не на Путивль, иною дорогою, наскоро, чтобъ имъ государемъ то, что король и паны рада на сейму уложить, вѣдати. И по грехомъ де у него митрополичьи грамоты (взяли въ Путивле воеводы, а онъ здѣсь (заде)ржанъ, а что надъ митрополи(томъ) учинилося, тово онъ не вѣдаетъ; и онъ де билъ челомъ государю і великому государю (святѣй)шему патриарху, чтобъ они государи (по)жаловали, задержать ево не велѣли.

(Да) попь же Филиппъ спрашиванъ: въ которыхъ (польс)ковоу городехъ моровое повѣтріе (б)ыло, и ныне есть ли, или поминалося, и опричь тѣхъ людей, которые зѣ гетманомъ съ Концемъ Польскимъ у короля ратные люди въ собранье есть, и гдѣ есть, и куды ихъ походу чаять?

И попь Филиппъ сказалъ: Нынешнего лѣта въ Аршаве і выныхъ польскихъ городехъ моровое повѣтріе было великое до осени, а въ осень поминалося, и ныне повѣтрія нѣтъ. Да и въ казачьихъ де въ дальнихъ городехъ и мѣстехъ, въ Трехтемире і въ Корсони, повѣтріе было, и какъ гетманъ Конецъ Польской на казаковъ приходилъ и города ихъ і мѣста розорилъ, а тѣ города и мѣста, гдѣ повѣтрее было, шолъ мимо, поставя заставы крепкие и людей туды пускать никою не велѣлъ; а въ осень і въ тѣхъ мѣстахъ повѣтріе поминало, и стоять поляки і ляхи около Киева, а какъ де съ казаки управитца, и на веснѣ чаять ихъ походу на Свѣянъ. А зимуютъ де свѣйские люди въ Литвѣ; а крепка де у Свѣйсково война, потому что воюеть пехотою. А инде въ собранье у короля ратныхъ людей онъ нигдѣ не слыхалъ. Да и то(тъ) де у нихъ слухъ есть, что у литовсково гетмана у Радивила гетманство отняли, за то что онъ съ Свѣйскимъ ничево не учинилъ і людей потерялъ много, и учинили гетманомъ Сопѣгу, а какъ ево зовутъ, тово онъ не вѣ-

нѣмъ никакіе дѣлати ему не подобаетъ; а съ людьми ему соби-
 ратца не веливалъ, и денегъ ему на подмогу не даывалъ, и дать
 нѣчево, и людей съ нимъ въ помочъ не посылавалъ, и гдѣ онъ
 ныне, тово не вѣдаетъ. А сыскивали де поляки Александра для
 тово, чтобъ ево поймавъ выдать Турскому, и тѣмъ бы большой
 миръ утвердить; и къ митрополиту де придираютца всякими мѣ-
 рами, чтобъ ево согнать въ заточенье, для тово что онъ въ мит-
 рополитехъ учинился не по ихъ воле і въ вѣре христьянской
 крѣнокъ. Да и давно бѣ де ево согнали, и терпятъ ему опасаяся
 белорускихъ людей, і ищутъ всякими мѣрами, тѣмъ къ нему
 пристать. А отписавъ де митрополитъ къ наномъ раде, тот-
 часъ і Александру велѣлъ ѣхати въ Московское государство,
 чтобъ ево польские люди провѣдавъ не поймали і въ немъ бы и
 ему не погннуть. І Александръ де говорилъ митрополиту, чтобъ
 ево отпустилъ ко князю елоренскому черезъ Польшу; и митропо-
 литъ де ему отказалъ, что ему туды пройти нельзя ни которыми
 дѣлы: вездѣ около Биева въ городехъ, въ уѣздехъ стоятъ поль-
 ские люди и ляхи, и лазутчики въ городехъ для его вездѣ разо-
 сланы, чтобъ его поимать. И отпустилъ ево въ Путивль, надѣяся
 на государскую милость, что онъ государъ і великій государъ
 святѣйшій патриархъ пожалуютъ ево, велѣтъ ему отъ поляковъ
 въ Москов(скомъ) государстве пробыть, покажѣста въ Запо(ро-
 ге)хъ отъ поляковъ война минетца, или (по)жалуютъ, велѣтъ ево
 пропустить, куды ему (на)добно; а иново онъ умыслу Александ-
 рова (не) вѣдаетъ ничево. А ево попа Филипа послалъ митропо-
 литъ Александра проводить (и) битъ челомъ государю царю и ве-
 ликому князю Михаилу Феодоровичю всеа Русі і великому (госу-
 дарю) святѣйшему патриарху (титулъ), чтобъ они государи по-
 жаловали ево попа Филипа, велѣли ево отпустить къ митрополи-
 ту не задержавъ, чтобъ митрополиту то, что о Александре ихъ
 государевъ указъ будетъ, вѣдать; да и въ грамотехъ де своихъ
 митрополитъ къ государю и святѣйшему патриарху о томъ пи-
 салъ ямянно. Да и для того де митрополитъ битъ челомъ госу-
 дарю объ отпуске и ѣхати къ себѣ наскоро велѣлъ: вѣдаетъ
 митрополитъ, что ево хъ королю и къ наномъ раде на соймѣ
 возмутъ и про Александра ево спрашивать и сыскивать про то,

что скажетъ, и о томъ тебѣ государю отписать подлинно. И мы холопи твои писали о томъ тебѣ государю напередъ сево.

Письма князя елорентинскаго и запорожскаго гетмана возвращены изъ Москвы и вручены царевичу Александру, января 14.

И Дмитрей и Григорей ему говорили: что былъ онъ челомъ великому государю нашему, его царьскому величеству, чтобъ его отпустить на Донъ, а оттоле на Дунай і въ Волохи і въ Болгары. И тово учинить, что ево на Донъ отнустить, немочно, потому что на Дону живутъ казаки, вольные люди, и государева повелѣнья мало слушаютъ, і воровство отъ нихъ чинитца многое, и за то на нихъ бываетъ его государьской гнѣвъ; а люди они немногие, большіе войны имъ Турскому учинити нельзѣ; а съ турскими прежними салтаны было у великаго государя (друже)ство и любовь і ссылка, а съ крымскимъ царемъ потому жѣ ссылка и любовь, а недружбы межъ царьскаго величества і турецкаго салтана посямѣста не бывало и съ крымскимъ царемъ нелюбья нѣтъ, и дружба и любовь и ссылка межъ царьскаго величества и крымсково царя ежалѣтъ. А какъ онъ Александръ былъ въ Польше и въ Литве, и ему было мошно черезъ Литву въ Волоскую землю і въ Болгары пройти, потому что тѣ (зе)мли съ Польскою землею сошлись; а ныне ужъ назадъ (че)резъ Польшу и Литву итти ему нельзя, потому (что) онъ самъ сказалъ имъ въ роспросе, что ево въ Києве (поляки) сыскивали, а хотѣли поимать, і былъ (онъ у киевск)ово митрополита въ хоронехъ і ходилъ (въ чернечес)комъ платьѣ; и только ему итти назадъ въ Поль(шу, и ево) поймають и отошлютъ къ Турскому.

(И Александръ) царьскому величеству былъ челомъ, чтобъ его (отпусти)тъ изъ Московскаго государьства къ Архангель(скому городу или на Новгородъ. И къ Архангель(скому городу пр)иезжаютъ корабли разныхъ государьствъ, (англичане и галанцы і немецкихъ вольныхъ городовъ торговые люди на своихъ корабляхъ, і исторговався ѣздатъ опять къ себѣ съ рускими товары по своей воле. А черезъ Новгородъ ему ѣхать нельзѣ, потому что ныне у свѣйскаго короля съ польскимъ и съ литовскимъ королемъ война великая, і многие города Свѣйской у Польсково поймаютъ, и про-

ѣхать де ему отъ воинскихъ людей не мочно. І кромѣ Архангельскаго города въ немецкіе государства проѣхать ему некуда.

И какъ Дмитрей и Григорей ту рѣчь выговорили, и Александръ Ахия сталъ ужасенъ і учалъ плакать, і, не дослушавъ достальныя рѣчи, учалъ говорить плачючи: Видитъ онъ и самъ грѣхъ свой, что дѣло ево не спѣветъ. Казаки запорожские і черкасы итти съ нимъ хотѣли всѣ, і походу было ево изъ Запорогъ быть вскоре, и тамъ де, по греху ево, на казаковъ і на черкасъ пришолъ гетманъ Конецъ Польской съ ратными людьми і имъ стало до себя, і промыслъ ево помѣшался; и скитаецца онъ по государствамъ дватцать лѣтъ, і промышляетъ, чтобъ ему государство свое доступить і православныхъ христіанскихъ людей і съ турецка неволи і изъ невѣрства выевоодитъ или за нихъ пострадать и голову свою положить, і ищетъ тово всякими мѣрами, да хотя ему за то и умереть, и онъ съ радостію готовъ. А въ Московское государство поѣхалъ онъ по совѣту митрополи(та) Иева и надѣяся на государскую милость, (хот)я тово, что они государи велѣтъ ево изъ Московскаго (государств)а отпустить ево, куды ему годно. И коли (нѣтъ указу) на то, чтобъ ему черезъ государства ихъ (пройти къ своимъ) или въ немецкіе государства проѣхать... ли і пропустить ево велѣли. И они бѣ (государи) велѣли ево отпустить назадъ въ Киевъ, (и онъ какъ) мочно учнетъ оттоле промышлять....дитъ къ приятелемъ своимъ ко князю елоренскому (или въ свои) земли въ Сербы і въ Болгары въ нищемъ образе (или въ чер)неческомъ платьѣ, і всякими обычай, какъ гдѣ будетъ (мочно) промышлять будетъ оттоле, какъ Богъ поможетъ. А будетъ, по грехомъ, ево и поймають и убьютъ или къ Турскому отошлютъ, и онъ і то терпѣтъ готовъ. Давно онъ такъ межъ людей скитаецца, желая промыслъ свой учинити іли умереть за благочестіе; и хотя ево поймають и убьютъ, и онъ хотѣние і обѣтъ свой совершитъ и часть за то отъ Бога милости. І ныне онъ царскому величеству бьетъ челомъ, чтобъ ево велѣлъ отпустить хотя назадъ не задержавъ.

І Дмитрей и Григорей говорили ему: какъ онъ былъ въ Литвѣ, і онъ въ тѣ поры черезъ Польшу въ Волохи і въ Болгары не

пошолъ, и сказываеъ имъ, что ему пройти было туды не мочно і митрополитъ Іевъ отговорилъ же, что вездѣ ево поляки сыскивають; да и попъ Филиппъ сказывалъ, что о немъ около Кіева вездѣ заказано и лазутчики отъ короля и отъ пановъ рады всюда разосланы, чтобъ ево какъ нибуть поймать і къ польскому королю привести. Да и къ митрополиту Іеву паны рада объ немъ Александре, чтобъ къ нимъ прислалъ, писали; і черезъ Польшу и Литву пройти ему никакъ нельзѣ: тотчасъ ево принимаютъ і къ Турскому отошлютъ. Да и къ митрополиту Іеву притти ему нельзѣ, потому что и такъ на митрополите ево спрашиваютъ и на соймъ король быть ему велѣлъ, и чають тово, что и митрополитъ, не истер(шѣвъ) отъ короля и отъ пановъ рады насильства, ево Александра (объявить, и онъ бы о томъ и мыслить оставилъ. А черезъ Новгородъ ему проѣхать нельзѣ за свѣйскаго (кор)оля войною, потому что у свѣйскаго съ Польскимъ (вой)на великая: то онъ и самъ вѣдаеъ; і зимуютъ (Св)ѣйскаго люди въ порубежныхъ городехъ, которые смеж(ны ца)рьскаго величества къ государствамъ. (Опри)чь Архангельскаго города въ немецкіе (госуда)рства проѣхать ему нѣкуда, і онъ бы имъ (сказалъ): только его мыслъ ѣхать къ Архангель(скому) городу, а оттоле моремъ, и ему въ которые государь(ств)а напередъ итти и какъ своимъ ходомъ промыслать, (подли)нно о томъ отпишутъ къ великому государю къ его царскому величеству и къ отцу ево государеву (титულъ), і указъ ихъ государевъ къ нимъ будетъ скоро. И тое у него воли, что ему ѣхать въ немецкіе государства отъ Архангельскаго города на карабляхъ, отъ него не отоймутъ, и онъ бы не оскорбился темъ і государева указу ждалъ. А кормъ ему и питье велено давать довольноное, и нужи ему (ни въ чемъ (не) будетъ.

І Александръ говорилъ: Давеча онъ, въ скорби своей, рѣчи ихъ не дослушалъ и говорилъ, чтобъ ево царское величество велѣлъ отпустять назадъ въ Литву, коль инуды никуда пропустить ево не велѣли; а какъ ему де объявили, что они государи пожалуютъ къ Архангельскому городу и оттоле въ немецкіе государства пропустить ево велеть, и онъ тому радуется и на ихъ государьской милости челомъ бьетъ съ радостью, и тово лутче онъ не ищетъ. А мыслить онъ отъ Архангельскаго города ѣхать на караблѣ въ

немецкое государство въ которое ибуть, и онъ туды і поѣдетъ. А говорить онъ по недерлянски і по шпански і по немецки умѣеть, хотя не все, только можетъ столько говорить, какъ ему проѣхать. А въ которое государство ни приѣдетъ, тотчасъ найметъ возокъ и поѣдетъ во Влохи ко князю елоренскому, і мочно ему (изъ Ни)дерлянские или изъ Аглинские земли поспѣтъ (ко кня)зю елоренскому вскоре, и тамъ у князя взять..... казну і нарядъ, і мушкеты, і промыслятъ (о своемъ) дѣле, сколько Богъ милостью своею помощи (ему дастъ). І будетъ царское величество и отецъ (ево) великий государь святѣйшій патриархъ (пожалуютъ), велятъ ево къ Архангельскому городу і выѣдимъ (?) (отпу)стить, и ему бѣ объявить, какъ къ Архангельскому (городу) карабли приходятъ і о которую пору отъ Ар(хангель)ского города опять къ себѣ пойдутъ, и гдѣ ему... времени дожидатца, здѣсь ли, или инде?

(I) Дмитрей и Григорей говорили: Къ Архангельскому городу торговыхъ людей изъ немецкихъ государствъ корабли приходятъ выюне мѣсяце въ послѣднихъ числахъ і выюле, а отъ Архангельского города історговався пойдутъ въ послѣднихъ днехъ августа мѣсяца і въ сентябрѣ, и какъ они захотятъ, по своей воле. А что онъ говорилъ о своемъ стоянье, і они о томъ отпишутъ къ царскому величеству и къ отцу его (титулъ), і что о томъ государская ихъ будетъ воля, і къ нимъ о томъ государевъ указъ будетъ скоро, и онъ бы не оскорблялся и государсково указу ждалъ.

І Александръ говорилъ: Только евоцарское величество пожалуетъ, велитъ пропустить на Архангельской городъ, и хотя отъ Архангельского города на караблѣ поѣдетъ і въ августе мѣсяце, и ему ко князю елоренскому тоѣ осени поспѣ(тъ) і промыслу его, будетъ Богъ изволить, быть мочно; і бѣеть челомъ онъ государю і великому государю святѣйшему патриарху, чтобъ ево здѣсь задержать не велѣли

Александра жъ спрашивали въ розговорехъ: Сказывалъ онъ въ роспросе, что бутто крымской Шанъ Гирѣй царевичъ съ польскимъ королемъ помирился на томъ, что польскому королю давать крымскому царю и калгѣ казна ежелѣтъ, и казну въ Крымъ послали. Сколь да(вн)о крымской калга съ польскимъ королемъ помирился: (въ) то ль время, какъ онъ съезжался зъ запорожскими (черка)сы,

и многу ль казну ись Польши послали.... говорили впередъ посылали, и что ныне межъ польского (короля) и крымсково царя и калги дѣлаецца... отъ калги въ Литвѣ войны? А въ вестѣхъ (царьско)му величеству пишуть ись Крыму по.... что турецкой салтанъ сего лѣта писалъ (хъ крым)скому царю и хъ калгѣ, а велѣлъ имъ сево лѣта итти) на Литву войною, и царь де и калга (хотѣ)ли въ Литву (на) войну итти на сей осени (по перво)му леду, и ныне отъ крымскихъ людей въ Литвѣ (вой)на была ль?

(I) Александръ сказалъ: Кагъ онъ въ прошломъ году былъ, і у запорожскихъ казаковъ і черкасъ въ городе Крылове зимовалъ; а калга Шанъ Гирѣй въ тѣ поры былъ на Подоле у Каменца Подольсково, и въ тѣ поры казаки сказывали ему, что калга Шанъ Гирѣй съ польскимъ королемъ помирился, и посулилъ ему король давать деньги ежелѣтъ, и пошелъ де калга ись Польские земли вонъ. А после де тово въ тѣ жѣ поры, немного поноворя, послалъ король и шаны рада къ Шанъ Гирѣю (казну); а на колько лѣтъ помирился и сколько казны и съ кѣмъ и куды послали, и впередъ посылать ли и по чему посылать, тово онъ подлинно не вѣдаетъ. А въ розговорехъ у тамошнихъ людей слышелъ, что тое казну дали калгѣ для тово, что ему въ Польшу войною не ходить два года, а впередъ де, только казны давать не учнуть, и онъ и опять учнетъ войною приходитъ. А сее осени.... въ Литвѣ войны не было, и чають ли было бы ихъ сеѣ зимы войны, тово де онъ не слыхалъ. Только де и слышелъ въ розговоре отъ митрополита Иева, что есть на поле въ Подольской земли татарове, невѣдомо сколько; а к(уды идутъ), тово де онъ не вѣдаетъ, а мнять де себѣ то, что они хотять итти въ сходъ къ гетману Концу Польскому на запорожскихъ казаковъ і на черкасъ, только при немъ то ништо не объявлялося. А казакъвъ Конецъ Польской и такъ осилелъ и розорилъ. А больши (тово) онъ не вѣдаетъ ничево, і есть ли на поле (тат)арове и гдѣ, і по ссылке ль съ польскимъ ко(ролемъ).... войну, или ихъ нѣтъ, тово онъ не вѣ(даетъ) же.

Разсказъ священника Филиппа о татарахъ и ихъ вторженіяхъ въ королевскую землю.

О вѣстяхъ Александра Ахія про татаръ послана отписка къ царю 1-го февраля.

И тово жъ, государь, дни спрашивали мы про то киевсково попа Филиппа подлинно. И попь Филиппъ сказалъ: Въ прошломъ во 132 году былъ польского короля посолъ татаринъ Сулейманъ тѣхъ татаръ, что живутъ подъ Вильною, у крымсково царя Шанъ Гирѣя калги, а посылалъ ево король и паны рада въ Крымъ къ царю съ тѣмъ, чтобъ онъ на Польскую и на Литовскую землю войною не ходилъ и калгѣ бѣ и нурадыну ходитъ не велѣлъ, і людей бы воинскихъ не посылалъ, а король и паны рада учнутъ ему дань давати ежелѣтъ. І былъ тотъ посолъ въ Крымъ годъ, а пришлоъ тотъ посолъ Сулейманъ изъ Крымъ въ королевскую землю въ казачьи жетья, въ мѣсто Корсонъ, въ прошломъ 133 году, три дни спустя по крещенье Господне; а съ нимъ де, государь, пришли крымсково царя и Шанъ Гирѣя калги послы; а провожалъ де, государь, ихъ и кормъ и подводы имъ давалъ Сулейманъ жѣ. А митрополитъ де Иевъ въ тѣ поры тутъ въ Корсонѣ былъ для освященья церкви, а онъ попь Филиппъ съ нимъ былъ; і слышелъ де, государь, онъ отъ Сулеймана, что онъ просилъ у царя и у калги тово, чтобъ перемирие учинить до королевские смерти; и договоръ де, государь, учинили, что перемирью (межъ ними) быть, а на сколько лѣтъ, и о томъ де, государь, нака(залъ) поста)новити и договоритисъ съ королемъ..... (тѣмъ) (посломъ) (своимъ), которые (съ Сулейманомъ) пришли. И бывъ де, государь, тѣ послы (у) короля і у пановъ рады, прошли въ Крымъ на Каменецъ (Подольской) тое жъ зимы передъ Великимъ Днемъ, а на чемъ (они) миръ утвердили и на колько лѣтъ и по чему на годъ.... тово де, государь, онъ не вѣдаетъ. И въ прошломъ, государь, во 133 году, по лѣту король польской (данъ)

хъ крымскому царю и калгѣ на прошло(и и ны)нешней годъ къ полковнику хъ Конецпольскому въ Ка(менець) Подольской прислалъ. И гетманъ де Конецъ Польской (посы)лалъ въ Крымъ къ царю и хъ калгѣ гонца, чтобъ прислали отъ себя въ Каменець и дань свою на два года взяли. И царь де и калга пословъ своихъ присылали і дань де, государь, послы ихъ на два года взяли въ прошломъ во 133 же году передъ Успеньевымъ днемъ пресвятыя Богородицы. А сколько, государь, денегъ дали і впередъ на сколько лѣтъ и по чему давать, тово, государь, онъ не вѣдаеть. І нынешней де, государь, осени отъ крымскихъ татаръ въ Польше і въ Литвѣ войны онъ не чаеть, і слуху про то при немъ не было, потому что на нынешней годъ царю и калгѣ дань дана. Нѣшто де, государь, будетъ нынѣ учинится въ Польше і въ Литвѣ война не отъ крымскихъ татаръ, отъ тѣхъ, которые кочюють на сей сторонѣ Дуная реки, словуть Белгородцкие орды, да которые кочюють за Дунаемъ, Добрицкие орды; а начальникъ де, государь, у нихъ Кантемиръ. А какъ де, государь, пойдуть въ Польшу і въ Литву воевать, и Кантемиръ идетъ зъ Белгородцкою ордою, а сынъ ево зъ Добрицкою ордою. И тѣ де, государь, татарове не крымские: свои у нихъ кочевья, і перемирье съ ними у польского короля не учинено. Въ прошломъ де, государь, во 132 году о Петрове дни і Павлове приходили тѣ татарове, Кантемиръ зъ Белгородцкою и зъ Добринскою ордами, і воевали польского короля землю около городовъ Ланцута, Перемышля, Ярославля і иныхъ городовъ і за шесть миль до Кракова, и шкоту де, государь, въ земли многую учинили (и въ) полонъ много поимали. А какъ де, государь, пошли (съ) Польские земли вонъ, и подъ Галичемъ де, государь, былъ у нихъ (бой) зъ гетманомъ съ Конецпольскимъ. Пришолъ де, государь, (на нихъ) гетманъ подъ Галичомъ на перевозе реки Днестра, (ко)торые де, государь, татарове реки перевести (и полону) первести не успѣли, і тѣхъ побилъ (и) порозгонилъ, і полону у нихъ съ треть отбилъ. А нынешнего (де) государь, лѣта тѣ татарове въ Польшу і въ Литву (вое)вать не приходили, потому что гетманъ Конецпольской (съ) поляки и съ яхи стоялъ на той украине, і они за (тѣмъ) при)тти не смѣли. И какъ де, государь, гетманъ Конец(польской) ісз Каменца при-

погъ на занороскихъ казаковъ, (и ихъ) розорилъ, і приши тѣ ратные люди хъ Би(еву, и) стоять имъ гетманъ велѣлъ около Кіева, пока(мѣста) казаки по королевскому указу напишутца. А самъ де, государь, Ренецпольской стоялъ въ городе въ Барахъ блиско Каменца Подольского. А после де, государь, ихъ изъ Кіева поѣзду тутъ ли они стоять, или инуды куды пошли і татарове въ Польшу войною пришли ли, тово онъ не вѣдаетъ. А слыше-ли, государь, они, еще въ Кіеве будучи, что тѣ татаровѣ изъ своихъ кочевьевъ вышли въ поле і лошади кормятъ, і они де, го-сударь, обычай ихъ знаютъ: коли въ поле вышли, і они і въ войну куды ни буди пойдутъ. А какъ де, государь, они въ Пу-тивле были, і слышели отъ путивльскихъ торговыхъ людей, ко-торые въ тѣ поры приѣхали торговавъ изъ литовскихъ горо-довъ, і сказывали ему: слышели де, государь, они, будучи въ ли-товскихъ городехъ, что пришли татарове изгономъ въ Польскую землю, которая на украине, къ тѣмъ Белгородцкимъ татарамъ, въ Браславской повѣтъ; а воевать ли они пришли, ныне тутъ ли, и многие ль люди, іли изгономъ приходили і пошли назадъ, тово де, государь, онъ не вѣдаетъ.

Да въ той же государеве грамоте написано, что прислалъ къ намъ киевсково митрополита тотъ попъ Филиппъ письмо, а бьетъ челомъ отцу твоему (титулъ) о книгахъ о миніяхъ і о триодахъ, и намъ бы холопомъ твоимъ ему сказати, что о томъ мы къ тебѣ государю и къ отцу твоему государеву, великому жъ государю свя-тѣйшему патриарху, писали і указъ де (вашъ) государевъ о томъ будетъ вскоре.

И по твоему государеву указу, попу Филиппу мы сказали, и попъ Филиппъ говорилъ: Радъ де, государь, онъ тому, чтобъ вашъ госу-даревъ указъ не продли(ся): послалъ де, государь, ево митропо-литу проводить Александра до Московского государьства і ѣхать къ себѣ вскоре, і онъ живетъ здѣсь долгое время; а митрополиту де, государь, Іеву, какъ будетъ на сойму, гораздо онъ надобенъ, потому что онъ и прежь сево на сойму (бы)валъ не одинова, і со многими нарочитыми людьми (знае)тца, і вестей всякихъ и что коли на сойму.....ать провѣдать можеть; а инуды де, государь, (съ А)лександромъ никуды не ѣхать, и куды онъ (поѣдетъ), гдѣ

прежь сево былъ, и что ему у тебя государя...а, тово де онъ, государь, і не вѣдаетъ; а только бѣ (в)ы государи пожаловали ево попа Филиппа, (велѣ)ли ему быть къ Москве і видѣть свои государь(ские) очи, и онъ де вашей государьской воли зѣльно радъ, чтобъ ему ваши государьские очи видѣть и отъ отца твоего государева (титулъ) его святительское благословение принять, и должень о вашемъ государьскомъ здорově Бога молити.

23.

Донесеніе царскихъ слѣдователей о языкъ и обычаѣ Александра Ахи.

Да въ твоей же государеве грамоте написано: бережнее бы де Александра держать втайне, чтобъ ему было незнатно, и ево и людей ево и лошадей велѣтъ смотреть часто, а ему бѣ было не въ примѣту; о томъ бы, государь, Данилу Пузикову приказать накрепко, чтобъ Александръ и люди ево изъ Мценска нигуды безвѣстно не уѣхали; а что съ нами холопи твоими Александръ поговорить і не чаять ли въ немъ какова дурна і побѣгу, і о томъ бы отписать къ тебѣ, государю. И по твоему государеву указу, Данилу Пузикову приказали мы о томъ накрепко, чтобъ у него береженъе было великое. Да и сами, государь, мы холопи твои надзираемъ і бережемъ съ великимъ опасеньемъ; а Дачило, государь, Пузиковъ намъ сказываетъ, что у него береженъе великое: днемъ и ночью стрельцы по двору и около хороми ходятъ бесъ престани і смотреть і берегутъ ево и людей ево и лошадей, і тово, чтобъ никто къ нимъ не подшолъ і ничево не поднесъ і отъ нихъ не взялъ, съ великимъ укрѣпленъемъ оплошно; да и самъ де, государь, онъ надъ нимъ надзираетъ беспрестанно. І они де, государь, всѣ стоятъ просто, і самъ Александръ і пошъ Филиппъ и люди ихъ спятъ всегда розобрався удолю, (и къ) лошадемъ почью люди ихъ не ходятъ, і дурна де (и)какова і побѣгу по ево розсмотру не чаятъ.

Февраля, государь, въ 3 день сказалъ намъ холопецъ (твоимъ

Данило Пузиковъ: Былъ де онъ тово дни у Але(ксандра) Ахия, і Александръ де, государь, говорилъ ему, (что по)жаловалъ ево отецъ твой государевъ (титулъ), прислалъ къ нему свое государское святитель(ское благ)ословение, книгу Банунникъ да четки добры; (и кни)гу, государь, ему казалъ, и самъ при немъ чолъ и въ нее (смотре)лъ(?) радостно, и говорилъ де, государь, ему, что (въ Сербской земли многихъ кануновъ, которые въ той (книге) написаны, нѣтъ, и какъ де онъ будетъ въ Сербской (земл)и, і онъ де тое книгу отдасть патриарху, і патриархъ де, государь, то отца твоего государева (титулъ) его государское свети(тельское) благословение приметъ радостно (и велеть, госуда)рь, тѣ всѣ каноны напечатать и розослать по всѣмъ церквамъ, і его де великого государя святительское благословение въ Сербской земли во веки будетъ памятно.

— Генваря, государь, въ 30 день въ твоей государеве грамоте написано въ намъ холопомъ твоимъ отписати бѣ къ тебѣ государю наскоро тотчасъ: какимъ языкомъ Александръ Ахия съ нами говорилъ: польскимъ ли, или по руски, или по украински, какъ говорятъ въ Литвѣ на Украине, и какое на немъ платье, і умѣть ли русской или словенской грамоте?

И Александръ Ахия съ нами холопи твоими говорилъ по польски, а иное кабы по сербски, а иные немногие слова и по руски, впрямь, а не такъ какъ говорятъ на Украине, и не такъ какъ говорить киевской попъ Филиппъ; а больши говорилъ по польски. А грамоте, государь, болгарской и сербской, сказывалъ, не умѣть, (а) по руски умѣть ли, токо невѣдомо. А какъ я хо(лопъ т)вой на столѣ въ тетрадь рѣчи (ево пи)салъ, и онъ слова многие знаетъ і называлъ (в)прямь по руски, какъ которое слово і въ азбуке (нап)исано. Да и самъ, государь, Александръ съ нами (хо)лопи твоими говорилъ, что онъ руски грамоты честь маленько умѣть, а слова де многие знаетъ потому, что де сербская грамота съ рускою во многихъ словахъ сходитца. Да и попъ Филиппъ намъ холопомъ твоимъ сказывалъ, что Александръ съ нимъ псалтырь чететь по сербски съ руского обычая, и говоритъ де ему Филиппу, чтобъ онъ научилъ ево Александра грамоте по руски, а

какъ онъ будетъ, въ своихъ земляхъ, і онъ къ нему попу Филипу своего учителя пришлетъ или ему велитъ къ себѣ быть, и научитъ ево по гречески или какъ онъ захочетъ. І вѣрую во единого Бога говорить по руски, а выучилъ у попа Филипа. А платье, государь, Александръ носить все по польски, да и люди ево платье носятъ по польски жъ, і въ хохлахъ. І приставъ, государь, ево, голова стрелецкой Данило Пузиковъ, сказываетъ намъ холопомъ твоимъ, что у него въ дороге, ѣдучи отъ Путивля, виделъ и ныне во Мценску видить въ житьѣ і въ ѣстве і во всякомъ чину по польскому обычаю все; а говорить де съ попомъ и съ людьми по польски; а которые де слова отъ попа Филипа и отъ ево людей тавтъ, і онъ съ людьми своими говорить по турски, а попь Филиппъ и люди ево по турски не знаютъ ничего.

Да генваря жъ, государь, въ 30 д. съ утра сказывалъ намъ Данило Пузиковъ, что Александръ дѣ съ нимъ говорилъ: Попъ де Филиппъ скорбитъ о томъ, что послалъ ево митрополитъ Иевъ проводить ево въ Московское государство, а самому ѣхать назадъ вскоре, для того что митрополиту быть на сойму, і попь де и по ся мѣста здѣсь, а митрополитъ де оскорбляетца, потому что ему на сойму безъ то(го) по(п)а быть нельзѣ. Да и онъ де Александръ (чаялъ) тово, что ему у тебя государя въ Московскомъ (госуда)рствѣ задержанья не будетъ, и онъ де і по (с)я мѣста стоять здѣсь, а твоего государева указу (о) немъ нѣтъ, и о томъ де скорбитъ. И Данило де, государь, (ев)о розговаривалъ по наказу, чтобъ онъ не оскор(би)лся: твой государевъ указъ будетъ о немъ вскоре, (и) задержанья ему здѣсь много не будетъ. (И) Александръ де къ тому ево слову молялъ,..... бы де туды, куда ль, чтонибудь. І мы холо(п)и твои обереженъе къ Александру приказали Данилу по твоему государеву указу.

Да въ тво(ей) же государеве грамоте написано: чтобъ намъ по(п)а (Ф)илипа роспросити: какъ онъ поѣхалъ съ Александромъ Ахмеею: до твоего ли государева государства (на) время, или ему съ нимъ вездѣ быть, гдѣ онъ (по)ѣдетъ, да что намъ попь Филиппъ скажетъ, і о томъ (отп)исать къ тебѣ государю подлинно. И про(т)о(онъ) попь Филиппъ роспрашиванъ прежь сево. (Повтореніе).

Вѣсти о союзѣ козаковъ съ татарами.

— Феврала, государь, въ 1 д. писалъ во Мценскъ къ воеводе къ Степану Чмесову ісь Кур(ска) воевода Милославской, что генваря въ... (в)вечеру писалъ къ нему ізь Бела города воевода Обросимъ Лодыженской, а къ Обросиму де писалъ съ Вѣли(жа) (Н)икита Панинъ: Генваря въ 18 д. приѣхалъ на... съ Брыму толмачъ Федоръ Мясоѣдовъ (а съ) ни(мъ) о)сннадцатъ человекъ татаръ, а сказалъ де ему: поѣ(халъ) де онъ ісь Брыму по то число четыре недѣли, а тово жъ (чи)сла крымской царь и нурадынъ пошли ісь Пореко(на) воевать въ Литву, а калга Шанъ Гирѣй да Витмиръ (?) (пошли) подь Базань, а Дмитрея Скуратова съ товарищи.... заперли въ жидовскомъ городѣ для тово: приход(или) де, государь, зъ Дону казаки да татарове і угусы (по)воевала, і, сердитую де на то, хотять приходить (подь твои) государевы украинные города вскоре. (А мы) холопи твои съ Александромъ Ахнею стоимъ (въ) остроге, а острогъ худъ и сторожи въ немъ нѣтъ, і ворота къ ночи не затворяють, да хотя, государь, і ворота запирають, іно острожишко конечно худо і обалился во многихъ мѣстехъ; и люди и животиная, ходя(тъ) черезъ острогъ не въ ворота; и стоимъ, государь, съ великимъ страхованьемъ; а городъ худъ же, згнилъ де і обалился, и дворовъ ничьихъ нѣтъ. А зъ Даниломъ, государь, Пузиковымъ только десять человекъ стрельцовъ, а по твоему государеву указу Данилу Пузикову мы приказали, чтобъ у него въ Александрѣ и къ людямъ ево береженье было великое; а зъ двора, государь, люди ево нигуда не сходятъ, і по ся мѣста намъ о томъ не говаривалъ.

Успокоительныя мѣры для удержапія Александра Ахіи отъ побѣги.

На сѣтованія Ахіи и попа Филиппа, томившихся во Мценскѣ ожиданіемъ царскаго рѣшенія, изъ Москвы отвѣчали:

— — къ вамъ объ нихъ нашъ указъ позамешкался для того, что зашла наша царская радость: произволили есмь причтатися законному браку; а после нашей радости указъ нашъ объ нихъ будетъ къ вамъ вкоре. И ныне указали есмь Олександру Ахیی съ людьми ѣхать изъ Мценска къ Архангельскому городу, а о приставахъ указъ будетъ...

Изъ Мценска между тѣмъ слѣлователи послали къ царю такое донесеніе:

— — Писали мы холопи твои къ тебѣ государю, что намъ холопомъ твоимъ сказано въ роспросехъ — — послали тое отписку къ тебѣ государю съ мецянниномъ съ Онанью Смагинымъ еевраля въ 4 д. I еевраля жъ, государь, въ 16 д. тотъ сынъ боярской Онанья Смагинъ во Мценске объявился, а сказалъ намъ холопомъ твоимъ, что б(у)дто онъ тое отписку въ посольскомъ приказе твоимъ государевымъ діакомъ думному Івану Грамотину да Максиму Матюшину подалъ і збрелъ съ Москвы безъ отпуску. И мы холопи твои того сына боярсково велѣли посадить въ тюрьму до твоего государева указу, потому что онъ посланъ къ тебѣ государю съ отпискою о твоихъ государевыхъ дѣлахъ, а твоей государевы грамоты къ намъ холопомъ твоимъ о томъ не привезъ. А что, государь, генваря 30 д. прислано къ намъ холопомъ твоимъ вино и рыба і икра, а велено отослать къ Олександру Ахіе, і мы холопи твои то вино и рыбу і икру къ Олександру зъ Даниломъ Пузиковымъ отослали і велѣли ему сказать по твоему государеву указу. И Олександръ, государь, вино и рыбу і икру привявъ, на твоемъ государеве жалованье челомъ билъ. Да Олександръ

же, государь, говорилъ Данилу, что твоего государева жалованья рыбы і иново корму много, а укусу у него нѣтъ і ѣсть нѣ съ чемъ, і пива нѣтъ. І мы холопи твои укусу ренской и хлѣбной и пиво, что у насъ было, послали къ нему отъ себя, а ныне послать нѣчево. А во Мценску, государь, укусу и солоду и иново на укусу и на пиво добы(ть не) мочно.

Въ слѣдъ за тѣмъ Лодыгинъ да Нечаевъ писали къ царю и его отцу:

— — Февраля, государь, (по) вашей государеве грамоте писано къ намъ: буде Але(ксандр)ъ Ахия и попъ Филиппъ учнутъ намъ говорити, что они (жи)вуть во Мценску долгое время, а вашего государева указу объ нихъ (нѣтъ и) которово, или хотя и говорити не учнутъ, а вашъ государевъ (указъ къ) намъ позамешкаецца, и намъ холопомъ вашимъ говорити имъ, (что) мы съ ними поговорили, и мы о томъ о всемъ къ вамъ государемъ (от)писали подлинно. И ныне вашъ государевъ указъ объ нихъ позамешкался для того, что ныне зашла твоя государева царская радость: произволили ваше царское величество причтатися законному браку, а после (ое) ваше) царские радости вашъ государевъ указъ къ намъ будетъ вскоре, і они бѣ не оскорблялись і вашего государева указу ждали вскоре. И февраля, государь, въ 9 д. Александръ Ахия і попъ Филиппъ у насъ холопей вашихъ были, а февраля въ 17 д. были мы холопи ваши у Александра Ахия ввечеру, для того что Данило Пузиковъ сказывалъ намъ, что Александръ Ахия и попъ Филиппъ о томъ, что вашего государева указу объ нихъ (нѣтъ), скорбя(тъ) гораздо, і вашу царскую радость имъ объявляли и розговаривали ихъ по вашему государеву указу. Да февраля, государь, въ 19 день приказывалъ къ намъ холопомъ вашимъ Александръ Ахия зъ Даниломъ Пузиковымъ, чтобъ намъ побывать у него. І мы холопи ваши того жъ дни ввечеру у него были. І Александръ, государь, говорилъ намъ: Только вы государь велите попа Филиппа отпустить къ митрополиту въ Биевъ отселе изо Мценска, и ему бѣ Александру отпустить съ нимъ людей своихъ дву человекъ зъ грамоты, а писать де ему съ тѣми своими людьми земель своихъ ко княземъ и ко

всякимъ людямъ, і въ Краковъ къ друземъ своимъ, і во Влохи ко князю елоренскому, объявляючи про себя, гдѣ онъ сколько былъ и гдѣ ныне. І намъ бы о томъ отписати къ вамъ государемъ, чтобъ вы государи пожаловали, людей ему съ попомъ Филипомъ отпустить позволили: И мы холопи ваши ему (т)о отговаривали: что объ немъ Александре и о попѣ Филипе (в)ашъ государевъ указъ будетъ, тово мы не вѣдаемъ і людей ему (свои)хъ черезъ Польшу и черезъ Литву отпустить нельзя, і прой(ти) имъ не мочно, и писать намъ къ вамъ государемъ о томъ не о чемъ. (И) онъ Александръ билъ челомъ вамъ государемъ о томъ много. (А) людей, государи, у Александра три человекъ, а съ попомъ Филипомъ два человекъ, Захаръ Ивановъ да Федоръ За... кievсково митрополита Иева слушки (Ф)илиповы. А что мы холопи ваши съ А(лекса)ндромъ Ахнею (и) съ попомъ Филипомъ еевраля въ 9 д. и 17 поговорили о отпуске. вамъ государемъ билъ челомъ, и тому мы (холопи) ваши записку послали къ вамъ государемъ еевраля. . (съ) мецянниномъ съ Мелентьемъ Петинымъ, (а) Александрю, государи, Ахне мы холопи ваши (сказали), что мы челобитье ево къ вамъ государемъ (послали), не сказали. А приставъ ихъ Данило Пузиковъ ныне боленъ: влучи вызбу, ошибъ ногу на берце больно, и къ удару преж(ня) рана отворилася, и нога опухла вся гораздо, и крови изъ раны идетъ много, і изызбы одва выйти сможетъ, и къ Александрю, государи, ходитъ съ великою нужею, а къ церкви, государи, и нигуды зъ двора сойти ему не мочно: боленъ гораздо.

134 г. еевраля въ 9 день Дмитрей Васильевичъ Лодыгинъ да іаіакъ Григорей Нечаевъ велѣли быть у себя Александрю Ахне и попу Филипу, для тово что Данило Пузиковъ сказываетъ, что Александръ і попъ Филипъ о томъ, что государева указу объ нихъ нѣтъ, скорбятъ, и говорили Александрю и попу Филипу по государеву указу, какъ къ нимъ въ государеве. (титулъ) грамоте написано, і ихъ розговаривали. І Александръ Ахня и попъ Филипъ, выслушавъ рѣчь, говорили: Дай Господи, (чтобъ государь царь)и

великий князь Михаѣль Федоровичъ, всеа (Русі са)модержецъ, здравъ былъ на многіе лѣта (съ избр)анною своею царцею съ великою государынею... великому государю пресвѣтлому христіанскому (царю дар)овалъ Богъ благородныя чада въ наслѣ(дье)... ихъ бы онъ великий государь пожаловалъ... милостивый указъ учинить и задержать бы (до)лгово времени не велѣлъ: и такъ они стоя(тъ) здѣсь долгое время.

(И Дмитр)ей и Григорей Александру розговаривали... указу, чтобъ онъ не оскорблялся и государева... а указъ объ нихъ государевъ будетъ вскоре.

(Да) Александру жъ говорили тайно, что онъ говорилъ зъ Даниломъ) про книгу Банунникъ, что пожаловалъ ему прислалъ великий государь (титулъ), и какъ онъ будетъ въ Сербской земли, и тоя книгу отдасть патриарху; і онъ бы впередъ зъ Даниломъ и ни съ кѣмъ такихъ і иныхъ никакихъ речей не р(оз)говаривалъ, и хто онъ и гдѣ былъ и для чево въ Московское государство приѣхалъ, тово бъ никому не объявлялъ. Великий государь (титулъ) и отецъ ево (титулъ) велѣли съ нимъ говорить и респросить ево о все(мъ) ево пребыванье имъ Дмитрею и Григорью, а иной бы тово не вѣдалъ; а Данилу указали они государи быть у него въ приставехъ для берженья, чтобъ ему Александру отъ тутошнихъ людей безчестья не было, и давать ему государево жалованье кормъ, а розговаривати ему съ нимъ ничево не велено, і онъ бы впередъ зъ Даниломъ и ни съ кѣмъ о себѣ не розговаривалъ.

И Александръ говорилъ, что онъ зъ Даниломъ больши тово и говорилъ і впередъ говорить не будетъ, и что онъ зъ Дмитреемъ и зъ Григорьемъ говорилъ, тово у него никто, і поць Филицъ, не вѣдасть.

Да еевраля въ 17 д. сказывалъ Данило Пузиковъ, что Александръ Ахия скорбитъ гораздо, что объ немъ государева указу нѣтъ долго, чтобъ де государь пожаловалъ... указалъ. І тово жъ дни Дмитрей и Григорей ходили къ Александру навестить ево и розгова(ри)вали ему по прежнему государеву указу, что государевъ указъ объ немъ позамѣшкался потому, что зашла его царского величества радость, і онъ бы (не оскорб)лялся и ждалъ

государева указу вскоре. (И Але)ксандръ говорилъ, что онъ, при-
 ѣхавъ въ Московское (госуда)рство, живетъ пятой мѣсяць, а
 государева указу ему нѣтъ... тому радъ, чтобъ государевъ указъ
 объ немъ не продлился. (И еев)раля жъ въ 19 д. къ Дмитрѣю
 Васильевичу (да къ) Григорью приказывалъ зъ Даниломъ Пузи-
 ковымъ (Алекса)ндръ Ахия, чтобъ побывали у него ввечеру. (И
 Д)митрей и Григорей у Александра были. | Александръ говорилъ:
 Объявили они ему Александру, что великий государь (титулъ)
 пожалуетъ его, на Архангельской городъ ѣхать въ немецкие го-
 сударства (воли) у него отнять не велить; и ныне онъ объяв-
 ляетъ: только царское величество велить его на Архангельской
 городъ пропустить, а попа Филипа только велить воротить на-
 задъ въ Киевъ отселя, и ему бъ взяти съ собою одново человекъ
 скоево, Марка македонянина, потому что ему въ немецкихъ го-
 сударствахъ ко князю елоренскому проходить какъ убогие люди
 тайнымъ обычаемъ, и столько ему людей не надобно, а дву бъ
 человекъ своихъ отпустить ему назадъ съ попомъ Филипомъ, для
 тово что у митрополита киевсково Иева оставлена у него ша-
 тулка съ письмы, и то бъ взяти и ѣхать изъ Кивева одному
 его человекъ зъ грамоты, что ныне ему Александру писать отъ
 себя въ Сербы і въ Болгары и въ Арбанасы і иныхъ земель его
 ко княземъ и приателямъ своимъ для тово, что онъ Александръ
 писалъ къ нимъ прещъ сево изъ Запорогъ, что онъ зъ запорож-
 скимъ войскомъ будетъ къ нимъ вскоре. И послѣ тово Запорожье
 замѣшколося отъ поляковъ и отъ яховъ, и промыслъ его тамъ
 миновался, а онъ после тово въ Запорожье і въ Московскомъ го-
 сударстве многое время, а его земель князи и люди тово не
 вѣдаютъ, и опасаетца онъ тово, нѣшто княже Ниверненской Ко-
 стянтинъ Палеологъ, которой и прещъ сево въ тѣ его земли при-
 сылалъ епископовъ своихъ неоднова, чтобъ его учинили у себя
 царемъ, ныне пришлетъ тѣхъ его земель къ людямъ тѣхъ же
 или иныхъ такихъ епископовъ латынниковъ, которые называютца
 треческие вѣры, і учнутъ людей его грекъ и сербъ, и болгаръ, і
 арбанасъ і иныхъ земель наговаривать по прешнему, чтобъ его приня-
 ли царемъ, а про него Александра скажетъ, что онъ неживъ, а
 тѣхъ его земель люди греки и сербы и всякие люди прости і не

опасны, і вѣру тому имуть скоро; і ему бѣ ныне (ж)мѣ объявити, зачѣмъ онъ къ нимъ посѣмѣста не (бы)валъ и гдѣ и сколько пробылъ, да и то бѣ объявити жѣ, (что) о царское величество пожаловалъ ево, велѣлъ (пропуст)ить черезъ свои государства къ Архангельскому (городу въ) немецкие государства на караблѣ, и чае(тъ) своево приѣзду въ Недерланскую землю въ городъ (Амс)траданъ или въ иной въ которой поморской городъ (въ август)е или въ сентябрѣ мѣсяце, а оттоле пойдетъ во Влохи (ко кня)зю елоренскому і учнетъ свой дѣлать промыслъ (по) прежнему, і, взявъ у князя елоренского въ помощь людей и казну, и нарядъ, и мушкеты, пойдетъ къ нимъ, и они бѣ вѣдали и приходу ево къ себѣ ждали; и будетъ къ нимъ учнетъ присылать княже Неверненско съ какими розговору объ немъ, і они бѣ ему не вѣрвали и въ томъ ево не слушали. А другому челоуѣку своему велить онъ ѣхать съ Киева въ Краковъ къ друземъ своимъ, къ маршалку Вольскому и къ пану Жебридовскому, старосте лянекорунскому, и князя елоренского людемъ, которыхъ послалъ было князь къ нему зъ золотыми за Пороги, і они до приходу гетмана Кѡнца Польского притти къ нему не успѣли и стали въ Кракове у Вольского і у Жебридовского, а послати бѣ къ нимъ съ тѣмъ челоуѣкомъ своимъ грамоты про себя обестить, что онъ живъ. А изъ Кракова тому челоуѣку своему велить онъ ѣхать ко князю елоренскому зъ грамотою жѣ, а писать де ему ко князю елоренскому, чтобъ ему про него, гдѣ онъ былъ и какъ къ нему приѣздъ ево будетъ, было вѣдомо. И будетъ князь елоренской людемъ ему въ помощь и казны и наряду по прежней ево присылке до его приѣзду въ его земли не послалъ, і онъ бы прислалъ къ нему капитоновъ ево дву челоуѣкъ, тѣхъ которыхъ онъ Александръ послалъ къ нему прежь сево, ещо будучи въ Сербехъ и въ Болгарехъ, четырехъ челоуѣкъ, а велѣлъ бы имъ приѣхать въ Амстрадамъ въ августѣ или въ сентябрѣ мѣсяце. И съ тѣми капитоны пойдетъ онъ ко князю елоренскому, і, взявъ у него і у иныхъ князей, которые князю елоренскому въ свойстве и приятели і помогать ему похотятъ, людей и казну, і нарядъ, и пойдетъ къ своимъ землямъ для своего промыслу вскоре. А будетъ князь елоренской казну и нарядъ и мушкеты послалъ въ

его земли до его приѣзду (и ему) о томъ отпишетъ, (и онъ) пойдеть къ своимъ землямъ черезъ (немецки)е государства і не бывъ у князя елоренского, (и уч)неть своимъ дѣломъ промышлять сколько Богъ поможетъ, (и б)веть челомъ онъ государю (титулъ) и отцу его (титулъ), чтобъ они государи пожа(лова)ли его), тѣхъ людей своихъ дву человекъ съ попомъ (Филипомъ от)пустить ему позволили; а всѣхъ людей (четы)ре человекъ взять ему съ собою не мочно, потому что (ему) проходить тайными обычаяи, какъ убогие люди... оберегаясь отъ неприятелей и засылки отъ ту... отъ князя Ниверненско; і Дмитрей бы і Григорей (че)лобитъ его отписали къ государю не замешкавъ.

(И) Дмитрей и Григорей Александру говорили, что онъ съ ними... се оговорилъ и о чомъ великому государю (титулъ) и отцу его (титулъ) билъ челомъ, и они о томъ о всемъ къ царьскому величеству и отцу его государеву, святѣйшему патриарху, писали подлинно і указу ихъ государева ждуть о томъ вскоре; а о томъ онъ Александръ, чтобъ ему людей своихъ воротить назадъ въ Литву, посамѣста имъ не говорилъ, і попа Филипа царское величество назадъ ли велить отпустить, или гдѣ инде велитъ быть, і что объ немъ Александре царскаго величества указъ будетъ, тово они еще не вѣдаютъ, а ждуть къ себѣ царского величества указу вскоре; і писать ныне о томъ, о чомъ онъ говорить, къ царьскому величеству нельзя, потому что по прежнимъ его рѣчешъ ждуть къ себѣ гонца съ полнымъ царского величества указомъ вскоре.

І Александръ билъ челомъ государю: надѣетца онъ на государскую милость, что ему прежь сего объявили, что у него тое воли, что его пропустить къ Архангельскому городу, не отоймутъ, і потому онъ чаеть, что попа Филипа велить государь къ митрополиту въ Киевъ отпустить отселе, і ево бѣ царское величество пожаловалъ, дву человекъ съ попомъ Филипомъ отпустить позволилъ, чтобъ ихъ государскимъ жалованьемъ дѣлу ево было спорѣе и людямъ ево земель про него было вѣдомо, чтобъ они князю Ниверненскому не повѣрили и царемъ его у себя не učinили: І говорилъ о томъ съ челобитьемъ много, чтобъ челобитье его царьскому величеству отписать вскоре.

(I) Дмитрий и Григорей говорили ему: Нестаточное то дѣло, что ему людей своихъ черезъ Польскую и Литовскую землю отпустить. (С)амъ онъ сказываетъ, что ево поляки сыскивали и хотѣли (по)мать, и урывался отъ нихъ въ чернеческомъ платьѣ, а людей (ево п)ереимають тотчасъ, і пройти имъ черезъ Польшу и Лит(ву) никакъ нельзя, и писать имъ о томъ къ царскому величеству нѣчево.

(I Александр)ръ билъ челомъ, чтобъ о томъ къ царскому величеству (от)писали, і будетъ царское величество пожа(дуетъ, людей) его отпустить позволить, і они...тайнымъ обычаемъ... мочно. Да і митрополить де Иевъ.... людемъ ево пройти промышляти бу(детъ).

26.

Отпускъ Александра Ахія въ нѣмецкія земли черезъ Архангельскъ, а священника Филиппа—обратно въ Кіевъ.

Начало этого документа утрачено, но изъ продолженія видно, какъ происходило дѣло въ Москвѣ и во Мценскѣ.

Всего замѣчательнѣе въ немъ то, что Ахія дано царскаго жалованья всего 150 рублей, тогда какъ, де, личнаго знакомства съ нимъ москвичей, онъ получилъ на 1.000 рублей соболей, лисецъ и золотыхъ бархатевъ. Повѣривъ Юву Борецкому, Ахія считали чѣмъ то дѣйствительно могущественнымъ, если не истиннымъ султанскимъ сыномъ. Теперь, въ результатѣ всѣхъ разспросовъ и освѣдомленій о немъ, здоровый умъ царскихъ совѣтниковъ получилъ убѣжденіе, что онъ—самозванецъ, и притомъ челоуѣкъ, способный только эксплуатировать казну довѣрчивыхъ людей. Достоинно нашего вниманія то обстоятельство, что Лодыгинъ, Нечаевъ и московскіе члены царской думы разумѣли только про себя, что такое Ахія. Ни единымъ словомъ не дали они ему почувствовать, что на него смотреть, какъ на обманщика. Въ этомъ отношеніи

переписка объ искателѣ цареградскаго престола представляеть одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ памятникѡвъ русской дипломатіи.

...отписке і по помѣте государевъ указъ къ Дми(трею и Гри-)горью не посланъ, потому что они Олександра съ людъ(ми и по-)па) Филипа отпустили по прежнему государеву указу.....съ константиномъ Сытинымъ и сами прѣѣхали къ Москве вскоре, марта въ 5 день, и подали въ посольскомъ приказе діакомъ ... ка(къ) они Олександра Ахию и попа Филипа изъ М(ценска отпустили.) и и что съ нимъ на отпуске говорили и что дали ему въ дорогу; а въ записке написано: 134 г. декабря въ 28 день, по государеву (титулъ) и отца его (титулъ) указу, велено Дмитрею Васильевичу Лодыгину да діаку Григорью Нечаеву, прѣѣхавъ во Мценскъ Олександра Ахию по наказу и противъ письма, что прислалъ къ государю (титулъ) онъ Александръ съ посланцы своими, что роспрашивалъ его митрополитъ киевской Иовъ Боретцкой роспросити подлинно о всемъ его пребыванье, да и попа Филипа роспросити жъ, и рѣчи ихъ прислать къ нимъ государемъ.

І по государеву (титулы) указу Дмитрей Васильевичъ Лодыгинъ да діакъ Григорей Нечаевъ Олександра Ахию роспрашивали и говорили съ нимъ въ разныхъ числахъ, і киевсково митрополита Иова Боретцкого попа Филипа роспрашивали жъ, а что коли Александръ въ роспросехъ сказалъ і въ розговорехъ зъ Дмитреемъ и зъ Григорьемъ говорилъ, и что сказалъ попъ Филипъ, и о томъ о всемъ къ государю царю і великому князю (титулы) (отпи)сано (и рѣчи ихъ подлинныя посланы съ мецянны...ря въ 13 день, съ Парееномъ Трубнико(вы)мъ...я въ 16 день, сываномъ Петрищевымъ...29 день, зъ Григорьемъ Тороповымъ... 31 день сывашкою Сямыковымъ....(по)слана книга Часословъ, что прислалъ.... (государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русіи.

...подъ люди его и подъ кормъ і подъ питье (четы)ре подводы саньми.

А провожатыхъ послано мценскихъ стрелъ(цовъ) и казаковъ 5 человекъ.

Да попу жъ Филипу Дмитрей і Григорей на отпуске говорили, чтобъ онъ, ѣдучи дорогою и на станъ(хъ) съ приставомъ своимъ

и ни съ кѣмъ про Александра, что (онъ) и какой человекъ и гдѣ былъ и отколе въ Московское государство и для чего приѣхалъ, отнюдь ничево не розго(вари)валъ і никому про него ничево не росказывалъ; а будеть приставъ его спросить, съ кѣмъ онъ въ Московское государство приѣхалъ и для чего и хто полякъ, которой во Мценску остался, і онъ бы ему сказалъ, что послалъ его къ великому государю (титулъ) и къ отцу его государеву (титулъ) киевской митрополитъ Иовъ бить челомъ о милостыни, и ѣхалъ онъ исъ Кіева съ тѣмъ купчиною, а какой человекъ тотъ купчина и для чего въ Московское государство приѣхалъ, тово онъ ничево не вѣдаеть; а больши тово ничево объ немъ съ нимъ и ни съ кѣмъ не разговаривалъ (и) тѣмъ на себя царьского величества гнѣву не навелъ.

Да еевраля въ 26 д. Дмитрей и Григорей велѣли Александру Ахия быть къ себѣ одному и говор(или ем)у, что онъ великому государю (титулъ) (и отцу его) государевъ (титулъ)... бить челомъ і съ ними говорилъ, чтобъ... пожаловали его Александра... отпустить на Архангельской городъ, а отъ Ар(хангельск)ого города моремъ въ немецкие государства, і они о томъ писали къ царьскому величеству, и царьского величества указъ объ немъ позамѣшвался затѣмъ, что зашла ихъ царская радость, а ныне къ нимъ царьского величества указъ пришелъ, а велено ево Александра отпустить ізо Мценска къ Архангельскому городу и съ людьми его, а для чести и всякого береженья, чтобъ ему бесчестье ни отъ кого не было, велено съ нимъ до Архангельского города ѣхать тому жъ приставу его Данилу Пузикову и кормъ и питье давать ему довольно, і онъ бы ѣхалъ въ путь свой безо всякого опасенья. А на платьѣ (и) на всякой его разходъ, любо ему что по надобитца купить на себя и на людей его, прислано къ нему царьского величества и отца его государева (титулъ) жалованья 150 рублевъ денегъ, і онъ бы то взялъ. И, сказавъ ему государевъ указъ, государево жалованье деньги отдалъ (ему).

І Александръ Ахия, выслушавъ государевъ указъ і (взявъ) государево жалованье, говорилъ: на ихъ государеве жалованье, что они государи пожаловали его, челомъ бьетъ и ѣхать отселе готовъ съ радостью; только онъ царьскому величеству бьетъ челомъ о

томъ, о чемъ онъ и прежь сего его царьскому величеству билъ челомъ, ч(то ны)не съ нимъ три человекъ, і столько ему съ собою людей не н(ад)обно, и послать бы ему людей сво(ихъ) Конца не достаетъ).

(И) февраля 23 д. въ государевой (титулъ) грамоте, (за) приписью думного діака Івана Грамотина, писано къ Дмитрею Васильевичю и къ Григорью съ Костянтиномъ Сытинимъ: указалъ государь Александру Ахие съ людьми изъ Мценска ѣхать къ Архангельскому городу, а въ приставехъ де у нихъ быть Денису Пузикову; а попа Филипа съ людьми указалъ государь перевести изъ Мценска къ Николе Зара(й)скому на время, а сказати, что государь велѣлъ его взять къ Москве, и отпустить его изъ Мценска съ Костянтиномъ Сытинимъ напередъ Александра Ахия тотчасъ; а Александра отпустить после его спустя дни два или три. А на кормъ Александру съ людьми прислано съ Костянтиномъ Сытинимъ къ прежнему въ прибавку 100 рублей. Да къ Александру жъ прислано государева жалованья, что ему дать на платье і на всякую покупку съ людьми его 150 рублей. А попу Филипу и людемъ его давати на кормъ приставу его Костянтину Сытину на два мѣсяца, попу по гривне, (а) людемъ его по 1 де(нь)е человекъ на день, а питье до Николы Зарайского. А какъ Александра отпустить, і въ тѣ бѣ поры было стройно и людно, чтобъ (без)людствомъ не оказатца, і проводить его за городъ....

.....Дмитрей Васильевичъ и Григорей Васильевичъ и Григорей велѣли (у себя б)ыть попу Филипу и сказали ему, что онъ съ нимъ.... отпустить его митрополитъ Іовъ Б(орекій) царьскому величеству пожаловати І великій государь (титулъ) и отецъ его государевъ (титулъ) (велѣли его по)па Филипа отпустить къ себѣ государемъ (д)ля того присланъ во Мценскъ Костян(тинъ Сытинъ), і онъ бы ѣхалъ къ Москве. А сказавъ ему, (отпустили) его съ Костянтиномъ еевраля въ 24 д. А на кормъ попу съ людьми Костян(тину)... съ тѣхъ денегъ, что Дмитрею и Григорю (при)слано 20 рублей на кормъ Александру Ахию къ тѣмъ деньгамъ, что посланы зъ Даниломъ (Пузи)ковымъ въ прибавку фев-

раля въ 24 дн. (а)прѣля по 25 число на два мѣсяца 12 руб-
(левъ).

Да на поповы жъ на две лошади кормъ сверхъ то(го) дано на
десять дней денегъ 4 гривны, по грошу лошадь на ... а данъ на
лошади кормъ до государева указу, пото(му) что въ государеве
грамотѣ о лошадехъ именно не оп(иса)но, а по путивльской рос-
писи даванъ на лошадь имъ кормъ особно ихъ корму.

Да питья въ дорогу дано съ кабака полведра виномъ, 5 вѣдръ
меду; а велено ему давать питья попу по шти чарокъ, людемъ
по четыре чарки человеку ви(н)а ... всѣмъ по ведру меду на день
до государева указу, потому что попу Филипу въ Путивле і въ
дороге (ко) Мценску питье давано съ Александромъ Ахией воп(че);
а какъ ему впередъ питье давать і конскій кормъ давать, і о
томъ велено ему (въ у)казе писать къ государю царю и великому...

На этомъ словѣ рукопись прерывается.

XIX.

РАЗСКАЗЪ ЗАПОРОЖСКИХЪ КОЗАКОВЪ

О СОВМѢСТНОЙ ЖИЗНИ СЪ КОЗАКАМИ ДОНСКИМИ.

1626.

Одно изъ недоразумѣній украинскихъ историковъ составляетъ
отособленіе ими запорожскихъ козаковъ отъ донскихъ. Представ-
ляемый документъ показываетъ, что тѣ и другіе составляли, мож-
но сказать, нераздѣльное товарищество. Въ 1626 году, за-
порожскій полковникъ Алексѣй Шафранъ, ѣдучи съ тремя коза-
ками съ Дону въ Кіевъ, заблудился въ придонскихъ пустыняхъ и
приблизился къ городу Волуйкѣ. Тамошнему воеводѣ показался онъ
человѣкомъ подозрительнымъ и былъ отправленъ вмѣстѣ съ его то-

варищами въ Москву. Въ Москвѣ взглянули на него такъ же недоувѣрливо, и онъ, для того, чтобъ совершенно разсѣять возникшія на его счетъ сомнѣнія, разсказалъ подробно о пребываніи своемъ среди донскихъ козаковъ, объ отношеніяхъ донцовъ къ запорожцамъ, объ ихъ совмѣстныхъ промыслахъ на морѣ въ качествѣ пиратовъ и о своемъ пилигримствѣ въ Кіевъ. Въ его разсказѣ козакъ является тѣмъ самымъ на Дону, чѣмъ былъ онъ на Диѣпрѣ,—искателемъ добычи, которой часть посвящалъ въ жертву своему Божеству, избравшему, по старой русской памяти, сѣдалищемъ славы своей городъ Кіевъ. Кромѣ этихъ двухъ потребностей примитивнаго быта, въ козакахъ, по разсказу Шафрана, не видать никакихъ другихъ заботъ или стремленій. Они были довольны широтою принадлежавшихъ имъ фактически пустынь, въ которыхъ козацкая жизнь не встрѣчала никакого противодѣйствія.

Что касается до нравственной стороны этой жизни, то настоящий разсказъ разувѣряетъ насъ въ томъ значеніи, которое мы пытались иногда придавать козацкимъ вторженіямъ въ мусульманскія владѣнія. Козаку, очутившемуся среди православной Москвы, слѣдовало бы говорить, что онъ хаживалъ на море для того, чтобы воевать враговъ святаго креста, или для освобожденія христіянъ изъ турецкой неволи; а онъ просто говоритъ: ходили на море *для добычи*. Алексѣй Шафранъ самъ провелъ шесть лѣтъ на турецкихъ галерахъ, и могъ бы, кажется, воспламениться желаніемъ облегчать участь плѣнныхъ христіянъ; но онъ знаетъ одну добычу. Этотъ запорожскій полковникъ остается совершенно чуждъ благочестивому подвигу своихъ товарищей полковниковъ, которые, въ 1624 году, распечатали кіевскія церкви. Общаго у него съ ними только добыча, которую онъ искалъ на морѣ, а они — въ мѣщанскихъ дворахъ да въ карманахъ у богуславскихъ и корсунскихъ жидовъ.

Миновалъ одинъ только годъ съ транзакціи на Медвѣжьихъ Лозахъ, гдѣ Конецпольскій ставилъ козакамъ въ вину, что они вмѣшиваются для грабежа въ церковныя дѣла, „не давая спуска даже собственнымъ церквамъ и духовнымъ людямъ“.

Положимъ, что ляхъ, какъ у насъ принято думать, непременно клеветалъ на козаковъ. Но если козаки были проникнуты рели-

гіознымъ энтузіазмомъ въ 1624 году, то почему запорожскій полковникъ, въ 1626-мъ, является только добычникомъ? Алексѣй Шафранъ имѣлъ возможность расположить москвичей въ свою пользу, представляя свое хожденіе на море дѣломъ христіянскимъ. И было о чемъ хлопотать ему: онъ былъ сосланъ по подозрѣнію въ Сибирь, и выпутался изъ постигшей его бѣды только черезъ два года. Но Шафранъ, по видимому, даже и не зналъ, что существовали сношенія между царскою думою и кievскими архіереями, которые въ лицѣ пріятелей своихъ, склоняли все Запорожское Войско къ подданству православному царю.

Возьмемъ для параллели другое свидѣтельство. Что козаки отдавали часть своей добычи на украшеніе православныхъ церквей, это видно изъ того, что Алексѣю Шафрану ввѣрено было ими 10 фунтовъ серебра на окладъ къ образу и на кадильницу. Естественно было бы добычничанье козацкое современнымъ писателямъ духовнымъ изображать въ томъ видѣ, въ какомъ изображаютъ оное наши писатели свѣтскіе. Но вотъ Кальнофойскій, описывая случаи козацкаго раскаянія въ тяжкихъ грѣхахъ и даже случаи священныхъ видѣній среди постигавшей ихъ на морѣ бури, тѣмъ не менѣе приводитъ въ своей „Тератургимѣ“ такія слова людей, дававшихъ церковныя обѣты въ моментъ опасности: *gdyś ny żiglowali z Zaporoża do cesarstwa Tureckiego dla Iupu, wiele miast, zamków, miasteczek, wsi wypładowawszy, z łobyczą obitą naładowawszy dobrze cz. Ipu nasz*, и т. д. (стр. 223.) Или: *z hetmanem swym na ten czas Sulimem, niedawno z przestępki swe przeciwko Rzeczyposp. na gardle skaranym, y z niemalą kupą woyska puscili się cz. Ilem swym na morze... gdy tam... z turkami y tatarami o Iup przyszły*, и проч. (стр. 271.) Ни разу во всей книгѣ своей не намекаетъ преданный православію Кальнофойскій, чтобъ у козаковъ запорожскихъ была иная цѣль морскихъ походовъ, кромѣ добыч.

Въ одномъ случаѣ козаки дали (и выполнили) обѣтъ работать по полугоду для монаховъ Печерскаго монастыря; но и объ этихъ „оборочникахъ“ онъ выразился, что они „навиговали добычную дорогу“.

Наконецъ самъ царевичъ Александръ Ахія, долженствовавшій

возбудить въ козакахъ высшія чувства, не упоминаеть о нихъ въ своемъ повѣствованіи вовсе, а говоритъ только о деньгахъ и въ одно слово съ Кальнофойскимъ рассказываетъ, что они ходили на турецкіе города *для добычи*.

Еслибъ у нашихъ пиратовъ было на умѣ христіанство, то они, овладѣвая турецкими кораблями, щадили бы хоть греческихъ купцовъ; ато, по дневнику королевскаго посла, православнаго пана Лаврина Несочянскаго, въ 1602 году, овладѣвъ купеческимъ судномъ, запорожцы турокъ истребили, а грекамъ „явили opus misericordiae, то есть обобрали до нага и даровали жизнь“.

Все это, какъ и многое другое свидѣтельствуетъ, что дѣло православія въ южной Руси находилось вовсе не въ козацкихъ рукахъ, и что Войско Запорожское служило иногда этому дѣлу, вовсе о томъ не вѣдая.

Объ этомъ не стоило бы много и распространяться, когда бы въ наше будто бы уже просвѣщенное время, у извѣстнаго рода историковъ и беллетристовъ не установился литературный культъ былому козачеству, которое они дѣлають передовыми бойцами за меньшую братію, за престонародье, чего никогда съ козаками не бывало.

Люди, которымъ дано воспитывать мышленіе свое болѣе здоровою пищею, благоволять принять къ свѣдѣнію, какъ смотрѣли на козаковъ тѣ русскіе, которые отдѣлялись отъ козачества благополучно и, вмѣсто того, чтобы пасть подъ нимъ, какъ Польша, обратили его въ безопасную, даже полезную для государства силу. Я говорю о москвичахъ. Географъ ХѴІІ вѣка Масса, составившій на мѣстѣ описаніе московскихъ смуть по рассказамъ дружески расположенныхъ къ нему московскихъ бояръ, служить для насъ передаточнымъ пунктомъ усвоеннаго ими воззрѣнія на козаковъ.

„Эти козаки (говоритъ Масса)—люди различныхъ племенъ, изъ земли московской, татарской, турецкой, польской, литовской, корельской и изъ нѣмецкой. — (Въ козаки) по большей части поступаютъ люди, убѣжавшіе отъ своихъ господъ, холопы, негодяи, воры и имъ подобные. Они преимущественно поселяются въ татарскихъ степяхъ, близъ рр. Волги, Дона и Диѣпра, и переходять съ мѣста на мѣсто. — За деньги, а иногда и даромъ, только

ради грабежа, эти воеводы служатъ почти всѣмъ государямъ которые ихъ призываютъ". (Сказ. Массы и Геркмана о Смутн. Врем. въ Россіи, стр. 105—106.)

Перейдемъ къ разсказу Алексѣя Шафрана.

Живеть де онъ Олеша (писали со словъ Алексѣя Шафрана царскіе дьяки) на Дону 18 лѣтъ; а иные его товарищи живутъ лѣтъ по 5 и по 6; а всѣхъ де ихъ на Дону есть съ 1000 человекъ; а в Запорогахъ де донскихъ казаковъ такъ же много,—мало (не) въ полы того, сколько ихъ, только живутъ переходя: они ходятъ на Донъ, а зъ Дону казаки къ намъ, и живутъ сколько гдѣ кто хочетъ. А повелось де у нихъ то зъ донскими казаки изъ тари, что межъ себя сходятца и живутъ вмѣстѣ въ однихъ куреняхъ.

Да они же сказали: Въ нынешнемъ де лѣтѣ ходили они на море въ осьми челнахъ, по 50 человекъ въ чолну, и того 400 человекъ; а старшина у нихъ былъ онъ Олексѣй, а съ нимъ были запороскіе чернасы и донскіе казаки смѣсно за одинъ; а пошли они зъ Дону на море въ великой пестъ за четыре недѣли до велика дни, и взяли въ Турской землѣ Турского городъ Трапизонъ; и, бывъ въ Трапизоне, пришли на Азовское море, и онъ Олексѣй былъ у войска отпросился опять для дсбычи на море. И ходили въ дву челнахъ, а съ нимъ 100 человекъ донскихъ казаковъ и запорожскихъ черкасъ; и ходя по морю, въ Турской землѣ громили села и деревни. А на Донъ де они пришли тому ныне дватцать шесть день, и были на Дону три дни. А зъ Дону де онъ поѣхалъ былъ съ товарищи въ Киевъ, для того что въ Киевѣ не бывалъ давно, а се они оброчники обложить въ Киевѣ въ соборной церкви образы и кадило устроить серебряно; и ихъ отпустили войскомъ и серебра съ ними на тотъ окладъ послали десоть фунтовъ. А ѣхать де было имъ степью на Торна на урочище на Самару; и они де не узнали степи, заблудились къ Волуйке, и ѣхать имъ стало въ Киевъ нельзя; и наѣхали де на нихъ государевы люди, которые посланы были съ Волуйки, и они ихъ воскликнули и спрашивали: какіе де люди? и они сказались рускіе люди съ Волуйки. И они де пріѣхали съ ними въ Волуйку, а съ Волуйки отпустили ихъ къ Москвѣ, и ныне ихъ какъ государь пожалуетъ.

Не удовлетворяясь этимъ показаніемъ, дѣяки разспрашивали запорожцевъ своимъ обычаемъ. Они вотъ говорятъ то то и то то о своемъ пути, а вѣдомо де подлинно, и знаютъ те многіе люди, что въ Дону въ Запороги и изъ Запорогъ на Донъ ходятъ степью, не займѹя Донца на Кармию да на Мохъ, а Донца не лезать. А они пришли къ Волюйке, и то ужъ Донецъ лѣзли, а коли Донецъ лѣзли, и то знатно, что не въ Запороги ѣхали къ Волюйке. И они бъ сказали прямо, какими обычаями они зъ Дону поѣхали и куды было или ѣхать таки(?) прямо въ Запороги, и будетъ въ Запороги, то для чего они Донецъ лѣзли и поворотили къ Волюйке а только было имъ ѣхать въ Запороги, и имъ было Донца лѣзть и къ Волюйке заезжать не надобно: ѣхать было или тою дорогою, куды зъ Дону въ Запороги ѣздить, не займѹючи Донца; чтобъ сказали правду, что то ихъ была мысль.

И черкасы Олексѣй съ товарищи сказали имъ: Они зъ Дону поехали; и они атаманомъ и казакомъ Епихе съ товарищи явились, и отпустили ихъ войско зъ Дону зъ добрымъ дѣломъ, что имъ, приехавъ въ Киевъ, оброкъ свой совершить, образъ обложить и иной обѣтъ исполнить. И какъ они зъ городковъ казачихъ пошли и перевезлись рѣчку Аксай, которая пришла съ поля и пала въ Таузлу, а Таузла въ Донъ подъ казачьи городки, и они перевезчиси Оксай, пошли вверхъ по Таузлу, и шли Таузломъ три дни, и, покиня Таузло вправо, пошли степью влѣво, и пришли на Калмиюсъ; и какъ пришли на Калмиюсъ, и тутъ поле погорѣло, шляховъ неznать; и они шли тѣмъ горѣлымъ полемъ день да ночь, и нашли шляхъ, и почаяли того, что тотъ шляхъ изъ Волчьихъ Водъ, которыми возятъ липы казаки въ Калмиюсъ, которые ходятъ на море; и они тѣмъ шляхомъ, чаяли, пошли къ Волчьимъ Водамъ; а отъ Волчьихъ Водъ къ Днепру ужъ близко, ¹⁾ и шли тѣмъ шляхомъ три дни и три ночи, и узнали то сами, что не тою дорогою идуть, куды въ Запороги ходятъ, что идуть долго, а конца дойти не умѣютъ; и они стали думать, куды имъ итти, и поворотили съ того шляха налѣво въ степь, и ѣхали

¹⁾ Слова „ужъ близко“ перечеркнуты блѣдными чернилами.

степью день, а къ вечеру наѣхали рѣчку немаду, а того не знаютъ, какая та рѣчка, только на ней побиты ѣзы, гдѣ рыбу ловятъ и становища, гдѣ люди рыбу вялятъ; да тутъ не нашли суденко. маленько росколото и водою потопло; и они, то суденко задѣлавъ хворостомъ и травомъ, перевезлись на томъ суденкѣ на другую сторону тое рѣчки; а какъ тоѣ рѣчку зовутъ и куды ѣдутъ, того не вѣдаютъ; только ужъ то узнали, что ѣдутъ не туды, куды было имъ надобно, а ради тому, что ужъ людей доѣхали христьянские вѣры. И какъ де тое рѣчку перевезлись и отѣхали отъ неѣ версты зѣ двѣ и наѣхали шляхъ татарской новой, только передъ ними переѣхали татарочя; и они, увидя тотъ новый шляхъ, поворотили въ лѣсъ, чтобъ татаромъ въ руки не попасть, и стояли тутъ до вечера, чтобъ ихъ татаровя не подсмотрѣли; и какъ на дворѣ обвечеряло, и они пошли вверхъ по той рѣчкѣ, а та рѣчка у нихъ была вправѣ, и держались рѣчки для того, чтобъ имъ татаромъ не попасть; и шли подлѣ той рѣчки два дни да двѣ noci. И, покня тоѣ рѣчку, пошли степью три дни и три noci ни дорогою, ни шляхомъ, на вдачу черезъ болота и черезъ лѣсъ, не розсматривая ничего; выникъ мѣстехъ и лошади было въ болотахъ потопили, а шли не разбирая, смотря на Конь звезду; а та звезда стоитъ на полночь, чаяли, что къ ихъ землѣ, ано она къ Московскому государству.

И пришли къ рѣчке невеликой, и перебрали еѣ на конехъ, тонко лошадемъ по колѣно, а имяни той рѣчке не знаютъ же; и тутъ они лошади кормили, и нашли тутъ петли, которые вставлены на звери, да сѣно въ стогѣхъ; и учали себѣ розмышлять, что тѣ сена и постаушки на звери русскихъ людей. А поноровя де немного стрѣляли ись пушки, а того не вѣдаютъ, гдѣ. Да тутъ же де отъ тѣхъ сѣнъ нашли татарскую сокму. А были тѣ татаровя подъ Волуйкою и стреляли по нихъ изъ города съ Волуйки, и только они того не вѣдали. И назавтре де того учали межъ себя говорить: плутають они на степи двенатцать дней, а ѣхать не вѣдаютъ куды, и наѣхали на удачу хъ тому мѣсту, гдѣ стреляли, чтобъ имъ наѣхать городъ и людей, чтобъ и досталъ не заблудить. И увидели зѣ горы трехъ человекъ—кормятъ лошади, и они ихъ прикликали къ себѣ и спрашивали: какие они люди? о они де сказались руские люди съ Войлуки (и т. д. повтореніе).

А на Войлуке ихъ также знаютъ многие люди, которые бывали на Дону и ихъ спрашивали, которыми мѣстами ѣхали и гдѣ Донецъ лѣзли, и они имъ сказывали тожъ, какъ ѣхали, а лѣзли одну реку, а того не вѣдаютъ, какую, и рассказали имъ подлинно, какъ еѣ возились, и волуйские де люди сказали, что они чають тоѣ рѣчку возились Боровую, а не Донецъ, а они де того подлинно не вѣдаютъ, какъ тоѣ рѣчку зовутъ, которую они возились а хотъ и будетъ и Донецъ, и они не знаютъ, потому что они не ѣзжали по Донцу внизъ, а вверхъ Донцомъ не хаживали. А знаютъ де на Дону и на Волуйке государевы люди, что они не воры, живутъ зъ государевыми людьми за одно. А вчера де они ѣхали въ городъ, и они видѣли донскихъ казаковъ, и тѣ ихъ казаки знаютъ: зимовали съ ними не одинаво, а одинъ изъ нихъ; Остасей Колода, сказалъ имянно, что ево знаетъ казакъ Івашко Чюмакъ, а ныне онъ здѣсь, что онъ съ ними на Дону жилъ много, а дурна въ нихъ ни которого не бывало.

Да Олексѣй же Шееранъ сказалъ: Былъ онъ на катарге у каинского воеводы семь лѣтъ, а ходили де они на море зъ Дону, и ихъ взяли на море турецкие люди, и было ихъ у каинского воеводы на катарге двѣсти шестьдесятъ человекъ русскихъ и литовскихъ людей; и та де катарга на море зазимовала, и воевода де велѣлъ ихъ посадить въ Булукаѣхъ въ тюрьму, а самъ пошелъ къ царю въ Крымъ. И они де безъ него тюрьму разломали и выбежали изъ тюрьмы вонъ, и сѣло ихъ на кораблѣ 160 человекъ, и пошли на море. И зъ города по нихъ стреляли, иныхъ побили, а онъ съ тѣми людьми, которые съ ними на корабль сѣли, пришли на Донъ, и тѣхъ всѣхъ людей привелъ на Донъ и далъ всѣмъ долю. То де донскимъ атаманомъ і казакомъ всѣмъ вѣдомо.

На вопросы, предложенные донскому атаману Федору Ханеневу да донскому казаку Івашку Гайдукову, тѣ отвѣчали:

Видѣли де они того Олексѣя Шеерана на Дону пынешние весны. Пришли съ моря на кораблѣ съ невольники, съ рускими и литовскими людьми; а было ихъ на томъ кораблѣ со 120 человекъ; и сказывали на Дону войску, что они были на каторге, а было ихъ на той которые человекъ съ 300; и та де каторга

прошлые зимы на море замерзла блиско берега хъ крымской стороны, и ихъ де съ каторги взяли и посадили въ Булыклеѣхъ въ тюрмы, розделя на две; и нынѣше де весны они съ тюрмы вырезались и пошли среди бела дни къ морю; и тутъ на море стоялъ блиско берегу корабль, и они де поместилися на корабль и отъ берегу отодвинули а достальнихъ людей у нихъ человекъ съ тритцать, которые съ ними сидѣли въ одной тюрмѣ, тутъ на морскомъ берегу побили, а они на корабль пришли на Донъ. А больши де того они того Олексѣя на Дону не видали. Хотя и будетъ и былъ, да имъ вѣдать про него не лучилось. На Дону люди многие, и черкасъ бываетъ много, человекъ до пятисотъ, а иногда и больши; а живутъ не въ одномъ мѣсте. А товарищевъ его, которые съ нимъ приехали также не знаютъ, и на Дону ихъ не видали. А зъ Дону де они поѣхали безъ нихъ, а того не вѣдаютъ, въ Запороги ли, или нѣтъ, і войско про нихъ вѣдаетъ ли, или нѣтъ, то дѣлалось безъ нихъ. А то у нихъ ведетца: какъ зъ, Дону поѣдутъ на Днепръ, и они атаманомъ сказываютца, а на добродѣтели ихъ челомъ бьютъ. А ѣздить де съ Дону въ Запороги черезъ Миюсъ да на Мохъ, а подлинно не вѣдаютъ, потому что они въ Запорогахъ не бывали. А то они вѣдаютъ, что Донца не перелазять, какъ ѣздить въ Запороги и изъ Запорогъ на Донъ. А на море де они съ ними не бывали, а хотъ и будетъ и хаживали, и имъ то не въ примѣту, потому что ходять люди многие, межъ себя не всякъ ся знаетъ. Да Ивашкожъ Гудъ сказагъ, что онъ Олексѣева товарища Остаѣя Колоду знаетъ: зимовалъ съ нимъ на Дону вместе не одну зиму, а дурна въ нихъ никакого не вѣдаютъ же, і куды они зъ Дону пошли, того не вѣдаютъ же: дѣлалось то безъ нихъ.

XX.

ПРИГОТОВЛЕНІЯ КЪ ВОЙНѢ

МЕЖДУ КОЗАКАМИ И ШЛЯХТОЮ.

1630, мартъ, іюль.

Пограничныя путивльскіе воеводы доносили царю отъ 27 марта 1630 года, что кievскій митрополитъ Іовъ Борецкій прислалъ въ Путивль іеромонаха Кіевософійскаго монастыря Іосифа протосингела да бѣлика Андрея Борецкаго, брата своего, съ прошеніемъ о присылкѣ къ нему изъ Путивля въ Кіевъ лекаря и о царской милостынѣ монастырямъ Михайловскому, Печерскому и Межигорскому. Іовъ Борецкій писалъ: „и не могущу ми зѣ въдома и искусна обрѣсти врача, естъ же... въ Путивля Гавриль въдомъ зѣло недуга моего, еже былъ въ плѣненіи во градѣ Кіевѣ; много; худость мою пользова“. О козакахъ не упоминалось въ письмѣ къ царю, но протосингелу Іосифу дано было какое то изустное порученіе.

Воеводы не преминули, какъ всегда, случая развѣдать, что дѣлается въ Литовской землѣ, и развѣдавъ, донесли великимъ государямъ Михаилу Федоровичу и его отцу, московскому патриарху: что де запорожскіе козаки изъ Запорогъ выгребли(сь) въ Переяславль съ пушками, и нынѣ дѣ, государи, збираютца и зо всѣхъ городковъ козаки, которые гроши имали, и выписные козаки, что были выписаны, а собрався де, государи, выгонять имъ изъ Києва і изо всѣхъ городовъ послѣ Великодня поляковъ. А поляковъ дѣ, государи, въ Києве и окола Києва въ городахъ въ Киевскомъ повѣте съ восемь тысячей; а говорятъ дѣ, государи, поляки, чтобы въ Києве вѣру христьянскую нарушить, а учинить унею римскую вѣру и на козаковъ итить; а иные де, государи, говорятъ, что итить имъ на ваше государство Московское войною. А сказываютъ де, государи, что козаковъ изъ Запорогъ пришло тысячъ зъ дѣсятъ, а къ нимъ дѣ въ Переяславль изъ городовъ переписные козаки, что было переписано и здѣлано на шесть тысячъ, да и вы

писные де козаки идутъ къ нимъ же въ зборъ, а стоять де имъ за вѣру противъ поляковъ. А что де, государи, отъ митрополита Иева отъ Борецкого ему Иосифу протосингелу къ вамъ государемъ изо устной приказъ есть, и онъ дѣ Иосифъ тотъ метрополичей приказъ изоустной, приѣхавъ къ Москвѣ, вамъ государемъ скажетъ на Москвѣ, а шпатулу де, государи, и листы онъ Иосифъ самъ отдасть вамъ государемъ.

Война 1630 года отличалась отъ предыдущей и отъ послѣдующихъ войнъ 1637 и 1638 годовъ попыткою придать козацкому бунту характеръ войны за вѣру. Слухи, сообщенные царю путивльскими воеводами, были распущены широко по Украинѣ не одними козаками, но и монахами, которые могли искренно вѣрить, что коронный гетманъ Конецпольскій, человекъ въ высшей степени толерантный, какъ и его предшественники, Янъ Замойскій и Станиславъ Жовковскій, затѣмъ только и вооружается на козаковъ, чтобы, побивши ихъ, уничтожить православіе въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой. Вѣрили этому еще и въ наше время, забывая, что диссиденты въ Польшѣ составляли тогда могущественную партію, и что, при всемъ отвращеніи ихъ пасторовъ къ православному духовенству и на оборотъ, съ самаго обнародованія, въ 1596 году, церковной уніи, эта партія была локомотивомъ православнаго движенія на сеймахъ со стороны шляхты. Хотя бы и имя козацкое было истреблено въ Польшѣ, все равно агитаціи въ пользу греческой вѣры продолжались бы. Православіе нужно было диссидентамъ для усиленія собственной партіи. Они, въ качествѣ землевладѣльцевъ, хаживали на козаковъ войною подъ знаменами короннаго гетмана, но тѣмъ не менѣе поддерживали на сеймахъ Лаврентія Древинскаго, Адама Кесея и другихъ аристократическихъ защитниковъ древней греческой вѣры въ русскихъ областяхъ королевства. Согласіе пановъ диссидентовъ было существенно необходимо королю, когда бъ онъ въ самомъ дѣлѣ рѣшился употребить коронное войско для водворенія папской власти во всей Рѣчи Посполитой. Только тогда и возможно было двинуть въ крестовый походъ коронное войско, призываемое на службу по опре-

дѣленію земскихъ пословъ, когда бы всё депутаты, и католическіе и протестанскіе, единодушно приговорили уничтожить въ королевствѣ вѣру Древинскихъ, Киселей, Четвертинскихъ и другихъ равноправныхъ съ ними пановъ. Такое рѣшеніе было невысказано для диссидентовъ; а безъ ихъ воли не возможно было уничтоженіе православія въ Польшѣ. И вотъ кѣмъ держалась легально древняя греческая религія въ Рѣчи Посполитой, а не козаками, отъ имени которыхъ, по внушенію такихъ людей, какъ Борецкій, присылались иногда на сеймъ петиціи, имѣвшія весьма мало вѣсу въ обыкновенномъ теченіи дѣлъ. Въ глазахъ государства, Запорожское Войско было корпораціею, терпимою по мѣрѣ ея полезности, совершенно такъ, какъ въ Московскомъ государствѣ войско донское. Непосредственной всѣны за вѣру не было и быть не могло въ Рѣчи Посполитой. Борьба между латинскою и греческою церквями производилась оружіемъ духовнымъ, съ придачею къ нему разныхъ житейскихъ уловокъ. Обѣ воюющія стороны били на то, чтобы дѣйствительныхъ членовъ Рѣчи Посполитой привлечь въ свою вѣру или удержать въ ней. Будущность соперничавшихъ церквей въ Польшѣ прямо отъ этого зависѣла. Православные люди, не имѣя за собой князей и пановъ (какъ это высказано въ трехъ посланіяхъ нашихъ архіереевъ), искали прибѣжища въ Московскомъ государствѣ, по мѣрѣ своихъ способностей въ дипломатіи, и отсюда то пошли слухи, сбившіе съ толку не только современниковъ, но и ихъ позднее потомство, относительно того, какъ стояли вещи къ Малороссіи. Итакъ вѣсти о наступленіи короннаго войска на вѣру были одними распускаемы съ извѣстною цѣлю, а другими принимаемы простодушно. Юля 26, монахи Прилуцкаго и Печерскаго монастырей, просившіе царя о принятіи ихъ въ Московское государство, сообщили „въ распросѣ“ путивльскимъ воеводою слѣдующее:

Слышали де они въ Киевѣ отъ литовскихъ торговыхъ людей нынѣшняго де, государь, года въ мае мѣсяцѣ, что Турской царь отъ себя прислалъ королю польскому посла, чтобъ де Польской запорожскихъ козаковъ унялъ и подъ Турского де города и на море козакомъ ходить не велѣлъ; а только де не уйметъ козаковъ, и онъ бы де съ нимъ бился нынѣшнимъ лѣтомъ. А поляки де, государь, многіе въ зборе съ рохмистры. Лѣжать въ Бару и окала Бару отъ

волоского рубѣжа шѣсть десять вереть. А Бонецъ де Польской изъ Бару поехалъ хъ королю польскому; а въ которомъ де, государь, городе король и королевичъ, таво они не вѣдають. А многие де литовские люди говорятъ, что де король польской умеръ, а сами де, они пра то доподлинно не ведають.

И нынешнего де, государь, 138 года, после верховныхъ апостолъ Петра и Павла, у гетмана Бонецпольского съ паны радою быть сойму тайному о томъ, каво о брать на королевства и что де ответъ дати турецкому царю, и быть де во всей Польши и Литве посполитому рушенью, а для де тово посполитому рушенью быть: просить де пановъ рады гетманъ Бонецпольской, что де онъ Бонецъ Польской свою славу гетманскую и честь королевскую утратилъ: запорожскихъ де козаковъ не побилъ і вѣры крестьянской въ свою римскую не превратилъ; и чтобъ де паны рада съ нимъ съ Бонецъ Польскимъ послали посполитоя рушенья на запорожскихъ козаковъ, чтобъ де козаковъ всехъ вывести и вера бъ крестьянская розорить, і во всей бы де Полше и въ Литве одна вера римская учинить. А козаки де, государь, запорожские все живутъ по украинымъ черкасскимъ городомъ, где хто живеть, и спеють де запасы порохъ и свинець, и отъ себя де козаки послали хъ королю польскому посланцовъ, а о чомъ де послали, тово де они подлинно не ведають. А киевской де митрополить Иевъ Борецкой изъ Києва збежалъ отъ поляковъ въ козацкой монастырь въ Трехтемировъ.

XXI.

СЫНЪ БОРЕЦКАГО НА СЛУЖБѢ У ЦАРЯ.

1630.

О сыновьяхъ Іова Борецкаго упоминалось и въ концѣ XXVI главы „Исторіи Возсоединенія Руси“ и въ примѣчаніяхъ къ предшествующимъ документамъ. Здѣсь остается замѣтить, что въ духовномъ завѣщаніи своемъ Борецкій не упомянулъ ни объ одномъ сынѣ, а только о дочери и племянницѣ. (Кіевскія Еп. Вѣд. 1863, № 21.) Видно, онъ былъ огорченъ тѣмъ, что сыновья „не имѣли отцовскаго духа и не хотѣли продолжать наукъ“, какъ писалъ онъ къ Христофору Радивилу. Если это такъ, то удаленіе дѣтей отъ арены козачества показываетъ намъ, что здѣсь ему предстояло еще большее огорченіе. Да и положеніе его на постѣ непризнаннаго правительствомъ кіевского митрополита не соответствовало козакованью сыновей его. Принадлежа къ вооруженнымъ противникамъ правительства, какъ этого хочется львовскому лѣтописцу, сыновья Іова сдѣлали бы, пожалуй, безсильнымъ и самого князя Радивиля въ его защитѣ Борецкаго передъ панскимъ правительствомъ, которой защитѣ, болѣе нежели чему либо, Іовъ Борецкій обязанъ былъ своею цѣлостью до конца жизни, послѣдовавшаго весною 1631 года. Не даромъ священникъ Филиппъ говорилъ во Мценскѣ, что Борецкій давно сидѣлъ бы въ заточеніи или былъ изведенъ инымъ способомъ, когда бъ его враги не боились „бѣлорусскихъ людей“. (См. выше стр. 260).

Подъ именемъ бѣлорусскихъ людей нельзя разумѣть малорусовъ вообще и еще меньше—козакзвъ, уже по одному тому, что во всѣхъ документахъ настоящаго тома Матеріаловъ для Исторіи Возсоединенія Руси это имя ни разу не дано ни малоруссамъ вообще, ни козакамъ въ частности. Малоруссы называются или литовскими людьми, или черкасами, или козаками. Священнику Филиппу ничто не мѣшало назвать прямо козаковъ, говоря о страхѣ

враговъ Борецкаго, — тѣмъ больше, что онъ ѣзжалъ и къ „черкасамъ“ и къ „козакамъ“ за милостынею „на церковное строеніе и на сакъ митрополиту“.

Путивльскіе воеводы доносили:

Въ нынѣшнемъ, государь, во 138 году августа въ 9 день прислалъ въ Путивль на твое государево цареву и великаго князя Михаила Ѳеодоровича — — имя съ путивльцомъ — — зъ Григорьемъ Гладкимъ киевскій митрополитъ Иевъ Борецкій сына своего Ондрѣя Борецкаго да племянника своего Павла, да съ ними жъ прислалъ на твое жъ государево имя запорожскаго черкашенина Ивана Никитина. И мы холопи твои тому митрополитчю сыну Ондрѣю Борецкому и племяннику ево Павлу Бязитскому велѣли быть къ себѣ въ сѣзжею избу и ихъ спрашивали, а въ распросе онѣ намъ холопомъ твоимъ сказали: что прислалъ дѣ ихъ исъ Києва киевскій митрополитъ Иевъ Борѣцкой на твое государево имя, а про вести онѣ намъ холопомъ твоимъ сказали: которые дѣ были вѣсти, и тѣ де вѣсти отецъ ево Ондрѣевъ митрополитъ киевской Иевъ Борецкой писалъ въ листехъ своихъ къ тебѣ государю царю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичю всеа Русіи и къ отцу твоему великому государю святѣйшему патриарху Ѳиларету Никитичю московскому і всеа Русіи, и тѣ де листы митрополитъ киевскій Иевъ послалъ съ путивльцомъ Григорьемъ Гладкимъ. — — Да онѣ жъ сказали: что де польскіе люди въ зборе противъ крымскихъ людей, а крымскихъ людей чають прихду на польскую границу. А отъ запорожскихъ де, государь, черкасы посланы къ королю посланцы, и тѣ де черкасскіе посланцы отъ короля къ нимъ черкасомъ не бывали, и говорятъ де, государь, черкасы: будетъ де опять на нихъ придуть польскіе люди войною, а ихъ де мочи не будетъ противъ поляковъ стоять; и онѣ де хотять бить челомъ тебѣ государю царю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичю всеа Русіи, чтобы ты государь пожаловалъ ихъ, велѣлъ имъ въ своемъ государстве повеленье...

Въ Москвѣ спрашивали сына Іова Борецкого Андрея: не передалъ ли чего изустно отецъ? но тотъ отвѣчалъ, что, кромѣ писаннаго въ листѣ, не передалъ на словахъ ничего.

А племянникъ митрополитъ Павелъ Книжинскій сказалъ: отецъ де ево былъ служилой человекъ, шляхтичъ Перемышльскаго по вѣту, а мать ево митрополиту Іеву Борецкому родная сестра, и жилъ де онъ Павелъ у дяди своего у митрополита у Іева Борецкого.

А казакъ запорожской Иванко Микитинъ сказался: жилъ де онъ въ Биевѣ у митрополита Іева онъ, а въ Запорогахъ де онъ мало жывалъ, а отпустилъ де ево митрополитъ съ сыномъ своимъ и съ племянникомъ къ Москвѣ на государево имя.

1631, генв. 7 архіепископъ суздальскій Іосифъ Курцевичъ писалъ къ Іову Борецкому, что сынъ его и племянникъ щедро пожалованы и обласканы царемъ и его отцемъ, а я ихъ (продолжаетъ Курцевичъ), для духовныя любви святѣйшества твоего, имѣю ихъ у себя на крѣпкомъ водзѣ, да и самая ихъ шляхецкая натура и поступки ко всякому милости и любви побуждають...

Далѣе онъ пишетъ:

Униженно а покорне прошу святительство твое о грибки тысячей съ пять или зъ десятокъ. Милостию Божиею и государскимъ премилосерд(нымъ) жалованьемъ ни въ чемъ же скуденъ, а ништо тако не смакуеть, якъ грибки.

Курцевичъ писалъ къ матери, упрекая, что ея холодность загнала его и въ иночество; звалъ къ себѣ, горько жаловался, что она „по чужихъ кутахъ живеть“, и проч. Объ этомъ говоритъ онъ въ письмѣ къ Борецкому слѣдующее:

— — на Москвѣ умысленно ожидаемъ рождайшей 'мя, а теперъ зрозумѣемъ съ писанія преосвященства вашего, же лутше за тымъ, который отвергся православныя отеческия вѣры, ганяеться и все усердие въ него влагаетъ, нежели за мною. Въ томъ вины моея не обрѣтаю; свидѣтель Богъ. — —

XXXII.

ДОГОВОРЪ КОНЕЦПОЛЬСКАГО

СЪ КОЗАКАМИ

въ іюнѣ 1630 года.

Два раза уже козаки мѣрялись всѣми своими силами съ королевско-панскимъ войскомъ: И на Солоницѣ (1596) и на Медвѣжьихъ Лозахъ (1625) они были побѣждены превосходствомъ военного искусства коронныхъ гетмановъ. Зять Жовковскаго, Станиславъ Конецпольскій, не уступалъ ему, какъ видно, въ энергіи и мужествѣ. Онъ же при томъ былъ знаменитый колонизаторъ украинскихъ пустынь; для него имѣло особенную важность усмиреніе козаковъ, мѣшавшихъ процвѣтанію сельского хозяйства.

Извѣстія о козакошляхетской войнѣ 1630 года весьма неполны у насъ и сбивчивы; но лѣтописцы наши почему то особенно любятъ эту войну и приписываютъ предводителю козаковъ Тарасу, прозванному ими Трясилою, полное торжество надъ Конецпольскимъ. Поддѣльная Лѣтопись Конискаго, съ обычнымъ своимъ краснорѣчіемъ распространяется о козацкихъ подвигахъ подъ Переяславлемъ, и ночь, въ которую, по ея сказанію, поляки были поражены на голову, называетъ Тарасовою ночью. Львовская Лѣтопись, оганчивающаяся 1649 годомъ, также пустила въ ходъ нѣсколько сочиненныхъ молвою фактовъ. Она, между прочимъ, рассказываетъ, будто бы старшій сынъ Іова Борецкаго, Стефанъ, палъ среди козаковъ въ битвѣ съ поляками. Помѣщаемые въ вслѣдъ за симъ „вѣсти“ царскаго развѣдчика Григорія Гладкаго, сидѣвшаго въ осадѣ вмѣстѣ съ козаками въ Переяславлѣ и проѣхавшаго по окончаніи войны къ Іову Борецкому, молчать о падшемъ на войнѣ сынѣ его. Зная обстоятельность царскихъ развѣдчиковъ, никакъ не можетъ допустить, чтобы участіе митрополитова сына въ козацкой войнѣ и его гибель были сочтены ими предметами, не заслуживающими упоминанія. Падшій по лѣтописи на войнѣ Стефанъ Борецкій пристроенъ былъ въ 1629

году отцомъ ко двору князя Христофора Радивила. Другой сынъ Борецкого, Андрей, въ августѣ 1630 года отправленъ имъ въ Москву „на годударство имя“. (См. выше, стр. 145.) Это былъ юноша, до того удаленный отъ козацкихъ тревоженій, что, когда его разспрашивали въ Москвѣ о событіяхъ въ Украинѣ, онъ не могъ сообщить ничего сверхъ написаннаго его отцемъ къ царю; а то обстоятельство, что онъ (по свидѣтельству Юсіфа Бурцевича) былъ особенно обласканъ Филаретомъ Никитичемъ Романовымъ, показываетъ въ немъ человѣка, воспитаннаго не среди козаковъ, а среди иноковъ.

Представляемый здѣсь документъ составляетъ одинъ изъ свѣточей, мерцающихъ во мракѣ лѣтописанія Украины. Въ немъ идетъ дѣло о *влостяхъ*, какъ назывались имѣнія, принадлежавшія панамъ. Козаки „вышли на влости“ еще въ 1625 году, и тѣмъ нарушили, такъ сказать, демаркаціонную линію между землями королевскими, въ которыхъ они могли гнѣздиться съ вольнаго и невольнаго согласія королевскихъ урядниковъ, и землями панскими, гдѣ каждый долженъ былъ сложить съ себя званіе козака и называться панскимъ подданнымъ. Мы привыкли воображать себѣ козацкую Украину какою то отдѣльною областью, въ которой личная свобода была отвоевана отъ панскихъ посягательствъ на закрѣпощеніе чернорабочаго человѣка. Отдѣльности никакой не было, а существовали въ Украинѣ мало доступныя для хозяйственной культуры мѣстности за Поволочью, Бѣлою Церковью, Корсунемъ, Каневомъ,—за той чертой, до которой и во времена кіевскихъ князей доходила земля, безопасная отъ набѣговъ степной дичи. Эти пустынные пространства, по которымъ кочевали козаки, съ *русскаго* берега Днѣпра перекинулись и на *татарскій* берегъ, въ землю половецкую, къ Переяславу, Нѣжину Прилукамъ, Лубнамъ. То были королевщины, которыми владѣли отъ части городскія общины, отъ части королевскіе старосты и державцы, отъ части монастыри, или же—такъ называемая Вишневецина, родъ удѣльнаго владѣнія князей Вишневецкихъ, дававшихъ мѣсто и козацкому элементу, по мѣрѣ надобности въ немъ, или по мѣрѣ невозможности подчинить его началамъ культурнымъ. Козакъ былъ здѣсь то самое, что и въ

московскихъ украинцахъ, — человѣкъ полусвѣдлый или престо кочующій по городамъ и поселкамъ. Но, какъ государственное хозяйство польской Рѣчи Посполитой не имѣло московской централизаціи, то обычай здѣсь обращался въ право, и козакъ, собираясь въ купы, соответственныя шляхетскимъ конфедераціямъ, шумѣли о своихъ давнихъ правахъ, „наданныхъ“ имъ будто бы прежними королями, но нигдѣ не засвидѣтельствованныхъ документально. Этого нельзя не было дѣлать козакамъ украинъ московскихъ, и потому они постоянно проживали среди „хохлачей“, промышляя съ ними и по ту и по сю сторону польскотурецкаго рубежа. Такъ точно и польскіе козакъ, въ случаѣ кровавой ссоры съ панами, удалялись въ донскія пустыни и проживали тамъ по многу лѣтъ, какъ у себя дома. И тамъ и здѣсь козачество боролось по мѣрѣ своихъ силъ съ гражданственностію, пока на конецъ въ Польшѣ подавило силу гражданственности, а въ Москвѣ — подчинилось ей. Имѣя это въ виду, мы должны воображать себѣ демаркаціонную линію между козацкимъ краемъ и панскими влостями не иначе, какъ въ смыслѣ культурномъ, хозяйственномъ, экономическомъ. Гдѣ проживали козакъ, тамъ было невозможно правильное хозяйство. Гдѣ паны правильно хозяйничали, тамъ не могла быть терпима козацкая номадная жизнь. Отъ этого козачество, процвѣтавшее во времена князя Рожинскаго на Днѣстрѣ и еще при Наливайкѣ гнѣздившееся въ Брацлавлѣ, послѣ солоницкаго побоища подвинулось къ Днѣпру, а мѣста первыхъ подвиговъ Косинскаго, Лободы и Наливайка уступили панскимъ хозяйствамъ. Только подъ хоругвями коронныхъ гетмановъ появлялись козакъ у Бара, Винницы, Брацлова, Каменца, или на берегахъ Днѣстра. Распущенные по домамъ, они шли въ древнія печенѣжскія да половецкія займища и жили тамъ своимъ непрогрессивнымъ бытомъ до тѣхъ поръ, пока ихъ накоплялась такая масса, что они смѣло вторгались въ предѣлы землевладѣльческой культуры.

Такъ было въ 1625 и 1630 годахъ. Въ 1625 году Бонецпольскій вытѣснилъ ихъ въ пустыя мѣста, гналъ до Брежечука, и на урочищѣ Медвѣжьей Лозы принудилъ отказаться отъ своихъ притязаній. Въ числѣ шести тысячъ человѣкъ, подначальныхъ короннымъ властямъ, козакъ могли быть терпимы Рѣчью Посполитою и слу-

жили ей удобнымъ по дешевизнѣ содержанія войскомъ для охраненія границъ. Но козакамъ, имѣвшимъ въ своихъ кадрахъ озлобленную или обѣдѣвшую шляхту, хотѣлось разрушить существовавшій въ Польшѣ порядокъ вещей. Козаки, привлекая въ свои жупы все своевольное въ Рѣчи Посполитой, стремились къ идеалу, достигнутому крымскими татарами, у которыхъ каждый былъ козакъ, кто не хотѣлъ пахать земли или заниматься промыслами и торговлею. Болѣе развитая граждански часть польскорусскаго общества принуждена была снова указать имъ границы, соответствовавшія государственному строю Рѣчи Посполитой или лучше сказать — польскому государственному хозяйству.

Въ числѣ условій, предписанныхъ побѣдителями на Медвѣжьихъ Лозахъ, было избраніе козацкаго *старшиаго* по указанію короннаго гетмана. Старшимъ надъ козаками поставленъ былъ Грицько Савичъ Черный. Но положеніе такихъ избранныхъ было непрочное. Заключенный побѣжденными козаками договоръ съ правительствомъ не имѣлъ своей силы на Запорожьѣ, куда свободно пріѣзжалъ полякъ, московскій сѣверянинъ, донецъ, армянинъ, грекъ, турокъ и всякой иной національности человекъ, какъ на нейтральную почву, и все это голодное, дерзкое озлобленное, о томъ только и думало, какъ бы поживиться на счетъ людей работающихъ и промышленныхъ. Украинскіе козаки, приведенные дома въ согласіе съ требованіями государственной жизни, отъ общенія съ запорожскими бурлаками снова набирались духа отрицанія, или же уступали ихъ террору, и въ такихъ случаяхъ договоръ, утвержденный ихъ вл�твою, терялъ для нихъ обязательное значеніе. Сравнительно только немногіе оставались на сторонѣ правительства и вмѣстѣ съ нимъ старались отразить козацкую голоду.

Такъ именно случилось послѣ военной транзакціи на Медвѣжьихъ Лозахъ. Нѣкто Тарасъ Федорѣвичъ явился за Порогами во главѣ тѣхъ, которые воображали, что можно во вѣки жить партизанскою войною да грабежемъ, объявилъ договоръ съ Конецпольскимъ недѣйствительнымъ, вывелъ козаковъ на влосты, схватилъ и казнилъ Грицька Савича-Чернаго, а мирныхъ жителей заставилъ кормить и содержать сорокатысячную козацкую орду. Это былъ пер-

вый актъ его патриотической дѣятельности. Вторымъ актомъ было снаряженіе козаковъ, на счетъ королевскихъ и панскихъ подданныхъ, въ морской походъ и грабежъ черноморскихъ побережьевъ.

Если была возможность для пановъ сносить хозяйничанье козаковъ у себя въ имѣніяхъ, то никакъ не должны были они терпѣть, чтобы козаки своими экскурсіями навлекали на нихъ убыточную и опасную турецкую войну. Надобно было обуздать козаковъ такимъ образомъ, чтобы турки успокоились на счетъ повторенія экскурсіи. И вотъ русскіе землевладѣльцы присоединяютъ свои ополченія къ войску короннаго гетмана и идутъ въ Украину съ цѣлью ограничить число козаковъ, разогнать ихъ мятежныя кupy, сжечь ихъ походныя лодки. Козаки принимаютъ противъ этого свои мѣры: они распространяютъ въ народѣ слухъ, что ляхи идутъ на козаковъ для того, чтобы, уменьшивъ и обезславивъ ихъ, обратить православныя церкви и монастыри въ уніятскіе. Слѣдствіемъ этого было такое положеніе дѣлъ, что одинъ и тотъ же монастырь, съ своими хозяйственными заведеніями, подвергался сперва нашествію козаковъ, какъ защитниковъ православія, а потомъ въ него вторгались коронныя и панскія хоругви, какъ преслѣдователи бунтовщиковъ. Монахи не знали, какъ имъ быть съ своими защитниками, и какъ оправдаться въ неприкосновенности къ козацкому бунту передъ коронными властями. Въ такомъ именно положеніи, по разказу Бальнофойскаго („Тератургима“, стр. 318), находился самъ Петръ Могила, въ качествѣ архимандрита Печерскаго монастыря.

Въ договорѣ своемъ съ козаками Конецпольскій упрекаетъ ихъ, что они „однихъ насильно принудили (къ бунту), другихъ подѣлгомомъ ламанья вѣры, которой никто не трогалъ, привлекли (въ свои кupy)“. Эти отрывочныя слова, вполне понятныя тѣмъ, къ кому были обращены, говорятъ намъ, что козакамъ было такъ же необходимо прикрываться религиознымъ движеніемъ, какъ духовенству и мѣщанамъ—твердить о козацкой ревности къ дѣлу вѣры. Во всякомъ случаѣ, представляемый документъ показываетъ, что козакамъ ихъ агитація не удалась, и этимъ объясняется, почему въ послѣдующихъ козакошляхетскихъ войнахъ 1637 и 1638 годовъ вопросъ о вѣрѣ исчезаетъ, и выступаетъ одно толь-

ко стремленіе жить въ панскихъ имѣніяхъ на счетъ людей, не принадлежащихъ къ козацкому войску.

Документъ этотъ интересенъ еще и въ томъ отношеніи, что опровергаетъ торжество надъ короннымъ войскомъ, приписываемое дѣтописями козакамъ, вѣроятно, на основаніи ихъ собственныхъ разсказовъ. Конецпольскій относится въ немъ къ Запорожскому Войску тономъ побѣдителя. Онъ говоритъ, что пощадилъ бунтовщиковъ только ради ихъ товарищей, которые остались вѣрны королю и сражались противъ нихъ подъ его знаменемъ. Всю вину бунта взваливалъ онъ на Тараса Федоровича, но имѣлъ свои причины не настаивать лично на выдѣлѣ демагога, хотя, какъ сказано въ договорѣ, козаки не сопротивлялись этому требованію. Они только представляли, что предводитель ихъ исполнялъ то, чего хотѣло войско. Какъ вѣрны королю козаки, такъ и тѣ, которые были приведены къ покорности вооруженною силою, усердно просили короннаго гетмана оставить Тараса Федоровича у нихъ въ рукахъ до королевскаго отвѣта на ихъ о немъ ходатайство. Каково бы ни было рѣшеніе короля, они обязывались немедленно привести его въ исполненіе, и коронный гетманъ снизошелъ къ ихъ покорной просьбѣ.

Договоръ, заключенный Конецпольскимъ въ 1625 году, подтвержденъ настоящимъ актомъ во всей его силѣ. Послѣдовало формальное примиреніе между козаками, сражавшимися въ противоположныхъ лагеряхъ, съ тѣмъ чтобы не поминать другъ другу зломъ за политическое столкновеніе. *Старшимъ* сдѣланъ на сей разъ какой то Тимонъ Михаловичъ, очевидно шляхтичъ. Перечисленные въ документѣ имена депутатовъ правительственной партіи въ козацкомъ войскѣ не оставляютъ сомнѣнія въ ихъ шляхетскомъ происхожденіи. Этими, какъ и другими обстоятельствами козацкаго вопроса, опровергаются тѣ изслѣдователи, которые козаковъ представляли вооруженными делегатами русскаго крестьянства, домогавшагося у шляхты личной свободы. Изъ какого бы класса ни происходилъ козакъ, онъ прежде всего отрицалъ свою солидарность съ тѣмъ классомъ. Еслибъ этого не было, то не для чего было бы человѣку дѣлаться и козакомъ. Козацкій элементъ былъ отрицаніемъ всего, что стѣсняло человѣка въ его дикихъ инстинк-

тахъ: отрицаніемъ начала семейнаго; отрицаніемъ начала общественнаго; отрицаніемъ начала государственнаго. Это былъ элементъ, по преимуществу разрушительный и ни въ какомъ отношеніи не созидательный. Одна только мечтательная тенденціозность, вопреки исторической послѣдовательности явленій, возвела у насъ козака въ передовые борцы за темныя массы, и изъ тормазы гражданственности превратила его въ двигателя страны своей въ какому то высшему строю.

ПАСТА ŚT. KONIECPOLSKIEGO Z KOZAKI ZAPOR.

Acz nie ladaiaکو iest urazony Maiestat J^o KMci Pana naszego Mici^o y wszytka Rzepta od woyska Zaporoskiego, przez Tarasa na włosci wywiedzionego, kotory przeciwiajac sie woley Je^oKMci y wyrazney Commissiey Kurakowskiey, Czarnego Hrieka Sawicza, Woysku Zap. za Starszego danego od Je^oKMci, nie tylko za starszego nie przyieli, ale go niespodziewanie zbiezawszy y poimawszy, okrutnie zamordowali. Cisz przesłego roku, wypadszy na morze Czarne, wielkie w Panstwach Tureckich poczynieli szkody — Cisz iednych gwałtem przymusili, drugich praetextem łamania wiary, w ktorey siei krzywda zadna nikomu sie nie dziala, zwabili, na Choragwie Je^oKMc na stanowiskach bedacych nastepowali — Iednak — dali się bydcz winnemi, czestokroc, tak przez listy, iako i posly swoje o miłosierdzie pròszac unizenie supplikowali. Do tego — niezycac, aby inne woyska Zaporoskiego, kotorych nie mala część statecznie w wierze swey w posluszenstwie przy Woysku Je^oKMci trwala, y ktore tak wiele razy na przysluge Je^oKMci y Rzptey na dobrą slawę zarobilo, ginac mialo — wszytkim teraznieyszą odpuszczam wine, takim iednak sposobem. Poniewaz wszyscy sie bydcz winnemi mianuią y wszyscy odpuszczenia winni takowe krwie rozlanie y takie ktore odniesli szkody za sluszne karanie przyimuiąc, proszą; iednak, isz się pokazuię Taras Fedorowic, kotory był na ten czas głową ich, między wszytkiemi nawinnieyszym, y za ktorego powodem y imieniem te wszytkie zbrodnie dziac się poczely, nie wzbranieli się owego, iednaiąc sobie laskę Je^oKMci, wydac; lecz, maiąc ieszcze w miłosierdziu J^oKMci nadzieie zupełną, za iako onym te wine przes mię odpuszcza, tak y

temu, który to czynić musiał, co Woysko chciało, młóciwie odpusci, prosili aby do dalszey Je^oKMcI woley w ręku ich w segwestrze był zatrzymany. Czegom im, za gorącym obojga Woyski prozbami, pozwolił, z tym dokładem, że iako pretko w mierze wola Je^oKMcI przydzie, oney zaraz we wszystkim skutecznie zaraz czynić mają dosic, na co się obbigowali. Commissia Kurakowska aby we wszystkich Punctach nienaruszenie trwała y we wszystkim się iey dosyc działo—— tych którzy teraz, mimo zakazy Je^oKMcI y mimo wolą starszych, na morze posli, surowo karac, Pryncipalow Je^oKMcI wydac, czołny popalic declarowali się. Tych z Woyska Je^oKMcI Zap. którzy wiary y cznoty swey statecznie przy Woysku stojąc Je^oKMcI dotrzymani y na których zaslugi respectując roznyim milosierdzie pokazuje się, aby w poszanowaniu mieli y, zapomniawszy teraz zobopolnych krzywd, w zgodzie y milosci, iako y przed tym, spolnie na łaske, Je^oKMcI za rabiając, zyli——takę przysięge oddali.

My Lewko Butr z Kaniowa, Lewko Prabnowski Kalennik z Czerkas, Hambura z Korszunia, Soroka Iwan z Zolnina, Fedor Prala z Czerkas, Kułacha Iwan z Kaniowa, na porownanie z towarzystwem naszym wybrani Towarzystwa Woyska Zap. Je^oKMcI, pod Regimentem Antoua Butsa na ten czas będącemu, imieniem wszystkich przysięgamy——będąc z Towarzystwem swym w rozroznieniu na ten czas ziednoczeni, wszystkie urazy nasze Towarzystwu przy Je^oKMcI będącemu odpusciwszy, iako y przed tym, bez wszelakiey nagany, y bratersko zawsze na sławę y przysługę Je^oKMcI robieli, y teraz——niakich przymówek y przykrosci między sobą czynić niemamy. A na kogo by się co takiego słusznie pokazało——aby kozdy taki na gardle bez folgi był karany.

Ci zas, co przy Woysku Je^oKMcI byli, w tenze sposob przez wybranych od siebie Wasyla Sokołka z Czerkas, Konstantego Wołka z Czerkas, Alexandra Switnickiego z Czerkas, Papkowskiego z Korszunia, Mikołaja Mannilenka z Steblowa, Stanisława Jabłonskiego z Lubien, FILONA z Pereasławia, Hawryła Kałuszenka z Pereasławia, Zachariasza z Tacholina, Iwana Turowca z Korszunia, Fedora Babczenka z Steblowa, przysięgli w ten sposob.

——A isz niektórych z Woyska Zap. dobrze zasłużonych za nieposłuszeństwo tey przeszley zimy z Regestru wypisano, a mniej spo-

sobnych na to miejsce włożono, — odpusciwszy im różne winy imieniem Je^oKMcI, w liczbie kozaków, iako y przed tym, bierze się. A iesliby śmiercią uplenilo się co liczby tej kurakowskiej naznaczoney, przy braniu pieniędzy zesła się tacy, którzy znioszą się z Starszemi Woyska Zap., na miejsce zmarłych sposobnych do wojny wpiszą. Teraz iednak zaden co w rejestrze nie iest nie ma się do Woyska Je^oKMcI, w Rejestrze y służbie będącego, wiązać y wszyscy ci, ktorzych się tak wielka gromada skupiła, nazad się do domow swych rozeysc się powinni, ktorym od Woyska Je^oKMcI bezpieczeństwo obiecuie.

Pana Tymosza Michalowica mając oswiadczoną cnotę, męstwo y w sprawach Rycerskich biegłość, wszystkiemu Woysku Zap. imieniem Je^oKM za starszego podaję.

Присяга старшаро:

— Tym ktorzy w służbie Je^oKMcI niebędą na Zaporozie chodzic bronieć będą; na zadne kupy ani na ochotnika, ani z rejestru wypisanych wołać y kupie przez woli Je^oKMcI nie będą, y owszem takich karać — obowiązuie się.

Присяга всего войска.

— czolny wszystkie morskie popalic; niebędących w służbie Bzptey, tak na Zaporozie iako y na włosci do siebie bez woli Je^oKMcI nie łączyc. —

Na co tedy wszystko, dla lepszej pewności, to pismo, które się Woysku Zap. daie, podpisuię przy zwyczajney Je^oMci P. Hetmana ręką swą pieczęci. To zas, co się od Woyska Zapor. bierze, przy woyskowej pieczęci podpisuią, imieniem Starszego Woyska Je^oKMcI Zap. P. Tymosza Michalowicza, Jan Bączynski, Michał Minkowski, y Pisarz woyskowy, co dla wieczney pamięci tak do Metryki iako y do Książ Kiiowskich, wwiedziono bydecz ma.

Działo się w Obozie pod Pereaslawem die 8 (?) Juniy A^oDni 1630.

XXIII.

ВЪСТИ ПУТИВЛЬЦА ГЛАДКАГО

О КОЗАКОШЛЯХЕТСКОЙ ВОЙНѢ 1630 ГОДА.

Мы обладаемъ теперь тремя свидѣтельствами о войнѣ, которой молва современниковъ и фантазія нашего вѣка придали невѣрный характеръ и несоотвѣтственное значеніе: первое представляетъ Львовская Лѣтопись, писанная однимъ изъ червоннорусскихъ священниковъ, странствовавшихъ въ эпоху самой войны по украинскимъ монастырямъ; другое находимъ въ договорѣ Конецпольскаго съ козаками; третье извлечено изъ современныхъ сношеній московскаго царя съ его пограничными воеводами.

Путивлецъ, боярскій сынъ Григорій Гладкій, былъ, такъ сказать, присяжный развѣдчикъ всего, что интересовало Москву въ Польскомъ государствѣ. Главнымъ источникомъ добываемыхъ имъ вѣстей служилъ кievскій митрополитъ Іовъ Борецкій. Настоящій документъ показываетъ, что знаменитый іерархъ былъ постоянно au courantъ всего, что происходило на пространствѣ между днѣпровскими Порогами и Варшавою. У него были въ распоряженіи люди, которыхъ онъ посылалъ въ глубину королевства для освѣдомленія о положеніи дѣлъ въ правительственной средѣ. При немъ постоянно находились запорожскіе козаки въ качествѣ размышленыхъ, а можетъ быть и тѣлохранителей, какъ это водилось тогда даже и у такихъ лицъ, которыя вели войны съ козаками. Одного запорожца, Ивана Микитенка, постоянно проживавшаго у него въ монастырѣ, онъ отправилъ съ своимъ сыномъ на службу къ московскому царю. (См. выше стр. 300.) Наконецъ, Іовъ Борецкій, присутствовалъ иногда въ козацкихъ радахъ, какъ объ этомъ упоминаетъ Григорій Гладкій.

Слѣдовало бы ожидать отъ Борецкаго какой нибудь агитаціи въ пользу войны козаковъ съ короннымъ войскомъ, которое и современный лѣтописецъ, и народная молва дѣлали орудіемъ „яровитаго католика“ Сигизмунда III по отношенію къ засѣвшей въ Украинѣ схизмѣ. И кому бы, какъ не царскому развѣдчику, ука-

зять въ своемъ донесеніи на эту черту дѣятельности Борецкаго? Скажу болѣе: кому бы, какъ не Борецкому, стремившемуся со всѣми единомышленниками своими къ центру русскаго міра, Москвѣ, подохочивать козаковъ къ возстанію противъ короля, о которомъ онъ въ своей челобитной къ царю (см. выше стр. 135) писалъ, что онъ царствуетъ надъ русью только пощущеніемъ Божиимъ? Къ удивленію нашему, ничего подобнаго въ дѣятельности Іова изъ самыхъ секретныхъ и постороннихъ ему сообщеній мы не усматриваемъ.

Но удивленіе наше тотъ часъ прекращается, лишь только мы вспомнимъ о характерѣ православія, которое, въ достойныхъ представителяхъ своихъ, не допускало и мысли, чтобы церковь могла быть поддержана кровавымъ оружіемъ. Въ этой особености заключается неизмѣримое превосходство его передъ католичествомъ. „Совѣтованіе о Благочестіи“ можно назвать знаменемъ, на которомъ было написано: „Симъ побѣдиши“. Это коллективное твореніе лучшихъ православныхъ людей, это высоко-христіанское произведеніе нашихъ гениевъ сердца, было противопоставлено ими папскимъ булламъ, которыя побуждали короля къ истребительнымъ дѣйствіямъ въ Кіевской землѣ и проклинали тѣхъ, „кто удержитъ свой мечъ отъ крови“. (Ист. Возс. Р. т. III, Стр. 71.) Въ немъ поставлялось правиломъ для духовныхъ защитниковъ церкви: „возбуждать и готовить къ святому мученичеству, какъ самихъ себя, вспоминая слова Христовы: пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы, такъ и сердца народа, и чтобы съ радостію переносили расхищеніе и разграбленіе своихъ имуществъ, и терпѣли бы, какъ за вины, притѣсненія отъ властей, а также и оковы, наконецъ, охотно, мученически принимали всякую смерть, по примѣру Господа“.

Подобная инструкция, составленная совѣтователями о благочестіи, была немислима для папы. Онъ воображалъ себя на мѣстѣ православныхъ іерарховъ среди готовата къ бою и грабежу козачества. Онъ писалъ съ увѣренностію, что греческая схизма „хитро прокралась въ козацкія рады и вооружилась силами храбрѣйшихъ воиновъ на защиту дѣла Сатаны“. Прямодушіе требуетъ сказать, что мы, въ свою очередь, мы, занимавшіеся исторіею борьбы

православія съ униєю, — воображая себя на мѣстѣ Іова Борецкаго, въ ревности своей къ отеческой вѣрѣ, низводили лучшаго изъ представителей южной руси до уровня католическихъ апостоловъ, послѣдователей раба Малха. Іовъ Борецкій, воспитанный преданіями православія, стоялъ выше нашего идеала. Онъ всю надежду относительно вѣры возлагалъ на такіе духовные подвиги, какими православная вѣра утвердилась и на Востокѣ и въ самой родинѣ его, на Днѣпрѣ и Днѣстрѣ. „Совѣтованіе о Благочестіи“, это зеркало апостольскаго духа его, заключено слѣдующими словами: „Такими поступками, и выдумки, которыя на насъ избобрѣтають, и тираннія, и униія будутъ уничтожены, лишь бы все это исполнять не словами, а самимъ дѣломъ“.

Имѣя это въ виду, мы согласимъ по видимому несогласимое въ свидѣтельствахъ современниковъ и даже очевидцевъ украинскаго междоусобія 1630 года. Іюль 26 монахи Прилуцкаго и Печерскаго монастырей говорили путивльскимъ воеводамъ: что кievскій митрополитъ Іовъ Борецкій бѣжалъ изъ Кіева отъ поляковъ въ козацкій Трахтомировскій монастырь, такъ какъ польскіе паны готовятся къ посполитому рушенію на козаковъ, чтобъ всѣхъ ихъ уничтожить, а христіанскую вѣру разоригъ и во всей Польшѣ и Литвѣ учинить одну римскую вѣру (см. выше стр. 297). Августа 4 (см. ниже, стр. 316) путивлецъ Гладкій доносилъ тѣмъ же воеводамъ: что ярибывши съ братомъ Іова Борецкаго, Андреемъ, въ Кіевъ послѣ мира, заключеннаго козаками съ Бонецпольскимъ, не засталъ онъ Іова Борецкаго въ Кіевѣ: „сбѣхалъ де онъ до ихъ пріѣзду въ Черкасы“. Бдетъ Гладкій съ Андреемъ Борецкимъ въ Черкасы къ митрополиту; застають въ Черкасахъ козацкую раду; въ радѣ присутствуетъ и митрополитъ. Упомянувъ объ этомъ, царскій вѣстовщикъ не сказалъ больше ни слова о присутствіи Іова Борецкаго въ козацкомъ собраніи. Если бы греческая слизма, какъ писалъ папа, хитро прокралась въ козацкія рады для того, чтобы вооружиться силами храбрѣйшихъ воиновъ, то Григорію Гладкому было бы о чемъ донести путивльскимъ воеводамъ. Молчаніе его въ самомъ интересномъ для насъ (съ извѣстной точки зрѣнія) мѣстѣ показываетъ, что Іовъ Борецкій былъ среди козаковъ такимъ же тихимъ слушателемъ ихъ

толковъ, какиѣмъ былъ преподобный Антоній среди варяговъ, которые тоже были храбрѣйшіе воины, и которыхъ уединенный инокъ умѣлъ покорять своему высшему взгляду на вещи. Для милостыни на церковное строеніе ѣздилъ Іовъ Борецкій въ козацкія собранія, сказано въ другомъ современномъ извѣстіи, и это было въ его положеніи совершенно естественно. Кромѣ того, ему въ Кіевѣ угрожала еще большая опасность, чѣмъ Петру Могилаѣ (см. въ Ш т. Ист. Возс. Р. стр. 102, примѣчаніе). Не впервые долженъ былъ онъ вспомнить реченное: „укрыйтеся въ малѣ, дондеже мимо идетъ гнѣвъ“, какъ писалъ онъ къ царю шесть лѣтъ тому назадъ (см. выше стр. 136), и если проектировалъ въ „Совѣтованіи о Благочестіи“ учредить епископскую кафедру въ Черкасахъ, то ужъ никакъ не для предводительства козацкими купами. Іерархи наши не только не благословляли козацкихъ предводителей на борьбу съ короннымъ войскомъ, напротивъ посылали къ нимъ игуменовъ съ увѣщаніемъ распустить козаковъ по домамъ. При извѣстіи о первыхъ побѣдахъ Хмельницкаго, высшее духовенство православное бѣжало изъ Кіева, такъ же какъ и католическое. Сильвестръ Боссовъ подчинился диктатурѣ Хмельницкаго и вступилъ съ нимъ въ совѣщанія, очевидно, избирая меньшее изъ золъ. Это явствуетъ изъ „Синописа“ Иннокентія Гизеля, въ которомъ поименованы князья варяги, князья литвины, польскіе короли и даже кіевскіе воеводы, въ томъ числѣ католики Жовковскій, Замойскій, Тишкевичъ, но пройдены молчаніемъ всѣ козацкіе гетманы, какъ будто ихъ и не бывало. Іовъ Борецкій служилъ царю московскому своими сообщеніями, готовъ былъ перейти подъ его руку со всею Малою Россією; онъ направлялъ козацкое оружіе на враговъ св. креста; но чтобы употребить его для междоусобной брани, для этого надобно было бы ему быть римскимъ католикомъ.

Въ устахъ Григорія Гладкаго, сопутствовавшего брату митрополита, козацкій вопросъ 1630 года является очищеннымъ отъ вымысловъ молвы, которую монахи ловили и передавали въ Москву безъ всякой повѣрки. Этотъ вѣстовщикъ, сидѣвшій въ перяславской осады, донесъ пограничнымъ воеводамъ, что Бонецпольскій приходилъ на козаковъ войною за ихъ непослушаніе, за морскіе походы и за то, что они убили поставленнаго имъ гетмана

Григорія Чорнаго. По возвращеніи изъ Черкасъ въ Кіевъ, тотъ же вѣстовщикъ встрѣчается съ разными „литовскими людьми“, и они сообщаютъ ему, что „большой умыселъ у поляковъ на черкасъ, чтобы имъ черкасъ побить и церкви разорить“. Но онъ получилъ на отъѣздѣ отъ Іова Борецкаго тринадцать писемъ въ Москву, и ни въ его письмахъ, ни въ какихъ либо изъ дошедшихъ до насъ его сообщеній, козаки не стоятъ между короннымъ войскомъ и православными церквями.

Обратимъ теперь вниманіе на составъ и характеръ козацкаго войска, сражавшагося противъ Конецпольскаго въ 1630 году. „Лучшіе люди“ изъ числа козаковъ дѣйствовали за одно съ короннымъ войскомъ и составляли вмѣстѣ съ нимъ 8.000 воиновъ. Противъ этихъ восьми тысячъ сражалось 37.000 своевольныхъ козаковъ. По разсказу Гладкаго, сидѣвшаго съ ними въ осадѣ, козаки побивали поляковъ во многихъ бояхъ, а въ послѣднемъ бою взяли у Конецпольскаго нарядъ, побили множество поляковъ, отняли у польскаго войска переправы на Днѣпрѣ и сожгли паромы на переправахъ. Все это слышитъ сидящій въ осадѣ путивлецъ; потомъ объявляютъ ему, что Конецпольскій съ козаками помирился, но условія мира остаются ему совершенно неизвѣстны. Между тѣмъ побѣдители принимаютъ изъ руки побѣжденнаго новаго гетмана на мѣсто того, котораго они убили, какъ врага общихъ интересовъ, а ихъ предводитель очутился во власти короля. Очевидно, что толпа взбунтованной добычниками черни шумѣла о своихъ подвигахъ для ободренія своихъ сообщниковъ, а ея коноводы приняли мѣры, чтобъ царскій вѣстовщикъ не зналъ, во первыхъ, того, какъ ничтожна ихъ сила противъ хорошо вооруженнаго, опытнаго въ бояхъ польско-нѣмецко-козацкаго войска, а во вторыхъ того, что договоромъ эти 37.000 козацкой голоты остались ни при чемъ, такъ какъ побѣдитель призналъ козаками всего 6.000 человекъ. Іовъ Борецкій былъ въ радѣ. Но изъ кого состояла радя? Она состояла именно изъ тѣхъ, которые сражались подъ знаменами Конецпольскаго и взялись исключать изъ своего состава голоту, ухватившуюся за вѣру, какъ за надежное знамя бунта. Въ черкасской радѣ по этому самому не могло быть рѣчи о вѣрѣ; дѣль ея состояла въ перебраковкѣ козацкаго войска.

Митрополитъ имѣлъ въ ней значеніе только сдерживателя грубыхъ дракъ, которыми обыкновенно сопрождались козаціи вѣча, и потому Гладкому нечего было сообщить о немъ въ Путивль. Такъ разрушается иллюзія дикаго украинскаго патриотизма, создавшаго и разукрасившаго Тарасову Ночь. Такъ разрушается и созданіе еще болѣе дикаго православничанья, которое ученымъ якобы образомъ низводило Юва Борецкаго до уровня грубаго демагога.

Но вотъ реляція путивльца Гладкаго:

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русіи холопи твои Ондриушка Литвиновъ Мосальской, Игнашка Уваровъ челомъ бьютъ.

Нынешнего, государь, 138 года августа въ 4 день пріѣхалъ въ Путивль изъ Литовской земли изъ Кіева путивлецъ сынъ боярской Григорей Гладкой, а въ роспросе намъ холопомъ твоимъ сказалъ, что въ нынешнемъ, государь, во 138 году, предъ Вознесеньевымъ днемъ, послали дѣ ево Григорья изъ Путивля воеводы Михайла Бутурлинъ да Володимеръ Ляпуновъ въ Литовскую землю въ Кіевъ къ митрополиту киевскому къ Іеву Борѣцкому зъ братомъ ево съ Ондрѣемъ Борѣцкимъ; и какъ дѣ онъ Григорей изъ Путивля поѣхалъ въ Кіевъ, а гетманъ де Конецъ Польской съ польскими людьми перешолъ на сю сторону Днепра преже ихъ и сталъ обозомъ подъ Переясловлемъ, и ему де Григорью отъ польскихъ людей поѣхать было въ Кіевъ къ митрополиту въ тѣ поры нѣможно, и онъ дѣ Григорей съ митрополичемъ братомъ съ Ондрѣемъ поѣхали къ черкасомъ въ Переясловль къ гетману и ко всему войску запорозскому. И сидѣли дѣ онѣ въ Переясловля, съ черкасы въ осадѣ отъ польскихъ людей три недѣли, и у польскихъ де, государь, людей съ черкасы въ тѣ три недѣли бои бывали многие, и на техъ де боехъ черкасы поляковъ побивали, а на последнемъ дѣ, государь, бою черкасы у гетмана Конецъ Польского въ обозе нарядъ взяли, и многихъ поляковъ въ обозе побили, и перевозы по Днепру отняли, и поромы по перевозомъ по жгли. И после де тово бою гетманъ Конецъ Польской съ черкасы помирился.

А приходилъ дѣ онъ гетманъ Конецъ Польской на нихъ черкасъ войною за ихъ непослушанья, что оне черкасы самоволь-

ствомъ ходять изъ Запорогъ моремъ подъ Турского города войною, а которого дѣ онъ прже тово гетмана Гришку Чорного далъ имъ во все войска на гетманство, и оне де черкасы тово даново гетмана Гришку войскамъ убили.

И помирся дѣ онъ гетманъ Конецъ Польской съ черкасы, и выбралъ имъ изъ нихъ же черкасъ иново гетмана, каневца Тимоху Арандаренка, и пошолъ въ Польшу. А о чомъ де у нихъ на миру договоръ былъ, про то онъ не вѣдаетъ. А было дѣ, государь, съ нимъ гетманомъ польскихъ и немецкихъ людѣй и черкасъ лутчихъ людей, которые отъ черкасъ пристали къ нимъ полякомъ восемь тысячъ, а черкасъ дѣ въ зборе противъ ево гетмана было трицать семь тысячъ.

И какъ дѣ, государь, гетманъ пошолъ отъ Переясловля въ Польшу, а черкаской дѣ гетманъ Тимоха поѣхалъ изъ Переясловля въ городъ Черкасы, и онъ дѣ Григорей после тово съ митрополитскимъ братомъ съ Ондрѣемъ поехали въ Киевъ. I въ Киевѣ дѣ онѣ митрополита Иева Борѣцкого не заѣхали: съехали дѣ онъ до ихъ приезду въ Черкасы. И онъ дѣ Григорей съ темъ же митрополитимъ братомъ съ Ондрѣемъ поѣхали изъ Киева въ городъ Черкасы къ нему митрополиту къ Иеву Борѣцкому. И какъ дѣ, государь, приѣхали онѣ въ Черкасы, i въ Черкасахъ дѣ у гетмана черкаского съ черкасы была рада, а митрополитъ дѣ киевской Иевъ Борецкой въ той радѣ былъ. А рада дѣ, государь, у черкасъ была о томъ, что приходили дѣ на нихъ гетманъ Конецъ Польской и многие дѣ ихъ черкасские города повоевалъ и жонъ ихъ и дѣтей пожогъ, и животы ихъ поималъ, и онѣ дѣ для того съ тое рады, выбравъ дву человекъ черкасъ, послали хъ королю, а пяти человекъ выбравъ, послали съ ними жъ въ Польшу провѣдывать вестей, что у пеляковъ после тово бою на нихъ черкасъ какое умышленье будетъ.

А поляки дѣ, государь, после того бою, пришедъ въ Польшу, стали около Львова и около Бару для приходу крымскихъ людѣй, что дѣ въ ихъ польскую землю пришли войною крымские люди. А черкасы дѣ после бою жъ разошлись по городомъ.

И после дѣ, государь, той черкаской рады митрополитъ киевской Иевъ Борецкой приѣхолъ въ Киевъ, а онъ де Григорей приѣхолъ

съ нимъ же въ Киевѣ; и держалъ дѣ ево Григорья митрополитъ въ Киевѣ для того, что ево отпустить было не съ чимъ: вѣстей никакихъ не было. И будучи, онъ Григорей въ Киевѣ, слышелъ отъ литовскихъ людѣй, что де турской царь прислалъ въ Польскую землю къ королю посланца своего, а о чомъ дѣ прислалъ, про то онъ нѣ ведаеть.

Да онъ же Григорѣй сказалъ: слышелъ дѣ онъ въ Киевѣ отъ многихъ литовскихъ людѣй, что де въ польской земли по многимъ городомъ разсланы листы, для того чтобы паны рада съ ежались въ Оршаву на соймъ выбирать короля на королевство, а король дѣ лежитъ въ ослабленье. И паны дѣ радные лутчие люди все хотять на королевство выбрать королѣвича Владислава, а духовной чинъ хотять на королевство выбрать меншого королевича Козимера.

И для дѣ, государь, тово сойму митрополитъ киевской Иевъ Борецкой послалъ изъ Киева въ Оршаву для провѣдыванья всякихъ вестѣй и ково Польшею оберуть на королевство королемъ, и что дѣ онъ съ сойму провѣдаеть вестѣй, и ково оберуть королемъ, и онъ дѣ митрополитъ съ тѣмъ пришлетъ въ Путивль брата своего Ондрѣя; и съ тѣмъ дѣ братомъ ево присланы будутъ въ Путивль посланцы отъ гетмана черкаского и ото всего Войска Запорожского битъ челомъ тебѣ государю и о своихъ нуждахъ.

Да онъ же Григорей сказалъ намъ холопомъ твоимъ: Говорять дѣ литовские люди, что большой де умыслъ у поляковъ на черкасъ, чтобы имъ черкасъ побить и церкви разорить.

А какъ дѣ, государь, отпущаючи ево Григорья изъ Киева митрополитъ киевской Иевъ Борѣцкой, и онъ дѣ далъ ему Григорью тринадцатъ листовъ, и тѣ листы онъ Григорей, приѣхавъ въ Путивль, отдалъ намъ холопомъ твоимъ: два листа, за глукими печатями, подписаны къ тебѣ государю царю і великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русіи и къ отцу твоему великому государю светейшему патриарху Филарѣту Никитичю московскому і всеа Русіи; одинъ дѣ листъ киевского митрополита Иева Борецкого, а другой листъ печерского монастыря архимарита Петра Могилы, да два листа, одинъ за отворчетою печатью, писанъ по польски, а другой листъ безъ печати писанъ поль-

скимъ же письмомъ. И въ Путивлѣ, государь, польскаго письма прочесть нѣкому, а сказалъ онъ Григорей намъ холопомъ твоимъ, что сказывалъ дѣ ему Григорью про тѣ листы митрополитъ Иевъ Борецкой, что тѣ листы присланы изъ Польши для сойму. Да дѣвать, государь, листовъ посыльныхъ, за глухими печатями; три листа подписаны грѣческимъ письмомъ. А сказалъ онъ же Григорей: одинъ листъ къ селужскому митрополиту Поисею, а другой къ верейскому митрополиту Авѣркею, а трѣтей къ Василью Горжбоку; да три листа подписаны суздальскому архиепископу Иосею, а листъ подписанъ Переславля Замескаго Никитиного монастыря игумену Ованасью, да листъ подписанъ игумену Генадію, да листъ подписанъ же ко Иосею протосингилу. И мы холопи твои тѣ все тринацать листовъ запечатовъ послали, къ тебѣ государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русіи съ сею отпискою вмѣстѣ съ нимъ же Григорьемъ Гладкимъ, а велѣли ему отписку и листы подать въ посольскомъ приказе твоимъ государевымъ діакомъ, думному бояину Тѣлепневу да Максиму Матюшкину.

Въ отвѣтъ на это донесеніе, отъ царя пришелъ наказъ, что когда братъ Іова Борецкаго пріѣдетъ въ Путивль, не должны воеводы ни о чемъ его разспрашивать, а тотъ часъ отправить съ товарищами въ Москву. Если съ нимъ пріѣдутъ запорожскіе черкасы изъ Литвы, и ихъ такъ точно, давъ имъ кормъ и подводы, отправить въ Москву. Воеводы доносили:

И нынѣшняго, государь, 139 году сентября въ 11 день писали къ намъ холопомъ твоимъ въ Путивль съ путивльскою заставою отъ Желѣзныхъ Колецъ головы путивльцы Федоръ Оладьинъ да Івашко Борсуковъ, что пріѣхалъ къ нимъ къ той заставѣ путивлецъ Василей Новиковъ, а въ роспросѣ имъ заставнымъ головамъ тотъ путивлецъ Василей сказалъ: что былъ дѣ онъ въ Литовской землѣ въ Киевѣ у киевскаго митрополита у Иева Борецкаго, и митрополитъ дѣ киевской Иевъ Борецкой, ему Василью сказывалъ: Отъ турецкаго дѣ царя паша съ турецкими и съ крымскими людьми стоитъ въ Волоской землѣ, а много (мѣ) дѣ съ нимъ пашею людей, тово онъ ему Василью не сказалъ. А идетъ дѣ онъ паша турецкаго царя на Польскую и на Литовскую землю войною.

И въ прошломъ дѣ, государь, во 138 году, въ Петровъ постъ, король польской послалъ къ турецкому царю пана Песецко́го о мирномъ договорѣ въ послехъ, чтобъ де турецкой царь своихъ людей не посылалъ на ево Польскую и Литовскую землю войною; а онъ дѣ польской король хотѣлъ запорожскихъ черкасъ убавить, а учинить ихъ по прежнему шесть тысячъ, и тѣхъ дѣ хотѣлъ унять, на моря подь Турского города ходить не велѣлъ.

И будеть дѣ Турской съ польскимъ королемъ помирятца, и митрополить дѣ ему Василью сказывалъ: польскимъ дѣ и литовскимъ людемъ одноконѣчно итти на твою гостдареву землю войною, а съ кемъ инянемъ и многимъ ли людемъ, и вскоре ль итти, и тово де ему Василью митрополить не сказалъ.

Да онъ же Василей Новиковъ сказалъ: какъ дѣ онъ изъ Кіева поѣхалъ въ Путивль, и на отпуске де митрополить киевской Іевъ Борѣцкой ему Василью сказалъ: какъ дѣ онъ митрополить допрама про всякие вѣсти провѣдаетъ, и онъ митрополить хотѣлъ съ тѣмъ отъ себѣ прислать къ тебѣ государю къ Москве брата своего родного Ондрѣя Борѣцкого. А листовъ онъ Василей у себя отъ митрополита къ тебѣ государю и къ отцу твоему великому государю святѣйшему патриарху Филарѣту Никитичю московскому і всеа Русіи никакныхъ не сказалъ.

Да онъ же Василей сказалъ: слышалъ дѣ онъ отъ митрополита: гетманъ дѣ Конецъ Польской съ поляки стоитъ на Ориинномъ поли отъ Волокой границы противъ турецкихъ людѣй, а много ль дѣ съ нимъ поляковъ, тово ему не сказалъ. А запорожские де козаки съ гетманомъ своимъ съ Тимошкамъ стоятъ за Днепромъ же въ Бѣлой Церкви, и въ Ботельне, и въ Белиловки, и въ иныхъ литовскихъ городехъ отъ волоского жъ рубежа. И гетманъ де Конѣцъ Польской запорожскихъ черкасъ зоветъ къ себѣ въ табуръ, и они дѣ черкасы къ нему нѣ идутъ, а блюдутца отъ поляковъ оману, чтобъ ихъ поляки не побил; и онѣ де черкасы хотять съ ними битца.

Да онъ же дѣ Василей сказалъ: что въ Киевскомъ дѣ уезде около Печерского монастыря въ Спаскомъ конце на люди морозное повѣтрее учинилось. Передъ Оспожиными заговены мерли

въ тѣхъ мѣstechъ немногие люди, а во Ржищевѣ дѣ и въ Стайкахъ за Днeпромъ многие люди вымерли. — —

XXIV.

ДОНЕСЕНІЕ КОЗАКА БУТА.

О ТУРЕЦКО-ТАТАРСКИХЪ СИЛАХЪ.

1630, августа 22.

Въ донесеніи путивальца Василія Новикова (стр. 320) говорится: что козаки, уже перебракованные согласно договору съ Концнопольскимъ, не хотятъ идти, по его приглашенію, къ нему въ таборъ; что они боятся какого то обмана отъ поляковъ и готовятся къ войнѣ съ поляками. Между тѣмъ въ нижеслѣдующей запискѣ, очевидно полученной изъ козацкаго коша и, какъ надобно думать, врученной Іовомъ Борецкимъ тому же Новикову, козацкое войско является послушнымъ коронному гетману и исполняющимъ свою обязанность. Сбираться ему въ польскій таборъ было не для чего, потому что козацкое дѣло состояло въ занятіи сторожевыхъ позицій, въ виду наступающаго издали непріятеля, котораго намѣренія не извѣстны, какъ это и представлено въ запискѣ. Къ табору же короннаго гетмана козаки примкнули бы и безъ приглашенія, когда бы непріятель приблизился и надобно было бы выдерживать напоръ его. Но въ 1630 году этого не случилось.

Року 1630 мѣсяца августа 22 дня. Рада была за Масловымъ ставомъ у Ювского(?) ставу, до которое рады гетманъ козацкій Тимофей Михайловичъ зъ Канева казалъ покликати Бута, который вышолъ зъ орды. Пытаный отъ гетмана, сказалъ, жемъ теперь утѣкъ съ подъ Змаля. Южъ на волоскомъ березе тамъ войска

турские въ полю лежать, до котораго войска цесарь прислалъ башу, и заразъ баша Кантимира казалъ стяти, и потымъ къ оному баше и до войска катергъ пришло три, на которыхъ привезено зовсѣмъ дѣлъ оправныхъ семьдесятъ, и подѣ оны дѣла послалъ по Кантимировы стада. До того тежъ повѣдѣлъ, ижъ катергъ подѣ Очаковъ пришло зѣ людомъ пятьдесятъ бѣломорскихъ. Томъ, пане гетмане, видѣлъ и то повѣдаю.

Заразъ зѣ рады въ недѣлю 25 августа, за росказанямъ гетмана коронного Конецпольского, Войско Запорозское пошло на волость осмъ полковъ. Гетманъ запорозскій зѣ гарматою станулъ въ Бѣлой Церкви. Иныя полки по мѣстахъ ажъ до волоскихъ границъ на Черномъ шляку татарскомъ залегли. А войско польское подѣ Каменецъ на Оринино поле стягается.

Сеймики септеврѣя 25 дня были, на которые король присылалъ, абы позволили на обрана новаго короля, на што жаденъ за живота его позволить не хотѣлъ. И посломъ своимъ на великомъ сеймѣ позволить не велѣли. Друга жѣ, абы поборы на запяту войску заслужоного и на зятягъ новый позволили, на што альбо на чтыри поборы, альбо на едно подымное. А больше нѣчого воеводство Киевское своимъ посломъ отъ себе позволить (не) велѣло.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

Матеріяловъ для исторіи русскаго возсоединенія заготовлено у издателя уже на нѣсколько томовъ, и I-му тому предполагалъ онъ дать объемъ побольше; но книга и безъ того запоздала выходомъ, а между тѣмъ слѣдующіе матеріалы изъ эпохи 1620-хъ переходятъ въ эпоху 1630-хъ годовъ, существенно, по своему характеру, отличную отъ предыдущей. Это заставило издателя закончить I-й томъ на 21-мъ печатномъ листѣ. Дальнѣйшіе томы „Матеріяловъ для Исторіи Возсоединенія Руси“ будутъ объемистѣе.

ПОПРАВКИ:

1. Въ III-мъ томѣ „Исторіи Возсоединенія Руси“, на страницѣ 237, вмѣсто словъ: передъ самою перелавскою войною, слѣдовало бы напечатать: послѣ перелавской войны.—Въ примѣчаніи къ стран. 2, вмѣсто док. XV, слѣдовало бы напечатать док. XVIII, а въ прим. къ стр. 5, вмѣсто док. XIII,—док. XIV.

2. Въ I-мъ томѣ „Матеріяловъ для Исторіи Возсоединенія Руси“ послѣдніе документы слѣдовало бы напечатать въ такомъ порядкѣ: XXI. Договоръ Конецпольскаго.—XXII. Вѣсти путивльца Гладкаго.—XXIII. Сынъ Верецкаго на службѣ у царя.—XXIV. Донесеніе казака Бута.

1914
27

I-й томъ „Матеріаловъ для Исторіи Возсоединенія Руси“
составляетъ

приложеніе къ III-му тому „Исторіи Возсоединенія Руси“,

НО ПРОДАЕТСЯ И ОТДѢЛЬНО.

ЕО ВСЯКОМЪ СЛУЧАѢ ЦѢНА ЕМУ 2 Р.

